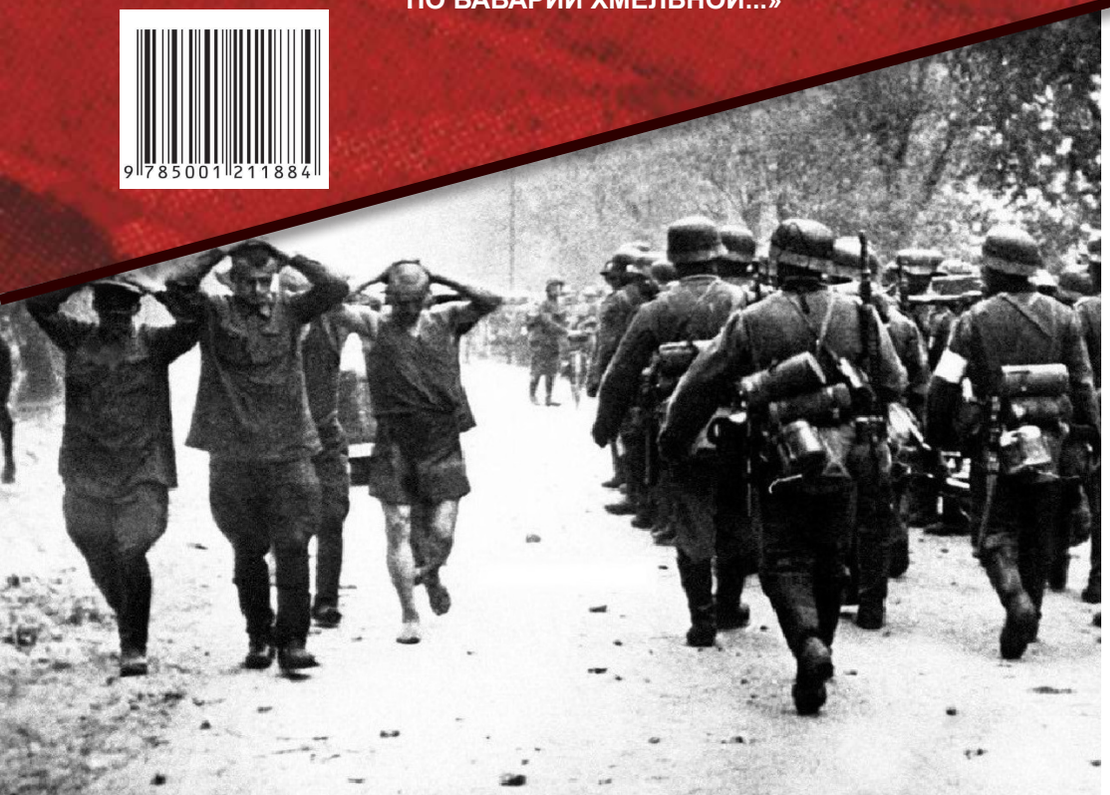
Лауреат Нобелевской премии по литературе немецкий писатель Генрих Бёлль, «освободивший немецкую душу от Гитлера», был убежден, что ответственность за преступления нацизма лежит не только на тех, кого судили в Нюрнберге, но и на миллионах немцев, которые шли за нацистами или им повиновались.

Западные бюргеры, которые этого не понимают, должны помнить, что русскому тогда хорошо, когда над его головой мирное небо. Что русскому хорошо, то немцу смерть. Когда русскому хорошо, он берет бутылку водки, жену и растапливает баню. Когда нацисту хорошо, он берет автомат, еврея и растапливает крематорий. Мы — разные, поэтому русские бани должны стоять по всей Европе, чтобы не возродились крематории...

«ПО ТЮРИНГИИ ДУБОВОЙ,
ПО САКСОНИИ СОСНОВОЙ,
ПО ВЕСТФАЛИИ БУЗИННОЙ,
ПО БАВАРИИ ХМЕЛЬНОЙ...»

9 785001 211884



Василий Лифинский

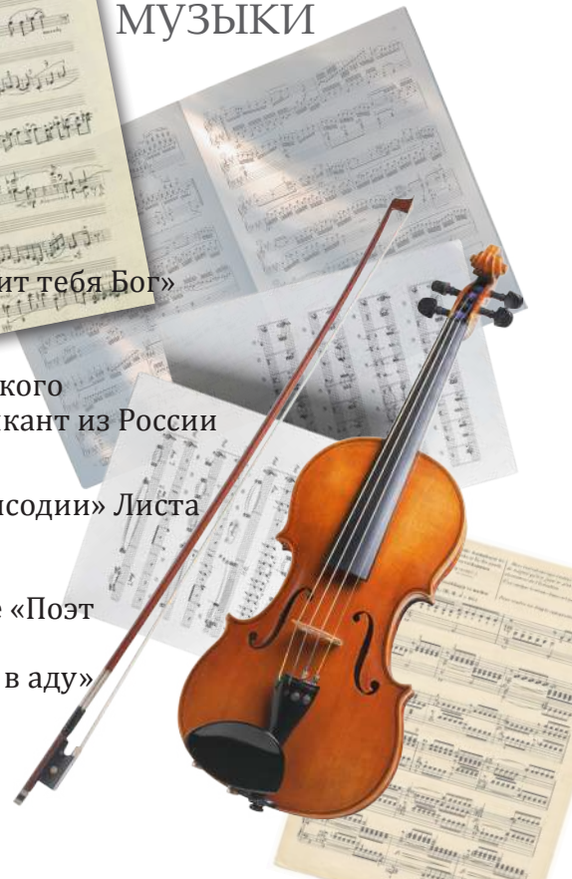
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА В ДАХАУ

Василий Лифинский

Музыкальные вечера в Дахау

«ПРОМЕНАД» ПО АППЕЛЬПЛАЦУ И ЛАГЕРШТРАССЕ

КОНЦЕРТ ЖИВОЙ МУЗЫКИ



РАСПИСАНИЕ КОНЦЕРТОВ

3 сентября 1944 года:
– старинное соло «Пусть хранит тебя Бог»
– серенада Шуберта «Почта»
– музыка из оперы «Садко»
– «Грустная песенка» Чайковского
Соло на трубе исполняет музыкант из России

10 сентября 1944 года:
– отрывки из «Венгерской рапсодии» Листа
– музыка из оперы Россини «Сорока-воровка...»
– увертюра Франца фон Зуппе «Поэт и крестьянин»
– канкан из оперетты «Орфей в аду» Жака Оффенбаха

ВАСИЛИЙ ЛИФИНСКИЙ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА в ДАХАУ

«Променад» по аппельплацу
и лагерштрассе

4-е издание, переработанное и дополненное

ЛитРес: Самиздат

Москва
2020

УДК 82-3
ББК 84(2)6
Л64

Лифинский В. М.

Л64 Музыкальные вечера в Дахау. «Променад» по аппельплацу и лагерштрассе: [Военно-историческая повесть] / В. М. Лифинский. – 4-е изд., переработ. и допол. – Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. – 345 с.

ISBN 978-5-532-06720-2

Эта книга – тяжелая, трудная, страшная, – о войне и концлагерях, о чудовищной жестокости фашизма, о стойкости и мужестве фронтовиков на войне и в плену, о тех погибших и выживших, кто ради нас не щадил своей жизни на поле боя и в гестаповских застенках. Здесь нет вымышленных героев.

В работе над книгой использованы многочисленные архивные документы и воспоминания ветеранов, познавших тяжесть кровопролитных сражений и горечь нацистского плена, от ужасов которого невозможно не содрогнуться.

ISBN 978-5-532-06720-2
© Лифинский В.М., текст, 2020
© Omiko Trading LTD, оформление, 2020

Моему отцу и его боевым товарищам, погибшим и выжившим. Мы всё помним, никто не забыт и ничто не забыто. Простите нас, что не уберегли ваши памятники в освобожденной вами Европе, пропитанной вашей кровью и удобренной пеплом ваших тел, сожженных в печах концлагерей...

Матвей Иванович Лифинский
(1915–1996)

В 1937–1940 гг. служил в действующей армии. С 1938-го по 1939 год в составе 282-го корпусного артиллерийского полка 1-й отдельной Краснознамённой армии участвовал в боях с войсками японской императорской армии в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол. В июле 1941 года мобилизован в ряды РККА, воевал в должности командира роты 873-го стрелкового полка 276-й стрелковой дивизии 44-й армии Крымского фронта. В мае 1942 года, во время ожесточённых боев на переправе под Керчью, был контужен разрывом снаряда и захвачен в плен. Прошёл тринадцать фашистских лагерей и команд, включая концлагерь Дахау. За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в боях, награждён боевым орденом и шестью медалями.

ВСТУПЛЕНИЕ

Над документальной повестью «Музыкальные вечера в Дахау» автор неустанно трудился в течение последних нескольких лет, вел переписку с организациями, музеями, архивами, включая зарубежные (Германия, США, Франция, Израиль), переводил с немецкого, английского, французского, итальянского, словенского статьи и книги, изучал исторические материалы и архивные документы, просмотрел сотни немецких карт советских военнопленных – участников Великой Отечественной войны. В результате ему удалось установить подлинные имена многих заключенных Дахау, Аллаха, Блайхаха, шталага VII А, расстрелянных в гестапо и концлагерях, проследить судьбу героев организации «Братское сотрудничество военнопленных» – одной из самых значительных организаций Сопротивления, созданной советскими военнопленными в нацистской Германии и Австрии.

Результатом напряженного кропотливого труда стала эта книга, повествующая о чудовищной жестокости фашизма, о стойкости и мужестве фронтовиков на войне и в плену, о тех погибших и выживших, кто ради нас не щадил своей жизни на поле боя, в гестаповских застенках и концлагерях.

<...>
Вся Земля содрогалась от горя,
Не щадило зверьё и детей!
Пасть чудовищная – крематорий,
Что ни день, пожирала людей.
<...>

(Галина Плахова)

Из фронтового письма Бориса Ручьёва (от 7 марта 1945 года): «Недалеко от места, где мы стоим, расположен лагерь. Лагерь уничтожения. Шесть миллионов человек было уничтожено там. Камеры, в которых людей душили газом; печи для сожжения трупов; рвы, в которые сбрасывались трупы, вернее, укладывались с немецкой аккуратностью — один ряд головами в одну сторону, другой — в другую. Рвы, доверху наполненные кровью. И во всем и

везде эта дьявольская немецкая аккуратность. Может быть, в тылу не все верят описаниям этих бесчисленных ужасов. Да и в самом деле трудно поверить, что люди, похожие внешне на нас, могли дойти до такой нечеловеческой жестокости. Но когда видишь все это, задаешь себе вопрос: кто они, эти существа, захотевшие истребить человечество? Люди ли это? Конечно, это не люди!»

Время идет, а народ все не может забыть эту войну. 1418 дней и ночей шла битва не на жизнь, а на смерть, и каждый ее час — это боль и горечь утрат, чудеса мужества, доблести и бесстрашия. Чем дальше мы уходим от этих героических и трагических лет войны, тем величественнее представляется бессмертный подвиг нашего народа и совершенный им массовый героизм. Путь к победе был обильно полит бесценной кровью наших солдат, многие из которых после войны не вернулись к своим матерям, женам и детям.

<...>
Страна моя, враги тебе грозят,
Но выше подними великой правды знамя,
Омой его земли кровавыми слезами,
И пусть его лучи пронзят,
Пусть уничтожат беспощадно
Тех варваров, тех дикарей,
Что кровь детей глотают жадно,
Кровь наших матерей...

(Муса Джалиль)

Чем дальше в историю уходит 1945 год, тем настойчивее западные страны предпринимают всё новые и новые попытки переписать историю, «переиграть» и «перевоевать» Великую Отечественную войну, пересмотреть ее причины, публикуют миллионными тиражами сфабрикованные материалы, статьи и книги.

Главная цель этих фальсификаций — подвергнуть сомнению решающую роль СССР в разгроме фашистской Германии, скрыть подлинные причины того, что война была порождена самим Западом, представить Россию «империей зла», лишить наш народ героического прошлого, чтобы отнять у него историческую память. Запад надеется, что подрастающее поколение станет носителем так называемых «западных ценностей» и «нового прочтения» итогов Второй мировой войны, где нет места достоверным историческим фактам, а все подлинное подменяется мнимым и ложным.

Актёр театра и кино Василий Лановой негодует: «Сейчас многие хотят принизить значение нашей страны в разгроме фашизма. Ладно, если это делают западные идеологи, но мерзко видеть, как наши доморощенные <...> подпевают им из конъюнктурных соображений. Эти люди посягают на святое».

Главным героем Великой Отечественной войны был советский солдат, который не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед врагом на поле боя и в фашистском плену. Г. К. Жуков высоко оценил роль советского солдата: «Кровью и потом солдата добыта

Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига».

«Никто не забыт и ничто не забыто» —
Горящая надпись на глыбе гранита.
Поблекшими листьями ветер играет
И снегом холодным венки засыпает.
Но, словно огонь, у подножья—гвоздика.
Никто не забыт и ничто не забыто.
(Алексей Шамарин)

11 апреля 1943 года в предисловии к книге «Сто писем» Илья Эренбург написал: «Конечно, война не та идеальная школа, о которой мы мечтали. Война нам навязана жестоким и безнравственным врагом. Для фашистов война — высшее достижение культуры. Мы не идеализировали и не идеализируем войну. Война — тяжелое дело... Но в то же время на войне люди многое приобретают. Они начинают по-новому ценить лучшие человеческие чувства. Нигде нет такой дружбы, как в окопе. Нигде не увидишь столько самоотверженности, как на поле боя».

Многие талантливые писатели считали своим долгом оставить потомкам правду о самой страшной и жестокой в истории войне. Большинство из них были фронтовиками, не понаслышке знавшими окопную правду. В отличие от некоторых бездарных нобелевских окололитературных «пророков», вещающих свои фальшивые творения кондовым косным языком, фронтовики честно и талантливо рассказывали суровую правду о войне: Виктор Астафьев («Прокляты и убиты», «Пастух и пастушка»...); Юрий Бондарев («Горячий снег», «Батальоны просят огня», «Последние залпы»...); Владимир Богомолов («В августе сорок четвёртого», «Иван»...); Василь Быков («Альпийская баллада», «Журавлиный крик», «Мертвым не больно»...); Борис Васильев («А зори здесь тихие...», «Завтра была война», «Не стреляйте в белых лебедей»...); Борис Полевой («Повесть о настоящем человеке»...); Константин Симонов («Живые и мёртвые», «Дни и ночи»...); фронтовой корреспондент Совинформбюро, газет «Правда» и «Красная Звезда» Михаил Шолохов («Они сражались за Родину», «Судьба человека»...).

«Говорят, война не кончается, пока жив хоть один её солдат. Но и через столетия люди будут помнить те страшные и великие годы – 1941, 1942, 1943, 1944, 1945...» (Илья Эренбург). Народная мудрость гласит, чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Время безжалостно, стремительно уходят последние фронтовики, не оставив даже написанных от руки несколько страниц воспоминаний. Сейчас, как никогда, становится бесценной любая солдатская правда о войне. Всем недругам России, искажающим эту правду и в очередной раз пытающимся поставить наш народ на колени бесконечными «санкциями», хотелось бы процитировать слова безымянного автора:

Мы — русские!
И пусть навек запомнит враг,
Что лишь тогда встаем мы на колени,
Когда целуем русский флаг!

О Великой Отечественной войне, ее истории, итогах и уроках на сегодняшний день создана обширнейшая литература: историческая, мемуарная, научная, художественная. Повесть «Музыкальные вечера в Дахау», написанная на основе многочисленных архивных документов, воспоминаний фронтовиков и других достоверных данных, пополняет список этой литературы.

Трудно не согласиться с мнением волгоградских редакторов (Л. Фенькина, Е. Машкова) и других рецензентов, которые высоко оценили произведение автора: «Обилие фактологического материала, исторических справок, логическое и последовательное изложение событий, безоценочность в подаче информации и обширное освещение фактов военной истории позволяет говорить о том, что автор выдержал все основные каноны создания рукописи, сумел переплавить в единое целое разрозненные факты из отечественных и зарубежных изданий, полностью раскрыл заявленную тему.

Ретроспектива военных событий впечатляет своей масштабностью, уровнем и глубиной изучения истории вопроса. Благодаря большой работоспособности, целеустремленности, настойчивости и высокому профессионализму, автору удалось приоткрыть одну из самых страшных, трагических и героических страниц истории. Он также весьма органично связал трагические события минувшего века с днем сегодняшним: нынешняя ситуация на Украине является прямым следствием потери исторической памяти. И в этом отношении все то, о чем говорит автор, может служить эффективнейшим средством ее восстановления: ни один здравомыслящий человек не сможет без содрогания читать о том, что творили представители «цивилизованнейшей» нации на оккупированных территориях. Выход книги в свет станет значительным событием для всех патриотов России».

Документальная повесть «Музыкальные вечера в Дахау» — произведение, которое, безусловно, представляет собой историческую и культурную ценность, как для широкого круга читателей, так и особый интерес для военных экспертов, историков, архивистов и музейных работников.

М. Ю. Стрельцова
г. Москва

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ ВРЕМЕНИ

Вместо предисловия

Безумие думать,
что злые не творят зла.

Марк Аврелий

В XIX в. немецкий философ и мыслитель Фридрих Ницше пафосно заявил: «Я ненавижу людей, не умеющих прощать». Столь противоречивое и парадоксальное изречение («ненависть» и «прощение» в одной короткой фразе) принадлежит человеку, учение которого о «сильной личности» и культе «сверхчеловека» впоследствии использовали идеологи фашистской Германии для оправдания уничтожения миллионов людей. «Бог умер! Этот Бог был вашей величайшей опасностью! – восклицает Ницше в своем труде «Так говорил Заратустра» и добавляет: – Теперь сверхчеловек становится господином!» Если Бога нет, то все дозволено (Ф. М. Достоевский). Не в этом ли кроется одна из разгадок, дающая ответ на вопрос, который задает себе каждое поколение в Германии (и не только в ней): почему Гитлера в чудовищных преступлениях поддержал «массовый» немец?

22 июня 1941 г. Гитлер вероломно напал на Советский Союз, «а народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи». Под сапогом вермахта оказались Прибалтика и Белоруссия, Украина и Молдавия, западные и южные области России, на территории которых фашисты установили так называемый новый порядок, основы которого изложили в «Памятке немецкого солдата»: «...ты сделан из немецкого железа. У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки. Ты — германец! Как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоем пути. Думай всегда о фюрере, и ты победишь! Тебя не возьмет ни пуля, ни штык. Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир» («Памятка» обнаружена

у лейтенанта Густава Цигеля и процитирована И. В. Сталиным 6-го ноября 1941 г. в докладе по случаю 24-й годовщины революции).

По всей Европе, как метастазы, стали распространяться фашистские концлагеря, опутавшие колючей проволокой все оккупированные страны. На территории Третьего рейха в конце войны насчитывалось более 1100 нацистских лагерей, через которые прошли 18 млн человек, 12 млн из них погибли. Только один лишь концлагерь Дахау во время войны вырос до гигантских размеров, создав вокруг себя около 120-150 различных филиалов, внешних команд и лагерей. А сколько еще таких «фабрик» и «конвейеров» смерти было в Германии и за ее пределами?!

«Дорогой на небо» нацисты называли проход в сотню метров, который отделял пункт прибытия заключенных от пункта «убытия» в газовые камеры и кремационные печи Треблинки. Трудно, почти невозможно поверить в то, что эсэсовцы несколько тысяч узников из трех — пяти ежедневно прибывающих железнодорожных составов выгружали, раздевали и убивали всего за 10-15 минут. Председатель Международного военного трибунала на Нюрнбергском процессе Лоренс: «Вы хотите сказать, что проходило только 10 минут с того времени, когда их сгружали с поездов, до того времени, как их отвозили в газовые камеры?» Ройзман: «Я уверен, что у мужчин это занимало не более 10 минут». Л. Н. Смирнов: «Включая и раздевание?» Ройзман: «Да. Вся процедура — раздевание и путь в газовую камеру — продолжалась для мужчин 8-10 минут, для женщин — 15 минут» (International Military Tribunal, vol. 8, p. 324–329).

Ненавидел бы Ницше этих умерщвленных нацистами узников, ушедших в вечность, так и не успев простить своих палачей? Вопрос риторический... Имя известного философа упомянуто также для того, чтобы обратить внимание на патологический фанатизм немецкого народа, о котором Ницше писал: «Немцы — их называли некогда народом мыслителей: мыслят ли они еще вообще? Этот народ самовольно одурял себя почти в течение тысячи лет. Определение германцев: послушание. Куда бы ни простиралась Германия, она портит культуру. Я страдаю от того, что мне приходится писать по-немецки. Общение с немцами унижает... Одаренность славян казалась мне более высокой, чем одаренность немцев».

Из показаний бывшего заключенного Дахау № 25 656 (Нюрнберг, 1946 г.): «Я, Франц Блаха, заявляю, что видел, как людей вталкивали в печь тогда, когда они были еще живыми, кричали, дышали и сопротивлялись. Если они слишком шумели, их оглушали ударом по голове» (International Military Tribunal, vol. 5, p. 167).

Из протокола судебного заседания по делу о злодеяниях, совершенных в концлагере Заксенхаузен (Берлин, 1947). Прокурор: «...сами вы тоже стреляли?» Вильгельм Шуберт, надзиратель: «Так точно, 636 русских военнопленных я убил своими собственными руками». Прокурор: «Какие награды вы, подсудимый Шуберт, получили за вашу чудовищную жестокость?» В. Шуберт: «Я получил крест за военные заслуги второго класса с мечами!»

Из стенограммы допроса свидетеля М. К. Вайяк-Кутюрье, французской узницы концлагерей Освенцим и Равенсбрюк, на Нюрнбергском процессе 28 января 1946 г.: «Трудно дать точное представление о концентрационных лагерях, когда лично сам в них не побываешь, так как можно только привести примеры зверского обращения, но невозможно дать почувствовать эту убийственную рутину существования. Когда спрашивают, что являлось самым ужасным, невозможно на это ответить, так как все было ужасным: ужасно умирать от голода, от жажды, быть больным, видеть, как умирают вокруг товарищи, и не иметь возможности что-либо сделать. Ужасно думать о своей стране, о своих детях, которых никогда больше не увидишь. Иногда наступали такие моменты, когда мы сомневались, не кошмар ли это, так эта жизнь по своему ужасу казалась нам нереальной...

Однажды ночью нас разбудил страшный крик, и на следующее утро мы узнали от людей, которые работали при газовой камере, что накануне газа не хватало и поэтому еще живых детей бросали в топки кремационных печей...

Так было всюду, в Освенциме и в Равенсбрюке. А те, которые были в других лагерях, рассказывают то же самое, всюду систематически проявлялась беспощадная воля к тому, чтобы использовать людей в качестве рабов и, когда они больше не в состоянии работать, убивать их» (International Military Tribunal, vol. 6, p. 203–230).

Лечит ли время послевоенные раны или только притупляет боль? Все ли прощается или есть такая вина побежденного, которая превысила бы милосердие победителя? Всегда ли народ прав или народ — это всего лишь «человеческая пыль», «атомы человечества»? Любой культ, будь то культ всепрощающего гуманизма, культ веры во всемогущество человеческого разума и «сверхчеловека» или культ целого народа («народ никогда не ошибается», «народ — носитель правды»), — заблуждение, ведущее к незаслуженному почитанию. Примеров в истории достаточно, как и навязчивых попыток оправдать, простить и предать забвению преступления нацизма.

Ф. М. Достоевский считал, что «каждый человек несет ответственность перед всеми людьми за всех людей и за все». Международным правом за военные преступления установлена как личная, так и командная ответственность. Немецкие историки Ю. Хабермас, К. Ясперс, Т. Адорно, Х. Аренд, Ю. Кокка, Х. Моммзен считают преступления нацизма беспрецедентными, поэтому вина за них лежит не только на Гитлере и лидерах Третьего рейха, но и на каждом немце. Проблема «вины нации» в результате спора историков ФРГ была разрешена в пользу личной вины каждого немца за совершенное преступление и коллективной ответственности немецкой нации за все преступления нацизма, которая лежит на потомках живших в то время людей. Таким образом, историки пришли к заключению, что понятие ответственности актуально для всей нации и всех поколений (Рулинский В. В. «Спор историков» в Германии // Вестник славянских культур. – № 1, март 2013).

Совет Министров — Правительство РФ 4 ноября 1993 года приняло постановление «Об образовании Фонда взаимопонимания и

примирения». Цель Фонда, на первый взгляд, благая — оказание материальной помощи лицам, пострадавшим от нацистских преследований, но идея, заложенная в его названии, вызывает недоумение и вопросы. «Взаимопонимание»? Что или кого на «взаимной» основе надо понять? Немцы должны нас понять и простить за то, что мы вынуждены были защищаться во время войны? А может быть нам за это еще и покаяться? «Примирение»? С чем или с кем необходимо примириться? Примириться с нацией, на совести которой кровь 27 миллионов советских людей? Понять нацизм и с ним примириться, как это делают США, Канада, Украина и «коллективный Запад», переписывающий историю, чтобы поставить под сомнение итоги Второй мировой войны и всю систему международных отношений?

На Западе десятилетиями раздаются голоса, включая голоса «видных» немецких историков (Э. Нольте, А. Хильгрубер, К. Хильдебранд и др.), утверждающие, что «Освенцим был ответом на архипелаг ГУЛАГ», а война Третьего рейха против СССР со стороны Германии носила «превентивный и оборонительный характер», «велась в интересах европейских стран и была войной правильной и справедливой». «Доблестная» немецкая армия самоотверженно защищала Европу и население рейха от «большевистского потопа», при этом «страны Запада сделали ошибочную ставку на сотрудничество с Советским Союзом вместо того, чтобы выступить единым фронтом с Германией против коммунистического режима».

Не прошло и шести лет со дня образования Фонда взаимопонимания и примирения, как Североатлантический блок начал хладнокровно бомбить Югославию. Под ударом оказались многие военные и гражданские объекты, включая иностранные посольства, школы, больницы. Шокирует не только сам факт варварских бомбардировок в центре Европы, но и их полная безнаказанность, которая впоследствии развязала руки бандеровской власти и спровоцировала полномасштабные боевые действия на востоке Украины. Не менее шокирующее лицемерие Запада проявилось в скрытой военной, а зачастую и в явной политической поддержке украинских националистов, нагло бесчинствующих в Киеве, проливающих кровь жителей Донбасса, заживо сжигающих людей в Одессе. Стоит ли после этого так уж настойчиво призывать наш народ к «взаимопониманию и примирению» с теми, кто финансирует и вооружает экстремистов и радикалов по всему миру?

На заседании 3-го комитета 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 ноября 2014 года принята резолюция о борьбе с героизацией нацизма. Проект резолюции представила Россия, соавторами документа выступили около 40 государств. Проект поддержали 115 из 193 стран — членов ООН. Против резолюции выступили США, Канада и Украина. Страны ЕС от голосования воздержались.

Резолюция призывает все страны принять более эффективные меры по борьбе с героизацией нацизма. Демарш, устроенный в Нью-Йорке рядом западных государств, нельзя трактовать иначе как реальную угрозу миру и начало обратного отсчета времени до тридцатых годов прошлого века. Колокольный таймер, запущенный

осенью 2014 года США, Канадой и Украиной при молчаливом согласии стран Европейского Союза, продолжает настойчиво бить в свой зловещий набат, приближая мир к грядущему Армагеддону. В ряде государств не так уж фантастичны и призрачны опасения прихода к власти неонацистов и новых господ «высшей расы», которые объявят перед строем о «новом порядке»: «Вы приехали сюда не в санаторий, а в концентрационный лагерь, из которого выход только один — через трубу крематория».

Истинные причины отказа США, Канады и Украины осуждать нацизм не так уж и трудно понять. В Северной Америке живет огромное число эмигрантов — потомков бывших нацистов и украинских националистов, мечтающих о старом «новом порядке» и голосующих за него своими банковскими книжками. Сильные мира сего уже однажды обожглись, заигрывая с фашизмом и нацизмом в первой половине прошлого столетия, и получили невиданную по масштабам жертв войну.

Джон Кеннеди в одном из своих выступлений произнес: «Либо человечество покончит с войной, либо война покончит с человечеством». Но, как мы видим, история учит, что она ничему США не учит, иначе как понять отказ этой страны осудить героизацию нацизма? Искажение правды о войне, стирание памяти и забвение имен погибших, извращение Западом исторических фактов — это начало конца и прямой путь к возрождению концлагерей и крематориев. Чем чаще западные политики будут призывать к пересмотру итогов Второй мировой войны, навязывать всему миру свое видение и понимание нацизма, стараясь гримировать и ретушировать его преступления, тем чаще и громче необходимо говорить об этом и помнить изречение, приписываемое Йозефу Геббельсу: «Отними у народа историю — и через поколение он превратится в толпу, а еще через поколение им можно управлять, как стадом».

Бывшие австрийские узницы Освенцима Ф. Мали и Ю. Гермине в своей книге «Да здравствует жизнь!» негодуют: «Многие реакционеры открыто и без зазрения совести выступают в защиту гитлеровского фашизма, поддерживают и финансируют разного рода печатные издания, которые утверждают, что на Третий рейх незаслуженно клевещут, а все, что касается лагерей смерти, является чистейшей ложью. И то, что еще живы узники концлагерей, по их мнению, лишь доказывает, что никакого массового уничтожения людей не было.

Поощряется деятельность правоэкстремистских организаций, их щедро финансируют, толкают на всякого рода акции, подобные тем, что проводили нацисты. В программах правых движений содержится завуалированное прославление войны, которая представляется как некий ритуал, как "святое" дело, как кара "врагов"».

Западным любителям извращать и переписывать историю, постоянно грозить России и бесконечно вводить санкции против нее, обвиняя во всех смертных грехах, процитирую слова великого Пушкина:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
<...>

И ненавидите вы нас…
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
<…>
Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
<…>
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Самое сильное оружие в борьбе с нацизмом и фашизмом — память. Самое страшное зло — равнодушие и молчание. Когда-то весь мир облетели слова немецкого пастора М. Нимёллера, бывшего узника Заксенхаузена и Дахау: «Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не коммунист. Потом они пришли за социал-демократами, я молчал, я же не социал-демократ. Потом они пришли за профсоюзными деятелями, я молчал, я же не член профсоюза. Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не еврей. А потом они пришли за мной, и уже не было никого, кто бы мог протестовать».

Все меньше и меньше остается тех ветеранов, кто в полной мере на себе испытал все ужасы войны. Но живы мы, их дети, внуки и правнуки, и мы должны сохранить все то, что нашим отцам и дедам помогло в «испепеляющие годы» остаться людьми, выстоять в нечеловеческих условиях и победить.

До глубины души трогают слова писателя-фронтовика Виктора Астафьева: «На исходе лет вдруг обнаруживаешь: что и было-то в твоей жизни, чем можно гордиться и о чем печалиться, это она — война. Там, только там фронтовик-окопник познал подлинную, высокую цену крови и жизни, там, и только там, постиг он величие братства, бескорыстной дружбы… И самая большая боль, самое горе горькое — что от усталости военной, от надсады послевоенных лет мы не удержались сами на той нравственной высоте, которой достигли на войне и которую сами себе сотворили… И самое гнетущее, что мы детей наших и внуков не смогли поднять до нашей духовной высоты, братской солидарности, товарищества, которые объединили и спасали нас на краю гибели…

Но когда за нами захлопнется дверь и тихо станет на земле… почаще вспоминайте: это мы, недоучившиеся, не успевшие изведать любви, не познавшие многих радостей жизни, вытерпевшие такое неслыханное страдание… принесли мир на землю, уберегли её от кровожадных безумцев… На благодарность не рассчитываем, но на справедливую, честную память мы, битые войной и мятые послевоенной жизнью солдаты, надеяться имеем право. Хотя бы ее-то мы заслужили».

В. Лифинский

Тот, кто видел, как на кровь расстрелянных заключенных с неба падает пепел сожженных, знает часть правды. Всю правду о нацистских лагерях унесли с собой дети, брошенные в печь крематория живыми.

Автор

Лифинский Матвей Иванович
1915 - 1996

Глава I

Лехфельд

Знаете ли вы имя хотя бы одного человека, убитого лично Гитлером? Руки по локоть в крови у миллионов «добропорядочных» немцев, сотворивших Гитлера, поклонявшихся Гитлеру и обожествлявших Гитлера. Военные преступники, прикрываясь приказами, всегда трусливо прячутся за спину главного военного преступника, что также является преступлением и явной попыткой избежать заслуженного наказания.

В. М. Лифинский

Одна из красивейших долин Германии, протяженностью в несколько десятков километров, пролегает на юго-западе Баварии. Со времен Римской империи здесь проходили сражения, самое знаменитое из которых, получившее название битвы при Лехфельде, состоялось у реки Лех в X веке. Германские племена во главе с королем Оттоном, впятеро уступая противнику по численности, в 955 году разгромили вторгшихся в Центральную Европу кочевников — венгров, остановив угрозу христианству со стороны варваров. Часть попавших в плен врагов по приказу короля Оттона казнили, остальных ратников, лишив ушей и носов, отправили на все четыре стороны, поскольку их негде было размещать.

Первые лагеря для военнопленных в Лехфельде появились в конце 60-х гг. XIX в. Строительство лагеря на 10 000 человек началось в 1867 г., однако лагерь для 9000 пленных был построен лишь только в 1870 году, а железнодорожный вокзал в Лехфельде был сдан в 1877 г. В течение десяти лет (1900–1910) вдоль железной дороги были возведены новые

населенные пункты и лагеря. В 1912 г. с военного аэродрома Лехфельда стали взлетать первые самолеты. Вся система лагерей в Лехфельде во время Первой мировой войны была готова к приему 20 000 военнопленных.

С 1914-го по 1945 год немцы педантично и неустанно оттачивали свое мастерство по использованию «человеческого материала» в неволе, доведя его к сороковым годам до патологического совершенства, вершиной которого стали концентрационные лагеря. Идеи о концлагерях, как и планы по «окончательному решению еврейского вопроса», вынашивались в Лехфельде. Именно Лехфельд стал той отправной точкой, с которой началась политическая карьера Адольфа Гитлера.

После вступления Германии в Первую мировую войну в августе 1914 года военное министерство Германии в соответствии с Гаагской конвенцией 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны» разработало «Положение о размещении военнопленных». Этот документ регулировал правила содержания, медицинского обслуживания и использования труда пленных офицеров, унтер-офицеров и солдат армий Антанты. В первые годы войны неподготовленность военных ведомств Германии к приему огромного количества военнопленных привела к высокой смертности, в основном среди русских военнопленных. По сведениям военного министерства Германской империи, к началу января 1919 г. 66 200 российских военнопленных умерли от ран и болезней, 453 — покончили жизнь самоубийством.

Лагеря для военнопленных в Баварии были построены в начале Первой мировой войны в городах Лехфельд, Гермерсхайм, Байройт, Пуххайм, Графенвёр и Ингольштадт. В декабре 1916 года численность пленных в Германии достигла 1440 тыс. человек, из них 87 тыс. в Баварии, в том числе 565 русских офицеров и 54 тыс. нижних чинов. Во время Первой мировой войны, по данным королевского баварского армейского корпуса (Мюнхен), в Лехфельде содержалось около 10,5 тыс. военнопленных.

Самые знаменитые узники Ингольштадта (Бавария) в XX веке — это будущий президент Франции Шарль де Голль и будущий Маршал Советского Союза Михаил Тухачевский. Если о пребывании де Голля в плену сохранились немногочисленные свидетельства, то о нахождении подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка М. Н. Тухачевского в Ингольштадте и Лехфельде неизвестно практически ничего

— материалы об этом периоде жизни маршала хранятся в архивах Германии.

Тухачевский до Ингольштадта побывал в нескольких лагерях, о чем можно судить по досье на него, хранящемся в Баварском военном архиве. В лагере Штральзунд он получил 6 дней ареста за конфликт с надзирателем; за попытку к бегству военный суд Галле 16 мая 1916 года приговорил его к трем неделям «домашнего ареста». В лагере Бад-Штюр Тухачевский получил 14 дней «домашнего ареста» за отказ следовать служебным распоряжениям дежурного офицера. Еще 14 дней ареста — за «недозволенное отдаление от предписанного местонахождения» (попытка к бегству).

В Ингольштадте, куда подпоручик Тухачевский прибыл 18 ноября 1916 года из Бад-Штюра, его товарищем по форту IX был среди прочих капитан Шарль де Голль. Дружба Тухачевского с де Голлем была закономерной, так как их, несомненно, объединяли острое переживание происходящего, стремление к активной деятельности, широкий кругозор и уверенность в себе (Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. — М.: Изд. дом «Огонек», 2005).

За время пребывания в германском плену Тухачевский неоднократно совершал побеги. После одного из них он был пойман и помещен в лагерь Лехфельд для рядовых солдат, поскольку назвался вымышленным именем и скрыл свое офицерское звание. Лишь пятый по счету побег оказался успешным.

В соответствии с действовавшими в то время международными договорами воюющие стороны должны были платить за содержание своих солдат, оказавшихся в плену. Причем питание, одежда и кров пленных не должны были быть хуже, чем у солдат пленившей их армии. Это давало надежду получить в обмен такое же отношение к своим солдатам со стороны противника.

Простые солдаты работали на полях местных крестьян или на заводах и фабриках. Офицеры от обязанности работать были освобождены, им также разрешалось выходить на прогулку за пределы лагеря в сопровождении надзирателя.

Покидающий лагерь офицер должен был письменно заявить, что он не воспользуется своей прогулкой для побега. Стандартный бланк этого документа был следующего содержания: «Заявление. Я даю свое честное слово, что в случае моего участия в прогулке, во время самой прогулки, то есть с выхода из лагеря и до возвращения в него обратно,

не совершать побега, во время прогулки следовать всякому распоряжению конвойных и не совершать никаких действий, угрожающих безопасности германского государства. Я знаю, что на основании параграфа 159 свода военных законов о наказаниях военнопленный, совершивший побег, несмотря на данное честное слово, подвергается смертной казни» (Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, т. 1, von 1918, «Erklerung», s. 5).

Любопытно, что подпоручик царской армии Михаил Тухачевский всё-таки не нарушил своего офицерского слова, в пятый раз сбежав из плена в августе 1917 г. Чтобы объяснить свой поступок и доказать незапятнанность кодекса офицерской чести и морали, воспитанной на идеалах XIX в., будучи дворянином, он оставил письмо на имя начальника лагеря: «Милостивый государь! Я очень сожалею, что мне пришлось замешать Вас в историю моего побега. Дело в том, что слова не убегать с прогулки я не давал. Подпись моя на Ваших же глазах и в присутствии французского переводчика была подделана капитаном Чернивецким, т. е. попросту была им написана моя фамилия на листе, который Вы подали ему, а я написал фамилию капитана Чернивецкого на моем листе. Таким образом, воспользовавшись Вашей небрежностью, мы все время ходили на прогулки, никогда не давая слова. Совершенно искренно сожалею о злоупотреблении Вашей ошибкой, но события в России не позволяют колебаться. Примите уверения в глубоком почтении. Подпоручик Тухачевский, 10.08.1917» (Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, т. 1, von 1918, «Flücht», s. 6).

После заключения перемирия правительства стран Антанты направили властям Германии ноты протеста и обвинили Германию в нарушении норм международного права в лагерях военнопленных. Новое правительство Германии (Совет Народных Уполномоченных) 30 ноября 1918 года создало комиссию по расследованию претензий стран Антанты.

2 мая 1918 г. в местечке Грефельфинг, на окраине Мюнхена, были расстреляны 52 русских военнопленных за то, что не смогли разъяснить на немецком языке, почему находились на территории Баварии с оружием в руках. В декабре этого же года в лагере Саган по колонне русских узников охрана применила оружие.

Комиссия, на основании ноты правительства Испании, провела расследование случаев убийства русских военнопленных в лагере Саган 21 декабря 1918 года (Королевство

Испания в период Первой мировой войны было протектором русских военнопленных). В ходе расследования выяснилось, что 21 декабря 1918 года около 2000 русских военнопленных в лагере Саган, взяв с собой личные вещи и подняв знамя России, направились к выходу из лагеря. Вооруженная охрана, поднятая по тревоге, применила оружие, несмотря на категорический запрет. В результате четверо русских военнопленных были убиты, десять ранены, двое из них впоследствии умерли. 17 июля 1919 года вторая судебная палата признала нарушение норм международного права со стороны немецких военных властей, а также ответственность правительства Германии за этот инцидент.

Удивительно, но в немецких лагерях того времени бесперебойно работала почта, что подтверждает письмо Алексея Гавриловича Белоусова, младшего унтер-офицера, отправленное в д. Княжна Казанской губернии (Германия, лагерь Лехфельд, № 5406): «7 января. Здравствуйте, любезные родители, Папаша и Мамаша. Посылаю вам нижайшего почтения и желаю быть здоровыми. Еще я кланяюсь супруге Екатерине Сергеевне с дочерью Аннушкой. Шлю вам нижайшее почтение и желаю всего хорошего. Затем уведомляю: получил от вас 2 письма. Если возможно, пускай учится в школе дочь моя. До свидания. Я жив и здоров. И вам желаю» (ГА РМЭ, ф. Р-4, оп. 1, ед. хр. 47, л. 132).

Немецкий историк Кристиан Штрайт в своем исследовании судеб русских и советских военнопленных в кайзеровской Германии и Третьем рейхе приводит следующие сравнительные данные: в годы Первой мировой войны в лагерях военнопленных кайзеровской Германии от голода и болезней погибло 3,5% всех захваченных в плен солдат и офицеров армий ее западных противников. Соответствующее число погибших пленных — военнослужащих царской русской армии, а затем и Красной Армии — достигло 5,4% их общего числа. В годы Второй мировой войны процент умерших или расстрелянных в нацистской неволе английских, американских и канадских военнопленных возрос по сравнению с Первой мировой войной на 0,1%, а число загубленных фашистами военнопленных — граждан Советского Союза увеличилось более чем в 10 раз и достигло 57,8% от общего числа пленных.

Необходимо помнить эти сравнительные данные, прежде всего потому, что в западной историографии и публицистике наблюдается тенденция к пересмотру итогов Второй

мировой войны и непреложной истины, что война была порождена самим Западом, а также настойчиво внедряется в сознание западного обывателя «толерантное и гуманное отношение» нацистской Германии к советским военнопленным, при этом значительно преуменьшается число их жертв.

В ходе международного судебного процесса в Нюрнберге установлено: на 30 ноября 1942 года в германской военной экономике было занято 7 млн иностранцев, включая военнопленных. В 1943 году в Германию дополнительно завезено 1,5–2 млн иностранных рабочих, в 1944 году — 900 тыс. В ходе перекрестного допроса генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Фриц Заукель уклонился от ответа на вопрос, какое количество иностранных рабочих было завезено в годы войны в Германию и сколько военнопленных было вовлечено в обслуживание германской военной экономики. Однако он вынужден был подтвердить, что к концу войны в Германии оставалось 5 млн иностранных рабочих, не считая военнопленных.

Общее число погибших остарбайтеров и военнопленных в нацистской Германии трудно поддается даже приблизительному подсчету. Массовая гибель советских военнопленных в ноябре — декабре 1941 г. и январе — феврале 1942 г. от голода, болезней, ранений стала обычным явлением во всех лагерях, созданных военным командованием Германии. Так, в начале ноября 1941 г. в заранее подготовленный для размещения людей Берген-Бельзенский лагерь доставили 14 тысяч советских военнопленных. В первые дни там ежедневно умирало по 70–80, а в последние дни ноября — по 150 человек. К началу весны следующего года лагерь почти полностью вымер.

Даже в Освенциме смертность среди советских военнопленных в первые месяцы 1942 года превзошла по численности смертность среди еврейских заключенных.

«Из 230 000 всех пленных англичан и американцев в течение всей войны умерло 8348 человек, или 3,6%. Смертность советских военнопленных составляла 57%» (Streit Christian, Keine Kameraden, p. 293).

Со времен победоносной войны вермахта на Западе в нацистских лагерях находилось множество военнослужащих европейских стран. Поскольку они были европейцами, а не советскими «недочеловеками», их содержали практически в идеальных условиях. Военнопленные получали регулярную помощь от Красного Креста, переписывались с родными.

Проблем с питанием военнослужащие европейских стран также не испытывали: «Их шкафчики были полны еды, а плитки шоколада они просто не успевали съедать»... В некоторых лагерях имелись даже площадки для занятий физкультурой и теннисные корты, а также парк для прогулок, обнесенный, правда, колючей проволокой. И уж чтобы никто не мог упрекнуть Германию в невыполнении международных законов и обычаев войны, верховное командование вермахта (ОКВ) выделяло деньги на специальное обучение слепых британских военнопленных (Шнеер А. Плен).

«Изображение больших каникул» (Imagesdes Grandes Vacances) — именно так назвал свой фотоальбом, посвященный почти пятилетнему пребыванию в немецких лагерях, бывший французский военнопленный Франсис Амбриер. Для большинства западных военнопленных пребывание в плену оказалось именно такими «каникулами», куда более безопасными, чем пребывание на фронте, что подтверждает соответствующая статистика (Ambriere F. // Paris, 1950).

Когда в этот «маленький рай» привозили советских «недочеловеков», западные пленные испытывали настоящий шок. Кто бы мог подумать, что столь «цивилизованные и благородные немцы» могут так поступать с людьми?

Из свидетельских показаний француза Поля Розена на Нюрнбергском трибунале: «Я не могу рассказывать здесь обо всех этих несчастных русских, выживших в Раве-Русской, не испросив разрешения Трибунала воспроизвести здесь страшное зрелище, представшее перед всеми нами, французами, которые находились осенью — зимой 1942 года в концентрационном лагере в Германии, обо всем, что мы увидели, когда стали прибывать первые партии русских пленных. Что касается меня, то я присутствовал при этом зрелище однажды в воскресенье; все это казалось мне неправдоподобным. Русские шли в колонне по пять человек, держась за руки, так как никто из них не в состоянии был передвигаться самостоятельно. Они были очень похожи на бродячие скелеты.

Мы видели много фотографий концентрационных лагерей и лагерей смерти, наши несчастные русские товарищи были в таком же положении с 1941 г. Их лица были даже не желтыми, а зелеными, у них не было сил двигаться, они падали на ходу целыми рядами. Немцы бросались на них, били их прикладами винтовок, избивали кнутом. При виде всего этого французы начали кричать, и немцы заставили

нас возвратиться в бараки. В лагере русских тотчас же распространился тиф, из 10 тысяч прибывших в ноябре к началу февраля осталось 2500.

Русские военнопленные, не будучи мертвыми, были брошены в общую могилу. Мертвых и умирающих собирали между бараками и бросали в тележки. Первые дни мы еще видели трупы в тележках, но так как германскому коменданту было не очень приятно видеть, как французские солдаты приветствовали своих павших русских товарищей, впоследствии трупы прикрыли брезентом».

Высокой смертностью среди русских заключенных поражены были не только содержавшиеся в тепличных условиях американцы и англичане. Многие «европейцы» — узники Дахау и Маутхаузена — приходили в ужас, увидев обращение нацистов с советскими пленными. Испанец Франсуа Буа рассказал о не менее чудовищной картине: «...как только военнопленные вошли в лагерь, стало ясно, что они находятся в ужасном состоянии. Они даже ничего не могли понять. Они были так обессилены, что не держались на ногах. Их тогда поместили в бараки по 1600 человек в каждом. Следует отметить, что эти бараки имели 7 м в ширину и 50 м в длину. У них была отобрана почти вся одежда, которой у них и без этого было очень мало. Им разрешили сохранить только брюки и рубаху, а дело было в ноябре. В Маутхаузене в это время было 10 градусов мороза. По прибытии оказалось, что 24 человека из них умерло, когда они шли 4 км, отделявшие лагерь Маутхаузен от станции... Через несколько недель они были совершенно без сил, и тогда к ним стали применять систему истребления. Их заставляли работать в самых ужасных условиях, избивали, били палками, над ними издевались. Через три месяца из 7000 русских военнопленных осталось в живых только 30».

Какой гигантский рывок за период между двумя мировыми войнами совершила Германия от некого подобия соблюдения международных соглашений о военнопленных до полного и наглого игнорирования любых законов! Стремительный «прогресс», достигнутый нацистской Германией всего за два десятилетия в области порабощения и умерщвления десятков миллионов людей, стал самой большой опасностью для жизни людей на планете за все время существования человечества.

Царскому правительству Николая II, а затем и буржуазному Временному правительству, лидерам буржуазных и

мелкобуржуазных политических партий и иных общественных организаций страны была хорошо известна трагическая судьба пленных солдат и офицеров русской армии, но все они не предпринимали никаких конкретных мер для ее изменения. Видный деятель французского и международного рабочего движения Жак Дюкло, в те годы французский военнопленный Мешедского лагеря в Вестфалии, спустя десятилетия писал: «К пленным в лагере относились по-разному: к американцам — очень хорошо, к англичанам — средне, французов причисляли к категории ниже средней. Что же касается итальянцев, то к ним относились отвратительно. Но еще хуже обращались с русскими военнопленными». Около 2-х миллионов русских военнопленных практически оказались брошенными правительством царской России на произвол судьбы.

27 апреля 1918 года было опубликовано решение Совета Народных Комиссаров, подписанное Лениным, об учреждении Центральной Коллегии по делам пленных и беженцев, сокращенно именовавшейся Центроплен. В мае 1918 года Ленин подписал постановление Совнаркома, касающееся Общества Красного Креста. «Главная задача Русского Красного Креста есть помощь нашим военнопленным», — говорилось в постановлении.

В тревожные июльские дни 1918 года в Москве проходил V Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, который принял уникальный документ. «Пятый съезд Советов, — говорилось в нем, — шлет горячий привет нашим пленным, томящимся на чужбине, и с нетерпением ждет возвращения братьев солдат на родину. Пятый съезд Советов считает совершенно неотложной задачей организацию всесторонней помощи нашим пленным. Советская Россия обязана при самых трудных условиях сделать все возможное для обеспечения и освобождения братьев-военнопленных. Съезд постановляет послать уполномоченному РСФСР в Германии двадцать пять миллионов рублей специально для организации на месте помощи нашим братьям, еще находящимся в плену на чужбине».

В. И. Ленин, выражая волю съезда, телеграфировал комиссару станции Орша Д. Е. Иващенко: «Благодарю за пропуск 36 вагонов в Германию: это для наших бедствующих военнопленных. Прошу опровергать все гнусные клеветы и помнить, что мы должны помогать нашим военнопленным изо всех сил» (Бродский Е. А. Забвению не подлежит).

После подписания мирного договора в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. солдаты бывшей царской армии больше не стали считаться представителями вражеской державы. Любопытно, что часть из них во время революционных событий в Баварии (1918–1919) даже воевала на стороне баварской Красной Армии. И только в июне 1921 года наконец была проведена последняя репатриация русских солдат.

На смену русским военнопленным в 1918–1919 гг. в эти же лагеря стали прибывать немецкие солдаты, находившиеся в русском плену. Пока по всей стране шел процесс демобилизации, за бывшими пленными надзирали не только военные, но и гражданские лица, ставившие задачу вдохнуть в этих людей, потерявших всякие ориентиры, веру в новую Германию.

19 августа 1919 г. в военный лагерь Лехфельд в качестве «доверенного лица» был направлен выпускник курсов рейхсвера Адольф Гитлер. Вскоре после этого его фамилия под номером 17 появилась в одном из списков личного состава так называемой команды по проверке лагеря Лехфельд: «Пех. Гитлер Адольф, 2-й пех. полк, ликвидационный отдел».

При лагере Лехфельд было постоянное представительство «информационной службы» капитана Карла Майра, который сыграл важную роль в «сотворении» Гитлера. Все, кто слушал Гитлера, хвалили его, называя «превосходным и страстным докладчиком», «выдающимся и темпераментным оратором» с «удивительным гортанным голосом», «с бледным худощавым лицом, не по-уставному свисающей на лоб прядью волос, коротко подстриженными усами и большими светло-голубыми глазами, в которых горел холодный огонь фанатизма». Именно на этот период ссылается и сам А. Гитлер в «Майн Кампф», когда пишет: «Да, я мог говорить». Он имел в виду не способность формулировать свои мысли и выражать их в словах — он делал это бесчисленное количество раз в нескончаемых монологах со времен юности. Это означало: он был способен увлекать за собой аудиторию, что окажет огромное влияние на его собственную судьбу и на становление нацизма в Германии.

Будущий министр финансов Третьего рейха граф Людвиг Шверин фон Крозиг так оценил ораторское искусство Гитлера: «Нельзя было не выразить восхищение качествами, позволяющими этому человеку искусно руководить всеми дискуссиями, — его безупречной памятью, дающей возможность с точностью отвечать на любые вопросы; ясностью

его ума, благодаря которому он смог свести самый сложный вопрос к простой — иногда даже слишком простой — формуле; искусством делать выводы и, наконец, умением подойти к хорошо известной проблеме с новой точки зрения».

Историк К. А. фон Мюллер пишет, как он заметил группу, «зачарованно слушающую человека, стоящего в центре. У него был необычайно резкий голос, и он обращался к ним с нарастающей страстностью. У меня было странное ощущение, что слушателей волновало то, что он говорил, и в свою очередь именно это волнение подстегивало его речь. Я увидел бледное худое лицо, окаймленное штатской челкой, короткие усики и поразительно большие, фанатично холодные бледно-голубые глаза». Когда же Мюллер указал на него своему школьному другу капитану Майру, тот заметил: «А, это Гитлер из полка Листа».

Капитан Майр быстро распознал пропагандистские способности капрала Гитлера. В июле 1919 года отдел Карла Майра составил для баварского военного министерства список «контактов» в различных воинских частях. В этом конфиденциальном документе также значился Адольф Гитлер. Майр считал Гитлера прекрасно подготовленным к любому бою на идеологическом фронте. Постепенно капрал сделался просто незаменимым, и капитан оставил свой командный тон, обращаясь теперь к нему в письмах с вежливой формулой: «Уважаемый господин Гитлер!» Выдвиженец Майра стал часто бывать в военном министерстве и считался «политическим сотрудником» отдела. Однажды в лагере Лехфельд возникла опасность солдатского бунта, офицеры теряли контроль над ситуацией. Туда сразу направился Гитлер и восстановил порядок.

23 августа 1919 г. другой «контактный человек», Лоренц Франк, докладывал по инстанции: «Гитлер как личность просто рожден для демагогии, необычайно притягательной манерой держаться и своим фанатизмом он без труда заставил митингующих прислушаться к себе».

Выступая перед немецкими солдатами, вернувшимися из плена и считающими себя обманутыми во всем, Гитлер безудержно обличал «версальский позор» и пагубность интернационализма — все это растолковывалось и обосновывалось закулисными махинациями некоего «всемирного еврейско-марксистского заговора».

Отчеты о работе Гитлера в Лехфельде подтверждают: он действительно обладал ораторским даром и мог без труда

увлечь аудиторию. Сам Гитлер пишет об этом, не скрывая своей радости: «Из меня вышел оратор. Я испытал настоящее счастье. Теперь исполнилась моя мечта, я мог делать полезное дело, и где же — в армии! Мне, безусловно, удалось вернуть моему народу и моей родине сотни и тысячи слушателей моих. Я пропитал свой полк национальным духом, и именно на этих путях мы восстановили воинскую дисциплину». В дальнейшем он напишет: «Я иду по пути, указанному провидением, с уверенностью лунатика». А на митинге в Карлсруэ безапелляционно заявит: «Я преисполнен заботы о своем народе и руководствуюсь необходимостью защитить его честь, с тем чтобы вернуть ему достойное положение в мире. И если из-за моих действий мой народ будет испытывать печаль и страдания, я буду просить Всевышнего наказать меня» (Толанд Дж. Адольф Гитлер).

Другим достойным внимания фактом является то, что именно во время своего пребывания в Лехфельде Гитлер впервые начинает нападать на евреев. Комендант лагеря в Лехфельде писал в управление округом: «А теперь о том, что касается прекрасной, ясной и темпераментной лекции капрала Гитлера о капитализме, который в этой связи коснулся еврейского вопроса. Несмотря на то, что еврейская проблема была представлена Гитлером очень хорошо и он особо подчеркнул германскую позицию, все же такого рода дискуссии легко могут дать евреям повод навесить на эти лекции ярлык антисемитской пропаганды» (Дж. Фрекем).

То, что к тому времени Гитлер стал считаться авторитетом по антисемитским вопросам, документально зафиксировано небольшим письмом капитана Майра от 10 сентября 1919 года. В этом письме он просит Гитлера ответить на вопрос, заданный ему другим пропагандистом, его подчиненным Адольфом Гемлихом. Вопрос был такой: «Каково отношение к евреям со стороны социал-демократического правительства? Подразумеваются ли в пункте «о равных правах» также и евреи, несмотря на то, что они составляют угрозу национальному характеру народа?» Майр просит Гитлера ответить вместо него, причем обращается к своему подчиненному капралу: «Sehr verehrter Herr Hitler». Обычно это переводят как «дорогой мистер Гитлер». Но тон немецкого выражения в действительности более почтителен, дословно оно переводится как «высокочтимый господин Гитлер». Немецкий ученый Иоахим Фест замечает, что «такое обращение капитана к капралу выглядит странно»,

а Вернер Мазер, известный немецкий историк, пишет, что это обращение «необычайно уважительное».

Еврейский вопрос трактовался Гитлером с известной долей осторожности, но он обсуждал его с особо пылкой страстью. Вероятно, именно поэтому капитан Майр и передал ему письмо бывшего «доверенного лица» — военного коменданта Мюнхена Адольфа Гемлиха, посвященное опасности иудаизма, предложив написать ответ (М. Штайнер. Гитлер).

Ответ Гитлера документально подтверждает, что к тому времени в его уме уже утвердилась структура, которая в том, что касается евреев, останется основой, «гранитным фундаментом» его идеологии до последних дней жизни. Здесь и чуждость еврейского народа, и опасность, которую он несет. Здесь же он пишет, что евреи — это раса, а не религия; здесь также можно найти утверждение о том, что в итоге целью борьбы с евреями должна быть их полная «ликвидация», что бы этот термин ни значил для Гитлера в 1919 году (Фрекем Дж. ван. Гитлер и его бог).

Гитлер считал, что антисемитизм, претендующий на то, чтобы стать политическим движением, должен основываться на «знании фактов». А факты таковы: в первую очередь еврейство — это раса, а не религиозное товарищество. Путём тысячелетнего кровосмешения, часто происходящего в самом узком кругу, еврей в общем острее сохранил свою расу и своё своеобразие, нежели многие из народов, среди которых он живёт. И результат этого — тот факт, что между нами живёт не немецкая, чужая раса, не желающая, да и не могущая пожертвовать своими расовыми своеобразиями, отказаться от своих чувств, мыслей и стремлений, и всё же политически обладающая всеми правами, как мы сами. И если уж чувство еврея занято только материальным, то тем более его мысли и стремления. Всё, что побуждает людей стремиться ввысь, будь то религия, социализм и демократия, для него это всё только средство для достижения цели — удовлетворения жажды денег и власти. Его деяния оборачиваются по своим последствиям расовым туберкулёзом народов (Fest J. Hitler. Eine Biografie. — Berlin, 1973).

«И отсюда следует такой вывод: антисемитизм по чисто эмоциональным причинам будет находить своё конечное выражение в форме погромов (!). Но антисемитизм разума должен вести к планомерному законному одолению и устранению еврейских привилегий. Но конечной его целью должно быть безвозвратное удаление евреев вообще. То и другое

способно совершить лишь правительство национальной силы, а никак не правительство национального бессилия».

Этот первый политический документ Гитлера, датируемый 16 сентября 1919 г., сыграет в будущем большую роль, поскольку в нем он подробно излагает свои взгляды по еврейскому вопросу. Неприязнь все растущей части населения к евреям, пишет Гитлер, основана не только на трезвом анализе их вредоносной деятельности, но и на личных ощущениях. Вот почему антисемитизм легко приобретает характер эмоциональный, что является ошибкой. В качестве политического движения он не может и не должен быть продиктован чувствами, но должен отталкиваться от фактов; и первый из них тот, что важна нация, а не религия.

Таким образом, ответ на письмо Гемлиха является первым достоверным свидетельством патологического антисемитизма Гитлера, рационально объясняемого национальной необходимостью и опасностью «всемирного еврейско-марксистского заговора». Ненависть Гитлера к марксизму в 1941 году выльется в один из самых засекреченных, преступных и бесчеловечных приказов («Kommissar Erlass» – 31.03.1941), названный впоследствии «приказом о комиссарах».

Гитлер быстро стал звездой партийных митингов, а уж перекричать более осторожных говорунов в пивных ему вообще не составляло труда. В январе 1920 г. ДАП (Немецкая рабочая партия), состоящая из 64 человек, избрала Гитлера своим главным пропагандистом и утвердила подготовленную им новую программу. Позже ДАП изменила название и стала именоваться Национал-социалистической германской рабочей партией — НСДАП.

К тому времени Майр ушел в отставку, а его место занял курносый, маленького роста человек с багровым лицом, выдававшим необузданные страсти и нерастраченную энергию хозяина. Это был капитан Эрнст Рём. Именно он, больше чем кто-либо другой, ответствен за «выпуск» Гитлера, уже уволенного из армии, в сферы большой политики. По натуре Рём представлял собой странный симбиоз военного реформатора и пройдохи из баварской глубинки. Заговорщик, гомосексуалист, грубый, неотесанный солдафон, Рём считался среди своих товарищей честным парнем, к тому же по-настоящему смелым и крепким духом. В июле 1921 года Адольф Гитлер был избран председателем НСДАП, и Эрнст Рём для себя все решил: с Гитлером он придет к власти (по приказу Гитлера Рёма застрелят в тюрьме 1 июля 1934 г.).

Пока австрийский агитатор Гитлер носился по мюнхенским пивным, настраивая мелких бюргеров, недовольных инфляцией, против «ноябрьских преступников» (ноябрьская революция 1918 г. привела к установлению в Германии парламентской демократии, известной под названием Веймарской республики), Рём сформировал мобильный отряд, призванный оберегать оратора. Командир 19-й минометной роты капитан Шрек выделил ему своих солдат, готовых изувечить любого, кто осмелится посягнуть на «порядок» нацистских сборищ. Так появилась на свет вооруженная организация, которая сначала имела вид физкультурно-спортивной секции, а в итоге обратилась в штурмовые отряды (штурмабтайлунг), сокращенно СА, без которых немыслима история всего нацистского движения (Хёне Х. Черный орден СС).

Свои первые шаги на пропагандистском поприще в 2019 году Гитлер сделал в Лехфельде, но идея стать оратором ему пришла в голову на два года раньше. Фест И. пишет: «Когда в октябре 1917 г. Гитлер приехал в отпуск в политический центр страны Берлин, то отправил Э. Шмидту открытку, в которой, в частности, писал: «Имею, наконец, возможность немного лучше изучить музеи».

Позже Гитлер будет уверять, что в маленьком кругу своих друзей он тогда говорил, что вернувшись из действующей армии, собирается, наряду с профессией архитектора, заниматься и политикой. И будто бы даже уже знал, чем конкретно будет заниматься, — станет оратором. Это намерение соответствовало тому, в чём Гитлер убедился в венские дни, — любым поведением можно управлять; его пугала и одновременно привлекала мысль о будто бы действующих повсюду закулисных заправилах, и эта мысль наполнялась для него по-настоящему соблазнительной силой, поскольку у него росло представление, что он и сам когда-нибудь станет в ряд этих заправил. Его картина бытия исключала любую спонтанность, добиваться можно всего, «чудовищных, почти ти не поддающихся пониманию результатов», как он не без налёта изумления отмечал сам, если только нужные игроки в нужный момент приводили в действие нужные рычаги. Вот так и будет А. Гитлер оценивать — совершенно в несоразмерной степени — движение исторических процессов, взлет и упадок народов, классов и партий — именно как следствие большего или меньшего пропагандистского умения, и изложит это свое убеждение в знаменитой 6-й главе «Майн кампф» (Joachim Fest. Hitler).

Очевидно, что именно в месяцы пребывания Гитлера в 1919 г. в Лехфельде в его жизни произошли большие перемены. Себастьян Хаффнер называет это время «необъяснимым белым пятном». Конрад Хайден пишет, что «в эти месяцы Гитлер преобразился», и гадает о «загадочных обстоятельствах, преобразивших его». Джон Лукач считает так же: «1919 год — важнейшая веха или, точнее, поворотный пункт всей жизни Гитлера». Ян Кершоу утверждает, что, «если бы капитан Майр не охотился за талантами, мы, возможно, никогда не услышали бы о Гитлере». «Этот мюнхенский период дал Гитлеру ключ от входа в политику», — подтверждает Иоахим Фест. В конце концов, есть и признание самого Гитлера. В 1941 году в одной из бесед, невольно противореча неоднократным ложным утверждениям в «Майн Кампф», он проговаривается: «Моя программа была создана в 1919 г.». Под «программой» он подразумевал не партийную программу НСДАП, та была написана в 1920-м, он имел в виду основу собственного мышления, свою идеологию, сформировавшуюся в Лехфельде.

Стажировку в Лехфельде проходил и другой известный всему миру специалист по «окончательному решению еврейского вопроса» — оберштурмбанфюрер СС Адольф Эйхман. В гестапо Эйхман находился на привилегированном положении, часто получал приказы от самого Гиммлера, минуя непосредственных начальников Мюллера и Кальтенбруннера. В августе 1944 года Эйхман представил Гиммлеру доклад, в котором он сообщает, что подразделения СС, полиции, айнзатцгруппы и зондеркоманды уничтожили 4 млн евреев.

В юные годы Эйхман был членом общества христианской молодежи. До 4-го класса ходил в начальную школу, в которой прежде учился и Гитлер. В период его учебы в школе многие считали, что Адольф Эйхман еврей. Связано было это с его внешностью. Его так и называли в школе — «еврей». Однако еврейские корни у него отсутствовали. Он был маленького роста, имел характерный нос, темные волосы. Возможно, это и стало одной из предпосылок для выбора деятельности, которую впоследствии вел Адольф Эйхман.

В 1945 году после поражения Германии Эйхман сумел скрыться от разыскивавших его спецслужб союзников: он воспользовался так называемой «крысиной тропой». С помощью монахов-францисканцев оформил себе аргентинский паспорт на имя Рикардо Клемента и в 1950 году переехал в Аргентину. 11 мая 1960 года прямо на улице Буэнос-Айреса

Эйхман был схвачен группой израильских агентов «Моссад». Лично задержание Эйхмана осуществил Питер Малкин, известный впоследствии как «агент семь сорок» и «человек, который поймал Эйхмана». 20 мая врач-анестезиолог Йона Элиан сделал Эйхману укол транквилизатора, после чего тот был отправлен в Израиль в качестве заболевшего члена экипажа на самолёте «Эль Аль», который прилетел в Буэнос-Айрес на празднование 150-летия независимости Аргентины. 15 декабря 1961 года Эйхману зачитали смертный приговор, признав его виновным в преступлениях против еврейского народа, против человечности и военным преступником. Эйхман был повешен в ночь с 31-го мая на 1-е июня 1962 года в тюрьме города Рамле. Приговор привёл в исполнение старший надзиратель тюрьмы Шалом Нагар. После повешения тело Эйхмана было сожжено, а пепел развеян над Средиземным морем за пределами территориальных вод Израиля.

Из протокола допроса Адольфа Эйхмана, проведенного в Израиле в 1960 г. капитаном израильской полиции Лессом (генеральный прокурор Израиля поручил ему допрашивать Эйхмана, виновного в смерти миллионов евреев, в том числе в смерти отца капитана и шести его родственников): «Лехфельд был лагерем и СА и СС?» Эйхман: «Так точно! В Лехфельде располагался полный батальон СС, три роты; это, пожалуй, больше 500 человек. А от СА еще гораздо больше. Там занимались строевой подготовкой, в основном — пехота и саперы. Саперы обучались как штурмовая группа. Отбирали туда исключительно врачи; крепких парней брали в штурмовой отряд, остальных — в пехоту. Я служил в штурмовой группе, так как в то время был покрепче, чем сегодня. В основном нас обучали уличному бою. У меня был более или менее приличный почерк, и вскоре меня назначили ротным старшиной, фельдфебелем, и велели вести учет, ротную канцелярию. Во время подготовки к партийному съезду, кроме военного обучения, мы целыми днями маршировали колонной по 12 человек в шеренге. Потом, это, наверное, было в октябре 33-го, я получил приказ явиться в город Пассау к штурмбанфюреру фон Пихлю; он был в то время начальником штаба связи рейхсфюрера СС в Пассау. После Рождества 1934 г. штаб этот упразднили, и все мы отправились маршем в Дахау. Я к тому времени дослужился до первой звездочки в петлице, т. е. стал унтершарфюрером, унтер-офицером.

Об играх в штурмовые группы, как в Лехфельде, здесь и речи не было. Все происходило по правилам военной дисциплины. Я оставался там до сентября 1934 года.

Незадолго до того я узнал, что в службу безопасности рейхсфюрера будут набирать людей, которые уже служили. У нас это часто обсуждалось, потому что суровая жизнь в воинской части и строгая дисциплина многих не устраивала. Мне это было безразлично, меня не устраивало только однообразие службы. Все время одно и то же. О том, как мало значили для меня суровые условия, говорит один пример, который я потом часто приводил моим подчиненным офицерам и унтер-офицерам.

Дело было еще в Лехфельде, обыкновенная муштра, как обычно, нам приказывали ползать по-пластунски: в камышах, по щебенке; потом это запретили. Уже после первых таких занятий люди обращались в санчасть, чтобы им дали освобождение. Я считал, что с нами поступают несправедливо, но, сжав зубы, ползал и ползал, ободрал себе все локти, а на перевязку не пошел. После обеда опять звучало: «По-пластунски!», и моя самодельная повязка тут же слетела. Коротко и ясно — кожа на обоих локтях была содрана. А я упрямился. Меня заметили, и я получил повышение. Так что не тяготы военной службы в Лехфельде и Дахау побудили меня задуматься: как отсюда убраться? Просто убийственное однообразие. И когда я услышал, что в службу безопасности рейхсфюрера СС будут набирать людей, я подумал, что это очень приличная возможность».

В 1939 г. правительство Германии провело перепись населения страны. В процессе переписи собирались сведения о возрасте, поле, месте проживания, профессии, вероисповедании и семейном положении каждого человека и — впервые — о расе, которую определяли по предкам до второго колена. Позднее эта информация была помещена тысячами служащих на перфокарты.

Перфокарты сортировала и обсчитывала машина Холлерита, предшественник современного компьютера. Машина была изобретена в 1884 году американским инженером немецкого происхождения Германом Холлеритом. В конце 1800-х и начале 1900-х гг. она использовалась правительствами США и большинства европейских стран для обработки сведений переписи. Машины Холлерита, применяемые нацистами, были разработаны немецким отделением американской компании, позже известной как IBM.

Используя сведения переписи 1939 года, Адольф Эйхман составил «Еврейский реестр», содержащий подробную информацию обо всем еврейском населении Германии. «Реестр» также включал имена евреев из Австрии и Судетской области Западной Чехословакии, которая была оккупирована гитлеровскими войсками в 1938—1939 годах и стала частью Третьего рейха. Расовая идеология и политика нацистов не ограничивалась пределами Германии. Технологии и информация, которые при других обстоятельствах принесли бы пользу человечеству, при нацистском режиме помогали искать и уничтожать жертв (The Holocaust Encyclopedia).

Говоря о Лехфельде, нельзя не упомянуть имя известного немецкого авиаконструктора и промышленника Вилли Мессершмитта, на заводах которого в годы войны работали сотни тысяч заключенных. Фирма «Мессершмитт» активно сотрудничала с СС, в чьем ведении находились концлагеря. Самый крупный индустриальный комплекс был развернут вокруг концлагеря Маутхаузен. Ему подчинялся целый ряд лагерей, разбросанных по всей территории бывшей Австрии. Маутхаузен первоначально был создан в апреле 1938 года как филиал Дахау. С марта 1939 года — самостоятельный лагерь. Из 335 тысяч узников этого лагеря погибло свыше 122 тысяч (ВЭС. — М.: Воениздат, 1986. — 863 с.).

Утратив на советско-германском фронте превосходство в воздухе, немцы начали более интенсивно развертывать работы над реактивными самолетами. Разработанный фирмой Мессершмитта турбореактивный истребитель и бомбардировщик Ме-262 в 1944 году стал первым в мире серийным реактивным самолётом и первым в мире реактивным самолётом, участвовавшим в боевых действиях. Кроме того, истребитель-перехватчик с жидкостным ракетным двигателем Ме-163 в 1941 году впервые в мире во время испытаний перешагнул рубеж 1000 км/ч. «Мессершмитт Ме-262» Schwalbe («Ласточка») — самый знаменитый немецкий реактивный истребитель, бомбардировщик и самолёт-разведчик времён Второй мировой войны. 25 марта 1942 года он совершил свой первый полёт с реактивными двигателями. Созданный и прошедший испытания реактивный Ме-262 превосходил по скорости все другие истребители тех лет. Это позволило командующему гитлеровской истребительной авиацией генералу Адольфу Голланду заявить, что Ме-262 – «единственный шанс организовать реальное сопротивление противнику».

Мессершмитт внес в конструкцию Ме-262 заметные изменения. Новые крылья увеличенной площади вмещали больше топлива, расчетная дальность полета возросла до 11,5 тыс. км. Но самолет стал тяжелее и уже не мог взлетать с короткой полосы заводского аэродрома при полной загрузке. Пришлось его перевозить на юг от Аугсбурга, на аэродром в Лехфельд. С взлетной полосы аэродрома в Лехфельде Ме-262 совершил 10-часовой полет над Южной Германией и Австрией, покрыв расстояние в 4,5 тыс. км. Для разработчиков было очень важно показать способность разведчика Ме-262 летать на дальние расстояния.

Когда на аэродром Лехфельда с самой длинной бетонной полосой привезли четвертый опытный реактивный самолет, Вилли Мессершмитт предложил провести летное испытание летчику Вольфгангу Шпате, отозванному с фронта. Он взлетел 17 апреля 1943 г. и, вернувшись на аэродром, захлебывался от восторга. «Это наше спасение в защите рейха!» — повторял он снова и снова. Воздушный ас тут же позвонил командующему истребительной авиацией генералу Голланду и красочно описал ему, чем отличается истребитель с поршневым мотором и воздушным винтом от реактивного. Он посоветовал своему начальнику прилететь сюда, в Лехфельд, и самому полетать на этом чуде.

Генерал-лейтенант Адольф Голланд прилетел на аэродром в Лехфельд 22.05.1943. После облета Ме-262 с ним случилось то же самое, что и с капитаном Шпате. Он возбужденно говорил: «Эту машину толкает ангел!» Тут же написал текст и попросил отправить телеграмму фельдмаршалу Мильху: «Ме-262 — это огромный успех, который гарантирует наше превосходство в воздухе, пока враг продолжает летать на поршневых самолетах. С летной точки зрения самолет производит очень хорошее впечатление. Этот самолет открывает для нас совершенно новые тактические возможности».

Первый серийный вариант истребителя Ме-262, известный как «Швальбе» — «Ласточка», поступил в июле 1944 г. в испытательную команду 262, которая была сформирована в Лехфельде на базе 15 самолетов под командованием капитана Тхирфельдера. Испытания прототипа Ме-262 V-9 в Lager-Lechfeld начались лишь только 18 января 1945 года.

Лехфельд был выбран не случайно. Из-за все более интенсивных и частых бомбардировок Германии многие аэродромы были разрушены или повреждены. Взлетно-посадочная полоса в Лехфельде находилась в хорошем состоянии и была

самой протяжённой, что давало возможность реактивному самолету совершать необходимый разбег при взлете.

В январе 1943 года положение вермахта на Восточном фронте под Сталинградом резко ухудшилось, часть квалифицированных рабочих авиапромышленности Германии призвана в армию. Другую их часть рейхсминистр вооружений и боеприпасов Шпеер перевел на заводы по производству боеприпасов. В авиапромышленность дополнительно было направлено несколько тысяч иностранных рабочих и военнопленных. Благодаря личному вмешательству Гиммлера авиакомпания Хейнкеля получила шесть тысяч узников концлагеря Ораниенбург. В это же время Мессершмитт вел прямые переговоры с руководством Дахау. В Лехфельд из близлежащих лагерей, включая самый большой по численности шталаг VII A, начали поступать команды пленных.

6 января 1943 г. в Лехфельд из шталага VII A прибыла команда военнопленных № 3239 (Arb. Kdo. № 3239 Lager-Lechfeld). В середине колонны пленных, бредущих в лагерь Лехфельд, под номером 102 665 с трудом передвигал ноги недавно выписанный из лагерного лазарета Фрайзинг молодой русский лейтенант Матвей Иванович Лифинский. Шел 564-й день войны и 233-й день плена лейтенанта, одного из защитников Крыма, захваченного немцами под Керчью 18 мая 1942 года.

Впереди у него были еще мучительно долгие 845 дней плена, мюнхенское гестапо (Gestapo Munchen), лишение (Entlassen) статуса военнопленного (Kriegsdienstzeit), охранный арест (Schutzhaft), концлагерь Дахау (KL. Dachau), СС-арбайтлагерь Аллах (SS-Arbeitslager Allach), СС-арбайтлагерь Блайхах (SS-Arbeitslager Blaichach). Позади — 232 дня плена, лагеря военнопленных в Керчи, дулаг 123 в Джанкое (Dulag 123 / Dschankoi), шталаг 348 в Днепропетровске (Stalag 348 / Dnepropetrowsk), шталаг 365 во Владимире-Волынском (Stalag 365 / Wlodzimier-Wolynskij), шталаг XIII A в Зульцбах-Розенберге (Stalag XIII A / Sulzbach-Rosenberg), шталаг VII A в Моосбурге (Stalag VII A / Moosburg), кровопролитные бои за Крым и Керчь.

Глава II

Керчь

Русские зарекомендовали себя умелыми, выносливыми и бесстрашными солдатами, разбивая в пух и прах наши былые предрассудки о расовом превосходстве.

Генрих Метельман.
Сквозь ад за Гитлера

В октябре 1941 года 11-я армия вермахта под командованием Манштейна начала операцию по захвату Крыма. К 16 ноября 1941 г. весь полуостров, кроме Севастополя, был оккупирован. В декабре-январе 1941–1942 гг. в результате Керченско-Феодосийской десантной операции советские войска вернули Керченский полуостров и за 8 дней продвинулись на 100–110 км. Однако уже 18 января 1942 г. немецкие части вошли в Феодосию.

В феврале-апреле 1942 г. советские войска трижды предпринимали попытки переломить ход событий в Крыму, но в итоге только понесли большие потери. За период с 14-го января по 12-е апреля 1942 года Крымский фронт потерял не менее 110 тысяч человек, в том числе около 43-х тысяч безвозвратно.

Директивой ОКВ № 41 от 5 апреля 1942 г. 11-й немецкой армии ставилась задача захватить Керченский полуостров и овладеть Севастополем. Победа давала возможность высвободить 11-ю армию вермахта и румынский корпус для усиления удара по Кавказу. План новой кампании на юге советско-германского фронта был объявлен Гитлером на совещании 28 марта 1942 г. Вермахт планировал блокировать

Крымский полуостров, отрезать его от Новороссийска и других портов Кавказа, разгромить Крымский фронт и, овладев Керченским полуостровом, штурмом взять Севастополь. Захват Крыма создавал противнику благоприятные условия для наступления на Кавказ. Операция получила название «Охота на дроф» (Манштейн Э. Утерянные победы).

В конце апреля и в начале мая 1942 года, готовясь к наступлению, противник производил усиленную авиационную разведку Керченского полуострова, систематически наносил удары бомбардировочной авиацией по путям сообщения наших войск, активно подвозил боеприпасы, сосредоточивал самолеты люфтваффе на аэродромах в Крыму и на Черноморском побережье, пополнял танковые части. Войска Крымского фронта после безуспешных попыток захватить Кой-Асан и другие пункты понесли значительные потери, перешли к обороне и для приведения в боевую готовность стали восстанавливать материальную часть, пополнялись личным составом и боекомплектом. Театром военных действий в тот момент была территория Керченского полуострова протяженностью с юга на север от 18 до 24 км, с востока на запад (от Керчи до Кой-Асана) — 80 км, не считая самой узкой части восточнее Керчи.

Манштейн вспоминал после войны: «Наша разведка показала, что противник сосредоточил две трети своих сил на северном участке. Эта обстановка и явилась основой, на которой штаб армии разработал план операции «Охота на дроф». Замысел заключался в том, чтобы нанести решающий удар на южном участке, вдоль побережья Черного моря, то есть в том месте, где противник, по-видимому, меньше всего его ожидал».

Южный участок Крымского фронта от Кой-Асана до берега Чёрного моря протяженностью около 8 км представлял собой подготовленные ещё в январе 1942 г. советские оборонительные позиции. Их защищали дивизии 44-й армии: 63-я горнострелковая (гсд) и 276-я стрелковая (сд). Во втором эшелоне стояли еще три стрелковые дивизии.

В 276-й сд было создано четыре, а в 63-й гсд два противотанковых опорных пункта, 766-й лап (легкий артполк) образовал противотанковый район на правом фланге армии. Основными недостатками противотанковой обороны были ее небольшая глубина (2—3 км) и отсутствие противотанковых резервов в дивизиях и армии. Разведывательные данные указывали на то, что противник сосредоточивает основные

усилия для нанесения удара против левого фланга армии. Однако командование армии не приняло решительных мер к его подавлению массированным огнем артиллерии.

7 мая 1942 г. в результате беспрерывных налетов немецкой авиации была полностью нарушена связь и парализована работа штабов армий и фронта. В течение дня немцы интенсивно бомбили боевые порядки наших войск, тылы, аэродромы, зенитные батареи.

Операция «Охота на дроф» началась рано утром 8 мая 1942 г. Немецкая авиация нанесла массированный удар по боевым порядкам 44-й армии генерал-лейтенанта С. И. Черняка, по городу Керчь и порту. После интенсивной артиллерийской подготовки гитлеровские войска перешли в наступление в полосе 63-й гсд и 276-й сд, стоящих на левом фланге фронта у Феодосийского залива. Наступлению сухопутных войск противника в составе 6—8 дивизий 11-й армии предшествовал еще один массированный удар люфтваффе по позициям 44-й армии. Ряд участков наших войск был подвергнут бомбардировке за день до 10 раз.

Основной удар немецких дивизий, поддержанных пикирующими бомбардировщиками 8-го авиакорпуса генерала Рихтгоффена, пришелся по боевым порядкам 63-й горнострелковой дивизии и позициям 871, 873, 876-го стрелковых полков 276-й сд. Артиллерийский и минометный огонь по нашим частям продолжался в течение часа, а затем был перенесен в глубину. Одновременно 150 немецких танков и САУ 30-го армейского корпуса нанесли удар по позициям 63-й гсд и 276-й сд. Сбросив огромное количество авиабомб и снарядов, противник взорвал наши минные поля и перешел в наступление на участке прорыва. Из Феодосии на штурмовых лодках немцы перебросили и высадили десант в тыл 63-й гсд, вызвав панику.

276-я сд полковника Д. М. Пономарева (комдив с 26.12.41 по 30.07.42), находящаяся на правом фланге переднего края 44-й армии, весь день держала оборону, отбив несколько атак пехоты и танков противника, за что получила благодарность от командующего Крымским фронтом. Прорвав оборону на участке 63-й гсд, немецкие пехотные дивизии 30-го армейского корпуса генерала Фреттер-Пико стали охватывать левый фланг 276-й сд, заходя ей в тыл. К исходу дня у 276-й дивизии были израсходованы все боеприпасы минометов, патроны у бойцов были на исходе. Вечером на ряде участков противник вклинился в боевые порядки 871, 873,

876-го стрелковых полков, в результате чего 871-й стрелковый полк оказался в окружении, но продолжал яростно сопротивляться. В 18.00, оценив обстановку и установив, что больше держаться невозможно, командир дивизии дал приказ полкам на отход.

Противник наступал двумя танковыми клиньями: на восток — в направлении Керчи и на север — в сторону Азовского моря. При этом, как 8 мая 1942 года, так и в последующие дни, атаки авиации были особенно ожесточенными по тем районам, где немцы планировали танковый прорыв. В период с 8 по 11 мая над Керченским полуостровом находилось до 700—800 самолетов одновременно. Продвижение наших войск из-за непрерывных налетов авиации было крайне затруднено. К концу дня немецкие дивизии прорвали оборону 44-й армии по фронту на 5 км и в глубину до 7—8 км.

Танковые части Крымского фронта 8 мая оказали ожесточенное сопротивление противнику, задержав его стремительное продвижение. Отход 276-й и 404-й сд и преждевременное беспорядочное отступление, похожее на бегство, 63-й грузинской горнострелковой дивизии, практически не оказывающей сопротивления противнику, не позволили нашим войскам остановить врага и закрепить успех, достигнутый танковыми частями. Боевые порядки 63-й гсд были прорваны в первый же час боя. В своих мемуарах «В смертельном бою» Готтлоб Бидерман пишет: «...в 3.15 весь фронт взорвался шквалом артиллерийского огня. В 4.30 взору предстал уже знакомый вид пленных, которых вели в тыл под конвоем». Другой участник этого сражения Генрих Метельман вспоминает: «Мы проезжали мимо мест недавних боев, наблюдая картины ужасающей мясорубки. Нам навстречу двигались бесконечные колонны военнопленных, большинство из которых были явно азиатской внешности». 13 мая 1942 года командир 63-й грузинской дивизии был арестован (освобожден из-под ареста 13.03.1943).

Личный состав частей Крымского фронта в значительной мере состоял из солдат закавказских национальностей. 63-я горнострелковая дивизия по своему составу была в основном грузинской. Боевыми заслугами эта дивизия не отличалась, именно она после немецкого контрудара в середине января 1942 года сдала Феодосию, только что взятую морским десантом. 63-я гсд выделялась слабой дисциплиной и значительным числом перебежчиков. В боях за Феодосию

гитлеровцы захватили в плен большое количество бойцов 63-й дивизии, многие из которых перешли на службу в грузинское спецподразделение «Тамара», созданное абвером. Манштейн точно рассчитал направление главного удара и хорошо был осведомлен о национальном составе 63-й дивизии. Подразделения Красной Армии, укомплектованные кавказцами, немцы считали «явно неустойчивыми, имеющими невысокую боевую ценность по сравнению с русскими частями».

Характерно, что представитель Ставки Верховного Главнокомандования Мехлис практически сразу после прибытия в Крым 20 января 1942 г. поставил перед Ставкой вопрос о создании самостоятельного Крымского фронта путём разделения Кавказского фронта. Штаб Кавказского фронта находился в Тбилиси и не успевал реагировать на постоянно меняющуюся оперативную обстановку. Сталин 15.02.1942 приказал немедленно перебросить из Северо-Кавказского военного округа на усиление Крымского фронта три стрелковые дивизии, включая 276-ю. 16 февраля Л. З. Мехлис в разговоре с командующим войсками СКВО генералом Курдюмовым потребовал «очистить» дивизии Крымского фронта от «кавказцев» и заменить их военнослужащими русской национальности.

Во втором эшелоне 44-й армии стояла 396-я азербайджанская национальная дивизия. Если среди солдат вермахта бытовала поговорка, что «хуже итальянского солдата может быть только румынский солдат», то хуже грузинских вояк были азербайджанцы. Военкор Сельвинский вспоминал: «Когда в азербайджанской дивизии кого-нибудь выбивало из строя, солдаты кучей сбегались вокруг павшего и, не обращая внимания на канонаду, начинали причитать и рыдать над собратом, как дома у тела покойника».

Немецкая авиация 9 мая 1942 года совершила около 1400 самолетовылетов, бомбя позиции войск Крымского фронта. Особенно ожесточенные бои в этот день вел 229-й отдельный танковый батальон, уничтоживший 28 немецких танков. В отражении танковой атаки позже приняла участие артиллерия. После боя, длившегося до темноты, противник потерял до 50 танков. Сдерживая натиск врага, войска Крымского фронта отходили на линию Турецкого вала.

9 мая 1942 года Манштейн бросил в наступление 22-ю танковую дивизию, к 10 мая дивизия прорвалась в глубину обороны Крымского фронта и развернулась на север,

выходя на коммуникации 47-й и 51-й армий. Возникла прямая угроза окружения этих армий. В прорыв также была введена моторизованная бригада полковника Гроддека, отрезавшая 44-ю армию от тыловых позиций. Бригада Гроддека 10 мая 1942 года достигла Турецкого вала и пересекла его. В ночь с 9 на 10 мая противник прорвался к Турецкому валу и захватил две господствующие высоты, опередив нашу 47-ю армию и 156-ю сд, идущую из Керчи. К исходу 10 мая 1942 года передовые части 30-го корпуса вермахта вышли к Турецкому валу. До Керчи оставалось немногим более 30 километров.

О накале боёв свидетельствует тот факт, что если на 9 мая 1942 года в 55-й танковой бригаде было 46 танков, то после боя 10 мая остался только один. Части 47-й армии беспорядочно продолжали отход по берегу Арабатского залива. Части 44-й армии в течение дня методом подвижной обороны и контратаками сдерживали наступление превосходящих сил противника, стремительно продвигающихся вдоль феодосийской дороги на восток. К исходу 9 мая в полосе 44-й армии уже не было сплошного фронта.

Остатки разбитых стрелковых дивизий, обороняясь, мелкими группами непрерывно отходили в восточном направлении. Командир 39-й танковой бригады, учитывая отсутствие связи со штабом 44-й армии, объединил под своим командованием разрозненные группы пехоты: 47 человек 63-й гсд, 176 человек 276-й сд и 227 — из 404-й сд (Мощанский И. Б. Борьба за Крым) и организовал оборону в районе Джаб-Тобе (Вулкановка). 10 мая 1942 г. бригада была подчинена командиру 404-й стрелковой дивизии.

В направлении 44-й армии противник продолжал наступление, преимущественно используя танки и моторизованные части, преследуя отступающие советские войска. На прибрежную полосу шириной не более 1-го км, по которой отступали дивизии 44-й армии, обрушился шквал огня. Берег сплошь усеяли тела погибших.

Один из участников сражения, немецкий танкист Генрих Метельман, в своей книге «Сквозь ад за Гитлера» так описал эти события: «У входа на Керченский полуостров 9 мая 1942 года началось наше наступление на позиции русских. Всю ночь не стихал гул моторов самолетов и наземной техники. Пробудились после спячки даже грозные «штукас» — пикирующие бомбардировщики Ю-87. Около полудня наше подразделение получило приказ перейти в наступление. На

броне наших танков и бронетранспортеров следовала пехота, но стоило нам приблизиться к одному из селений, как нас встретил ураганный огонь неприятеля. Наших пехотинцев как ветром сдуло.

Селение это называлось Арма-Эли и состояло из расположенных длинными рядами домов, окруженных садами. Местность здесь была равнинной, без единого деревца. В центре селения на перекрестке двух главных его улиц возвышались земляные бастионы около трех метров высотой. Земляное кольцо охватывало участок диаметром не менее ста метров. Внутри кольца было установлено несколько зениток, поэтому атака этих позиций русских с воздуха силами люфтваффе была бы сопряжена с серьезными потерями. Кроме этого, в земляном валу были устроены пулеметные гнезда и обустроены позиции для противотанковых орудий так, что все подходы к селу контролировались оборонявшимися. «Иваны» снова продемонстрировали свое удивительное умение использовать обычную землю в качестве фортификационных материалов. Немцам это удавалось значительно хуже.

Чтобы не сбивать темп наступления, был отдан приказ атаковать земляной бастион русских, и когда один из водителей танков едва не ослеп, я был послан ему на замену. Узость улиц селения существенно ограничивала оперативный простор — мы вынуждены были действовать узкой колонной, а продвигаться приходилось всего-то в трехстах метрах от земляной цитадели русских. Я на своей машине следовал за первыми пятью танками. Обзор через узкую щель был явно недостаточным, и я не мог составить представление об обстановке. Вскоре выяснилось, что «иваны» терпеливо дожидались, пока мы подойдем ближе, и, дождавшись, открыли огонь. И тогда разверзся ад — не успел я опомниться, как три идущих впереди наших танка вспыхнули, как факелы. Наша атака захлебнулась. Не слыша себя, я пытался подавать команды и действовал, скорее повинуясь инстинкту, — резко дав задний ход, я попытался искать защиты за одной из хат. Нам ничего не оставалось делать, как дожидаться поддержки артиллерии.

Очень многие из моих товарищей поплатились жизнью в том бою, и, видя, как наши офицеры срочно стали совещаться, как быть, я подумал, как они могли бросить молодых, по сути необстрелянных, солдат в это пекло. Только к рассвету прибыли тягачи с тяжелой артиллерией. Я наблюдал,

как артиллеристы развертывают позицию. Разрывы снарядов наших орудий превратили земляной бастион русских в месиво из искореженных остатков орудий, воронок, изуродованных до неузнаваемости человеческих тел. В воздух взлетали черные комья земли, оторванные руки и ноги, и я не в силах был оторвать взора от этой страшной и в то же время завораживающей картины. Артподготовка заняла не более двадцати минут. Когда мы пошли во вторую танковую атаку, виляя между продолжавшими дымиться подбитыми вчера вечером нашими танками, я слышал, как по броне моей машины пощелкивают пули.

Мы стали справа обходить земляной вал, а следовавшие за нами пехотинцы кидали ручные гранаты в его середину. А когда они, вскарабкавшись на бруствер, стали соскакивать в траншею русских, тут мы поняли, что неприятелю конец и что теперь пехота разберется и без нас. Когда я немного погодя выбрался из машины на остатки вала и взглянул вниз, взору моему предстала ужасающая картина. На относительно небольшом участке валялись тела убитых, их было не менее сотни! Многие были без рук, без ног, а иногда от людей оставались одни только туловища. И все же, невзирая на обреченность, эти люди не выбросили белый флаг капитуляции! Да, это был враг, к нему полагалось испытывать ненависть. Или все-таки восхищение?

Дорога на восток в направлении Керчи теперь была свободна. Мы двигались параллельно побережью Черного моря. До Керчи оставалось не более пятидесяти километров. Мой танк, надсадно закряхтев, умолк, увязнув гусеницами в грязи. Только лошади еще кое-как тащились, чавкая копытами в раскисшей земле, да наши тяжелые полугусеничные тягачи. Армия фельдмаршала Эриха фон Манштейна остановилась...

Мы даже не удосужились выставить боевое охранение — какой смысл? И вдруг в полусне я услышал в отдалении треск винтовочных выстрелов и тут же артиллерийские залпы. Кто-то завопил в отчаянии, я даже не понял, на каком языке. Наш заряжающий, откинув крышку люка, внес ясность:

— Проклятые русские! Они здесь! Давайте выбирайтесь!

Уж и не помню, как мы умудрились нацепить на себя униформу и схватить оружие. Оказавшись снаружи, я понял одно: спасайся кто может! И плюхнулся прямо в жидкую грязь. Беспорядочно отстреливаясь, я полз по черной

жиже, пока не расстрелял все патроны. Так что в моем распоряжении оставался лишь штык. И тут я заметил ползущего буквально в паре метров от моего танка русского с автоматом в руках. Поскольку я слился с грязью, заметить меня он не мог. Осторожно выглянув из-за брони, я заметил и беспорядочную группу его боевых товарищей. Те кое-как тащились, утопая ногами в грязи, но все же приближались. Офицеры шли вместе с ними, отрывисто выкрикивая команды. А наши между тем исчезли из поля зрения. Отовсюду раздавались стоны раненых, немцев и русских. В общем, неразбериха, хаос. Чтобы избежать рукопашной схватки с русским у моего танка, сначала я притворился мертвым. До ужаса трудно, оказывается, дышать, если лежишь, уткнувшись лицом в грязь.

Хотя я потерял ощущение времени, атака красноармейцев наверняка не продлилась более получаса. Да, они вбили нас в буквальном смысле в землю, но было видно, что и сами выдохлись. И в этот момент откуда-то из тыла показалась немецкая пехота. Они шли с пригорка, поэтому имели возможность обозревать поле сражения. В силу того, что немцев от русских было не отличить — все были вываляны в грязи, — немцы автоматный огонь не открывали, стреляя одиночными и выборочно. Приказав всем лечь, пехотный офицер через рупор объявил русским, чтобы те поднимались и выходили с поднятыми руками. В первую минуту реакции на это не последовало. Только когда дали очередь из пулемета поверх голов, русские зашевелились. Один из их офицеров, оказывается, лежавший неподалеку от меня, поднялся и нехотя поднял руки. Он был без оружия. Мало-помалу собралась группа человек около ста.

Пока наши пехотинцы попытались выстроить пленных в маршевую колонну, я заметил и наших офицеров, пожаловавших откуда-то явно с тыла. Среди них были офицеры и довольно высокого ранга, и даже один генерал. Генерал подошел к нам, излучая дружелюбие, и поблагодарил нас, заявив, что, дескать, наблюдал за ходом боя (хотя лично я так и пролежал весь бой, уткнувшись физиономией в грязь), и добавил, что, мол, все мы, несомненно, достойны Железного креста. Ну да, мелькнула у меня мысль, креста — это точно, только вот какого — железного на грудь или же деревянного сверху…

Тем временем колонна пленных медленно потянулась в наш тыл как раз мимо нас. Солдаты покрепче пытались

поддержать легкораненых, а некоторых тяжелораненых даже несли. И вдруг — выстрел! Никто даже толком не понял, откуда он. Один русский лейтенант, выйдя из колонны пленных, выхватил пистолет и в упор выстрелил в нашего генерала. Тот сразу же мешком повалился в грязь. В первую секунду все, опешив, замерли. Но тут же опомнились и перешли к действиям. Несколько сопровождавших колонну конвоиров сразу же бросились к лейтенанту и, по-видимому, решив, что он и пули не стоит, ударами винтовочных прикладов повалили его в грязь и бросили на время, поскольку внимание всех было сосредоточено на пострадавшем генерале. Я подошел ближе к русскому, желая лучше разглядеть этого смельчака. Он был немногим старше меня. Кровь заливала ему лицо, но он был в полном сознании и, как мне показалось, в упор уставился на меня. В его взгляде не было страха, он ни о чем не просил, ибо прекрасно понимал, что его ожидает. Затем он медленно повернул голову и посмотрел туда, где лежал генерал. Тут мне показалось, что я вижу выражение удовлетворенности на его лице. Как раз в этот момент подошел один из конвоиров и сообщил, что генерал мертв. Заметив, что его убийца, русский лейтенант, еще жив, он страшным ударом приклада привел приговор в исполнение. Русский лейтенант свалился в черную жижу, даже не пытаясь защититься».

11 мая 1942 г. 22-я танковая дивизия вермахта достигла северного побережья Керченского полуострова и вышла к Азовскому морю, отрезав 47-й и 51-й армиям пути отхода. Из образовавшегося «котла» с боями, неся огромные потери, стали прорываться разрозненные части советских войск. Командование 47-й и 51-й армий выводило основные части из окружения по дорогам вдоль Азовского моря. 11-го мая на аэродром в районе Марфовки в тыл 44-й армии противник высадил парашютный десант, который помог немцам 13 мая прорвать оборону в центре Турецкого вала.

В сборнике документов «Война глазами военнопленных. Красноармейцы в немецком плену в 1941—1945 гг.» опубликован протокол допроса М. С. Усольцева, заместителя политрука 343-го минометного батальона 44-й армии:

«Вопрос: Где, когда, и при каких обстоятельствах вы попали в плен к немцам?

Ответ: В плен я попал 14 мая 1942 года при обороне города Керчь при следующих обстоятельствах. Я служил в должности зам. политрука в 343-м батальоне 44-й армии.

Прибыл в батальон 9 марта 1942 г. В это время 44-я армия была в обороне на рубеже трех курганов под Феодосией. 29 апреля 1942 г. согласно приказу 44-я армия была отведена в тыл километров на шесть или более на отдых и переформирование.

7 мая 1942 г. немецкие войска пошли в наступление по всему фронту и прорвали нашу оборону. Нашей части и вообще всем войскам, которые находились на отдыхе, был дан приказ занять линию укреплений. Мы выдвинулись километра на два в район Керлеут, заняли линию обороны и вели бои в течение дня, а вечером 07.05.1942 г. нам дали приказ отойти на старый рубеж, где мы были на отдыхе. Тут мы боев не принимали, а 8 мая 1942 г. утром получили приказ об отходе в тыл. Во время этого отступления от нашей роты остался один взвод. Где остальные взводы были, я не знаю, и после я никого из личного состава своей роты не видел. Мы с одним взводом нашли только штаб армии в одном хуторе, название не помню, где получили распоряжение сдать минометы и получить винтовки.

После этого наш взвод и другие подразделения, до 300 человек, заняли оборону на берегу Черного моря, а вечером пришел в наше расположение один офицер, по званию лейтенант, из штаба армии и объявил, что наша армия находится в окружении. Выстроил всех и поставил задачу на выход из окружения по направлению на восток, т. е. на Керчь.

При выходе из окружения мы никакого сопротивления не встретили. Только на одном рубеже было дано распоряжение обстрелять немецкий аэродром. Я этот аэродром не видел, потому что все происходило в ночное время. И на этом же рубеже мы продержались в течение суток, числа 11 или 12 мая. Утром 12 мая 1942 года нам снова дали приказ отойти в тыл до Турецкого вала, где мы продержались не больше шести часов. После этого снова были вынуждены отступать до старых укреплений, где нам снова приказали закрепиться и обещали подвезти боеприпасы. Но утром 13.05.1942 г. командования уже в подразделениях не было и приказов никто не отдавал. Отступали в беспорядке до противотанкового рва, где снова командованием из других частей был дан приказ закрепиться и удерживать рубеж. В это время я уже был один и действовал за стрелка, а взвод во время отступления с Турецкого вала потерялся.

Бой на противотанковом рву длился до вечера. В результате боя снова наши подразделения отступили. Я каким-то

образом остался один, встал во весь рост и направился в порт Камыш-Бурун, где также не было никаких частей. Тогда я пошел на Керчь. На подступах к Керчи все было заминировано. Только были оставлены узкие проходы, где я прошел их и снова встретился с лейтенантом Гладченко, с которым мы потерялись при отступлении от Турецкого вала. Мы с лейтенантом Гладченко 13 мая 1942 года хотели найти в Керчи свою армию, то есть штаб, но на пути снова поступило распоряжение всех собрать и идти в контратаку на немцев.

В результате контрнаступления немцы были оттеснены на 8 километров. Но 14 мая 1942 г. немцы подтянули резерв и снова наши подразделения оттеснили в Керчь. Бои были на окраине города Керчь. Я и л-т Гладченко решили пойти в порт с целью переправы, но в порту один офицер предупредил, что никакой посадки не будет и никого переправлять не будут. Тогда мы решили пойти на сопку недалеко от порта. Там было несколько бойцов, мы залегли, но вскоре начали подходить немцы и за собой вели колонну военнопленных, которые кричали: «Идите сюда!» Тогда я, видя такое положение, вынул из винтовки затвор, бросил в море, патроны закопал, а винтовку спрятал за камень, встал из окопа и пошел навстречу немцам сдаваться в плен.

Вопрос: Почему вы не можете назвать ни одного подразделения и части, где вы находились во время боя?

Ответ: Да я кроме своего батальона не знаю ни одной части, которые мы поддерживали и были которым приданы. Причина одна — потому что забыл.

Вопрос: Почему вы, как два офицера, оставшись вдвоем, не могли возглавить сами лично какое-нибудь подразделение, а действовали за стрелков?

Ответ: Причина заключалась в том, что наших подразделений не было и я их больше не видел, а другими подразделениями я не брался командовать, потому что были офицеры старше меня по званию.

Вопрос: Вам известно, что город Керчь был сдан немцам только в августе месяце 1942 г. и у вас была возможность не сдаваться в плен?

Ответ: Мне известно, что окраина г. Керчь и порт были заняты немцами, и мне на выход не было никакой возможности. Оставалось одно — идти в море или в плен.

Вопрос: Кто вас допрашивал в плену? По каким вопросам, сколько раз вызывался на допрос?

Ответ: За время нахождения в плену на допросы не вызывался. При взятии в плен немецкий офицер на русском языке спросил: «Какой части и армии?»

Вопрос: Что вы ответили на вопрос?

Ответ: Я сейчас не помню, что ответил, но знаю, что сведения давал фиктивные.

Вопрос: Кто может подтвердить пребывание вас в лагерях военнопленных? Назовите все лагеря, где вы находились во время плена.

Ответ: Лагерь в/пленных в г. Херсон – до марта 1943 г. Лагерь в/пленных в Германии — лагерь XIII Б. За этим лагерем числился до освобождения английскими войсками.

Вопрос: Будучи у англичан, вызывался ли на допрос или были ли беседы с английскими офицерами?

Ответ: На допросы у англичан не вызывался и ни с кем разговоры не вел, так как мы находились у них всего 3 дня.

Вопрос: Когда и каким образом прибыли от союзников?

Ответ: 9 июня 1945 года я был передан советскому командованию и находился в г. Лааге в проверочно-фильтрационном пункте».

12 мая 1942 года представитель Ставки Мехлис и командующий Крымским фронтом Д. Т. Козлов по приказу Ставки выехали на Турецкий вал в район Султановки, куда вышли части 44-й армии генерала Черняка, включая остатки 276-й сд. Штаб 44-й армии и представители фронта не смогли остановить отступающие войска и организовать оборону на этом рубеже. Немецкие части устремились на шоссе Султановка — Керчь. При активной поддержке люфтваффе с воздуха противник 13 мая нанес удар танками и пехотой по советским войскам на участке Султановка — Новониколаевка. Турецкий вал был прорван.

Из воспоминаний политрука А. М. Слуцкого: «В конце марта 1942 года нам выдали комсоставское обмундирование, новые сапоги и в срочном порядке отправили на Крымский фронт. Комиссарских звезд, нашитых на рукавах гимнастерок, у нас не было.

...Вечером мы прибыли в Керчь. Это было примерно 7 или 8 мая 1942 года. В городе чувствовалось дыхание фронта, хотя передовая находилась, как нам говорили, где-то в районе Семи Колодезей. А вечером был массированный немецкий налет на Керчь...

Утром 17 мая 1942 г., после нескольких авианалетов и длительной артподготовки, немцы перешли в наступление

на нашем участке. На нас пошли танки. Буквально за несколько часов до этой атаки за нашими спинами заняли позиции артиллеристы. Они помогли нам отбить первую атаку и подбили три немецких танка, но потеряли все свои орудия. Потом мы отбили еще одну атаку и пошли вперед, «в штыки», контратаковать. Моряки в бушлатах наступали вместе с нами. Танки уже стреляли по нам издалека. Заняли старую, еще «зимнюю» линию обороны. Я спрыгнул в окоп, а там — «зимний» немецкий труп, еще не успел разложиться.

Нам снова приказали идти в атаку. Мы выползли из окопов и короткими перебежками стали продвигаться вперед. Потом поднялись в полный рост и побежали на немцев. Нас встретили сильнейшим пулеметным и минометным огнем. Мы продвинулись еще метров на сто, но дрогнули и залегли в воронках от бомб и снарядов. И тогда по всему участку на нас снова пошли немецкие танки. Между мной и Шелеховым разорвался снаряд, меня ранило и контузило, и я потерял сознание. Очнулся ночью. Рядом со мной умирал Сережа Шелехов. Ему крупным осколком вырвало брюшину. Он только стонал и просил его пристрелить. Я не мог сделать это. Видел, как из соседних воронок поднимаются уцелевшие бойцы и ползут в тыл, но я не мог оставить Сережку одного, да и сам я еще не мог двигаться. На рассвете Сережа умер у меня на руках. Нас разбили. Так погиб наш выпуск школы замполитов».

Героизм и стойкость отдельных советских частей, мужество бойцов и командиров не в состоянии были переломить общую обстановку. Отход наших войск под непрерывными ударами немецких соединений приобрел неуправляемый характер. Под угрозой оказалась Керчь — место дислокации штаба Крымского фронта. В ночь на 14 мая 1942 года маршал Будённый издал приказ об эвакуации воинских частей на Таманский полуостров.

В результате на небольшом участке в районе переправы, шириной 5 км и глубиной 3 км, скопилось большое количество машин и людей. На подступе к переправе противника сдерживали остатки танковых частей и небольшие отряды из наиболее стойких подразделений 44-й и 51-й армий. Переправа все время проходила под бомбежкой вражеской авиации, а с 15 мая противник смог вести по переправе артиллерийский и минометный огонь. Немецкая авиация, совершая налеты с интервалом 5–10 мин, постоянно бомбила

наши войска и переправу. В ночь с 14 на 15 мая 1942 года штаб Крымского фронта переместился в Еникале.

В Аджимушкае для прикрытия эвакуации войск через Керченский пролив был сформирован сводный отряд, который возглавил начальник отдела боевой подготовки штаба фронта П. М. Ягунов. В его подчинении было около 4 тыс. человек. В течение 14—17 мая, ведя ожесточённые бои в районе Аджимушкая, отряд Ягунова сдерживал и отвлекал на себя немецкие войска, что позволило произвести эвакуацию значительной части войск. С 16 по 17 мая с трёх пристаней были переправлены на таманский берег около 41 тыс. человек.

В течение 14—15 мая в Керчи продолжались уличные бои. После того как были исчерпаны все возможности обороны города, защитники Керчи отступили в Аджимушкайские каменоломни, соединились с отрядом П. М. Ягунова и 18 мая ушли под землю, в штольни. Более 10 000 военнослужащих укрылись в Великих катакомбах, около 3000 — в Малых. Заняв оборону в каменоломнях, сводный отряд и жители города продолжали сражаться. Свыше пяти месяцев (с середины мая по конец октября 1942 года) длилась беспримерная в истории борьба подземного гарнизона с многократно превосходящим по численности и вооружению врагом. Воды в каменоломнях не было, её под пулями приходилось добывать снаружи. По воспоминаниям выживших бойцов, «за ведро воды платили ведром крови». Из 13 тыс. защитников «Керченского Бреста» в живых осталось только 48 человек.

16 мая, ведя ожесточенные бои, оставшиеся отряды 44-й армии отошли в район п. Колонка, завода им. Войкова. В ночь с 17 на 18 мая оборона на этом участке была прорвана.

18 мая в течение дня группы и отряды 44-й армии, численностью около 3,5 тыс. человек, отойдя в район Капканы, Еникале, вели ожесточенные бои. Руководили обороной штаб 51-й армии и представитель Ставки Л. З. Мехлис.

19 мая 1942 года на небольшом плацдарме у Еникале, обеспечивая эвакуацию войск, вели последние бои сводные отряды бойцов численностью около 3,5 тыс. человек, которыми командовали полковники М. В. Волков, М. К. Зубков, И. И. Людников. Сражение на Керченском полуострове было закончено. Десятки тысяч защитников Крыма пали на поле боя и погибли при переправе через Керченский пролив. В ходе яростных боев были убиты многие опытные командиры

Красной Армии. Погибли командиры стрелковых дивизий и бригад полковники М. Я. Пименов, П. И. Немерцалов, М. Д. Нечаев, К. М. Мухамедьяров, И. П. Леонтьев. Погиб командующий 51-й армией генерал В. Н. Львов. На Таманский полуостров, по разным оценкам, удалось эвакуирвать около 130 – 150 тыс. человек.

Эвакуация с Керченского полуострова продолжалась с 15 по 20 мая 1942 г. По приказу вице-адмирала Ф. С. Октябрьского в район Керчи с ближайших баз и портов собрали баржи, сейнеры, тральщики, боты, баркасы и буксиры, торпедные и сторожевые катера. Всего удалось эвакуировать около 140 тыс. человек. В ночь на 20.05.1942 на корабли под огнем минометов и пулеметов погрузились последние подразделения, прикрывавшие эвакуацию остатков войск Крымского фронта на Таманский полуостров. После захвата немцами города защитники Керчи ушли в Аджимушкайские каменоломни. Директивой Ставки Крымский фронт и Северо-Кавказское направление были ликвидированы. Остатки войск направлялись на формирование нового Северо-Кавказского фронта.

Точно подсчитать истинные потери сторон в Керченской операции не представляется возможным из-за неполноты сведений и утраты многих документов. Манштейн в своих воспоминаниях пишет о 170 000 взятых в плен солдат и офицеров Красной Армии. Франц Гальдер указывает цифру в 150 000 пленных. Федор фон Бок утверждает, что было захвачено около 170 000 пленных. Роберт Фуржик пишет о 28 000 убитых и 147 000 пленных. Максимилиан Фреттер-Пико более осторожен в оценке и утверждает, что было взято в плен 66 000 человек.

С 8 мая 1942 г. Крымский фронт потерял 162 282 человека, 4646 орудий и минометов, 196 танков, 417 самолетов, 10 400 автомашин, 860 тракторов. На Таманский полуостров удалось эвакуировать около 140 тыс. человек, 157 самолетов, 22 орудия и 29 установок РС. Немцами в качестве результата операции «Охота на дроф» было заявлено в документах о 170 тыс. пленных, захвате и уничтожении 258 танков и 1100 орудий (А. В. Исаев, канд. ист. наук).

4 июня 1942 года Ставка ВГК объявила виновным в «неудачном исходе Керченской операции» командование Крымского фронта. Армейский комиссар 1-го ранга Мехлис был снят со всех постов и понижен в звании до корпусного комиссара. Генерал-лейтенант Козлов снят с поста коман-

дующего фронтом и понижен в звании до генерал-майора. Командующий 44-й армией генерал-лейтенант Черняк снят с поста, понижен в звании до полковника и направлен в войска с целью «проверить на другой, менее сложной работе». (В боях будет дважды тяжело ранен и закончит войну в звании генерал-майора.)

Сражение за Керчь было крайне тяжелым и кровопролитным. Это подтверждают и немецкий фельдмаршал, и русский солдат. Генерал-фельдмаршал Манштейн в своих мемуарах пишет: «Незабываемое зрелище открывалось с высоты вблизи города Керчь, где мы встретились с генералом фон Рихтгоффеном. Перед нами был берег, на котором стояло несметное количество разных машин. Советские катера предпринимали все новые попытки подойти к берегу, чтобы взять на борт хотя бы людей, но наши отгоняли их огнем. Чтобы добиться капитуляции последних остатков сил противника, отчаянно оборонявшихся на берегу, огонь всей артиллерии был сосредоточен на этих последних опорных пунктах. Все дороги были забиты брошенными машинами, танками и орудиями противника. На каждом шагу навстречу попадались длинные колонны пленных».

Эрих фон Манштейн, вспоминая пленных, почему-то в своих мемуарах умалчивает о том, что во многих подразделениях вермахта, выполняя секретный приказ, поступивший из его штаба в устной форме, командиры за день до наступления отдали распоряжение: «Красноармейцам перевязок делать не следует, ибо немецкой армии некогда возиться с ранеными! Комиссаров и политработников при взятии в плен немедленно уничтожать, применяя оружие!»

В мае 1945 года Манштейн будет арестован офицерами британских оккупационных войск и отправлен в лагерь для военнопленных. В августе 1949 года предстанет перед Британским военным трибуналом в Гамбурге, ему будет предъявлено обвинение в совершении военных преступлений и нарушении законов войны. По девяти пунктам обвинения Манштейна признают виновным (в частности, в том, что он допускал расстрелы военнопленных и санкционировал передачу комиссаров в руки СД). Манштейна приговорят к 18-ти годам тюремного заключения, однако через три года фельдмаршала досрочно освободят.

Западная Фемида, видимо, сочла заслуги Манштейна в расстрелах русских военнопленных и комиссаров безусловным смягчающим обстоятельством. «Немцы, убивая русских,

тем самым спасали бесценные жизни англичан и американцев!» — «мудро» рассудили судьи, отменяя свой «несправедливый» приговор и освобождая Манштейна из-под стражи.

Из воспоминаний гвардии рядового К. Балдина: «В ночь на 14 мая 1942 г. заняли огневые позиции в полукилометре юго-западнее Керчи на безымянной высоте. К утру мы были готовы к бою, и вскоре по команде капитана Миносевича орудия открыли огонь прямой наводкой по танкам и мотоциклам, появившимся на гребне ближайшей высоты. Бронебойных снарядов у нас не было. Поэтому, ведя огонь осколочно-фугасными снарядами, мы метили по гусеницам танков. После трех-четырех залпов несколько фашистских танков были подбиты, а мотоциклисты куда-то исчезли. Немецкие танкисты, по всей видимости, еще не успели точно засечь нас, поэтому их снаряды летели через нашу огневую позицию и разрывались за нашими спинами.

Трудно сказать, чем бы мог закончиться этот бой, если бы на нас вскоре не обрушились десятки «юнкерсов», отвесно пикирующих на наши батареи. Через мгновение мы оказались в кромешном аду воя, визга, сплошного грохота от разрывов авиабомб и треска пулеметных очередей. Чудом уцелевшие в окопах батарейцы увидели страшное зрелище: исковерканные орудия, исчезнувшие земляные окопы-укрытия с людьми и иссеченного осколками нашего командира отдельного артдивизиона капитана Миносевича.

По приказанию оставшегося старшим на батарее лейтенанта мы извлекли из орудий клиновые затворы и боевые пружины. Под прикрытием трех ручных пулеметов, взяв раненых, начали отходить к северной окраине Керчи. Тем временем в южную часть города уже ворвались немецкие мотоциклисты. Вечером нам удалось погрузить раненых товарищей на катер в районе поселка Опасное. Переночевав в поселке Маяк, мы на другой день, согласно приказу об эвакуации, попытались сесть на катер. Но, увидев по всему побережью огромное скопление повозок, автомашин, лошадей и потерявших связь со своими подразделениями бойцов, приняли решение вернуться к поселку и дальше действовать по обстановке.

Немецкая авиация свирепствовала, подвергая непрерывным ударам переправы через Керченский пролив, катера и скопления людей. Укрывшись в небольшом овражке неподалеку от поселка Маяк, мы под командованием сержанта заняли круговую оборону. Нас было чуть больше десяти

человек. У каждого — винтовка, гранаты-лимонки и по три-четыре обоймы патронов.

Провели около суток на этой позиции, а утром увидели немецкие танки и автомашины с автоматчиками, двигавшиеся в нашу сторону. По команде сержанта стали отходить к поселку Маяк, откуда загремели пушечные залпы: это открыли огонь по гитлеровской колонне наши зенитные батареи. Мы залегли и наблюдали, как танки остановились и попятились под разрывами зенитных снарядов, а автоматчики заметались. Вскоре появился большой отряд наших бойцов, который быстро продвигался в сторону прорвавшихся гитлеровцев. Присоединившись к отряду, под прикрытием зенитчиков гнали врагов назад несколько километров.

На другой день нам пришлось отойти к крепости Еникале. Погрузив на катера раненых, мы переправились через Керченский пролив на косу Чушка. К этому времени гитлеровцы захватили Маяк, Жуковку и Глейки. Оттуда они вели огонь из орудий и минометов по проливу и побережью.

Поздно ночью, добравшись по косе Чушка до поселка Кордон, мы с грустью и скорбью смотрели на объятый огнем пожаров берег Керченского полуострова. На душе было горько и больно. Как могло все это произойти — так трагично и нелепо? Почему? Все мы дрались храбро и честно, до последней возможности, и никто из нас не сделал ни шагу назад без приказа. Подавляющее большинство наших товарищ пало в жесточайших боях. Погибли младший лейтенант Мирошниченко, рядовой Свешников, лейтенант Шевченко, младший сержант Огий, рядовой Канжава, капитан Миносевич и десятки, сотни других наших бойцов и командиров. Выводя из окружения своих ездовых, погиб в жестоком штыковом бою старшина Спектор, о чем поведал нам участник этого боя рядовой Кудинов. 9 мая 1942 года погиб в бою командующий нашей 51-й армией генерал-лейтенант В. Н. Львов.

Оставшиеся в живых бойцы отдельного артдивизиона собрались в станице Ахтанизовской. Построившись в одну шеренгу, рассчитались, нас оказалось 43 человека. А ведь совсем недавно нас в артдивизионе было около четырехсот».

В годы войны фронтовая судьба младшего командного состава Красной Армии — взводных и ротных командиров, лейтенантов — была, пожалуй, самой короткой. Их боевой путь часто заканчивался первой атакой, потому что они

шли впереди своих подразделений и первыми падали от разрывов снарядов, первыми принимали вражеский свинец. Так было в боях под Керчью и Севастополем в 1942 году, так будет и под Берлином в 1945-м. Но тогда, в далеком 1942 г., никто еще из чудом выживших лейтенантов не мог себе представить, что они будут со скорбью и завистью вспоминать своих погибших товарищей, что их невольное спасение от гибели в кровавой керченской мясорубке обернется для них в фашистском плену таким чудовищным кошмаром, что некоторые из пленных примут жуткую смерть за колючей проволокой как милосердный дар судьбы, избавивший их от земного фашистского ада.

18 мая 1942 года в районе переправы на берегу Керченского пролива немецкие солдаты подобрали контуженного разрывом снаряда и оставленного на поле боя русского лейтенанта Матвея Лифинского, командира роты 873-го стрелкового полка 276-й сд 44-й армии Крымского фронта. Его не пристрелили на месте, как нередко поступали гитлеровцы с ранеными бойцами и командирами, а отправили на сборный пункт военнопленных. Кровопролитные сражения на поле боя с оружием в руках для лейтенанта закончились, начиналась другая смертельная схватка, оружием в которой были беспредельное мужество, огромная сила воли и безграничная преданность своей Родине. Тяжелые бои, тысячи погибших остались позади. Впереди был плен, людские потери в котором были не меньшими.

Глава III

Плен

А народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи.

2 Цар. 12:31

В плену истинное мужество заключается не в том, чтобы призывать смерть, когда не осталось сил жить, а в том, чтобы остаться непоколебимым перед смертью, когда цена жизни — предательство. Тяжелыми, а для многих смертельными, были первые дни, недели и месяцы плена. Чтобы лучше понять отношение лагерной охраны к военнопленным, достаточно прочитать мемуары немецкого солдата Кёрнер-Шрадера: «На деревянных вышках — охрана с пулеметами. Между вышками парные патрули с собаками. Когда темнело, пленных с помощью собак отгоняли от ограды к центру лагеря. Охранники поднимались по лестнице на вышку и там передавали пулеметы. При передаче часовой, отстоявший свою смену, давал очередь в толпу пленных, согнанных в центр лагеря, как доказательство того, что он сдавал исправное оружие. А в центре лагеря на песке оставалось несколько трупов. После этого заступающий на пост часовой лично сам проверял пулемет, давая очередь по толпе. Затем сдавший вахту охранник спокойно спускался с вышки» (Кёрнер-Шрадер П. Дневник немецкого солдата).

Из приказа по 60-й немецкой мотопехотной дивизии № 166/41, опубликованного в сборнике материалов «Нюрнбергский процесс» (МНП, документ СССР-124/3): «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою. Даже

отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться до тех пор, пока противник не станет безопасным... Фанатизм и презрение к смерти делают русских противниками, уничтожение которых обязательно».

Немецкий солдат, выполняя подобный приказ и не желая конвоировать пленных на сборный пункт, мог застрелить каждого из них. Расстрелы безоружных, попавших в плен красноармейцев не были большой редкостью. Расстреливали не только комиссаров и политруков Красной Армии, но и тяжелораненых бойцов, от которых вермахт избавлялся в первую очередь. К февралю 1942 года, по данным немецких источников (Reinhard Rurup), около двух миллионов советских солдат, попавших в плен, умерли от голода, холода, эпидемий или были расстреляны.

«В случае с русскими пленными речь идёт не о военнопленных в обычном смысле, но, как подчеркнул фюрер в своей последней речи, о врагах, которые сплошь состоят из зверей и скотов. Так с ними в первую очередь и следует поступать» (Eugen Kogon. Der SS-Staat, s. 186–188).

1 сентября 1941 г. на территории Крымского полуострова, а также Херсонской и Запорожской областей Украины нацисты создали новую административную единицу — генеральный округ «Крым» с населением около 2 млн человек. Центром этого новообразования был выбран Симферополь. Генеральный округ «Крым» являлся составной частью ещё более крупной оккупационной структуры — рейхскомиссариата «Украина». Помимо округа «Крым», в рейхскомиссариат входили ещё пять генеральных округов: «Волыния-Подолия», «Житомир», «Киев», «Николаев» и «Днепропетровск». Полновластным правителем этих оккупированных территорий стал видный функционер нацистской партии Эрих Кох, который имел резиденцию в городе Ровно.

Высшим органом гражданской оккупационной администрации в генеральном округе «Крым» являлся генеральный комиссариат, который возглавил Альфред Фрауэнфельд. В административном отношении территория генерального округа делилась на 14 округов, в каждом из которых планировалось создать окружной комиссариат. Как правило, эти новые административные единицы объединяли два-три бывших советских района. К своим обязанностям Фрауэнфельд приступил 1 сентября 1942 г., административный центр был

перенесён из Симферополя в Мелитополь, а генеральный округ получил название «Таврия».

На протяжении всего периода оккупации реальная власть на Крымском полуострове принадлежала командующему войсками вермахта в Крыму, который по вертикали подчинялся командующему группой армий «А» (с апреля 1944 г. — группа армий «Южная Украина»). С декабря 1941 г. по май 1942-го на этом посту находился командующий 337-й пехотной дивизией генерал-лейтенант Карл Шпанг.

С мая по июль 1942 года в Крыму развернулись ожесточенные бои, в результате которых гитлеровцы оккупировали полуостров, вся полнота административной власти на его территории перешла к соответствующим органам штаба 11-й армии генерал-фельдмаршала Манштейна.

Согласно приказу Гитлера от 17 июля 1941 г., на рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Гиммлера было возложено «полицейское обеспечение восточных территорий». Последний назначал главных фюреров СС и полиции, которые являлись высшими полицейскими чиновниками в рейхскомиссариатах или тыловых районах групп армий. Хотя фюреры СС и полиции формально подчинялись рейхскомиссарам, реальную власть над ними имел только Генрих Гиммлер.

В округах и районах генерального округа «Таврия» находились структурные подразделения аппарата фюрера СС и полиции, которые возглавляли соответственно окружные и районные фюреры. Всего было 14 полицейских округов, фактически совпадающих территориально с округами гражданской администрации. Охранная полиция и полиция порядка были представлены в этих округах соответствующими отделами (Романько О. В. Крым под пятой Гитлера).

Полевые комендатуры создавались обычно в пределах одного или двух бывших советских районов. Им подчинялись местные комендатуры, создаваемые в городах, районных центрах, крупных узлах железных и шоссейных дорог и местах дислокации военных гарнизонов. Комендатуры должны были выполнять в том числе охрану коммуникаций, военных объектов и лагерей военнопленных. В Крыму этим занимались 4 полевые и 23 местные комендатуры.

Подразделения тайной полевой полиции были представлены группами, каждая из которых имела в своём составе от двух до пяти комиссариатов, разделенных на внешние команды. Всего функционировали четыре оперативные

группы: «А», «Б», «Ц» и «Д», приданные группам армий. В тыловом районе группы армий «Юг» действовала оперативная группа «Д», штаб которой с ноября 1941 г. по август 1942-го располагался в Симферополе.

После занятия полуострова оккупанты приступили к уничтожению «враждебных» (коммунисты) и «расово неполноценных» (евреи, крымчаки, цыгане) групп населения. Эти функции были возложены на оперативную группу «Д». Её подразделения действовали в Симферополе и крупных населённых пунктах полуострова, уничтожив к началу 1942 года более 20 тыс. мирных жителей. Постоянным местом расстрелов гитлеровцы избрали противотанковый ров в Курцовской балке, в двух километрах от Симферополя, балку у села Дубки и так называемый Картофельный городок. Совхоз «Красный» был превращён в лагерь смерти, в котором находились тысячи заключённых — советских военнопленных и жителей Крыма. Здесь ежедневно совершались расстрелы, за годы оккупации погибло более 8 тысяч человек. В других городах и селах нацисты также устраивали жестокие расправы. Местами массовых расстрелов мирных жителей стали Красная Горка в Евпатории, Аджимушкайские каменоломни и Багеровский ров в Керчи. «По приходу Красной Армии в Керчь в январе 1942 года при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 м, глубиной в 2 м, был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков» (ЦГАОР СССР, ф. 7445, Л. Смирнов).

Всего за время оккупации Крыма нацисты расстреляли 72 тыс. человек, более 18 тыс. крымчан замучили в тюрьмах и лагерях. Кроме того, на территории Крыма фашисты уничтожили около 45 тыс. советских солдат и офицеров, оказавшихся в немецком плену (О. В. Романько).

«Зверское обращение с военнопленными практикуется немцами и на пересыльных пунктах, при переброске советских военнопленных. В районе с. Демьяновка Украинской ССР пересыльный пункт для военнопленных расположен под открытым небом. Многие пленные умирают от истощения. Во время следования пленных к местам назначения ослабевших пристреливают на месте. При переброске советских пленных из Хорола в с. Семеновка на Украине красноармейцев заставляли все время бежать. Падавших от истощения и усталости пленных немедленно расстреливали» (из ноты НКИД В. М. Молотова. Москва, 25.11.1941).

Созданный под Керчью лагерь военнопленных представлял собой страшное зрелище. На огороженное колючей проволокой пространство были согнаны десятки тысяч красноармейцев и местных жителей. Раздетые и разутые люди умирали от холода и голода. Рядом с живыми лежало множество трупов, которые не убирали по нескольку дней. Жителей, передававших пленным пищу и хлеб, избивали, а военнопленных, пытавшихся взять передачи, расстреливали. На смену погибшим гнали новых пленных. Жители Керчи в ужасе наблюдали, как конвоиры пристреливали тех, кто не мог идти от истощения и ранений. «Вся дорога от переправы до города, протяженностью 18—20 км, была усеяна трупами красноармейцев» (МНП, документ СССР-63 –/6). Такие переходы назывались «маршами смерти».

Перемещение советских военнопленных осуществлялось с большими жертвами, особенно в первый и последний годы войны. Транспорт использовался редко, основной формой их перемещения были пешие колонны. Конвоировали пленных по специальным маршрутам, как правило, вдали от населенных пунктов, по бездорожью и открытой местности. Их протяженность достигала от нескольких десятков до нескольких сотен километров. Переходы длились до четырех недель. Ежесуточный переход иногда составлял около 40 км, причем в колоннах находились раненые, больные и истощенные пленные.

Из архивных документов и свидетельств очевидцев известно, что в лагерях и в ходе марша царили произвол, издевательства, переходившие в зверство: раненых убивали, сжигали, подвергали пыткам, вырезали на теле звезды, отравляли газом в каменоломнях, топили в море, забрасывали гранатами помещения, где находились красноармейцы. Полно и ясно по этому поводу высказался один из очевидцев крымской трагедии 1942 г.: «Земля была полита кровью и усеяна трупами умерших и убитых в пути следования колонн военнопленных».

Людей, прибывших в лагерь, окруженный колючей проволокой, в первые месяцы войны размещали под открытым небом на голой земле. Они были незащищены от ветра, дождей и холода. У большинства пленных не было даже шинелей. Они жили в норах, пещерах, землянках, шалашах, спали на холодной и сырой земле. Это значительно увеличивало смертность. Насилие и издевательства лагерной охраны были обычным явлением. Особенно жестоко

с пленными обращались лагерные охранники из украинцев (Ерин М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг.).

Первые немецкие лагеря в прифронтовой полосе чаще всего представляли собой открытое пространство в поле, овраге, или же это были карьеры, на дне которых размещали пленных. Склоны служили естественной преградой для побега. Нередко, размещаясь под открытым небом, пленные вынуждены были ночевать в вырытых ими ямах. В 22-м армейском пункте сбора пленных большая их часть располагалась в землянках и «только с помощью ручных гранат их удавалось выгонять на свет божий» (K. Streit). С наступлением темноты все пленные должны были лежать, по каждому поднявшемуся открывался огонь без предупреждения.

Иногда пленных размещали на скотных дворах, складах, фермах, стадионах, в разрушенных казармах и церквах. Лагерная территория огораживалась несколькими рядами колючей проволоки, некоторые лагеря обносились дощатыми заборами высотой до 3 м. Для длительного пребывания, как правило, использовались уже имеющиеся постройки: полуразрушенные здания, бараки, конюшни, сараи, все малопригодные или вовсе не приспособленные для жилья помещения. Пленные сами строили бараки и лагеря, используя примитивные средства, вся территория огораживалась колючей проволокой и сторожевыми вышками.

Согласно справочнику Федеральной архивной службы (Росархив, 1994) в Керчи военнопленных содержали в лагерях, расположенных:

— ул. Аджимушкайская (концлагерь);
— район бочарного завода (концлагерь);
— Вокзальное шоссе (концлагерь);
— клуб ИТР (лагерь);
— школа им. Войкова (лагерь);
— здание гестапо (тюрьма);
— городская тюрьма (военнопленные и гражданское население);
— ул. Чкалова, здание детских яслей (лагерь);
— здание средней школы № 24 (лагерь);
— п. Самострой (лагерь);
— п. Аджимушкай, клуб им. Энгельса (лагерь).

Гражданка П. Я. Булычева, 1894 г. р., уроженка Керчи, показала: «Я была свидетельницей того, как неоднократно гнали наших военнопленных красноармейцев и офицеров,

а тех, которые из-за ранений и общего ослабления отставали от колонны, немцы расстреливали прямо на улице. Я несколько раз видела эту страшную картину. Однажды в морозную погоду гнали группу измученных, оборванных, босых людей. Тех, кто пытался поднять куски хлеба, брошенные проходящими по улице людьми, немцы избивали резиновыми плетками и прикладами. Тех, кто под этими ударами падал, расстреливали. В период второй оккупации Керчи в мае 1942 г. они с еще большим остервенением стали расправляться с пленными.

...Военнопленные были загнаны в большие здания, которые потом поджигались. Так были сожжены школа им. Войкова и клуб инженерно-технических работников. Ни одному из пленных не удалось выбраться из горящего здания. Всех, кто пытался спастись, расстреливали из автоматов. Зверски были замучены раненые бойцы в рыбацком поселке Маяк» (МНП, документ СССР-63/6).

Другая свидетельница, жительница этого же поселка А. П. Буряченко, показала: «28 мая 1942 г. немцы расстреляли всех оставшихся в поселке и не успевших спрятаться мирных жителей. Фашистские изверги издевались над ранеными советскими военнопленными, избивали их прикладами и потом расстреливали».

В районе Керчи имеются Аджимушкайские каменоломни. Жительница деревни Аджимушкай Н. Н. Дашкова рассказала: «Я лично видела, когда немцы, выловив красноармейцев в каменоломне, подвергли их издевательствам, а потом расстреливали».

В 1942 г. фашисты бросили живьем в колодец деревни Аджимушкай около 100 пленных красноармейцев, трупы которых впоследствии были извлечены жителями и похоронены в братской могиле.

В клубе им. Энгельса во время оккупации был расположен лагерь военнопленных, в котором находилось свыше тысячи человек. Немцы издевались над ними, кормили их один раз в день, гнали на тяжелые, изнурительные работы, а тех, кто от истощения падал, расстреливали на месте.

Жительница поселка им. Войкова Н. И. Шумилова показала: «Я лично видела, когда мимо моего двора вели группу военнопленных. Трое из них не могли двигаться. Они были тут же расстреляны немецким конвоем».

Гражданка П. И. Герасименко, жительница поселка Самострой, свидетельствует: «...В наш поселок согнали много

красноармейцев и офицеров. Территория, где они находились, была огорожена колючей проволокой. Раздетые и разутые люди умирали от холода и голода. Их держали в самых ужасных, нечеловеческих условиях. Рядом с живыми лежало множество трупов, которые не убирались по нескольку дней. Пленных избивали прикладами, плетками, кормили их помоями. Жителей, пытавшихся передать пленным пищу и хлеб, избивали, а военнопленных, пытавшихся взять передачи, расстреливали».

В 24-й керченской школе немцы создали лагерь военнопленных. О порядках в этом лагере рассказала учительница школы А. Н. Наумова: «В лагере было много раненых. Несчастные истекали кровью, но оставались без помощи. Я собирала для раненых медикаменты и бинты, а фельдшер из числа военнопленных делал им перевязки. Люди падали от истощения и болезней, умирали в страшных мучениях. 20.06.1942 трое военнопленных были избиты плеткой за попытку совершить побег из лагеря. Пленных расстреливали».

Учительница школы им. Сталина Кожевникова лично видела, как была расстреляна группа военнопленных офицеров и красноармейцев в районе фабрики-кухни и завода им. Войкова.

Тех пленных, которых не смогли использовать в прифронтовой зоне, эвакуировали. При дивизиях были созданы пункты сбора военнопленных, откуда они должны были направляться в такие же пункты при армиях. Командующим тыловыми районами групп армий подчинялись пересыльные лагеря, охрану которых обеспечивали охранные дивизии, состоящие из стрелковых батальонов охраны тылов и пехотных полков. Из этих пересыльных лагерей (дулагов) пленные должны были направляться в «пункты приёма» на границе с генерал-губернаторством, а оттуда — в стационарные лагеря (шталаги) на территории генерал-губернаторства и Третьего рейха.

Все находившиеся в лагерях Германии военнопленные и иностранные рабочие были в ведении: а) концернов и их отдельных предприятий; б) верховного командования вермахта (ОКВ); в) главного управления имперской безопасности (РСХА). Во власти первых были так называемые рабочие лагеря. Под началом ОКВ находились различного рода лагеря военнопленных: дулаги, т. е. транзитные лагеря, шталаги — лагеря для красноармейцев и офлаги — лагеря для офицерского состава, а также лагерные рабочие команды.

В подчинении РСХА были концентрационные лагеря и так называемые рабочие исправительные лагеря. Концлагеря имели множество филиалов или внешних команд, количество которых, по официальным данным, опубликованным правительством ФРГ, доходило до 1118.

После поражения советских войск на Керченском полуострове гитлеровское командование 15 июня 1942 года издало подробные распоряжения о вывозе из прифронтовой полосы вновь поступающих пленных и об обращении с ними. Считалось достаточным, чтобы пленные жили в землянках и питались «русским хлебом». Численность советских пленных при этом продолжала неуклонно сокращаться за счёт чрезвычайно высокой смертности. На совещании в германском министерстве снабжения 24.11.1941 г. был предложен новый рецепт «русского хлеба»: «Чтобы изготовить для русских специальный хлеб, необходима смесь, состоящая из 50% ржаных отрубей, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки, изготовленной из соломы или листьев» (МНП, документ СССР-117).

Из обвинительного заключения Нюрнбергского трибунала под номером СССР-32 (ЦГАОР СССР, ф. 7445): «Обвиняемый ефрейтор германской армии Рецлав Рейнгард, прошедший обучение в отдельном батальоне «Альтенбург», на следствии показал: на курсах было организовано несколько лекций руководящих чиновников германской тайной полевой полиции, которые прямо утверждали, что народы Советского Союза, и в особенности русской национальности, являются неполноценными и должны быть в подавляющем большинстве уничтожены, а в значительной своей части использованы немецкими помещиками в качестве рабов. Эти указания исходили из политики германского правительства в отношении народов оккупированных территорий, и надо признать, что в практической работе каждым военнослужащим германской армии, в том числе и мною, неуклонно выполнялись».

Оказавшись в плену, люди попадали в необычные для жизни условия (массовые казни, горы трупов, крематории, голод, издевательства). Сотни тысяч советских военнопленных были подвергнуты одному из самых страшных испытаний — голоду. Из приказа № 22 штаба 88-го полка вермахта: «Конские трупы будут служить пищей для русских военнопленных. Подобные пункты (свалки конских трупов) отмечаются указателями». Голод заставлял людей

есть траву, сухие листья, сено, кости, ремни, кору деревьев, желуди, улиток, крыс, падаль.

В фашистских лагерях военнопленных умерщвляли не только при помощи голода, массовых расстрелов, но и применяли усовершенствованные методы убийства. В концлагере Освенцим осенью 1941 года впервые был опробован на 900 советских военнопленных способ массового убийства при помощи «Циклона Б».

Из свидетельских показаний шофера частей СС Пауля Вальдмана (МНП, документ СССР-52): «Заключенных беспрерывно возили из внутреннего лагеря на трех грузовых машинах, одну из которых водил я. Сама экзекуция происходила в бараке, который незадолго до этого был оборудован для данной цели. Одно помещение предназначалось для раздевания, а другое — для ожидания. В помещении играло радио, и довольно громко. Это делалось для того, чтобы заключенные не могли заранее догадаться, что их ожидает смерть. Из второго помещения они поодиночке шли через проход в маленькое, отгороженное помещение, на полу которого была железная решетка, под решеткой был сделан сток. Как только военнопленного убивали, труп уносили два немецких заключенных, а решетка очищалась от крови.

В этом небольшом помещении имелся прорез, приблизительно в 50 сантиметров. Военнопленный становился затылком к щели, и стрелок, находящийся за щелью, стрелял в него. Такое устройство практически не удовлетворяло, так как часто стрелок не попадал в пленного. Через восемь дней было произведено новое устройство. Пленного, так же как и раньше, ставили к стене, потом на его голову медленно спускали железную плиту. У военнопленного создавалось впечатление, будто хотят измерить его рост. В железной плите имелся ударник, который опускался и бил заключенного в затылок. Он падал замертво. Железная плита управлялась при помощи ножного рычага, который находился в углу этого помещения. Умерщвленные таким образом военнопленные сжигались в четырех передвижных крематориях, которые перевозились на прицепе автомашины» (речь идет о Заксенхаузене — нацистском концлагере, расположенном рядом с Ораниенбургом в 35 км к северу от Берлина).

В Яновском «Цвангсарбайтлагере» подо Львовом по приказанию гитлеровцев оркестр из заключенных-музыкантов исполнял специально сочиненную мелодию, названную «Танго смерти». Территорию лагеря оккупанты замостили

надгробными камнями с Яновского и Клепаривского кладбищ, под ногами на плацу кое-где на могильных плитах читались фамилии погребённых. За мастерскими, неподалеку от конюшни, поставили две виселицы. Такие же эшафоты соорудили возле кухни во второй части лагеря. Если не хватало места, людей вешали и на дереве. Пытки, истязания и казни гитлеровцы проводили под «Танго смерти», а незадолго до подхода советских войск все оркестранты, прямо во время последнего исполнения этой музыки, ставшей символом ужаса, во главе с дирижером львовской оперы Мунтом и профессором львовской консерватории Штриксом также были расстреляны.

Комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключенных, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, которая также стреляла. Гауптштурмфюрер СС Франц Вардок подвешивал заключенных за ноги к столбам и так оставлял их до наступления смерти; оберштурмфюрер Рокита лично распарывал заключенным животы; начальник следственной части Яновского лагеря Гайне просверливал тела заключенных палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин ногти, затем раздевал свои жертвы, подвешивал за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени». Гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр замораживал военнопленных зимой в бочках. Жертвам связывали руки и ноги и опускали в воду. Обреченные находились в бочке до полного замерзания.

Из протокола допроса свидетеля Манусевича под номером СССР-6в/8 (в Яновском лагере Манусевич работал в команде заключенных, занятой сжиганием трупов, после сожжения 40 тысяч трупов советских людей, умерщвленных в Яновском лагере, команда была отправлена для аналогичных целей в лагерь, размещенный в Лисеницком лесу): «В этом лагере на фабрике смерти были организованы специальные 10-дневные курсы по сжиганию трупов, на которых занималось 12 человек. Фамилии курсантов не знаю, но это были не рядовые, а офицеры. Преподавателем курсов был комендант сжигания полковник Шаллок, который на месте, где выкапывали и сжигали трупы, рассказывал, как практически это производить, разъяснял устройство машины по размолу костей». Суду далее будут представлены фотография этой машины и акт её осмотра, вернее, акт технического освидетельствования.

«Дальше Шаллок объяснял, как разровнять яму, просеять и посадить деревья на этом месте, где рассыпать и прятать пепел человеческих трупов. За время моего пребывания, то есть за пять с половиной месяцев работы в Яновском и Лисеницком лагерях, было пропущено десять партий курсантов».

«Кроме расстрелов, в Яновском лагере применялись разные пытки, а именно: в зимнее время наливали в бочки воду, привязывали человеку руки к ногам и бросали в бочки. Таким образом человек замерзал. Вокруг Яновского лагеря было проволочное заграждение в два ряда, расстояние между рядами 1 м 20 см, куда забрасывали человека на несколько суток, откуда он сам не мог выйти, и там умирал от голода и холода. Но прежде чем забрасывать, человека избивали до полусмерти. Вешали человека за шею, ноги и руки, а потом пускали собак, которые разрывали человека. Ставили человека вместо мишени и производили учебную стрельбу. Этим больше всего занимались гестаповцы: Гайне, Миллер, Блюм, начальник лагеря Вильгауз и другие, фамилии которых не могу припомнить. Давали человеку в руки стакан и производили учебную стрельбу. Если попадали в стакан, то человека оставляют живым, а если в руку, то тут же расстреливают и при этом заявляют, что «вы к труду не способны, подлежите расстрелу». Детей от 1-го месяца до 3-х лет бросали в бочки с водой, и там они тонули. Привязывали человека к столбу против солнца и держали до тех пор, пока человек не умирал от солнечного удара.

Кроме этого, в лагере перед посылкой на работу производили так называемую проверку физически здоровых мужчин путем бега на расстояние 50 м, и если человек хорошо пробежит, то есть быстро и не споткнется, то остается живым, а остальных расстреливали. Там же, в этом лагере, была площадка, заросшая травой, на которой производили бег, если человек запутается в траве и упадет, то его немедленно расстреливали. Трава была выше колен. Женщин вешали за волосы, при этом раздевали догола, раскачивали их, и они висели, пока не умирали.

Был такой еще случай: одного молодого парня гестаповец Гайне поставил и резал от его тела куски мяса. И одному сделал в плечах множество ножевых ран. Этот человек вылечился и работал в бригаде смерти, а впоследствии был расстрелян. Возле кухни во время получения кофе палач Гайне, когда стояла очередь, подходил к первому, который

стоял в очереди, и спрашивал, почему он стоит впереди, и тут же его расстреливал. Таким же порядком он расстреливал несколько человек, а потом подходил к последнему в очереди и спрашивал его, почему ты стоишь последний, и тут же расстреливал его. Все эти зверства я лично сам видел во время пребывания в Яновском лагере».

Из выступления помощника главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнова (стенограмма заседаний военного трибунала 14—19 февраля 1946 г.): «Оглашенные мною показания свидетеля Манусевича находят полное подтверждение в официальном Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области». Из Сообщения Чрезвычайной Комиссии видно, что система гнуснейших издевательств над беззащитными людьми насаждалась и организовывалась высшей лагерной администрацией, неизменно подававшей подчиненным личные примеры бесчеловечности.

Я не буду никак комментировать этот документ, но я прошу уважаемый Суд обратить внимание на некоего оберштурмфюрера СС Густава Вильгауза, упоминаемого в этом документе».

Гауптштурмфюрер СС Гебауэр установил в Яновском лагере систему зверского истребления людей, которую потом, после его перевода на новую должность, «совершенствовали» коменданты лагеря — оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз и гауптштурмфюрер СС Франц Варцок.

«Я лично видел, — сообщил Комиссии бывший заключенный лагеря Аш, — как гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр душил женщин и детей, а мужчин замораживал в бочках с водой».

Заключенные в лагере истреблялись без всякого повода, часто на спор. Свидетельница Р. С. Киршнер сообщила следственной комиссии, что комиссар гестапо Вепке, поспорив, ударом секиры разрубил мальчика пополам.

Одной из отличительных особенностей Яновского лагеря было то, что помимо имеющихся эшафотов, гитлеровцы дополнительно соорудили так называемую «добровольную виселицу» для тех, кто уже не в силах был дальше терпеть зверства фашистов и решил покончить жизнь самоубийством.

В 1943 году в день рождения Гитлера (ему исполнилось 54 года) комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз отсчитал из числа заключенных 54 человека и лично их расстрелял.

При лагере для заключенных была организована больница. Немецкие палачи Брамбауэр и Бирман каждого 1-го и 15-го числа проводили проверку больных и, если устанавливали, что среди них имеются такие больные, которые находятся в больнице более двух недель, тут же их расстреливали. При каждой такой проверке расстреливались от 6 до 10 человек.

Пытки, истязания и расстрелы немцы производили под музыку. Для этой цели и был организован оркестр из заключенных, который во время казней постоянно исполнял одну и ту же мелодию, названную «Танго смерти». С сентября 1941-го по июнь 1944 г. под песчаной горой ниже лагеря, в «Долине смерти», где совершались массовые казни, фашистами расстреляно от 150 до 200 тысяч заключённых.

Особенно тяжелая участь выпала на долю раненых военнопленных. В зону ответственности ОКВ можно было эвакуировать только тех раненых, чьи раны заживут в течение 4-х недель. За другими следовало присматривать в особых вспомогательных лазаретах для военнопленных, оборудованных персоналом пересыльных лагерей. Эти лазареты создавались не внутри пересыльных лагерей, а на расстоянии 500–900 м от них. Во многих случаях раненых расстреливали сразу на поле боя. Более четкие инструкции даны в документах, регламентирующих обращение с «ненужными на войне» пленными, которые из-за утраты зрения, конечностей или из-за других ранений были «более неспособны к службе» и, соответственно, нетрудоспособны. Даже в ужасающих условиях лагеря их участь была особенно трагична.

С июня 1942 года всех пленных офицеров Красной Армии, от младшего лейтенанта до полковника включительно, имевших гражданские специальности, стали отправлять на работу в Германию. Обращение с легкоранеными пленными несколько улучшилось, что было связано с дефицитом рабочей силы в рейхе. В то же время тяжелораненых советских военнопленных, признанных инвалидами и нетрудоспособными, командование вермахта передавало СС и полиции на местах. Согласно указаниям рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Гиммлера, предписывалось «передать пленных дальше и обеспечить работой», что являлось зашифрованным приказом о ликвидации пленных. Бывший руководитель отдела IV A 1 РСХА штурмбанфюрер СС Курт Линдов заявлял после войны, что генерал-майор фон Гревениц, начальник службы по делам военнопленных, в 1942 г.

на совещании представителей ОКВ и РСХА предложил передавать неизлечимых советских пленных для ликвидации в гестапо (Christian Streit).

Общее количество нетрудоспособных пленных, переданных гестапо, неизвестно, поскольку данная статистика тщательно скрывалась. Начиная с осени 1941 года айнзатцкоманды мюнхенского гестапо стали отбирать в VII корпусном округе «неизлечимо больных» пленных и расправляться с ними. После выхода в сентябре 1942 года приказа Кейтеля нетрудоспособные пленные были доставлены в концентрационные лагеря и умерщвлены. В концлагере Нойенгамме только за ноябрь 1942 года газом отравили 251 советского пленного инвалида. Большое количество нетрудоспособных пленных было доставлено в концлагерь Маутхаузен, где их попросту уморили голодом. В концлагере Майданек в ноябре 1943 года газом отравили группу из 334 советских военнопленных инвалидов.

Как показывают сохранившиеся документы, в оккупированных советских областях приказы Мюллера и Кейтеля о ликвидации тяжелораненых советских военнопленных неуклонно выполнялись. В конце октября 1942 г. нетрудоспособные пленные 358-го стационарного лагеря в Житомире «в большом количестве были переданы в распоряжение начальника полиции безопасности». Часть пленных была незамедлительно ликвидирована. 24 декабря 1942 года оставшиеся в живых 68 или 70 военнопленных по приказу начальника полиции безопасности подверглись в Житомире, на северо-западе Украины, «особому обращению». Дело только потому попало в документы, что 20 человек из подлежащих «особому обращению» пленных, ставшие свидетелями расстрела своих товарищей, убили эсэсовцев и сумели бежать (Streit C. Keine Kameraden. — Stuttgart, 1978).

О стойкости советских пленных, проявленной в фашистских застенках, можно судить по письму пятерых заключенных из гестаповской тюрьмы г. Киева (конец 1941-го — начало 1942 г.): «Дорогие друзья, мирные жители, бойцы и командиры. Мы, узники фашизма, сейчас находимся за три часа от смерти. Нас пять человек: Виктор Селезнев, Иван Кириллов, Петр Афанасьев, Андрей Кошелев и Володя Данилов.

Сидим в смертной темнице уже девять дней. Попали в плен в момент оккупации Киева. Нас терзали, пытали, казнили... Мучили два месяца подряд. Пытались узнать много

из военной тайны. Но честные воины, русские воины знают, что Родина дороже жизни. Если мы пятеро погибнем, то за нас отомстят миллионы наших товарищей. Прощайте, скоро мы погибнем, но погибнем геройской смертью.

Прочтите эту записку и сообщите родным, что русские погибают смертью храбрых. Возле виселицы в минуту перед смертью споем «Интернационал». Да здравствует Родина! Да здравствует Красная Армия! Витя Селезнев. Ржев, Кирова, 14. Иван Кириллов. Калинин, ф-ка Ворошилова, д. 5, кв. 20. Кошелев Андрей. Хреновое, Воронежская область. Петр Афанасьев. Ст. Оскол, Советская, 3. Володя Данилов. Тамбовская обл., дер. Негорелое. Прощайте. Данилов».

О силе духа и стойкости советских солдат и офицеров также свидетельствуют многочисленные надписи на стенах гестаповских тюрем, лагерных казематов и карцеров. Некоторые из них написаны на стене или нацарапаны на штукатурке: «Братишки! Черноморцы дорогие! Не думайте, что я попал в плен здоровым. Я был тяжело ранен, но подлечили, сволочи, чтобы использовать как рабочего. Не иду. Сегодня били, отбили все до селезенки, прощайте. Ваш Михаил».

«Сегодня меня не будет, но останетесь вы, моряки-черноморцы. За меня, братишки, пошлите несколько пуль — пусть помнят, что мы не сдаемся, что меня нет, но есть вы. Ваш Николай».

«Меня пытали, били резиновыми палками, на моем теле нет живого места. Оно все черное от побоев».

«20 мая 1944 г. Уводят в неизвестном направлении 280 русских офицеров. Прощайте, братья! Кто будет читать эти надписи, вспомните о нас».

«Русский народ никогда не забудет и не простит фашистам за такие зверства над народами, и в особенности над русскими. Голод, расстрелы, избиения, издевательства».

«Здесь сидел за побег с шахты Чеснаков А. М. 21 день, два побега». «Акулиничев Михаил Федорович 1925 г. р., с Урала, г. Свердловск, сидел за третий побег. И еще буду бежать».

«Будь проклят этот карцер, просидел 35 дней, все пережил и в аду был от переживаний. Товарищи по камере, не отчаивайтесь, мы свою жизнь завоюем».

«Памятный день. Год назад я, Чернов, попал к паразитам в руки и нахожусь под их властью. Да будет проклят этот день и власть паразитов. Да здравствует свобода всех народов!»

«Здесь, как и под Сталинградом, русские люди стояли насмерть! Прощайте, не забудьте нас!»

Из мемуаров военнопленного Г. Н. Сатирова «Русский человек и перед лицом смерти не пасует»: «Стены камеры испещрены надписями чуть ли не на всех языках мира. (В тюрьме бьют смертным боем за точечку на стене, а здесь почему-то не обращают на это никакого внимания.) Я видел русские, французские, польские, немецкие, итальянские, чешские, украинские, арабские, словацкие, голландские, греческие надписи. Вот некоторые из них: «Vive la France!» (Да здравствует Франция!), «Esccze Polska nie sginela!» (Еще Польша не погибла!), «Alsase est francais!» (Эльзас принадлежит Франции!), «Vive De Golle! A bas Lavale et Doriot!» (Да здравствует де Голль! Долой Лаваля и Дорио!)

Есть и более длинные записи: «Они били меня, эти проклятые боши. Меня — офицера французской армии, кавалера Почетного легиона. Били за то, что я не желал на них работать, предпочитая любезничать с хорошенькой немкой. Я знаю, они меня казнят. Но я не боюсь смерти. Франция отомстит бошам!»

От русских надписей веет озорством, удальством, ухарством. Вот изображен большой фаллос с подписью: «Х... Гитлер!» А вот другой рисунок: русский уд направлен в сторону немецкой цитронии (гейневское выражение). Подпись гласит: «Е... я вашу новую Европу!» И все в таком же роде.

Когда просмотришь все надписи, первое впечатление остается далеко не в пользу русских. Как-то даже досадуешь на своих. Думается: вот у французов всюду проглядывает любовь к отчизне, ностальгия, а в наших надписях нет и следа патриотизма, никакой взволнованности чувств. Отчего это?

Я рассказал об этом товарищам по тюремной камере. Никита Федорович задумался вначале, но потом с живостью возразил: «А мне, знаете, нравятся русские надписи. У французов сантименты, порожденные в большой мере страхом пыток и казни. Русский же человек и перед лицом смерти не пасует. Сейчас его поведут на пытку, через час, может быть, пристрелят, а наш земляк положил на все с прибором. Это ли не положительная черта русского характера».

Задумался и я. В самом деле, Никита Федорович в основном прав. Французское сердце, как стены старинной капеллы, искусно расписано всякими сакраментально-сентиментальными образами — арабесками. Тут можно встретить и «belle France», и «chére Patrie», и «chagrin de pays», и

amour, и уж, конечно, exil (прекрасная Франция, дорогое Отечество, тоска по родине, любовь, изгнание). За русским же озорством таится огромная сила, уверенность, воля к жизни и к борьбе» (Отечественные архивы. – 2003, № 6).

Надпись на стене тюремной камеры № 17 в Луцке (январь 1944 г.): «Приближается черная, страшная минута! Все тело изувечено — ни рук, ни ног. Но умираю молча. Страшно умирать в 22 года. Как хотелось жить! Во имя жизни будущих после нас людей, во имя тебя, Родина, уходим мы. Расцветай, будь прекрасна, родимая, и прощай. Твоя Паша». Гестаповцы арестовали Пашу Савельеву 22 декабря 1943 года. После ужасных пыток и мучений в январе 1944 г. фашисты сожгли ее во дворе средневекового католического монастыря, превращенного гитлеровцами в кровавый застенок (Литературная газета. – 02.06.1960).

Чем больше свирепствовали гитлеровцы в тюрьмах и лагерях, тем острее становилось чувство ненависти к палачам, тем сильнее было желание мстить за погибших друзей, за все пережитое в этом аду, тем чаще происходили побеги из лагерей. Тех, кого удавалось фашистам поймать, казнили на виду у всего лагеря страшной казнью. Беглецов расстреливали, вешали, отдавали на растерзание собакам или помещали в клетку из колючей проволоки и заставляли умирать медленной смертью от голода и жажды. Однажды троих бойцов, пойманных после побега, заживо сварили в котлах лагерной кухни. Но даже эти изощренные злодейства не могли сломить воли пленных, задушить в них стремление снова вырваться на свободу и опять начать борьбу с ненавистным врагом (Смирнов С. Брестская крепость).

В послевоенные годы немецкий исследователь Х. Пфальман определил, что только до 1 сентября 1942 года, за первые 14 месяцев Великой Отечественной войны, из плена бежали почти 41 300 офицеров и солдат Красной Армии. Так, в июне 1944 г. в одном из своих докладов о состоянии военной экономики страны министр вооружений и военной промышленности Шпеер говорил, что побеги из лагерей иностранных рабочих и военнопленных приняли угрожающие размеры и что из общего числа бежавших ежемесячно удается обнаружить и вернуть к местам работы от 30 до 40 тыс. человек.

Какой части вырвавшихся из-за колючей проволоки лагерей удалось обрести полную свободу и вернуться в строй антифашистских борцов, сражавшихся с оружием в руках,

сказать, разумеется, невозможно. Тем не менее участие большого числа их в партизанских отрядах на временно оккупированной врагом территории Советского Союза, а также в других странах, свидетельствует о том, что значительная часть побегов, особенно в последний период войны, увенчалась успехом. Только во Франции сражались 35 000 советских солдат и офицеров, бежавших из немецкого плена, — более 6000 из них погибли (Chris McNab).

Согласно же немецким данным, советские военнопленные за годы войны совершили около миллиона попыток побега, многие из них — неоднократно.

Чем больше затягивалась война, тем нужнее становился рабский труд на заводах Германии. Для достижения более высокой производительности труда надо было советских военнопленных «поставить на ноги», что позволило незначительно снизить крайне высокую смертность среди них.

Организационный отдел управления по делам военнопленных верховного командования германской армии (ОКВ) 1 мая 1944 года докладывал гитлеровской ставке, что частями вермахта захвачены в плен 5 165 381 красноармеец и командир Красной Армии. Известный западногерманский историк профессор Боннского университета Ганс-Адольф Якобсен считает, что 2 млн военнопленных погибли в стационарных лагерях, 280 тыс. умерли в транзитных лагерях и 1 030 157 расстреляны при побегах или казнены службой безопасности и гестапо. По данным Якобсена, основанным на документах ОКВ, общее количество советских пленных доходило до 5 700 тыс. человек, из которых пережили плен немногим более 1 млн. Согласно отечественным публикациям за первый период войны Красная Армия потеряла пленными свыше 3 млн, а за всю войну — около 5 млн.

На Нюрнбергском процессе советская сторона представила документ из аппарата рейхсминистра А. Розенберга (справка на имя рейхсмаршала Г. Геринга, сведения в ней давались по состоянию на 10 января 1942 г.), в котором говорилось об общем числе советских пленных и называлась цифра в 3,9 млн, из них имелись в наличии только 1,1 млн. О «недостающих» 2,8 млн в справке ничего не говорилось, но из других немецких источников известно, что общее количество умерших в лагерях советских пленных к середине января 1942 года перевалило за отметку в 2 млн человек, без учета свыше 400 тыс. пленных, погибших еще до поступления в лагерь (Земсков В. Н. Российская история. № 3, 2011).

Большинство зарубежных исследователей, основываясь на документах штабов немецких войск, называют число 5,7 млн военнопленных. С ними можно было бы согласиться, но известны факты, когда немецкое командование относило к военнопленным гражданских лиц. Отечественные источники дают число 4,559 млн человек, однако в него не включены партизаны, подпольщики и т. д. К тому же нельзя забывать тот факт, что учет личного состава Красной Армии в первые годы войны из-за крайне сложной обстановки не был полным. По данным начальника управления МО РФ генерал-майора В. Попова, в немецком плену находились 4,5 млн советских военнослужащих, из которых погибли 2,722 млн человек.

«Всего вместе со своими подчиненными тяжесть неприятельского плена разделили 83 генерала, среди них 7 командующих армиями, 2 члена военного совета, 4 начальника штаба армий, 5 начальников артиллерии армий, начальник тыла армии, командующий ВВС армии, начальник отдела военных сообщений армии, 19 командиров корпусов, 2 заместителя командиров корпусов, 3 начальника артиллерии корпуса, 31 командир дивизий, заместитель командира дивизии, командир танковой бригады, начальник училища, начальник кафедры Военной академии Генерального штаба, начальник оперативного управления фронта, начальник управления Главного разведывательного управления Генерального штаба, заместитель начальника санитарного отдела фронта.

Несмотря на скудное питание, тяжелые работы, глумление и издевательства, на обещания немецких властей всяческих благ, лишь около десятка генералов дали согласие на сотрудничество с врагом. Шести генералам удалось бежать из плена. За подготовку побегов и советскую агитацию среди военнопленных в лагерях были казнены 15 человек, в их числе генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, генерал-майоры И. С. Никитин, Г. И. Тхор, Герой Советского Союза И. М. Шепетов, 10 умерли от голода, болезней, побоев и тяжелого физического труда. За мужество и героизм, проявленные на фронтах и в плену, были удостоены звания Героя Советского Союза генералы Д. М. Карбышев (1946), Г. И. Тхор (1991) и звания Героя Российской Федерации — М. Ф. Лукин (1999). Все посмертно» (Дембицкий Н. П. Судьба пленных).

Надежда на спасение, надежда выжить — это и есть та самая искра, которая помогает людям бороться за право на

своё существование в плену. Иногда страстное желание выжить переходит какую-то невидимую грань подсознания, и человек перестаёт быть человеком, и товарищ отбирает у своего товарища хлеб или становится предателем. Только непоколебимая воля и вера в победу советского народа позволяли сохранить человеческое достоинство в плену, что само по себе было уже подвигом. В чудовищном круговороте беспощадных нацистских концлагерей тусклый лучик надежды светил измученным и голодным пленным, заставляя истерзанные сердца биться на исходе последних сил.

Известный американский публицист Генри Кэссиди, возглавлявший в годы войны Московское бюро информационного агентства США Ассошиэйтед Пресс, 7 мая 1945 г. написал: «Русские могут утверждать, без особых опасений быть опровергнутыми, что они сделали больше всех для победы в Европе. Их победы были самыми главными... и горе их было величайшим, потери их были величайшими».

Бóльшая часть советских военнопленных попала в плен в первые 6—8 месяцев войны, и бóльшая их часть, более 2 млн, была убита в это же время. Казни пленных осуществлялись в несколько этапов. Выявленные по нашивкам комиссары и политруки расстреливались вермахтом в прифронтовой полосе. Помимо этого, части СС имели собственные приказы, в исполнении которых вермахт должен был оказывать им содействие. Части СС, допущенные в прифронтовую полосу, расстреливали также евреев, а иногда и всех коммунистов. Раненые и ослабленные военнопленные расстреливались в ходе длительной и изнурительной пешей эвакуации, во время так называемых маршей смерти. После прибытия в лагеря спецподразделения с помощью доносчиков из числа пленных проводили дальнейшую «сортировку», которая заканчивалась расстрелом «опасных элементов» или отправкой «нежелательной» части пленных в лагеря уничтожения (Hans-Adolf Jacobsen. Kommissarbefehl... Freiburg 1965, S. 200–204).

Расстрелы «наиболее активных и политически опасных» для фашистов советских пленных, которые осуществлялись частями вермахта до середины 1942 года, а частями СС до конца войны, исполнялись по личному указанию Гитлера в строгом соответствии с совершенно секретным «приказом о комиссарах».

Глава IV

«Приказ о комиссарах»

Сначала стреляйте,
потом допрашивайте!

(Авторство
приписывают
Г. Герингу)

Русские — звери! У нас
кровь лучше, сердце
тверже, нервы крепче.

(Из речи Гиммлера
в Доме летчиков.
Берлин, 09.06.1942)

Одной из целей войны гитлеровской Германии против СССР, как это не раз подчеркивала геббельсовская пропаганда, было «уничтожение большевистского мировоззрения». Ветеран вермахта немецкий писатель Heinz Höhne (Хайнц Хёне), известный исследователь истории НСДАП и СС, пишет: «Гитлер 30 марта 1941 года собрал в новой рейхсканцелярии 200—250 высших офицеров вермахта и выступил перед ними с речью: "Война против России не может вестись по-рыцарски. Это война идеологий и расовых различий. Восточная кампания будет самой жестокой из всех. Большевизм — это социальное преступление, — кричал фюрер, — комиссары и сотрудники НКВД — преступники, и с ними следует обращаться как с преступниками! Комиссары придерживаются взглядов, прямо противоположных национал-социализму, следовательно, комиссары должны быть уничтожены"». Итогом этой «пламенной» речи Гитлера стал самый преступный приказ в немецкой военной истории: так

называемый «приказ о комиссарах», обязывающий фронтовых командиров обращаться с захваченными комиссарами и политработниками Красной Армии не как с военнопленными, а как с политическими преступниками, которых следует ликвидировать на месте или передать для казни в полицию безопасности».

Один из разработчиков «приказа о комиссарах» заместитель начальника штаба ОКВ Вальтер Варлимонт в книге «В ставке Гитлера» (Praeger, 1964) пишет: «Это была та самая речь Гитлера, которая положила начало "приказу о комиссарах" и декрету относительно порядка действия военно-полевых судов в районе проведения "Барбароссы", известному под кратким названием "приказ Барбаросса"».

План ликвидации политработников Красной Армии вермахт подготовил задолго до вторжения Германии в Советский Союз. На Нюрнбергском процессе генерал Варлимонт под присягой подтвердил, что Гитлер на совещании высших немецких чинов в конце марта 1941 г. заявил «о необходимости применения специальных мер против политкомиссаров Красной Армии. Комиссары не должны рассматриваться в качестве военнопленных, их следует уничтожать на месте или передавать особым группам СС и СД, следующим за немецкой армией». Обо всех расстрелах политработников Красной Армии в целях осуществления контроля за выполнением «приказа о комиссарах» незамедлительно докладывалось руководству РСХА в Берлин.

8 июня 1941 г. замначальника штаба ОКВ генерал Варлимонт подписал директиву ОКВ № 44822/41 от 6 июня 1941 года «Указания об обращении с политическими комиссарами». Именно эта директива в большинстве источников названа «приказом о комиссарах» (Kommissarbefehl). Некоторые исследователи таковым документом считают директиву главной ставки фюрера от 12 мая 1941 года «Обращение с захваченными в плен политическими и военными русскими руководящими работниками», а также директиву, направленную Гитлером в адрес ОКВ 31 марта 1941 года (Kommissar Erlass — Указ о комиссарах). Согласно этим документам комиссары Красной Армии подлежали расстрелу на месте, поскольку считались «подлинными носителями большевистской идеологии» и «представляли особую угрозу германской безопасности».

В вермахте насаждался демонический образ политрука — «красного угнетателя», который под «дулом пистолета гнал

красноармейцев в бой». В инструкции, изданной ОКВ, говорилось: «Каждый, кто взглянул в лицо любого красного комиссара, узнает, что такое большевизм. Мы бы оскорбили животных, если бы отыскали их черты в этих еврейских рожах». Войскам внушалась мысль, что комиссары являются инициаторами азиатских методов ведения войны, поэтому к ним следует относиться со всей беспощадностью, а соблюдение в отношении комиссаров международных законов недопустимо. Они не являются военнопленными и после сортировки подлежат уничтожению (Felix Romer).

«Приказ о комиссарах» приравнивал советских политруков к партизанам. Слово «комиссар» в нацистской терминологии фактически было синонимом слова «еврей». «Приказ о комиссарах» на начальной стадии войны способствовал тому, что часть политруков — по разным оценкам, от 7 до 8 тысяч — были уничтожены» (Жуков Д., Ковтун И. Русские эсэсовцы. — М.: Вече, 2010).

Из показаний генерала Варлимонта на Нюрнбергском процессе (МНП, документ СССР-263): «Гитлер заявил, что он предпринимает специальные меры против политических работников и комиссаров советской армии, война против СССР будет не обычной войной, это будет борьба противоположных идеологий. Поэтому политических работников и комиссаров Красной Армии нельзя считать обычными военнопленными. Я признаю документ, озаглавленный «Директивы об обращении с ответственными политическими работниками для достижения единообразия в линии поведения, согласно заданию, полученному 31 марта 1941 г.». В документе говорится, что советские политработники и комиссары, взятые в плен, должны быть выделены и уничтожены».

Письменные показания Варлимонта, Олендорфа (бывшего начальника III управления РСХА) и Лахузена (начальника отдела контрразведки абвера) подтверждают тщательность, с которой выполнялся этот приказ. Армия, гестапо, СС и СД, как показывают многочисленные документы, действовали сообща. «Интерес вермахта к выполнению приказа был настолько высок, что штаб одной из групп армий сделал в Берлин запрос: следует ли рассматривать политруков в качестве политических комиссаров и надо ли с ними обращаться соответственно? Этот случай весьма показателен, так как в «приказе о комиссарах» политруки вообще не упоминались. Запрос генералов вермахта способствовал тому, что политруков, которых в РККА было гораздо

больше комиссаров, также стали включать в расстрельные списки» (Штрайт Кристиан. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг.).

«Приказ о комиссарах» 8 июня 1941 г. разослали в группы армий. Учитывая содержание приказа, был установлен необычайно строгий порядок сохранения его в тайне: письменные экземпляры поступали только в штабы армий и выше, а на более низком уровне приказ распространялся устно. За несколько дней до нападения на СССР «приказ о комиссарах» стали зачитывать в войсках, причем его интерпретация была доверена средним командирам. Их понимание задачи нередко было куда более широким, чем сам приказ (Römer F. Der Kommissarbefehl. Paderborn, 2008).

Рядовой Руди Махке, попав в плен, показал: «Наш капитан Финкельберг делал в роте доклад о Красной Армии за два дня до начала похода. Кратко были обсуждены знаки различия, затем он сказал, что в плен никого брать не нужно — это лишние едоки и вообще это раса, истребление которой является прогрессом. Комиссары, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, настоящие черти в образе человеческом, их надо без колебаний расстреливать на месте. Невыполнение этого приказа будет стоить жизни нам самим» (ГАРФ. ф. 7021 оп. 148 д. 44 л. 156).

Из показаний немецкого солдата Гарри Марека: «21-го июня, за день до начала войны против России, мы от наших офицеров получили следующий приказ: комиссаров Красной Армии необходимо расстреливать на месте, не надо с ними церемониться. С ранеными русскими также нечего долго возиться: их надо просто прикончить на месте». Из показаний солдата Вольфганга Шарте: «За день до нашего выступления против Советского Союза офицеры нам заявили следующее: «Если вы по пути встретите русских комиссаров, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, и русских женщин в форме, то их немедленно нужно расстреливать. Кто этого не сделает и не выполнит приказа, тот будет привлечен к ответственности и наказан».

В июле 1941 г. руководство вермахта, СС и РСХА пришло к общему соглашению о необходимости всех «неблагонадежных», а под ними понимались комиссары, политработники, функционеры ВКП(б), «фанатичные коммунисты», евреи — члены партии, отсеивать из общей массы военнопленных и переводить в концлагеря для дальнейшего уничтожения. На Востоке экзекуции разрешалось проводить без

заключения в концлагерь. Вермахт брал на себя обязанность оказывать содействие в поисках «неблагонадежных» пленных для дальнейшей передачи в гестапо.

По тайному распоряжению Гитлера и в соответствии с инструкцией ОКВ от 06.06.1941 г. «Основы, определяющие пребывание в лагерях политических комиссаров» специальные команды СС, СД и гестапо разыскивали комиссаров в лагерях военнопленных и отправляли их затем в концлагерь, где ликвидировали. Командование вермахта внимательно следило за реализацией «приказа о комиссарах». Даже тогда, когда нацистам не удавалось сразу обнаружить комиссаров, их выявляли при помощи информаторов и предателей, а затем расстреливали.

Из воспоминаний М. В. Темкина: «Среди военнопленных находились отдельные подлецы и негодяи, которые за окурок, тарелку брюквенного супа, кусочек хлеба выдавали политруков, комиссаров и евреев; без таких предателей гестапо никогда бы не удалось выявить их в лагере. Каждое утро военнопленные вызывались в гестапо по доносу. Утром 7 ноября 1941 года меня вызвали и повели в гестапо, которое находилось за пределами лагеря. В гестапо меня встретили выкриками: «С праздником!» Били недолго, но мне казалось, что это длится вечно. Затем приступили к допросу. Сидело трое гестаповцев. Один допрашивал, второй вел протокол допроса, третий держал большую столовую ложку и бил меня ею, не переставая, по голове. Потом делали перерыв, затем снова ставили меня в угол и били ногами по костяшкам моих ног — это был их излюбленный метод избиения. Первое время я на вопросы отвечал отрицательно, но, после того как убедился, что выхода никакого нет, что все равно меня убьют, расстреляют, понял — нечего отпираться. После этого я решил признаться и стал на все вопросы отвечать утвердительно.

На вопрос — большевик, отвечал — большевик, коммунист – коммунист, еврей – еврей. Я думал только об одном – пусть поскорее расстреляют и прекратятся избиения. Для убедительности они спрашивали, евреи ли моя мать, отец, бабушка, дедушка; на все я отвечал — да. Мои показания занесли в протокол, и гестаповец, который меня допрашивал, распорядился меня увести, а вдогонку конвою крикнул: «Ремень заберите у него, не то еще повесится». И меня увели.

Ежедневно рано утром камера открывалась и на пороге появлялись гестаповцы разных чинов. Давалась команда:

«Ауфштейн!» (Встать, смирно!) Один из гестаповцев на каждого из нас в отдельности поочередно указывал пальцем, а заключенный должен был ответить, кто он, за что сидит. Фамилии их не интересовали. Каждый стоящий в строю отвечал: политрук, комиссар, еврей — никто этого уже не скрывал. Вели себя с достоинством. Когда заключенные называли себя, гестаповцы, присутствующие при этом, водили у себя пальцем по горлу и говорили: «Капут!» Обратно уже никто не возвращался — всех расстреливали.

...Мы находились в таком состоянии, что мыться самостоятельно не могли. Нас мыли и терли щетками люди в полосатых костюмах — кто они, мы пока не знали. Когда нас вымыли, всем выдали белье: полосатые брюки и куртки, а также деревянные колодки. После того как все оделись, нам приказали построиться. Какой-то лагерник в полосатом костюме на чистом русском языке объявил: «Вы знаете, куда вы попали? Это один из самых известных в Германии концлагерей — Дахау». И вкратце он объяснил нам, какой существует в лагере порядок. Беспрекословное подчинение и исполнение всех указаний любого заключенного, поставленного над нами старшим, за малейшее неповиновение — смерть и крематорий.

На следующий день поступил приказ всех переписать, а списки передать кому положено. И переводчики приступили к составлению списков. Переводчики хотели нам помочь и решили не записывать нас политруками и комиссарами. Вместо званий политрук или старший политрук записывали — лейтенант, старший лейтенант. Были среди нас один батальонный комиссар и один полковой комиссар. Обоих записать офицерскими званиями побоялись, так как эсэсовцы и руководство концлагеря могли узнать — это было очень рискованно. Самое активное участие принимал в этом переводчик, немец-коммунист. Он говорил, что ему все равно не выйти живым отсюда, и всем военнопленным приписывал воинские звания — лейтенант, старший лейтенант; все он взял на себя. Мне, говорил, терять нечего. Таким образом полкового комиссара записали полковником. В списках оставили нетронутым звание только одного батальонного комиссара, а меня записали как «гальб юдэ» — «полуеврей».

После того как в лагере стало известно, что среди русских военнопленных офицеров есть один комиссар и один «гальб юдэ», каждый день к нам приходили эсэсовцы — рядовые,

офицеры и даже генералы, чтобы посмотреть на русского комиссара и полуеврея. На комиссара все глядели как на какое-то чудище. На нас ходили смотреть как на редких зверей в зоопарке. Меня ставили на табурет, приказывали смотреть прямо, повернуть голову направо, затем налево, расстегнуть одежду и показать грудь. Эсэсовцы внимательно меня рассматривали и между собой кивали утвердительно: "Я, я, дас ист гальб юдэ! — Да, да, это полуеврей!"».

Важно подчеркнуть, что «приказ о комиссарах» появился в результате заблаговременного планирования и предшествовал нападению Германии на Советский Союз. Пропаганда, которая велась в войсках, постоянно внушала немецким солдатам, что жизнь советских военнопленных и гражданских лиц ничего не стоит, что с захватом СССР связано спасение Германии от ада и самого страшного проявления варварства — «еврейско-русского большевизма» — позора всех цивилизаций. Для комиссаров не существует никаких ценностей, они ни во что не верят, и в этом крестовом походе «красные безбожники» будут истреблены. «Приказ о комиссарах» — это символ политики уничтожения идеологических противников.

Приказ преследовал цель устранить любое сопротивление, которое угрожало немецкому господству на востоке Европы. «В борьбе с большевизмом на соблюдение принципов международного права рассчитывать не приходится. От политкомиссаров всех мастей, как носителей духа сопротивления, следует ожидать исполненного ненависти, жестокого и бесчеловечного отношения к нашим военнопленным. Поэтому войска должны сознавать: в этой борьбе нет места пощаде и оглядке на международное право, поэтому схваченных в бою или при сопротивлении комиссаров следует уничтожать на месте» (H.–A. Jacobsen... 1965, S. 188-191).

Из письменных показаний, которые дал под присягой гауптштурмфюрер СС Курт Линдов: «В лагерях для военнопленных на Восточном фронте существовали небольшие оперативные команды, айнзатцкоманды, возглавляемые младшим офицерским составом тайной полиции (гестапо). Эти команды были приданы начальникам лагерей, и их обязанностью было выделять тех военнопленных, которые являлись кандидатами на казнь, и докладывать о них в управление тайной полиции».

Айнзатцкоманды (4–6 человек, позднее — 3–4 человека) выискивали в лагерях «опасных и подозрительных»

пленных, которых либо сразу убивали, либо отправляли на казнь в концлагерь. В «отборах» были заняты многие чины вермахта и СС. Сотрудник гестапо, СД или абвера ежедневно допрашивал до 50 человек. В ряды военнопленных постоянно внедрялись информаторы и агенты. «Отобранных» военнопленных переправляли в концлагеря, где подвергали пыткам, унизительным экспериментам, медицинским опытам, а затем уничтожали. В Заксенхаузене и Бухенвальде пленных убивали выстрелами в затылок, их трупы сжигали в крематориях. Этот «метод» также использовался в Дахау, Флоссенбурге, Гросс-Розене, Нойенгамме, Маутхаузене.

Из показаний группенфюрера СС Олендорфа, начальника айнзатцгруппы «Д», действовавшей в Крыму и на Кавказе: «Обычно местом казни был ров, предназначенный для танковой обороны. К такому рву и привозили ровно столько людей, сколько могло быть в нем погребено. Это делалось для того, чтобы сократить время ликвидации жертв. Я не давал разрешения на казнь отдельных лиц. Расстреливали только группы людей — либо прямо в упор, либо стоя на коленях, как обычно расстреливали солдат. Трупы сбрасывали в ров. Я никогда не допускал, чтобы стрелял один определенный человек, и приказывал стрелять одновременно нескольким солдатам, чтобы избежать персональной ответственности за расстрел.

Некоторые группенфюреры требовали, чтобы жертвы сначала легли на землю, чтобы затем покончить с ними выстрелом в затылок. Я не одобрял такой метод, потому что это обрекало бы на бесконечные страдания как сами жертвы, так и тех, кто совершал эту казнь». (Чтобы не «обрекать на бесконечные страдания» самого Олендорфа, и учитывая его «заботу» о жертвах, его «заботливо» повесили в 1951 году.)

Эймен, представитель обвинения от США: «Скажите, знаете ли вы, сколько всего человек было уничтожено оперативной группой «Д» за период вашего руководства?

Олендорф: С июня 1941-го по июнь 1942 г. оперативные команды сообщили, что уничтожено примерно 90 тыс. человек.

Эймен: После того как они были расстреляны, что делали с их телами?

Олендорф: Их хоронили в этой яме или в противотанковом рву».

Начальник главного управления имперской безопасности (РСХА) Рейнхард Гейдрих в директиве от 02.07.1941,

адресованной верховным фюрерам полиции и СС в оккупированных областях, поставил руководителям полиции безопасности и СД задачу по уничтожению коммунистов и евреев: «Экзекуции подлежат все профессиональные коммунистические деятели; партийные работники высшего и среднего звена областных и районных комитетов, а также активисты из низов; народные комиссары; евреи, занимавшие партийные и государственные посты; другие экстремистские элементы, если они не могут быть использованы для получения сведений политического или экономического характера» (директива № 4—1180/41, Берлин).

В июле 1941 г. на территории рейха была введена новая редакция «приказа о комиссарах», содержание и действие которого решено было «усовершенствовать» и распространить на «расово неполноценные элементы». Согласно приказу № 8 от 17 июля 1941 г., подписанному начальником РСХА Гейдрихом, особые команды полиции безопасности и СД, направленные в стационарные и транзитные лагеря, должны были проводить селекцию с целью уничтожения «еврейско-большевистских комиссаров». Учитывая, что для гитлеровцев комиссары и евреи представляли одно и то же неразрывное понятие, ранее осуществлявшийся раздельный отбор комиссаров и евреев был объединен и преобразован в единый отбор «комиссаров-евреев». Вера в идентичность большевизма и еврейства легла на плодородную почву. Теперь любой еврей — рядовой член партии приравнивался к комиссару и подлежал немедленной ликвидации. В этой пропаганде начиная с середины 30-х годов принимал посильное участие и вермахт, на листовках которого еще в 1935 году «господа комиссары и партруководители» назывались не иначе как «грязные жиды» (Фёрстер Юрген. Штутгарт, 1983).

«Отобранных» переводили в концлагеря для дальнейшего уничтожения. Оберштурмфюрер СС Мартин Шермер, ответственный за исполнение данного приказа в VII военном округе (Мюнхен), 15 ноября 1941 года докладывал, что проверке подверглись 3088 советских военнопленных, находящихся в VII округе. Из них в качестве «обязательно изолируемых» значились 410 человек, среди которых 145 — «фанатичные коммунисты», 85 — «подстрекатели и воры», 69 — «интеллигенты», 47 — «неизлечимо больные», 35 — «беглецы», 25 — «евреи», 4 — «активисты и офицеры». Из отчета видно, что отсутствовали четкие критерии для

отбора и что вермахт и СС стремились уничтожать не только политических противников, но и неизлечимых больных и раненых, не способных работать.

Из воспоминаний Н. А. Фишмана: «Нас, новоприбывших, сразу же построили в две шеренги и оставили молча стоять под палящим солнцем в ожидании лагерного начальства под надзором полицейских и переводчика. Стояли мы очень долго. За это время несколько человек упали, потеряв сознание от жары, жажды, ран и слабости. Их всех отнесли в сторону и уложили на землю под палящим солнцем. Появилось лагерное начальство — офицер, фельдфебель и два солдата-автоматчика. Последовала команда: «Комиссары, евреи, выйти из строя!» Несколько человек вышло. Команду повторили, но никто больше из строя не выходил. Я стоял оцепенев, не понимая реальности происходящего. Офицер и сопровождающий его фельдфебель медленно шли вдоль строя, останавливаясь, внимательно вглядываясь в глаза и лица стоящих в строю. Офицер поднимал хлыст, упирал в грудь очередного военнопленного и говорил: «Ты». Это значило: выйти из строя.

Не забыть тех секунд, когда офицер остановился напротив меня, посмотрел в глаза и пошел дальше. Смерть моя прошла мимо. Через несколько шагов он ткнул в кого-то хлыстом. Таким образом он извлек из строя человек 15–20, руководствуясь единственно своей властью и интуицией. Их построили перед строем в шеренгу и приказали поднять лежащих на земле военнопленных и идти к воротам. Там всех загрузили в грузовик, который, в сопровождении охраны, выехал за ворота. Через несколько минут мы, оставшиеся в строю, услышали раздавшиеся за каменным забором автоматные очереди. Всех, кто был в грузовике, расстреляли».

Гитлер на секретном совещании 16 июля 1941 года так определил задачи оккупационной политики в России: «Основной принцип заключается в том, чтобы освоить огромный русский «пирог». Для этого необходимо, во-первых, им овладеть, во-вторых, управлять и, в-третьих, эксплуатировать. Вся Прибалтика, Крым, волжские колонии, Бакинская область должны принадлежать рейху. Создание военной державы русских западнее Урала необходимо полностью исключить, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Гигантское пространство надо как можно скорее усмирить. Лучше всего этого можно достичь путем расстрела каждого,

кто бросит хотя бы косой взгляд на немца. Необходимо ввести железный закон: никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев!

Война с Россией — важная глава в борьбе немецкой нации за существование. Это защита европейской культуры от московитско-азиатского потопа и отпор еврейскому большевизму. Целью этой битвы должно быть разрушение сегодняшней России, поэтому борьба должна вестись с беспрецедентной суровостью. Планирование и осуществление каждой военной операции необходимо проводить с железной решимостью, врага надо уничтожать безжалостно и тотально. В особенности не следует щадить приверженцев современного русского большевизма. Надо раз и навсегда искоренить еврейско-большевистскую систему, которая никогда больше не посягнет на наше европейское жизненное пространство» (Юрген Фёрстер).

В сентябре 1941 г., находясь в оккупированном Париже, Гитлер вновь подчеркнул: «Азиаты и большевики должны быть выселены из Европы, закончится 250-летний период азиатчины. Урал будет границей. Новая Россия до Урала будет «нашей Индией». Русское пространство станет для нас тем, чем была для Англии Индия» (Reinhard Rurup).

Историки Х. Хеер и К. Науман утверждают, что война, которую Гитлер начал готовить с первых дней своего прихода к власти, могла быть, по его собственному убеждению, только войной на уничтожение. Это означало, что Гитлер ставил задачу покончить с «еврейским большевизмом» и полностью оккупировать европейскую территорию Советского Союза, уничтожив бóльшую часть населения.

17 июля 1941 г. в гестапо был издан приказ, предусматривавший уничтожение всех потенциально «опасных для национал-социализма» советских военнопленных. Приказ гласил: Задачей командиров зипо (полиция безопасности) и СД, находящихся в шталагах, является политическая проверка всех заключенных лагеря, дальнейшая их «обработка» и устранение всех нежелательных или политически преступных элементов, которые должны быть уничтожены. Командиры зипо и СД также должны выявить среди заключенных тех лиц, которые кажутся надежными, независимо от того, являются ли они коммунистами или нет, для использования их в целях разведки внутри самого лагеря и позднее, если это окажется целесообразным, на оккупированных территориях. Путем использования таких

информаторов должны быть выявлены все преступные элементы среди военнопленных».

П. Е. Андреев, взятый в плен в августе 1941 года, в книге «Война глазами солдата» пишет: «Нас построили в шеренгу и стали пересчитывать. Из караульного помещения вышел офицер. На нем была красивая, черного цвета форма с красно-белой повязкой на рукаве и фашистской свастикой. В руках то ли трость, то ли плеть, я так и не понял. Действовал он ею как учитель указкой. Переводчик сказал, чтобы все находящиеся в строю командиры и комиссары вышли на пять шагов вперед. Фашистский офицер говорил резко и угрожающе. В таком же тоне переводил переводчик: «Командиры и комиссары, не вышедшие из строя, будут расстреляны на месте».

Вышедшим из строя приказали построиться в шеренгу около караульного помещения, снять шинели и вещевые мешки. Офицер начал осматривать рукава гимнастерок, отыскивая политруков по нашитым на них звездочкам. У некоторых от звездочек остались лишь еле заметные следы. Попадая в плен, эти люди точно знали, что их ждет, поэтому пытались замаскироваться под рядовых бойцов. Но фашисты хорошо знали об этих уловках, поэтому осматривали подозреваемых пленных особенно тщательно. Затем начался поиск евреев. Зная, что добровольно никто не сознается в своей принадлежности к этой национальности, эсэсовец проходил вдоль шеренги и направлял трость на того или иного человека, выкрикивая: «Юда». Заподозренных оказалось человек восемь. Не все среди них были евреями, конечно, но фашистов это не волновало».

«Гитлеровцы не брали политруков в плен — расстреливали на месте. На поле боя они были первоочередной целью для вражеских снайперов. Их потери сопоставимы с потерями строевых командиров. Вопреки антисоветской пропаганде, не жалевшей сил, чтобы опорочить и «демонизировать» комиссаров Красной Армии, слова «Коммунисты, вперед!» не были на фронте пустым звуком — иначе нацисты не испытывали бы к политрукам столь лютой ненависти» (Премилов И. А. Исповедь политрука).

О том, как воевали комиссары и политруки, рассказывает П. Г. Мясоедов, генерал-майор, доктор военных наук: «Так вот, о политруках. Их на фронте погибло не меньше, а то и больше, чем нас, командиров. Был у нас такой — Брыкин. Я командир взвода, а он — парторг роты, то есть

надо мной. Потом я поднялся выше, заместителем командира батальона. Не важно. В 1942 году лежу в госпитале. Он приходит. Мне 19 лет, а ему за 30. И вдруг говорит: «Завидую я тебе, Паша». — «А чего мне завидовать?» Мы ведь иной раз в атаку вместе шли, я с одного фланга бойцов поднимаю, он — с другого.

— Да ты, Паша, не понял самого главного. Я потому тебе завидую, что ты окапываешься, как солдат. Бежишь быстро, знаешь, когда падать, когда подниматься. Я бежать так не могу. Стрелять, как ты, не могу. Народ зажигаю: давай, ребята, воюй! А сам в атаке мало на что годен.

Я тогда подумал: «А ведь действительно, его не учили воевать, он пришел после гражданского вуза, назначили командиром. «За Родину! За Сталина!» — иди и умирай. Нет боеприпасов. Кого за ними послать? Зам по строю убит, самому нельзя. Значит — политрука. Я много комиссаров на фронте пережил. Я больше скажу: командиром на войне мог стать почти любой, а вот комиссаром — нет, далеко не любой».

Рассказывает В. И. Малютин, участник войны и Парада Победы на Красной площади в Москве: «Работа политрука на фронте не имела пределов «от» и «до». Политрук должен во время боя показать образец мужества, подняться в атаку: «За мной!» Кончился бой — командиры могут отдохнуть, а он обязан проверить, покормили или нет солдат, посмотреть, какое у каждого моральное состояние. Ведь как бывало: приходит маршевая рота — пополнение. Потери у нас большие. Командир батальона распределяет, кому в какой взвод идти. И сразу в бой. Одного убили, другого ранили и повезли в госпиталь, третий подвиг совершил, а их фамилии еще не успели узнать. Политрук и должен знать, где боец, как его зовут, что с ним. Эта работа была не каждому по плечу».

Из рассказа заместителя политрука А. А. Петросяна: «Противник ввел в бой все свои резервы. Обстановка была сложная, напряженная. Выносить раненых с поля боя было очень трудно. Командование поручило мне во что бы то ни стало эвакуировать раненых бойцов и командиров.

Когда я подобрался к одному раненому, чтобы вынести его в безопасное место, ко мне подползли два человека в форме Красной Армии — один со знаками различия старшего лейтенанта, другой — старшины. Неожиданно они схватили меня за руки, зажали рот и стали бить. Это были

переодетые немцы. Я долго сопротивлялся, но двое одолели меня. Избив, они отобрали наган, гранаты, сумку с бутылками. Затем они поволокли меня в лес, затащили в какую-то землянку. Здесь было шумно. Разговаривали немцы — мужчины и женщины. Вся эта полупьяная компания набросилась на меня. Вначале они связали мне руки, потом стали обыскивать карманы.

Вскоре в землянку зашел еще один офицер. Он несколько раз ударил меня по лицу. Изловчившись, я укусил злодея за ухо. Офицер застонал, закружился, схватил лезвие бритвы и в бешенстве раз десять саданул меня лезвием в грудь. При виде крови все мерзавцы пришли в неописуемый восторг. Они смеялись, громко выкрикивали: «Вот тебе, молодой комиссар!»

После этого начали обыскивать меня. В маленьком кармане гимнастерки они нашли звездочку. Офицер, схватив ее, сказал что-то женщинам. Затем они приложили эту звездочку к моей правой щеке и стали вырезать очертания звездочки на коже. Несмотря на боль, я не произнес ни одного слова. Тогда офицер стал вырезать звездочку и на левой щеке.

В это время в землянку вошел второй офицер. По чину он был старше всех присутствующих. Он подошел ко мне и предложил папиросу. Я отказался. Офицер показал мне несколько фотокарточек. Он хотел убедить меня в том, что снятые на них люди добровольно сдались немцам. Меня хотели заставить подписать бумажку, озаглавленную «Обращение к русским солдатам». Я отказался, заявив при этом: «Умру, но никогда не изменю своей Родине!»

Офицер, сохраняя внешнее хладнокровие, продолжал беседу. Вдруг он, как бы невзначай, спросил номер нашей части и ее расположение. Я ничего не ответил. Тогда офицер встал, прошелся по землянке и отрывисто сказал: «Мы решили вас расстрелять!» Ко мне подбежали немцы и сорвали с меня одежду. Сняв нательное белье, они начали избивать меня. От нестерпимой боли закружилась голова. Я упал. После всех издевательств враги вывели меня на улицу. Здесь около землянки лежали два замученных красноармейца. Лица их были изрезаны ножами.

«Могилу рой на троих!» — крикнул мне немецкий ефрейтор. Я взял лопату и стал копать. Два офицера и ефрейтор наблюдали за работой. Они вынесли к могиле отобранные у меня гранаты и бутылки с горючим. Вскоре сюда подкатил

мотоцикл. Это был, вероятно, связной из штаба. Он отозвал офицеров в сторону и что-то им передал. Ефрейтор, охранявший меня, стал прислушиваться к разговору.

В этот миг у меня явилась мысль убить ефрейтора, охранявшего меня. Размахнувшись, я ударил его лопатой по голове. Фашист упал без единого звука. Тут же я схватил гранаты, сумку с бутылками. Связку гранат бросил в офицера, а одну гранату в окоп. Раздался выстрел. Пуля попала мне в ногу, вторая задела голову. Оказалось, что один из офицеров был еще жив. Но все же я успел наброситься на бандита и задушить его. Наконец, я пополз к линии фронта. Силы мне изменяли, по лицу текла кровь.

Около линии обороны немцев я заметил двух немецких солдат. Они стояли на моем пути. Свернуть я уже не мог, не хватало сил. Собрав всю энергию, я привстал и мгновенно швырнул в фашистов бутылку с горючим. Липкая горящая жидкость попала на немецкие гранаты. Получился страшный взрыв. Осколками гранат был ранен и я. Что произошло потом, не помню. Очнулся я уже на руках красноармейцев и командиров» (Гаврилин И. Г. Зверства немцев над пленными красноармейцами. Рассказы бежавших из плена, документы и факты).

«Прошло сколько-то времени, и к нам, пленным, подкатила легковушка с немецкими офицерами. Следом подъехали два бронетранспортера, которые, поводив дулами пулеметов из стороны в сторону, нацелили стволы на пленных. По бокам выстроились автоматчики. Кто-то из наших испуганно произнес: «Видно, конец, братцы!» Один из пленных бросился бежать. Немцы загалдели, затормошились, а затем, когда беглец был метров за двести, срезали его из пулемета.

— Евреи есть? Выходи! — скомандовал немец по-русски. Никто не вышел.

— Комиссары есть? Выходи! — Опять никто не вышел.

— Командиры есть? Выходи! — Вышел младший лейтенант, командир комендантского взвода. Я решил не выходить, будь что будет, в своих бойцах я был уверен — не выдадут.

Всем пленным приказали встать на колени и снять пилотки. Я полулежал, облокотившись на здоровую руку, болело все тело, саднило грудь, дрожали руки. Офицеры медленно обошли нас, внимательно разглядывая каждого, искали евреев и командный состав. Рядовые в нашей армии,

как правило, стриглись наголо, командиры же носили прическу, поэтому найти офицера среди солдат Красной Армии было проще простого — по нестриженой голове. Я же в армии стригся наголо, мой белокурый чуб снесли еще перед уходом в военную школу. Так что немцы прошли мимо, не обратив на меня никакого внимания. К счастью, ни евреев, ни комиссаров, ни командиров среди нас не нашли. А бронетранспортеры все так же целили в нас дулами своих пулеметов. Младшего лейтенанта и старшину Ефимкина, которого приняли за командира, увезли на бронетранспортере» (Небольсин Д. А. Дважды младший лейтенант).

Из рукописи «За то, что русский коммунист» военфельдшера Г. В. Сажина: «Начались страшные бои. Основная масса наших людей была сразу же уничтожена. Некоторое время мы скрывались в Пинских болотах, но, истощавшие, безоружные, попадали в руки немцев, хорошо вооруженных, сопровождаемых собаками. Поодиночке нас выловили, отобрали документы.

В лагере я подвергался унижениям и оскорблениям как коммунист, подвергался избиениям как все русские. Так как я был военный фельдшер, меня заставили лечить военнопленных. Опишу несколько случаев, когда я особенно подвергался избиениям. За то, что мы, врач и я, попросили особенно слабым пленным дополнительный паек, меня дико избили, выбив почти все зубы.

Когда мы освобождали от тяжелых работ больных и слабых, нас тоже зверски били. Один раз меня избили до полусмерти, сломали ключицу и повредили плечо. С тех пор у меня одно плечо выше другого. Немцы считали, что мы, как коммунисты, помогаем освободиться от работы другим военнопленным.

Издевались и избивали и за другие дела. Однажды в лагерь приехало высокое начальство в сопровождении свиты. С ними была маленькая беленькая ухоженная собачонка. А так как военнопленные съели в лагере всех крыс, эта собачонка оказалась большим лакомством. Пока свита с начальником ходила по лагерю, собачонку схватили, разорвали и тут же съели. Начался повальный обыск. Перерыли весь лагерь, но даже клочка шерсти не нашли. Мы все до одного были избиты так, что несколько дней не могли подняться. Меня поднимали битьем приклада и приказывали поднимать других. Я не мог стоять на ногах, но меня снова били и снова поднимали, пока я не потерял сознание. Когда

я очнулся, врач сказал мне, что я несколько дней был в бредовом состоянии.

Нас избивали тогда, когда немцы были в плохом настроении, избивали тогда, когда были в хорошем настроении и им хотелось просто поразвлечься. Можно привести массу примеров, когда немцы начинали издевательски оскорблять за то, что ты коммунист, за то, что ты русский».

Война против СССР была задумана как тотальный геноцид против всего советского народа. В январе 1941 года Гиммлер так определил цель похода на Россию: «На Востоке должно исчезнуть 30 миллионов славянского населения». Он назвал войну против Советского Союза неизбежным результатом противоречий «между германским рейхом и недочеловеками». Война с Россией — это не только противостояние двух непримиримых идеологий, это еще и смертельная схватка двух рас. Гиммлер называл русских зверями в человеческом обличье и призывал эсэсовцев «убивать "зверолюдей", иначе они убьют тебя».

После начала военных действий в Германии была развязана мощная антирусская кампания. О русском народе писали и говорили как о народе рабов и «человекоподобных животных». Геббельс вообще не считал русских за народ, а рассматривал как «сборище зверей». Об умственных способностях самого Геббельса можно судить хотя бы по его призыву к красноармейцам, напечатанному в листовках: «Бей жида-политрука, морда просит кирпича!»

Появление массы советских военнопленных было использовано геббельсовской пропагандой для иллюстрации восточной неполноценности. Газеты начали печатать фотографии изможденных, оборванных и полураздетых русских военнопленных. В связи с этими фотографиями впервые стали употреблять выражение «унтерменш». Пленные — и вообще все русские — это «смесь низменного и подлого человеческого существа, настоящие недочеловеки». Появилась масса публикаций под названием «Недочеловек». Особенно покровительствовал пропаганде «недочеловека» рейхсфюрер СС Гиммлер. По его распоряжению массовым тиражом была издана брошюра «Унтерменш», в которой Сталина назвали «унтерменшем № 1». Брошюра наглядно демонстрировала немцким бюргерам неполноценность русских, подчеркивала контраст между вырождающимися народами на Востоке и «арийцами», считающими «недочеловека» ужасным существом, которое носит черты лица, подобные человеческим,

однако духовно и умственно недочеловек стоит ниже, чем «любое животное». В качестве главного авангарда «недочеловеков» изображались евреи, а еврейство было признано «биологическим корнем большевизма».

Генералы вермахта были более осторожны в оценках «унтерменшей и большевистских комиссаров». Начальник штаба ОКВ генерал-полковник Альфред Йодль писал: «Умелая и настойчивая работа коммунистов привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом. Русские всегда славились своим презрением к смерти. Коммунистический режим еще больше развил это качество, и сейчас массированные атаки русских эффективнее, чем когда-либо раньше. Дважды предпринятая атака будет повторена в третий и четвёртый раз, невзирая на понесенные потери, причем и третья, и четвертая атаки будут проведены с прежним упрямством и хладнокровием. Огромные бреши от нашего огня немедленно заполнялись, одна за другой катились волны пехоты, и, лишь когда людские резервы иссякали, они могли откатиться назад. Но часто они не отступали, а неудержимо устремлялись вперед. Отражение такого рода атаки зависит не столько от наличия техники, сколько от того, выдержат ли нервы».

Немецкий генерал Вестфаль, описывая операцию «Тайфун» (так называлась операция по захвату Москвы), вынужден был признать, что «немецкая армия, ранее считавшаяся непобедимой, оказалась на грани уничтожения».

Генерал Курт Типпельскирх удивлялся: «...русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны все новые и новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось, противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению».

Генерал Гюнтер Блюментри вспоминал: «Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя... Красная Армия 1941—1945 гг. была гораздо более сильным противником, чем царская армия, ибо она самоотверженно сражалась за идею. Это усиливало стойкость советских солдат. Они умеют защищаться и стоять насмерть. Попытки их одолеть стоят много крови. Даже будучи окруженными, русские не отступали со своих рубежей».

Генерал-полковник Эрхард Раус, воевавший в Первую мировую, утверждал: «То, что солдаты Красной Армии продолжали сражаться в самых безнадежных ситуациях, совершенно не заботясь о собственной жизни, можно в значительной степени приписать храброму поведению комиссаров. Разница между Российской императорской армией в годы ПМВ и Красной Армией даже в самые первые дни германского вторжения была просто колоссальной. Если в прошлой войне русская армия сражалась как более или менее аморфная масса, малоподвижная, лишенная индивидуальностей, духовный подъем, вызванный идеями коммунизма, начал сказываться уже летом 1941 года».

Из книги Роберта Кершоу «...Березовые кресты вместо железных»: «Третий батальон 18-го пехотного полка, насчитывающий 800 человек, был обстрелян русским арьергардом. Силы русских состояли исключительно из политработника и четырех солдат, с невиданной ожесточенностью защищавших временную позицию посреди поля пшеницы. Немцы понесли незначительные потери. "Я не ожидал ничего подобного, — срывавшимся от волнения голосом признавался командир батальона майор Нойхоф. — Это же чистейшее самоубийство — атаковать силы батальона пятеркой бойцов"». Офицер Малапар: «Они думают иначе, чем мы. И не трудись — русского ты всё равно никогда не поймёшь!».

Генерал Швеппенбург в своих мемуарах написал: «Русская душа! Она переходит от нежнейших, мягких звуков до дикого фортиссимо, трудно только эту музыку и особенно моменты её перехода предугадать. Слова одного старого консула остаются символичными: "Я недостаточно знаю русских — я живу среди них всего тридцать лет"».

В немецких документах отмечается, что с первого дня войны все оперативные группы СС, выполняя «приказ о комиссарах», добились полного взаимопонимания с вермахтом, который брал на себя часть функций айнзатцкоманд по уничтожению комиссаров и политруков — «противников германского господства». К этому времени стало очевидно, как ожесточенно и упорно сопротивляется противник на Востоке. Верховное командование сухопутных войск также убедилось, что Германия совершенно недооценила мощь и ударную силу Красной Армии. Единственными, кто из немецкого руководства выступил против «приказа о комиссарах», были руководитель разведки адмирал Канарис и министр по делам оккупированных территорий Розенберг,

что зафиксировано в документах Нюрнбергского трибунала. Канарис и Розенберг полагали, что «приказ о комиссарах» усилит сопротивление советских войск и снизит количество взятых в плен солдат.

Учитывая, что советских военнопленных транспортировали по всей территории рейха, шеф гестапо Генрих Мюллер 27.08.1941 издал приказ отделам тайной полиции на местах следить за перемещением «красных комиссаров» и незамедлительно «посылать айнзатцкоманды в лагеря для их чистки». Отбор «опасных» из числа советских военнопленных, впоследствии убитых в концлагере Дахау, производился в военных округах V (Штутгарт), VII (Мюнхен) и XIII (Нюрнберг). Вместе с пленными из офицерского лагеря Хаммельбург (1100 человек) в концлагерь Дахау для расстрела были отправлены 2000 человек из лагерей для рядового состава Хаммельбург и Нюрнберг—Лангвассер. Осенью 1941 года в концлагерь Дахау были также переданы несколько сот человек из V округа и 267 человек из шталага VII A (Моосбург).

Айнзатцкоманды старались превзойти одна другую по числу обнаруженных и уничтоженных комиссаров и евреев. По свидетельству Пауля Олера, руководителя айнзатцкоманды в офицерском лагере Хаммельбург, из офлага в Дахау было отправлено около 500 человек. Все они были расстреляны. На судебном процессе 1948 года генерал-лейтенант Шеммель, начальник отдела военнопленных в XIII военном округе (Нюрнберг), показал, что в его распоряжении находилось около 40 000 советских военнопленных, из них было отобрано и уничтожено 2000 человек. В отчете группы «А» говорилось, что в конце августа 1941 года обнаружено большое число «коммунистических функционеров, которые были ликвидированы».

После отбора «нежелательных элементов» айнзатцкоманды через бюро гестапо направляли в IV отдел РСХА список пленных в качестве «заявки на проведение казни». В IV отделе приказ о проведении казни представлялся на подпись начальнику гестапо Мюллеру. Один экземпляр этого приказа направлялся в лагерь, комендант которого формально должен быть освободить намеченных лиц из плена (лишить звания военнопленных) и перевести в концлагерь, где их должны были казнить, и второй экземпляр — в концлагерь. Комендант концлагеря об исполнении приговора докладывал инспектору концлагерей в Ораниенбург и в

IV отдел РСХА в Берлин. Предписанное «особое обращение», то есть убийство отобранных пленных, осуществлялось поразному. На территории рейха «отобранные» пленные, как правило, доставлялись в ближайший концлагерь. В Дахау на стрельбище Хебертсхаузен пленных расстреливала особая команда. В Заксенхаузене и Бухенвальде убивали в приспособленных «для научных исследований» помещениях выстрелом в затылок; в Маутхаузене умерщвление осуществлялось особенно жестокими способами: в каменоломне лагеря «посредством работы», с помощью инъекций фенола и других химикатов, путём удушения хлоратом магния, изнурения голодом, а позднее — путём расстрелов. О числе убитых таким образом советских военнопленных нет даже приблизительных данных.

8 сентября 1941 г. были изданы правила об обращении с советскими военнопленными, подписанные генералом Рейнеке — начальником управления по делам военнопленных при ОКВ. В правилах говорилось: «Большевистский солдат потерял право на то, чтобы с ним обращались как с честным противником. При малейшем намеке на неподчинение, особенно в случае с большевистскими фанатиками, должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии. Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие). Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию. В военнопленных, пытавшихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не следует делать предупредительного выстрела».

Из показаний генерал-лейтенанта Курта фон Эстеррейха (МНП, документ СССР-51): «В июне 1941 г., через два дня после вторжения Германии на территорию Советского Союза, я получил приказ ставки ОКВ, подписанный начальником управления по делам военнопленных генералом Рейнеке. В этом документе, так называемом «комиссар эрлас», именем фюрера немецким воинским частям, находившимся в походе, и администрации лагерей для военнопленных приказывалось поголовно расстреливать русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной Армии, коммунистов и евреев. В последующих приказах ставки говорилось о том, что трупы расстрелянных указанных категорий военнопленных следует закапывать массами

в ямах, а при возможности — сжигать, снимая при этом с них опознавательные медальоны.

Полученные мною приказы ставки я передал для исполнения подчиненным мне комендантам шталагов майору Зегеру, полковнику Больману и подполковнику Дульнингу.

Подполковник Дульнинг, выполняя этот приказ (комиссар эрлас), сразу же расстрелял свыше 300 человек политических работников Красной Армии, коммунистов и евреев. Трупы всех расстрелянных были зарыты в массовых могилах на кладбище в районе расположения лагеря. Выявленных среди военнопленных политических работников Красной Армии, коммунистов и евреев, в соответствии с указанием ставки верховного германского главнокомандования (ОКВ), коменданты лагерей передавали в зондеркоманды СД, где их расстреливали.

В конце 1941-го или в начале 1942 года я опять был вызван в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах. Совещанием руководил новый начальник управления по делам военнопленных при ставке верховного главнокомандования генерал-майор фон Гревенитц. На совещании обсуждался вопрос о том, как поступать с русскими пленными, которые в результате ранений, истощений и болезней были непригодны для использования на работах. По предложению Гревенитца по этому вопросу высказалось несколько присутствовавших офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте — лагере или лазарете — и умерщвлять при помощи яда. В результате обсуждения фон Гревенитц отдал нам приказание нетрудоспособных военных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей.

Возвратившись в Данциг, я через Зегера, Больмана и Дульнинга проводил эти указания в жизнь, причем я предупредил их о том, чтобы умерщвление советских военнопленных производилось весьма осторожно, дабы это не стало известным за пределами лагерей. Летом 1942 года я был командирован на Украину, на должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы «Б». Прибыв к месту своей службы, я узнал, что способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применяется. В октябре 1942 года, во время посещения дулага в районе Чир, комендант лагеря доложил мне, что в течение только одной недели им было умерщвлено при помощи яда 30—40

истощенных и больных советских военнопленных. В других лагерях неспособных к труду русских пленных просто расстреливали. Так, например, во время посещения летом 1942 г. дулага № 125 в г. Миллерово комендант лагеря на мой вопрос о том, как он поступает с нетрудоспособными русскими военнопленными, доложил, что в течение последних восьми дней им было расстреляно по указанным выше мотивам около 400 русских военнопленных.

Находясь на Украине, я получил из ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1944 года должно производиться клеймение русских военнопленных определенными знаками. Многие поступавшие ко мне военнопленные были в тяжелом физическом состоянии, обессилены и неработоспособны, в рваном обмундировании и без обуви вследствие того, что военнослужащие германской армии отбирали у военнопленных сапоги, ботинки, обмундирование, белье и другие вещи. Не лучше обстояло дело и в лазаретах для русских военнопленных. При посещении харьковского лазарета я видел, что тяжелые больные были размещены в помещениях, где не было отопления и все окна выбиты, а больные не имели одежды и обуви. В результате в этом госпитале ежедневно умирало от истощения и заболеваний 200—300 человек».

5 декабря 1941 года в управлении вермахта под председательством генерал-лейтенанта Рейнеке состоялось совещание, в котором наряду с представителями имперского министерства труда и министерства по делам оккупированных восточных территорий принял участие также начальник гестапо Мюллер. Рейнеке обратился к нему с просьбой ввиду дефицита рабочей силы в рейхе, во время акций «отбора», проводимых органами полиции безопасности, особое внимание обращать на квалифицированных рабочих редких специальностей. Проводившаяся в 1941 году практика превентивной ликвидации всех потенциально опасных военнопленных в первой половине 1942 года была ограничена, но не прекращена (Streit C. Keine Kameraden. - Stuttgart, 1978).

Из воспоминаний П. П. Астахова о прибытии в конце мая 1942 года в лагерь, расположенный в г. Первомайске Одесской области: «...наконец фельдфебель вновь обратился к пленным: «Выйти из строя всем коммунистам, офицерам и евреям!» — четко звучал его голос перед затихшим строем пленных. «Kommunisten, Ofizieren und Juden», — несколько раз повторил фельдфебель. Видя, что строй стоит и

не реагирует на команду, он обратился уже к переводчику, чтобы тот перевел следующие его слова: «Хуже будет... Вы сами должны об этом заявить!»

После некоторых колебаний из строя вышло несколько человек. Через минуту они направились в сторону сарая, где их ожидали немецкие солдаты. Там остановились, положили пожитки на землю, поснимали верхнюю одежду и в нательном белье вошли в сарай. Их было четверо-пятеро, не запомнил. Позже там оказалось еще несколько человек. Были среди них командиры, переодетые в солдатское, и евреи, узнать которых не составляло труда. Не знаю, что заставило этих людей добровольно сдать себя в руки лагерных властей? Может быть, надежда на то, что их «добровольное признание смягчит наказание»? Но этого не случилось, расстреляли всех.

Казавшийся неминуемым расстрел на передовой совершился здесь, в лагере, на глазах сотен пленных, не веривших тому, что происходит. Это была та самая правда о расправах над комиссарами, коммунистами, евреями и комсоставом Красной Армии, которую передавали сводки Информбюро. Голодных и обессиленных, их вывели из сарая, поставили деревянные козлы, перевитые колючей проволокой, и заставили перепрыгивать через них. Потом, пробежав мимо кухни и обогнув ее, они бежали дальше к открытым воротам, выходящим за зону, к вырытой яме. Там у ямы их ожидал избавляющий от мук и позора выстрел в затылок. Вся эта операция-трагедия завершалась удивительно четко и спокойно, по заранее продуманному плану, без криков о пощаде и помощи. Она закончилась братской могилой — ее тут же забросали землей пленные» (Астахов П. П. Зигзаги судьбы).

«6 мая 1942 г., то есть через год после подготовки армией первого проекта приказа (комиссар эрлас), в официальный журнал исторического отдела ОКВ была внесена следующая запись: «Фюрер отдал распоряжение, согласно которому временно и в порядке эксперимента разрешается гарантировать жизнь командирам, комиссарам и политрукам, находящимся в окружении, чтобы легче было их склонить к сдаче в плен, а советские войска — к капитуляции» (Варлимонт В. В ставке Гитлера).

Летом 1942 года «отборы» формально прекратились. Как отмечают все исследователи, это было связано в первую очередь с нехваткой рабочей силы в Третьем рейхе и крахом

плана молниеносной войны. Также действие «приказа о комиссарах» было приостановлено в целях ослабления сопротивления советских войск в обороне и роста случаев дезертирства. К тому же комиссары все реже стали попадать в плен, предпочитая смерть на поле боя. «Отборы» приводили к потере крайне необходимой рабочей силы, поэтому «опасных» пленных через концлагеря и шталаги стали направлять на заводы и стройки Германии. На смену «особому обращению» пришло «уничтожение военнопленных путем непосильной работы» (Felix Römer. Der Kommissarbefehl).

«1 июня 1942 года перестали подвергать «особому обращению» командиров и политруков в лагерях для военнопленных, а в октябре «приказ о комиссарах» был отменен. Айнзатцкомандам, перед тем как покинуть лагеря, было приказано выяснить, кто из комиссаров и политруков дезертировал, их надлежало отправить в концлагерь Маутхаузен, а тех, кто был взят в плен во время боя, следовало казнить. По отношению к «евреям, преступникам и прочим» процедура оставалась прежней — их расстреливали» (Streit Christian. Keine Kameraden, s. 253).

Политический надзор за советскими пленными тем не менее оставался до конца войны. Гестапо и СД продолжали отбирать «опасных и нежелательных личностей» в лагерях. Отныне отбору подлежали только военнопленные, которые представляли серьёзную угрозу рейху при использовании их труда на стратегически важных предприятиях («красные комиссары», политруки, руководящий состав НКВД, ВКП(б), организаторы лагерных подпольных групп сопротивления, пленные, совершившие несколько побегов).

Генрих Гиммлер, выступая 28 февраля 1944 года в Берлине перед функционерами НСДАП, произнес: «Все коммунисты — уголовные элементы. Здесь, как и во всех других вопросах, которые касаются блага нашей нации, мы проводим беспощадную и безжалостную политику».

В этой обстановке коммунистам, политрукам и комиссарам Красной Армии необходимо было обладать беспредельным мужеством и безграничной верой в правоту своего дела, чтобы в фашистских концлагерях противостоять нацистскому террору. И комиссары, такие как И. В. Петров-Бугорчиков из Сталинграда (расстрелян в Дахау), П. А. Серебряков из Ленинграда (расстрелян в Дахау), старший политрук Муса Джалиль из Казани (гильотирован в Берлине 25.08.1944), не останавливаясь ни перед какими жертвами и трудностями,

не щадя жизни, продолжали в плену вести антифашистскую борьбу. За два года до казни Муса Джалиль написал свои знаменитые слова: «Цель жизни в том и заключается: жить так, чтобы и после смерти не умирать».

Что же касается других выдающихся участников антифашистского движения Сопротивления, таких как рядовой солдат Ф. А. Полетаев, лейтенант В. В. Порик, командир минометного взвода Мехти Ганифа оглы Гусейн-заде (партизан «Михайло»), летчик М. П. Девятаев, старшина Мусолишвили Ф. Н., то им, как и старшему политруку, поэту, автору «Моабитской тетради» М. М. Джалилю и генерал-лейтенанту Д. М. Карбышеву, присвоено звание Героя Советского Союза.

Сопротивление наибольших масштабов достигло в концлагерях, где узников неминуемо ждала смерть, вопрос был лишь во времени. Различные источники свидетельствуют о героической борьбе советских заключенных в фашистских концентрационных лагерях Дахау, Бухенвальд, Маутхаузен, Собибор, Флоссенбург, Освенцим, Заксенхаузен, Дора-Миттельбау и других, поскольку в них в конечном итоге сосредоточивались наиболее активные и политически опасные для фашистов пленные.

«Сеть нацистских концлагерей была унифицирована в самом главном. Она представляла собой невиданного масштаба «конвейер», на который загружались люди, миллионы людей, а выгружался пепел. «Конечной станцией» лагерника был крематорий. Но «длина конвейера» в различных лагерях была различной. В одних «загрузка» и «выгрузка» продолжались несколько часов (лагеря смерти), в других — несколько месяцев (рабочие лагеря), в третьих — год, два (обычные лагеря).

Издевательства, наказания, казни в концлагерях были самыми неожиданными. Каждый комендант, каждый фюрер СС, каждый эсэсовец изощрялся как мог. Идея «конвейера» заключалась в том, чтобы сломить человека, уничтожить его морально, а потом и физически. Три цифры надо запомнить, чтобы понять весь размах гитлеровского «конвейера». Только на территории Германии насчитывалось 1100 концлагерей. Через концлагеря прошли 18 млн человек, погибли 12 млн» (Л. Б. Черная).

«Приказ о комиссарах» стал самым зловещим символом национал-социалистической политики Германии, направленной на тотальный террор и физическое устранение

идеологических противников. Во время Нюрнбергского процесса, в мемуарах немецких генералов, а также в историографии «приказу о комиссарах» было уделено гораздо больше внимания, чем «плану Барбаросса» или любым иным приказам, включая приказ об обращении с советскими военнопленными, хотя последний привел к гораздо большему числу жертв, чем «приказ о комиссарах». Тому есть целый ряд причин. В «приказе о комиссарах» грубое попирание важнейшего положения международного права — «с военнопленными следует обращаться по-человечески» — выражено гораздо нагляднее, чем в любых других документах. «Приказ о комиссарах» ещё до начала боевых действий обрекал большую группу личного состава Красной Армии на полное и немедленное уничтожение без суда и следствия.

Немецкий профессор истории Felix Römer в своей книге «Приказ о комиссарах. Вермахт и нацистские преступления на Восточном фронте» свидетельствует: «Расстрелы комиссаров и политруков проводились во всех 13-ти армиях, 44 армейских корпусах и более 90% дивизий из 150. Документально подтверждено 4000 казней комиссаров. Но это минимальная цифра. Материалы, которые были в моем распоряжении, позволяют сделать вывод о 10 тыс. расстрелянных» (Феликс Рёмер. "Известия", Е. Забродина, 06.05.2010).

Из выступления американского писателя Майка Давидоу на митинге в Нью-Йорке 22 декабря 1991 года: «Когда я был солдатом и служил в пехоте, то никогда не слышал, чтобы офицер говорил мне или ещё кому-то: «Демократы или республиканцы, вперёд!» Но такое случалось во время Великой Отечественной войны — политкомиссары Красной Армии призывали: «Коммунисты, вперёд!» И коммунисты в первых рядах шли в атаку. Три миллиона членов партии погибли на войне» (В. Ф. Грызлов, кан. филос. наук, доцент).

Комиссаров и командиров, захваченных в плен в Крыму, немцы нередко закалывали штыками на поле боя или расстреливали на всем пути следования колонн военнопленных. Иногда, ради забавы, вырезали на теле звезды (И. Г. Гаврилин) или давили танками (И. В. Антонюк). Изощренные пытки, допросы и отборы «наиболее опасных» из числа пленных (комиссары, политруки) проводились во всех лагерях Крыма и Украины. Не были исключением и лагеря, через которые проходили основные потоки военнопленных из Севастополя и Керчи: дулаг 123 (Джанкой) и шталаг 348 (Днепропетровск).

Глава V

Джанкой — Днепропетровск

Горек чужой хлеб и тяжелы ступени чужого дома.

Данте Алигьери

Стратегический план Гитлера на 1942 г. предполагал разгром советских войск на юге, захват Кавказа, выход к Волге, занятие Сталинграда, Астрахани и создание тем самым условий для полного уничтожения СССР как государства.

После занятия Керчи немецкое командование сосредоточило все силы в направлении Севастополя. В конце июня 1942 г. положение защитников города стало критическим. 1 июля Севастополь был полностью занят немцами, остатки наших войск ушли на мыс Херсонес и продолжали оказывать ожесточенное сопротивление.

Захватив восточную часть Крымского полуострова, оккупанты согнали местное население, живущее вдоль железной дороги, и в течение десяти дней перешили железнодорожное полотно на европейскую колею. По железнодорожной ветке Джанкой — Феодосия — Керчь непрерывно пошли немецкие поезда, в составе которых были паровозы и вагоны из всей Европы: польские, чехословацкие, австрийские, бельгийские, французские.

Две магистральные линии железных дорог Крыма, протянувшиеся с юга на север от Севастополя и с востока на запад от Керчи и Феодосии, соединялись на станции Джанкой, откуда, разветвляясь, шли через Ишуньский и Перекопский перешейки на запад, в Херсон и Николаев, а через Чонгарский перешеек — на север, в Мелитополь и Днепропетровск.

В мае-июле 1942 года по железным, грунтовым и степным дорогам Крыма из районов боев на Джанкой днем и ночью шли потоки советских военнопленных, захваченных под Керчью и Севастополем. Из Джанкоя эшелоны с пленными направлялись в Днепропетровск, Николаев, Херсон, Кривой Рог, Умань, Славуту и Владимир-Волынский.

В первые дни плена не всем защитникам Керчи суждено было выжить. Расстрелы пленных начались, когда еще в городе шли уличные бои. 12 мая 1942 г. в помещении дома инженерно-технических работников фашисты заживо сожгли раненых бойцов Красной Армии. Было уничтожено около 400 военнопленных. Массовые расстрелы в Керчи стали регулярно проводиться с 19 мая 1942 г. «На территории бывшего рудника завода им. Войкова в мае-июне 1942 года фашистскими оккупантами были расстреляны 1600 советских граждан — женщин, детей, стариков, рабочих завода и военнопленных» (надпись на памятном знаке в Керчи).

На берегу Керченского пролива, в окрестных полях, оврагах и кустарниках еще долго продолжали звучать выстрелы. Немцы, прочесывая местность, находили и расстреливали тяжелораненых бойцов. Захваченных в плен солдат и командиров гитлеровцы гнали из Керчи в сторону Феодосии и Джанкоя. Каждую колонну пленных перед маршем нацисты предупреждали: «Шаг влево, шаг вправо или остановка — расстрел на месте!». Во время движения колонны к ней присоединялись многочисленные группы пленных.

На протяжении всего марша не смолкали короткие автоматные очереди. Стреляли в пленных по любому поводу: остановился — очередь, присел на обочину дороги — очередь, наклонился к луже напиться — очередь, поднял кусок хлеба, брошенный селянкой, — очередь. Чтобы отогнать женщин от колонны, конвоиры стреляли вдоль дороги из автоматов, не давая подойти им ближе к пленным.

Политрук-зенитчик Геннадий Бедняев, захваченный в плен 18 мая 1942 года под Керчью, вспоминал: «Нас согнали в колонну длиной в несколько километров и по майской жаре, истекающих потом, погнали в сторону Феодосии. Я шел крайним слева. Левее и чуть впереди шел фашист с автоматом наперевес. Он внимательно вглядывался в бредущих, периодически упирался стволом автомата в плечо того, кто казался ему евреем, а на самом деле, может, и не был, и выкрикивал: «Иуда, век!», что означало: «Еврей, выходи!» Звучала короткая очередь. Мы содрогались и шли дальше».

На марше, когда в колонну вливалась очередная партия пленных, раздавалась одна и та же команда: «Комиссары, командиры, евреи — выйти из строя!». Вышедших расстреливали, как и тех, кто не успел сорвать нашивки и соответствующие знаки различия с воротника гимнастерки.

Одна из пеших колонн, охраняемая солдатами и немецкими овчарками, прошла через Сейтлер (Нижнегорск) 2-го июня 1942 г. Босые, полураздетые, с непокрытой головой, пленные от слабости едва держались на ногах. Нарушивших строй жестоко избивали, а тех, кто не мог идти дальше, — пристреливали. Часть пленных немцы оставили в совхозе «Тамак» (Светлое), где уже был лагерь для гражданских лиц, остальных погнали дальше в направлении Джанкоя.

Перед маршем пленных прогнали через строй автоматчиков, стоящих с двух сторон. Немцы и румыны из-за жары были в коротких штанах, некоторые — в трусах, другие — в рубахах с расстегнутым воротом и засученными рукавами. Охранники без фельдшеров, сами сортировали пленных, решая участь раненых: одних отправляли в лагерный лазарет, других тут же расстреливали. Когда гитлеровцы приказали выйти вперед комиссарам, евреям и командирам, все остались на месте. Немцы через переводчика повторили команду. Из заднего ряда вышел один политрук, его расстреляли перед строем, и колонна двинулась дальше. Тех, кто терял силы, начинал отставать или выходил из строя, конвоиры сразу пристреливали. Вся дорога буквально устилалась трупами.

Из воспоминаний политрука А. М. Слуцкого, участника боев под Керчью: «Всего о плене не рассказать, по крайней мере, у меня лично для этого не хватит сил. Нас построили в колонну по пять и погнали к дороге. Немцы продолжали прочесывать окрестные кустарники и поля, в которых, как оказалось, скрывались сотни красноармейцев. Нас погнали прямо через поле на дорогу. По мере продвижения вперед колонна пленных постоянно увеличивалась.

Всех предупредили, что «шаг влево, шаг вправо — стреляем без предупреждения». Нас прогнали через какое-то русское село. Вдоль дороги стояли женщины и смотрели на нас со страхом и надеждой. Женщины подбегали близко к колонне, бросали в наши ряды хлеб, кукурузные початки и моментально убегали назад. Конвоиры для «наведения порядка» стали стрелять из автоматов вдоль дороги короткими очередями.

В одном из сел по дороге из наших рядов вдруг вырвался один пленный и побежал в сторону хат. Поднялась стрельба. Несколько автоматчиков кинулись за беглецом. Я не знаю, удалось ли ему уйти. Но это был смелый и отчаянный поступок.

На всякий случай, чтобы никто больше не сбежал, немцы усилили охрану и стали вести колонну по полям, в обход, не заходя в селения. Стояла невыносимая жара, люди мучились от жажды и голода. Многие из нас уже ничего не ели по трое суток. Объявили привал. Прямо под палящим солнцем. Подъехала полевая кухня. Но из котла наливали не баланду, а по черпаку обычной воды. Я пожевал дикий чеснок, попытался встать, и тут у меня потемнело перед глазами. Очнулся, все сидят рядом, и я понял, что это был просто голодный обморок.

А потом нас заставили построиться. Началась первая «селекция». Вызвали из строя командиров, евреев и политруков. Никто не вышел. Немцы через переводчика повторили команду. Рядом со мной три хохла-предателя вытолкнули из строя своего политрука. И тут началось. Выявленных и выданных предателями евреев и политруков отвели в сторону, а нас погнали дальше. Я так и не знаю, расстреляли этих несчастных людей на месте или их ждали еще долгие кошмарные мучения и издевательства. А настоящая фильтрация, по всем правилам, нас ожидала в Джанкое.

Нас еще не регистрировали и даже не пересчитали. Просто гнали как стадо. Кто-то сказал, что нас ведут к железной дороге. Навстречу нам шла колонна автомашин. Полуголые немцы стояли в кузовах и смеялись над нами. Один из них направил автомат на нас, но выпустил очередь поверх наших голов. Немцы буквально ржали от этой «шутки». Колонна пошла дальше. Мы понимали, что любой ценой надо идти в колонне. Тех, кто терял силы и начинал отставать или, не дай бог, отходил из ряда на пару шагов в сторону,– сразу пристреливали конвоиры. Мы вздрагивали, когда раздавался очередной выстрел конвоира, добивавший на земле обессилевшего красноармейца.

Пригнали в джанкойский лагерь для военнопленных. Под открытым небом находились загоны, огороженные двумя рядами колючей проволоки. По углам вышки с пулеметами, по периметру каждого загона ходили охранники. Днем и ночью мы спали и сидели на голой земле. Я внимательно слушал, что говорят люди вокруг, впитывал каждую

крупицу информации. И когда в Джанкое начались повторные проверки в поисках евреев и политработников, я понял, что долго мне здесь не продержаться. Кто-нибудь да выдаст за пайку хлеба.

К проволочной ограде каждый день приходили из окрестных сел женщины, которые искали своих мужей. Они бросали нам через проволоку куски хлеба. Но лучше бы они этого не делали. Жутким и страшным бывает голодный человек, еще сохранивший силы. И тут я как будто окончательно очнулся. Сказал себе, лучше подохну с голоду, но зверем не стану, и стоящим на коленях меня тоже немцы никогда не увидят. Взыграло во мне комиссарское воспитание. Кто-то мрачно язвил, что скоро нас немцы всех расстреляют, надо загоны для «севастопольцев» освободить. И когда в самом начале июня нас вывели из лагеря, то многим показалось, что нас ведут на казнь».

С не меньшими жертвами проходили «марши смерти» на Джанкой из Севастополя. Особенно трудным для пленных был переход до Бахчисарая: солнце палило безжалостно, а воды не давали ни капли. Колонну конвоировали предатели из числа крымских татар, переодетые в новую немецкую форму. За свою жестокость и преданную службу они заслужили особое расположение гитлеровцев. Полицаям, легионерам и другим немецким прихвостням, в отличие от крымских татар, выдавалась старая военная форма времен Первой мировой войны, залежавшаяся на складах кайзеровской Германии (М. А. Смирнов, защитник Севастополя).

Захватив Крым, гитлеровцы начали с того, что стали разжигать межнациональную вражду и уничтожать евреев, крымчаков, цыган. На свою сторону немцам удалось привлечь значительную часть крымских татар, которые принимали активное участие в расстреле пленных евреев, политруков и комиссаров. Особенно свирепствовали крымские татары при конвоировании моряков, били их прикладами, многих ставили на край обрыва и расстреливали. Татары убивали и тех, кто пытался почерпнуть воду из канавы, и тех, кто не выдерживал темп марша или был ранен и не мог идти наравне со всеми. Пленным не приходилось рассчитывать на татарское население, чтобы получить кусок хлеба или кружку воды. Местные татары с презрением смотрели на пленных, иногда бросали в них камни и гнилые овощи. Измученных, полумертвых от усталости военнопленных подгоняли конвоиры-кавалеристы, часто пуская в ход

хлысты. Обессилевших раненых, присевших на обочину дороги или упавших, татары добивали. «Из трех тысяч до лагеря в Симферополе дошла только половина пленных, остальные были расстреляны в пути конвоем из немцев и предателей из крымских татар» (Мищенко В. И. Воспоминания. Фонд музея КЧФ, д. НВМ, л. 322, 643).

С весны 1942 года на территории совхоза «Красный» был размещен концлагерь, где немцы за время оккупации уничтожили свыше 8 тысяч жителей Крыма. Лагерь охранялся татарами из 152-го батальона «Schuma». Старший лейтенант Красной Армии В. Файнер вспоминал: «Издевательства над военнопленными не имели предела. Добровольцы-татары вынуждали какого-нибудь военнопленного показывать на себя, что он еврей, а затем... выдавали несчастного, за что получали 100 марок» (ГААРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 40).

«В Судакском районе Крыма группа самообороны из числа крымских татар привлекалась для ликвидации десанта. При этом 12 парашютистов были сожжены заживо. Одна из карательных экспедиций завершилась длительной блокадой партизан, в результате которой 90 человек умерли от голода» (Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. — С. 209).

Крымские татары активно участвовали в штурме Севастополя в июне-июле 1942 года. Вот что пишет по этому поводу севастопольский историк капитан 2-го ранга И. С. Манюшин: «2 июля катер, на котором находились старший лейтенант В. К. Квариани и сержант П. Судак, получил пробоины в корпусе, стал оседать от принятой воды. Заглох один мотор, и катер пришлось поворачивать к берегу, занятому фашистами. Все это случилось в районе берега неподалеку от Алушты. На берегу произошел бой между десантниками и вооруженной группой татар. В результате неравного боя все, кто остался в живых, были пленены. Раненых татары расстреливали в упор. Подоспевшие итальянские солдаты часть пленных отправили на машине, а часть на катере в Ялту».

24 мая 1942 года коллаборационистское издание «Голос Крыма», со ссылкой на «Немецко-украинскую газету», сообщило своим читателям, что, выступая в рейхстаге, Гитлер заявил следующее: «В частях германской армии, наряду с литовскими, латышскими, эстонскими и украинскими легионами, принимают участие в борьбе с большевиками также татарские вспомогательные войска. Крымские татары всегда отличались своей военной доблестью и готовностью

сражаться. Когда немецкие войска заняли Крым и освободили большую часть полуострова, местное татарское население с восторгом приветствовало своих спасителей. Так как татары были воодушевлены мыслью скорее уничтожить общего врага, то вполне понятно, что они плечом к плечу стоят с солдатами германской армии в борьбе против большевизма» (Романько О. В. Крым под пятой Гитлера).

Действительно ли фюрер сказал так или газета только передала общий смысл его речи, неизвестно. Тем не менее его слова весьма показательны. В целом они свидетельствуют о том, что немцы на первых порах весьма высоко оценивали боеспособность и моральное состояние крымско-татарских добровольцев. С началом оккупации Крыма гитлеровская служба безопасности (СД) сразу же создала Мусульманский комитет, а затем на его базе Татарский комитет с центром в Симферополе. Председателем был назначен Джелял Абдураимдов. У Татарского комитета имелся ряд печатных органов, в том числе газета «Азат Крым» — «Освобожденный Крым», которая 3 марта 1942 года вышла с передовицей: «После того как наши братья-немцы перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья».

10 марта 1942 г. в Алуште на собрании, устроенном Мусульманским комитетом, «мусульмане выразили свою благодарность Великому Фюреру Адольфу Гитлеру-эфенди за дарованную им мусульманскому народу свободную жизнь. Затем устроили богослужение за сохранение жизни и здоровья на многие лета Фюреру Адольфу Гитлеру-эфенди» («Азат Крым», редактор Мустафа Крутыев).

Зондерфюрер Зиферс писал в своей докладной записке «Формирование татарских и кавказских соединений в зоне действия 11-й армии», что «крымских татар можно охарактеризовать как старательных, усердных солдат, помощь которых в борьбе с партизанами неоценима». Более того, они «могут наладить строгую дисциплину и обладают хорошими маршевыми качествами». Далее Зиферс сообщал, что председатель Татарского комитета сказал буквально следующие слова: «Я говорю от имени нашего комитета и всех татар и знаю, что татары полностью разделяют все мои высказывания! Достаточно лишь призыва германской армии, и татары без остатка посвятят себя борьбе с общим врагом. Для нас является большой честью сама возможность бороться под руководством фюрера Адольфа Гитлера, великого человека

германского народа. Укоренившаяся в нас вера дает нам силы, которые мы доверяем без оглядки руководству германской армии» (А. Е. Забелин, В. И. Коротаев. Коллаборационизм в Советском Союзе, 1941–1945 [Текст]: справочник по фондам РГВА. – М.: РОССПЭН, 2014).

«По дороге нас конвоировали предатели из татар. Они били дубинками медперсонал. После тюрьмы в Севастополе нас конвоировали через Бельбекскую долину, которая была заминирована. Там очень много погибло наших красноармейцев и краснофлотцев. В Бахчисарайском лагере набили нас, яблоку некуда упасть. Через три дня погнали в Симферополь. Сопровождали нас не только немцы, но и предатели из крымских татар. Видел один раз, как татарин отрубил голову краснофлотцу» (Янченко Н. А. Воспоминания. Фонд музея КЧФ, д. НВМ, л. 508–512).

«Начался крестный путь последних защитников города-героя. Их гнали до Бахчисарая. Конвоировать пленных немцы поручили татарским отрядам самообороны, сформированным в первые дни оккупации. Расправа началась, когда колонны проходили у севастопольского мыса Фиолент. Конвоиры разбивали головы обессиленных пленных дубинами. Кровь буквально залила дорогу рядом с фиолентовским Свято-Георгиевским монастырем. На счастье, рядом находилась итальянская часть. Итальянцы, не выдержав ужаса средневекового избиения, пообещали расстрелять татар, если те не прекратят массовую казнь» (Ильченко С. Лакомый кусок лагеря смерти. – 01.07.2012 г. // Свободная пресса).

«Нас построили и погнали по четыре в ряд. Все рваные, грязные. Немцы стреляют, бьют прикладами, стреляют то вверх, то в кого-либо, то по колонне пленных. Когда вывели на Ялтинскую дорогу, то, не доходя до Сапун-горы, навстречу шла колонна танков. Они не свернули, а нас фрицы тоже не повернули вправо. Тех, кто пытался выбежать из колонны, немцы расстреливали из автоматов. Так с головы и до самого хвоста колонны одну шеренгу танки и задавили гусеницами. Нас не останавливали. Танки тоже все время шли. Многие пленные бросились бежать, но были расстреляны» (Антонюк И. В. Воспоминания. Госархив Крыма, ф. 849, оп. 3, д. 282, л. 11).

Подавляющее большинство колонн военнопленных из Керчи и Севастополя направлялось в Джанкой – небольшой город в северной части Крыма, в 90 км от Симферополя. Его

часто называют воротами Крыма. Кроме того, являясь важным железнодорожным узлом, этот город первым встречает все эшелоны, прибывающие на полуостров. «Джанкой» в переводе звучит как «душа-деревня» или «милая деревня». Во времена Крымского ханства Джанкой был лишь небольшим поселением. Первые упоминания о нем встречаются в конце XVIII в. Статус города Джанкой приобрел в 1926 г. До войны в городе проживало около 19 тыс. человек. В 1942 г. через станцию Джанкой к осаждённому Севастополю прошли две огромные мортиры типа «Карл» и знаменитая суперпушка «Дора», для обслуживания которой требовалось 1500 человек (Campaigns of Word War II — D.b.D. 1939–1945).

«У нас в Джанкое располагалось три лагеря для военнопленных, один находился в школе, здание которой огородили колючей проволокой, второй размещался на хлопкозаводе и третий — в селе Керлеут-Шереп. Я видел первые два, и особенно много наших ребят там оказалось после сдачи Севастополя. Среди них было много моряков. Каждый день пленных водили на различные работы, и во время дороги у некоторых появлялась возможность для побега. Многие женщины выходили на дорогу и смотрели на ребят, видимо, надеялись увидеть родных, передавали кому-то еду. Однажды мы подошли с мамой, и из колонны выскочил морячок, подхватил маму и еще какую-то женщину под руки и быстренько отошел от колонны, пока немцы не заметили его отсутствия. Он оставил у нас свои вещи, переоделся в гражданскую одежду и ночью ушел в Керчь или Феодосию. Так у меня появились парадные темные флотские брюки» (Кобец Н. М. Воспоминания, 2013).

В книге «Вместо завещания» Б. А. Кубарский пишет: «В Джанкое был с 20 по 25 июля 1942 года. Лагерь располагался в поле на окраине Джанкоя, у поросшего камышом озерка. Лагерь был обозначен кольями, по которым было прибито две проволоки. С противоположных сторон лагеря были ворота. С внешней стороны проволоки сторожат полицаи-татары. Сторожат истово, строго. В основном молодёжь. Днями шныряют внутри лагеря, присматриваясь, кого-то выискивая.

В лагере обе колонны рядовых и командиров снова смешались. Поинтересовался у нескольких человек, почему в Симферополе командиры становились в колонну рядовых, а рядовые — наоборот. Мотив комсостава был один: боялись уничтожения. Это можно было понять. А вот рядовые,

оказывается, становились в колонну командиров, думая, что командиров будут лучше кормить. Это меня удивило и озадачило.

25 июля нас погрузили в вагоны и 28 июля привезли в Днепропетровск. В вагоне душно. Лежали один возле другого вплотную, головами к стенам, ногами к середине. Ночью ноги вытянешь, положишь их поверх чужих ног, потом просыпаешься от боли: это ноги уже на самом полу, на них гора чужих ног. И так всю ночь.

В Днепропетровске нас загнали в бывший Екатеринославский централ — тюрьму. Разместили по блокам. Я попал на второй этаж в маленькую камеру, куда нас затолкнули 29 человек. Мы смогли уместиться на цементном полу только лежа на боку плотно друг к другу. Ночью, если один повернётся на другой бок, то и все вынуждены поворачиваться. Через пару дней двери камеры открыли и мы свободно ходили по этажу, то есть в коридор и другие камеры, а выход с этажа был закрыт. В конце коридора стояли параши. Кормёжка — двухразовая баланда с кусочком хлеба.

Во двор нашего блока загнали большую партию пленных. Вечер и ночь шёл дождь. Все промокли. Замёрзли. Утро было облачное. Но вот выглянуло солнце — и все, кто был во дворе, грянули “ура”. Немцы переполошились».

Из воспоминаний Д. Л. Каутова: «В ночь на 1-е января 1942 г. бригада принимала участие в десанте по освобождению г. Керчи от немцев. Так как я был минометчиком, то мы наступали после пехоты. После освобождения города занимали оборону на перешейке. Войск было напихано очень много: артиллерия, минометы, танки, пехота и т. д. Вообще было кому давать отпор. Все шло к наступлению, но немцы нас опередили. После 15 мая 1942 года они перешли в наступление. Наши войска начали отступать... А бежать было некуда — кругом вода.

19 мая 1942 года я снова был ранен и отправлен в госпиталь, который находился на берегу Черного моря. Помещений не было. Операции и перевязки делались в палатках. Переправы на другой берег уже не было. Немец стрелял по санитарным кораблям. 20 мая пришли к нам немцы. Построили всех, кто мог стоять, и немецкий офицер через переводчика объявил, чтобы комиссары и евреи вышли из строя. Но я остался в строю. Перед этим я уничтожил все свои документы, письма от родных, их фотографии. Нас повели под конвоем в сторону станции Джанкой.

Там был очень большой лагерь. Он располагался рядом с железной дорогой, и через территорию этого лагеря проходила железная дорога. Там мы пробыли 1 сутки. Кормили один раз похлебкой из брюквы. Хлеба не давали. У многих военнопленных не было котелков, ложек, те наливали эту похлебку в пилотки и так ели. Так началась моя жизнь в немецком плену и продолжалась ровно три года».

В Джанкое на территории хлопкозавода (ныне консервного), в железнодорожной школе (МУПК, ул. Крымская), в здании бывшей гимназии, переименованной в 26-ю среднюю школу, затем в СШ № 1, и на прилегающей территории по ул. Интернациональной в период оккупации находились нацистские лагеря, где были расстреляны тысячи советских пленных. Это были так называемые временные пересыльно-сортировочные лагеря, где выявляли комиссаров, коммунистов и евреев, которых нацисты уничтожали в первую очередь. Здесь же с осени 1941-го до весны 1944 г. гитлеровцы расстреляли 86 943 мирных жителя, партизана, подпольщика и 47 234 военнопленных (Н. Гордиенко, 2017). На здании школы 5 ноября 1967 г. была установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь в фашистском концлагере с октября 1941 г. по апрель 1944 г. были замучены тысячи советских граждан». В 1993 г. СШ № 1 была переведена в новое помещение, построенное рядом, а старое мрачное двухэтажное здание дореволюционной постройки заросло со всех сторон густой зеленью кустарников и деревьев.

В мае 2016 года состоялось открытие музея «История первой школы», расположенного в СШ № 1. Данное событие было приурочено к 100-летнему юбилею школы. В музее представлена экспозиция «Дулаг № 123» (временный пересыльный лагерь). Этот большой транзитный лагерь военнопленных располагался на территории хлопкового завода рядом с железной дорогой. Через территорию лагеря также проходили железнодорожные пути. Пленные содержались там под открытым небом или в развалинах каменных складов, где раньше хранился хлопок. Невдалеке находилась разграбленная семилетняя школа. Большинство полицаев в Джанкое были крымскими татарами из числа перебежчиков или уголовников. Они изо дня в день выслеживали в лагере комиссаров, евреев и политработников. Другой лагерь пленных занимал здание 1-й школы.

Дулаг № 123 был огорожен двумя рядами колючей проволоки. По углам стояли вышки с пулеметами, по периметру

каждого загона ходили охранники. В Джанкое всех прибывших пленных вносили в регистрационные списки, опознавательных жетонов не выдавали, за исключением тех военнопленных, которых оставляли в лагере на длительный срок. В дулаге охрана повторно проводила проверку военнопленных с целью выявления евреев, комиссаров и политработников, которых при обнаружении незамедлительно расстреливали. Кормили пленных один раз в день похлебкой из брюквы, хлеба не давали. Военнопленным, не имеющим котелков и ложек, похлебку наливали в пилотки или подол гимнастерки. Из окрестных сел каждый день к проволочной ограде приходили женщины, которые искали своих мужей. Иногда они бросали через ограду куски хлеба. Пленные днем и ночью были под открытым небом, спали и сидели на голой земле. По утрам немцы набирали рабочие команды из пленных, которым давали различные задания.

В дулагах пленные находились недолго, большинство из них в течение нескольких дней отправляли в другие лагеря. Когда подавали эшелон, пленных строили, отсчитывали по двенадцать пятерок и, сохраняя интервалы между группами, вели на погрузку в «телятники» — небольшие двухосные вагончики. Двери и окна в вагонах были плотно задраены, чтобы пленные во время движения не могли ориентироваться, куда их везут. Только по проникающему в щели вагона свету можно было сосчитать дни. В пути до Днепропетровска состав, как правило, находился трое или четверо суток. По дороге в лагерь многие умирали от истощения. От Мелитополя пленных везли в товарных вагонах и на платформах. Основную массу людей доставляли в Днепропетровск, а часть — временно в Павлоград и другие лагеря.

25 июля 1942 г. партию пленных из Керчи и Севастополя погрузили в вагоны и отправили из Джанкоя в Днепропетровск. Перед отправкой всех обыскали, отобрали всё, что могло бы способствовать побегам, о которых ходило немало слухов: в полу вагона вырезались доски по размеру беглеца, потом его на ремнях или скрученном нательном белье опускали как можно ближе к шпалам, а затем разом бросали. Нередко при этом пленные получали увечья или погибали. В одном из углов вагона к концу пути из-за высокой смертности штабелями лежало несколько трупов, рядом с которыми стонали умирающие.

28 июля 1942 г. поезд прибыл в Днепропетровск, пленных выгрузили и погнали в бывший Екатеринославский

централ, где до войны размещалась тюрьма. Над входом в пятиэтажное здание тюрьмы висели два больших красных знамени с черной свастикой на белом фоне посредине.

«...С занятием в 1941 году немецкими оккупантами г. Днепропетровска был организован так называемый стационарный лагерь бойцов и командиров Красной Армии, размещавшийся в здании тюрьмы УНКВД. Лагерь имел свои филиалы в Запорожье, Павлограде, в селах Знаменка, Большая и Малая Софиевка. Всего в этом лагере содержалось до 80 000 пленных, из них в Днепропетровске было более 20 000 человек, в большинстве своем командиры Красной Армии, различные специалисты, а также донские, кубанские и терские казаки.

Летом 1942 года при шталаге 348 был создан разведывательный отдел, именуемый «первым», или Абтайлунг-1, который проводил активную работу по сбору различных разведывательных данных, характеризующих экономическое состояние промышленных объектов и оборонной мощи Советского Союза. Абверкоманда находилась по адресу: ул. Чичеринская, д. 52. Работой разведывательного отдела руководила группа немецких офицеров в составе начальника – капитана германской армии Лоренца, зондерфюреров Гиллера Арнольда, Гавенда и Гайзеля. При отделе имелись два переводчика и 20 немецких солдат. Методы работы разведывательного отдела в основном сводились к вербовке и сбору информации среди военнопленных...

По прибытии в лагерь новой партии военнопленных они распределялись по группам. Командный состав размещался в так называемых блоках Д и Ц, специалисты – в блоке Б, казаки – в блоке А. В блоках каждая из категорий подвергалась тщательному опросу, с занесением в протокол биографических данных допрашиваемого, где и кем он работал до мобилизации в Красную Армию. Затем каждый военнопленный допрашивался вторично с целью определения его компетентности по интересующим немецкую разведку вопросам о том или ином предприятии или объекте, где он работал. Собранные даннные о военнопленном представлялись начальнику разведывательного отдела капитану Лоренцу, который окончательно принимал решение об использовании того или иного лица соответствующим сектором...»

Справка НКГБ УССР № 431 от 13.03.1944 / ЦА ФСБ России.

Всех военнопленных, прибывших 28 июля 1942 года построили на тюремной площади. Врачам и фельдшерам

приказали выйти из строя — раненым пленным 6–8 недель не оказывалась какая-либо медицинская помощь. Немцы выдали всем фельдшерам марганцовку и бинты. Морякам и красноармейцам приказали раздеться, снять обувь, выложить все из карманов. После обыска охрана забрала ножи, бритвы, оставила только котелки и ложки. Затем всех переписали, выдали номера и погнали в переполненные камеры, где была неимоверная теснота. В небольшие одиночные камеры затолкали по 30 человек. На обед (завтрака и ужина не было) давали по литру баланды, состоящей из зелёных капустных листьев, свёклы и воды. Спали на цементном полу. В тюрьме находились многие тысячи военнопленных из Крыма и «Харьковского котла». Шталаг 348 был огромным пересыльным пунктом для последующей отправки военнопленных в Германию.

Через несколько дней в тюрьме началась тотальная регистрация, которую проводили пленные, вызывающие доверие у немцев. Спрашивали национальность, место рождения, гражданскую и военную специальность, звание, номер части, где воевал, когда попал в плен и многое другое. Из прошедших регистрацию стали отбирать здоровых на вид военнопленных и направлять их в рабочие команды. С июня 1942 г. всех пленных офицеров Красной Армии от младшего лейтенанта до полковника включительно, имевших гражданские специальности, стали отправлять в лагеря, расположенные в промышленных районах Германии.

Из воспоминаний Ю. В. Владимирова: «В конце августа 1942 г. в Днепропетровске мы подъехали к одному из главных пересыльных лагерей, устроенному в огромной старинной тюрьме, вся территория которой была огорожена высокой (наверное, до 10 метров) толстой кирпичной стеной. Тюрьма находилась недалеко от металлургического завода имени Г. И. Петровского, «украинского старосты» первых лет советской власти, чьей фамилией назван и сам город.

...В тот вечер водитель нашего грузовика — немецкий старший ефрейтор — остановил машину перед массивными воротами тюрьмы, вышел из кабины и отдал часовому какую-то бумажку, после чего завез нас к кирпичному зданию внутри двора. Нас завели в камеру размером примерно в 20 квадратных метров, совсем не имевшую окон и слабо освещаемую сверху одной яркой электрической лампой. Никакой мебели, даже стула, в камере не было. В углу камеры стояла огромная параша — открытая металлическая

бочка, к которой сбоку была прислонена деревянная ступенчатая лестница. Стены, окрашенные вплоть до потолка синей масляной краской, были усыпаны жирными темно-красными клопами, и везде виднелись полосы от раздавленных паразитов.

Утром к нам пришли со столиком и табуреткой русские писарь и переводчик, а также представитель немецкой комендатуры. И как раз в этот момент я свалился на пол и не смог самостоятельно подняться из-за слабости и режущих болей в желудке...

Режим пребывания в тюрьме в дневное время был более или менее либеральным: разрешалось свободно ходить по территории, заходить в некоторые камеры. Утром обитатели сами выносили парашу. При мне основная масса военнопленных была доставлена из Крыма, и в частности из-под Севастополя. Небольшими группами их периодически привозили из других мест, а потом отправляли на запад, главным образом в Германию.

В тюрьме находились также гражданские лица — попавшие в руки немцев разведчики, подпольщики, хозяйственники. Были и обычные преступники. Там же содержали евреев и политработников Красной Армии. В отличие от обычных военнопленных для них установили очень строгие условия содержания в тюрьме. Пленный командный состав был отделен от рядовых бойцов, ефрейторов, сержантов и старшин. Однако те из командиров, кто обладал здоровьем, позволяющим выполнять не очень тяжелые работы, скрывали свое командирское (тем более – комиссарское) военное звание, предпочитая ходить в рядовых.

В тюремной администрации работали главным образом украинские и русские полицаи, к которым следовало обращаться «пан» или «господин». Однако высшим начальством в тюрьме были немцы. В основном распоряжались в ней военные чиновники соответствующего ведомства, а также неявно — офицеры СД — службы безопасности. Наружную охрану тюрьмы осуществляли также немцы, но еще на постах стояли многие из бывших советских людей.

В один из первых дней пребывания в тюрьме я проходил мимо большого четырехэтажного тюремного корпуса и остановился из-за того, что из его подвального помещения услышал через зарешеченное окно разговор на языке, во многом напоминавшем немецкий. Это помещение было заполнено несчастными евреями, обреченными на смерть, о

чем они, по-видимому, знали. Среди них несколько стариков смиренно молились Богу.

Проходя мимо здания тюремной администрации, мы увидели, что немецкий унтер-офицер раздает пленным газеты. Каждому он вручал только по одному экземпляру, хотя многие пленные хотели получить по нескольку газет, которые употреблялись в основном для свертывания цигарок. Мы тоже взяли по газете, на которой крупными черными буквами стоял заголовок «Клич». Оказалось, что эта газета, издаваемая на русском языке, предназначалась для советских пленных. В газете был дан краткий обзор последних оперативных сводок военных действий «доблестной германской армии» на советском фронте и отчасти — на западном и африканском. В газете сообщалось, что на Смоленщине начинают раздавать крестьянам землю, отобранную у них большевиками. Военнопленных агитировали помогать вооруженным силам Третьего рейха и «вести беспощадную борьбу с ненавистными народу жидобольшевиками». Были в газете и карикатуры на Сталина, Черчилля и Рузвельта, аналогичные тем, которые я раньше видел на фронте на листовках, сбрасываемых с немецких самолетов. Эта газета «Клич» выходила в Берлине с 1941 года раз в неделю. Закончив чтение газеты, я хотел положить ее в карман, но один из пленных попросил отдать ее в обмен на цигарку с махоркой, на что я с удовольствием согласился, так как очень долго не курил.

В этот день почти никого не отправили работать в город, а надзиратели объявили, что сегодня состоится регистрация всех рядовых, включая ефрейторов, сержантов и старшин, содержащихся в тюрьме. Регистрация началась сразу после завтрака и затянулась до самого ужина. Каждого подводили к столам, за которыми сидели писари. Регистрировали только ходячих пленных, присваивая им порядковый номер, который состоял из длинного ряда цифр. Спрашивали фамилию и имя (отчество не учитывали), место и год рождения, место проживания, военное звание и род войск.

...После того как обыск и осмотр пленных закончились, один из представителей тюремного начальства объявил через переводчика, что всех, кто прошел контроль, сегодня же отправят в Германию, и поздравил нас с этим «событием». Нашу колонну сопровождали до вокзала более 20 конвоиров, в большинстве русские и украинцы. Это были добровольцы-хиви, вооруженные советскими винтовками.

Лишь несколько конвоиров впереди и сзади колонны были немецкими солдатами и имели автоматы. Когда колонна проходила мимо деревянных домиков, двое молодых пленных быстро выскочили из строя и скрылись между постройками. Конвоиры не сразу опомнились, но все же побежали вслед, постреляли из винтовок, но вернулись ни с чем. После этого они обозлились и начали грубо подгонять отстававших пленных прикладами винтовок, громко ругаясь нецензурными словами. Больше попыток побега уже не было.

На железнодорожном вокзале стоял поезд, состоявший из паровоза и, кажется, 14 товарных и 2 пассажирских вагонов. Нашей группе достался один из средних вагонов. Вагон был французским, доставленным немцами на Украину из оккупированной Франции. У меня, очень слабого и к тому же уставшего после долгого пешего пути, не хватило сил взобраться в вагон. И когда один из конвоиров помог мне, я оказался самым последним из группы и с трудом нашел себе место, причем рядом с дверью, от которой сильно дуло. Вагон не имел «второго этажа» для лежания, поэтому там было невероятно тесно. В вагоне размещалось до 40 человек. Люди улеглись на грязном полу ногами друг к другу. Днем вагон освещался лишь слабым светом из окошечка с решеткой, а ночью была почти полная темнота. Хотя окошечко не имело стекла и пропускало струи свежего воздуха, в вагоне царила страшная духота. Ни параши, ни бачка с водой в вагоне не было. Как только всех пленных загнали в вагоны, конвоиры закрыли двери и заперли их снаружи».

В Днепропетровск постоянно прибывали партии пленных из Крыма и «Харьковского котла». Часть эшелонов с военнопленными шла через Днепропетровск транзитом, часть разгружалась. В один из пасмурных августовских дней по улице недалеко от вокзала немцы гнали ослабевших от голода и ран пленных моряков. Руки каждого из них были скручены за спиной колючей проволокой. Моряков связали попарно. Колонну сопровождал немецкий конвой с овчарками. В порванных бушлатах и тельняшках, с трудом передвигая ноги и поддерживая раненых товарищей, шли черноморцы. За колонной военнопленных от железнодорожного вокзала до тюрьмы ехала машина, в которую грузили тех, кто не мог идти дальше или падал на землю.

На территории Тихвинского женского монастыря (бывшая ул. Чичерина, 171) за весь период оккупации, согласно протоколам допроса свидетелей, проживавших рядом с

лагерем, а также жителей города Днепропетровска, работавших в шталаге 348, фашисты расстреляли около 30 тысяч советских военнопленных (В. Сацута). Немцы в лагере часто зверели, убивая пленных без малейшего повода.

27 августа 1942 г. из днепропетровской тюрьмы в шталаг 365, расположенный во Владимире-Волынском на Западной Украине, было отправлено около 1200 военнопленных, большинство из них составляли защитники Севастополя и Керчи. Заключенных, месяц не видевших солнца, выгнали из камер, обыскали и оставили в тюремном дворе стоять всю ночь. Утром к баланде дали маленький, со спичечный коробок, кусочек хлеба. Выдача хлеба предвещала «дальнюю дорогу». Затем всем пленным приказали построиться и покинуть тюрьму. На каком-то полустанке под Днепропетровском пленных загнали в товарные вагоны и забили двери. В каждый переполненный людьми вагон выдали на три дня пути пять буханок хлеба и столько же банок консервов. Небольшую помощь продуктами оказали местные жители, которые на остановках бросали в спускаемые из окон котелки фрукты, овощи, хлеб. Дорога в Германию пролегала через западноукраинский город Владимир-Волынский, где находился один из самых известных и жутких лагерей на территории оккупированной Украины.

Нет, пожалуй, более сильного и более мучительного страдания, чем «жизнь» в нацистских концлагерях. У каждого пленного бывают минуты, когда все для него в неволе становится бесконечно ужасным и кажется совершенно нереальным, когда представляется чудовищным и несправедливым умирать молодым, но еще невыносимее жить в постоянном страхе за свою жизнь и жизнь товарищей. «И пред смертью — от ужаса мы замираем. Если нервы — не сталь, мы пугаемся тьмы». Кто не в силах стойко переносить любые тяготы и лишения, тот в лагере обречен на бесконечные страдания.

Единственное, что может удержать человека от непоправимого шага в плену, — это его сила воли. Воля, которая заставляет побеждать самого себя, когда рассудок говорит, что все кончено. Только воля делает сильного человека еще сильнее. Какой несгибаемой волей и мужеством надо обладать, чтобы выдержать нечеловеческие условия плена в фашистских концлагерях, не склонить головы в гестаповских застенках и не дрогнуть перед расстрелом?! Тогда, 27 августа 1942 г., никто из пленных, покидая днепропетровский лагерь, еще не знал, что их ждет впереди.

Полковника Тарасова, майора Конденко, капитанов Зингера, Платонова, воентехника Корнеева за активное участие в деятельности подпольной организации «Братское сотрудничество военнопленных» (БСВ) в числе 92-х советских заключенных расстреляют в концлагере Дахау 4 сентября 1944 года. Майор Фесан и старший лейтенант Герр совершат по два побега, но оба раза будут пойманы и переведены из шталага VII A в концлагерь Дахау. Анатолий Герр дождется освобождения, дальнейшая судьба Федора Фесана неизвестна. Капитана Петра Бобкова 12 декабря 1944 г. из Дахау отправят в концлагерь Бухенвальд, в конце войны он будет освобожден. Лейтенанта Алексея Бобкова расстреляют в Римстинге 30 апреля 1943 года при попытке к бегству.

Раненный в правое плечо лейтенант Грузинцев, участник БСВ, 14 мая 1943 г. совершит побег, но будет пойман. В Дахау его доставят 9 мая 1944 г., откуда затем направят во внешнюю команду Мюнхен-Аллах концлагеря Дахау, где определят в команду Дикергофф на строительство гигантского подземного бункера для завода БМВ. В конце войны его освободят союзные войска. Лейтенант Елистратов, связник генерала Вишневского и активный участник подпольной организации БСВ, будет спасен товарищами на «марше смерти» в 1945 г. Его, крайне истощенного и весившего 35 кг, на р. Изар перенесут через заминированный мост в Зеесхаупте, где с 1 по 4 мая 1945 г. он пролежит в беспамятстве. Участники БСВ лейтенанты Грузинцев (№ 102 277 в шталаге VII A), Елистратов (№ 102 443 в шталаге VII A), Лифинский (№ 102 665 в шталаге VII A) и капитан Гаврилов (№ 103 442 в шталаге VII A) будут лишены статуса военнопленных. Их отправят из шталага VII A в концлагерь Дахау 9 мая 1944 года, где выдадут красные винкеля с номерами: 67 862 (Грузинцев), 67 863 (Елистратов), 67 864 (Лифинский), 67 865 (Гаврилов).

Старший лейтенант Иван Концедалов, один из активных участников БСВ, 8 июня 1944 года будет переведен из шталага VII A в концлагерь Дахау (№ 70 012), откуда 26 ноября 1944 г. его отправят в филиал Гузен-2 самого жестокого на территории Австрии концлагеря Маутхаузен, где он встретит день освобождения. Старший лейтенант Баранов 11 июля 1943 г. совершит удачный побег из рабочей команды № 3006 (Мюнхен), пройдет всю Германию, через три месяца будет пойман в Словакии. 20 февраля 1945 г. из братиславской тюрьмы его переведут в концлагерь Маутхаузен, где

5 мая 1945 года освободят союзники. Младшего лейтенанта Милова 14 апреля 1944 года передадут СД, дальнейшая его судьба неизвестна.

За «подрывную работу среди германского населения»(!) 01.05.1944 лейтенант Лифинский, заключенный № 102 665 шталага VII A, находившийся в этот день в Айттинге (команда № 3021), будет арестован гестапо Мюнхена (Doc. Dachau ID: 10178310). «9 мая 1944 года государственной полицией Мюнхена (Stapo Munchen) Матвей Лифинский доставлен из г. Моосбурга в концентрационный лагерь Дахау — команда Мюнхен-Аллах. Номер узника 67 864. Нацистская категория узника «Schutzhaft» — «охранный арест» (Doc. ID: 9916951, МСР, г. Бад-Арользен, ФРГ; ЦРИ РКК, г. Москва). Лейтенанта Тучинского 31 мая 1943 г. за побег переведут в концлагерь Дахау (№ 48 165) и сочтут погибшим, о чем будет свидетельствовать запись «умер» в его персональной карточке военнопленного № 1. Однако согласно приказу управления кадров офицерского состава № 0325 от 30.11.1945 лейтенант Тучинский освобожден из плена и продолжил службу в рядах Красной Армии. Лейтенант Жирков 6 июня 1944 года совершит побег из концлагеря Дахау (№ 60 827), дальнейшая судьба его неизвестна.

Капитан Гусев в концлагере Дахау будет ходить с нашитой на лагерную робу круглой штрафной меткой «кугель» (пуля), предупреждающей о том, что узник особо опасен и может быть убит охраной концлагеря в любое время. Герман Гусев станет смертником после расправы с капо уголовником, которого зарубит киркой прямо в траншее, спасая своего товарища. Капитана Гусева не казнят лишь потому, что его, заболевшего тифом, поместят в карантинный блок. После войны он вернется домой. Лейтенанта Трусова расстреляют! (в карте записано "умер") в Пенцберге в 6 ч 45 мин 5-го июня 1944 года за отказ от работы.

Инженер-лейтенант Мищенко будет лишен статуса военнопленного и 10 октября 1944 г. доставлен гестапо Мюнхена в концлагерь Дахау (№ 114 788). Согласно донесению отдела кадров № 4205–45 от 31.12.1945 г. Мищенко жив и «находится в частях Красной Армии». Лейтенант Бережной будет расстрелян в Хёглинге (Бавария) 17 июня 1944 года за побег и сопротивление при задержании.

27 августа 1942 года все это было неизвестно, все было впереди — и жизнь, и смерть... и один из самых страшных лагерей на Украине — офлаг XI A / шталаг 365.

Глава VI

Центр вербовки (офлаг XI A / шталаг 365)

Мы (гестапо) вам устроим такое, что и спустя десять лет после войны вы будете убивать друг друга!

Р. Ветишка.
Прыжок во тьму

Лучше умереть, когда хочется жить, чем дожить до того, что захочется умереть.

Э. Ремарк

Один из древнейших городов Киевской Руси – Владимир, расположенный на правом берегу притока Западного Буга р. Луги, после раздела Речи Посполитой в 1795 году вошёл в состав Российской империи как уездный центр Волынской губернии и был переименован во Владимир-Волынский, чтобы отличить его от Владимира-на-Клязьме. Во время Первой мировой войны в 1915 г. Владимир-Волынский оккупировали австро-венгерские войска, а в 1921-м город перешел под управление Польши.

Во время Второй мировой войны 19 сентября 1939 г. части Красной Армии заняли Владимир-Волынский, согласно пакту Молотова — Риббентропа город был включен в состав СССР. После нападения Германии на Советский Союз Владимир-Волынский оккупировали немецкие войска. В сентябре 1941 года нацисты организовали в городе лагерь для пленных солдат и командиров Красной Армии — оф-

лаг XI A, который в 1942 г. переименовали в шталаг 365 (MAF, RW6, v. 450: шталаг 365, июнь 1942 г. — 6200 чел.).

30 августа 1942 г. эшелон с пленными из днепропетровского лагеря № 348 прибыл во Владимир-Волынский. Для большинства пленных этот лагерь был вторым, третьим, четвёртым... иногда даже седьмым по счету. «Перед входом в лагерь на каменном постаменте чугунный орел держал когтями лавровый венок, в центре которого чернела свастика. Дальше, в конце тенистой аллеи — двухэтажный дом комендатуры. С конька крыши свисало длинное шелковое полотнище: на красном поле белый круг и в нем та же черная свастика. Слева от комендатуры протянулся колючий забор с широкими воротами. Будка, шлагбаум, часовой – все как обычно. За проволокой большой прямоугольный плац и кирпичные здания бывших казарм Войска Польского» (Бондарец В. Военнопленные. – М.: Молодая гвардия, 1960).

Лагерь состоял из двух отделений. На северной окраине города (ул. Ковельская) в казармах военного городка находилось отделение для пленных офицеров, солдатские казармы располагались на западной окраине (ул. Устилужская). В офлаг XI A / шталаг 365 пленные поступали из лагерей и тюрем Крыма, Днепропетровска, из-под Харькова и Сталинграда. Гитлеровцы в лагере фильтровали всех прибывших, составляли списки пленных, заводили учетные карточки. Старшим офицерам выдавали лоскуты красной материи, чтобы они нашили знаки различия на воротники гимнастерок. После прохождения карантина узников переводили в основной лагерь, состоящий из нескольких казарменных корпусов с дощатыми двухъярусными нарами и большим двором для построения. В этом дворе перед строем расстреляли группу военнопленных, убивших немца-охранника и пытавшихся бежать. Перед побегом они несколько дней котелками и ложками копали подземный ход, затем выносили землю в карманах и рассыпали на территории лагеря.

Из воспоминаний В. И. Бойко: «В лагере Владимир-Волынском я встретил лейтенанта Ткаченко. Он был заведующим лагерной столовой. Много мне помог. В июне 1942 г. со столовой был сделан подкоп за проволоку. Ушло 7 человек. Недели через две, где-то в Белоруссии, полицаи задержали одного из бежавших. Это был майор Краснов. Майора Краснова поставили к стенке и на глазах у всех пленных расстреляли из автоматов.

Пленные в лагере всю траву с корнем съели, земля чёрная. Только между колючей проволокой да за проволокой зеленела трава. Но если кто протягивал руку, чтобы достать травки из-под проволоки, следовала автоматная очередь, и человек оставался под проволокой.

Были частые случаи, когда немцы куски хлеба, сухари бросали в лужу при въезде в лагерь. На них набрасывались пленные. Люди в этой луже вылавливали сухари, в это время следовала автоматная очередь и несколько человек оставалось в луже».

Гитлеровцы использовали военнопленных не только в качестве бесплатной рабочей силы. В высших кругах абвера и СД считали, что «Россию можно победить только Россией», поэтому немцы старались привлечь в ряды вермахта как можно больше советских пленных. В 1942–1943 гг. шталаг 365 был одним из главных центров вербовки заключенных не только на Западной Украине, но и на всей оккупированной территории юга СССР. Пленных вербовали в т. н. добровольческие формирования, к числу которых относились РННА, РОНА, БСРН, КОНР, РОА (власовцы), легионеры, вспомогательная полиция, хиви, оди, шума, гема, карательные отряды СС «Дружина», ягдкоманды (истребительные или охотничьи команды) и т. д.

Сцену вербовки военнопленных детально описал Бондарец В. И.: «После поверки нас не распустили, а увели на плац. Перед клубом стоял рослый комендант и рядом с ним — хилый старичок в тонком сером мундире с витыми серебряными погонами на сутулых плечах. Лицо желтое, в мешочках, левую бровь подпер монокль.

— Смирна-а-а! — К старику с докладом подскочил щеголеватый старшина.

— Вольно, голубчик.

— Вольна-а-а!

Старик перебросился фразой с комендантом. Тот важно качнул головой.

— Братцы! — Старик, шагнув вперед, протянул к строю руки. — Я приехал к вам из Берлина по поручению командования Русской освободительной армии. Я рад, что вижу стольких русских офицеров вместе. Я не сомневаюсь, что все вы достойные сыны многострадальной России.

По площади прошел сдержанный гул.

— В моем лице к вам обращаются люди, взявшие на себя священную миссию борьбы с большевизмом. Мы ждали

этого радостного времени более двадцати лет. Теперь наш час настал. Вот! — Старик поднял над головой большую листовку с портретом. — Вот истинный боец за счастье своего народа — генерал Власов. Я зову вас под его знамена. Советам приходит конец. Ваш долг — ускорить его, затем вернуться к семьям и строить новую Россию. Страну...

— Россию на немецкий лад! — звонко крикнул кто-то из строя.

— Страну предприимчивых, умных людей, — поправил старик.

— Под немецким каблуком! — не унимался голос.

Бросив украдкой взгляд на коменданта, старик ответил:

— Немцы получат свое и уйдут. Мы будем свободны!

В задних рядах поднялся шум.

— Громче!

— Не слышно!

Шум перекинулся из задних рядов в передние, кричали уже все. В голосах слышалось озорство.

— Долой! Доло-о-ой!

Между рядами зашныряли полицаи, солдаты охраны. Понемногу шум стих.

— Напрасно вы шумите. Вам не за что держаться. Нынешняя Россия считает вас изменниками. Об этом заявил сам Сталин. Но если для него вы изменники, то для нас вы желанные люди. Мы ждем вас! Мы обращаемся к вашей совести, вашему долгу перед Ро... кха... кха...

Приступ кашля заставил его схватиться за грудь.

— Доло-о-ой!

Перемежаясь с разбойным свистом, крики неслись над площадью. Часовые на вышках повели по лагерю стволами пулеметов. Но применить оружие не позволял момент, а как можно заставить замолчать несколько тысяч глоток? Комендант махнул рукой, велел разойтись» (Здесь, видимо, речь идет об агитаторе из РННА, РОНА, хиви или легионеров. В. И. Бондарец (см. № 70 200 на стр. 198) находился в шталаге 365 в июле-августе 1942 года. Власовцы и РОА в качестве воинских формирований в 1942 году не существовали. Генерал Власов сдался в плен 11-13 июля 1942 г., его имя использовалось, скорее всего, для пропаганды и привлечения пленных на службу в вермахт).

В каждом из нацистских концлагерей, как правило, была особая команда, которая занималась поиском засланных из СССР под видом военнопленных разведчиков, подполь-

щиков и партизан, а также выявляла среди пленных комиссаров, политруков, коммунистов, евреев и цыган. Особая команда широко использовала пленных в качестве осведомителей и доносчиков, внедряла в их ряды своих агентов, замаскированных под пленных, поэтому в лагере каждый заключенный предпочитал держать язык за зубами.

Об одной из таких команд в своих мемуарах (Как я был в немецком плену. — М.: Вече, 2007) Ю. Владимиров пишет следующее: «Особая команда также проверяла картотеки советских военнопленных, причем отделом регистрации заведовал немец, хорошо владеющий русским языком. Одним из объектов деятельности особой команды было проведение антисоветской агитации среди военнопленных. К этому привлекались заключенные, недовольные советской властью и Сталиным, как правило, неплохо разбирающиеся в политике. Агитгруппа размещалась в отдельной комнате. Агитаторы проводили в бараках лекции, сообщали о положении на фронтах, приносили антисоветские газеты и брошюры на русском языке. Нередко для проведения лекций приезжали одетые в немецкую офицерскую форму, но с «русскими» знаками различия на левом рукаве и в петлицах воротника слушатели пропагандистских курсов. Агитгруппа создала в лагере из пленных небольшой кружок самодеятельности, который работал в клубе, примыкавшем к помещению особой команды. Для агитаторов и некоторых привилегированных пленных там устраивали просмотры немецких кинофильмов. Просмотры проходили в упомянутом клубе. С участием кружка самодеятельности в этом же помещении отмечали различные праздники: немецкое Рождество, Новый год и пр.

Через ту же группу агитаторов и пропагандистов особая команда активно занималась вербовкой советских военнопленных на службу в частях германских вооруженных сил, в основном в составе прибалтийских, украинских, белорусских, русских, казачьих, кавказских, волжско-уральских, среднеазиатских и других подразделений. Позже пленных стали вербовать в Русскую освободительную армию (РОА), создателем которой был генерал-лейтенант Власов.

Руководил особой командой пожилой немецкий офицер в чине капитана, владевший русским далеко не в совершенстве. Должность его называлась зондерфюрер, что в переводе означает «особый руководитель». Его помощником являлся одетый в черное пальто, костюм с белой рубашкой и

галстуком пожилой русский эмигрант — то ли граф, то ли князь, фамилию которого я так и не узнал.

Возглавлял группу агитаторов и пропагандистов русский из числа военнопленных, который, по-видимому, был в Красной Армии политработником. Судя по тому, что у него совершенно отсутствовала военная выправка, его, вероятно, мобилизовали в начале войны либо из вуза, либо с какого-то предприятия, где он, возможно, руководил парткомом. Язык у него был, как говорят в народе, хорошо подвешен, поэтому слушать его было интересно. Вел он себя просто, ходил в обычной одежде военнопленного. Лекции и беседы пленные выслушивали с определенным интересом и доверием. Но когда в феврале 1943 года германские войска потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом, большинство пленных приобрели полную уверенность, что Красная Армия непременно победит. И тут же многие стали задумываться о том, как же, находясь в плену у немцев, способствовать товарищам, воюющим на фронтах за Родину».

Вербовка внутрилагерной агентуры велась из числа пропагандистов, полицейских, старшин бараков и других пособников. Эти же лица использовались в качестве резидентов, они имели на связи 5–10 осведомителей. Каждый такой завербованный давал письменное или устное обязательство о сотрудничестве и неразглашении своей связи с абвером. На таких агентов заполнялась специальная карточка с указанием биографических данных и характеристикой. При переводе агента в другой лагерь карточка следовала за ним к месту нового назначения (С. Г. Чуев).

Наименее стойкие военнопленные, измученные издевательствами и голодом, соглашались перейти на сторону немцев. Один из бывших лагерников пишет: «Такие добровольцы, человек пятнадцать-двадцать, нашлись, вышли из строя. Им дали по банке супа, хлеб, сигареты, но ночью в бараках их всех придушили. С тех пор таких добровольцев немцы отделяли от нас».

Младший лейтенант М. П. Придонов вспоминает: «В лагерь часто наведывались вербовщики в национальные части. Нет, не в РОА, о власовцах тогда речи не было. Агитировали в легионы. Кто-то давал согласие. Я был среди тех, кто вел агитацию против этих формирований. Однажды Шагинян, начальник штаба дивизии военнопленных, вызвал меня и предупредил о том, что я попал в поле зрения лагерного начальства. Сказал, что внес меня для отправки в другой

лагерь вместе с несколькими другими активными агитаторами, иначе им несдобровать».

«Оказавшись снова в лагере для военнопленных, я обратил внимание, что и на земле, и на сторожевых вышках находились молодые охранники в темно-зеленой форме. (У пленных в такой же форме в Германии — в отличие от охранников — на спине, левой груди, на правом колене, а также на пилотке были нанесены желтой или красной масляной краской буквы SU, что расшифровывалось как «Советский Союз».) К великому моему изумлению, охранники оказались моими соотечественниками — русскими, украинцами и т. д., перешедшими на службу к немцам. Немцы называли их добровольцами вспомогательной службы или, кратко, «хиви» — от сокращенного немецкого слова «hilfswillige» — «хильфсвиллиге», буквально — «готовые помочь». Каждый из них получал питание как немецкий солдат и зарплату, а также дополнительное довольствие» (Владимиров Ю. В немецком плену. — М.: Вече, 2007).

В первый год войны в лагерях, размещенных на территории Украины во Владимире-Волынском, Богуне, Адабаже, Славуте, Шепетовке, под Черниговом, Днепропетровском и Киевом, действовали подпольные группы военнопленных. Со временем аналогичные группы образовались в лагерях, находившихся на части оккупированной территории Российской Федерации, Белоруссии, Польского генерал-губернаторства, в Третьем рейхе и некоторых государствах Европы, оккупированных Германией.

Пропаганда среди пленных, строгая изоляция от внешнего мира, крайне тяжелые условия жизни подавляли волю части лагерников, вызывая чувство безысходности. Всем вступившим в немецкую армию обещали выдать хороший паёк, обмундирование и направить в тыл для прохождения службы. Многие военнопленные в результате увиденного и пережитого, поддавшись пропаганде и угрозам, ломались и становились на путь сотрудничества с врагом, тем самым сохраняли себе жизнь, но при этом переходили в разряд изменников Родины. К их числу можно отнести генералов И.А. Благовещенского, А.А. Власова, Д.Е. Закутного, В.Ф. Малышкина, М.Б. Салихова, Б.С. Рихтера, Ф.И. Трухина, бригадного комиссара Г.Н. Жиленкова. В рядах изменников оказались не только некоторые генералы РККА, но и ряд «красных комбригов» (И.Г. Бессонов, М.В. Богданов, А.И. Севостьянов). Значительное число военнопленных приспосаб-

ливалось к лагерной жизни и занимало выжидательную позицию.

Вместе с тем в лагере находились и те, кто имел крепкие нервы и огромную силу воли. Именно вокруг них группировались единомышленники. Они организовывали побеги, саботировали производство, совершали диверсии, оказывали помощь нуждающимся, верили в победу и возможность вырваться на свободу. В их числе генералы Х. Н. Алавердов, А. С. Зотов, Д. М. Карбышев, П. Г. Макаров, И. С. Никитин, С. Я. Огурцов, М. А. Романов, Н. М. Старостин, С. А. Ткаченко, И. М. Шепетов, офицеры К. А. Карцев, Н. Ф. Кюнг, В. Букреев, И. Кондаков, А. Н. Пирогов и многие другие (Дембицкий Н. П. Судьба пленных).

Вспоминает лейтенант Фёдоров: «Владимир-Волынский лагерь — особый. В нём особенно заметна организация состояния, именуемого ПЛЕН. Регулярно выпускаются большого формата стенгазеты на русском, украинском и грузинском языках. В газетах учёные мужи со степенями, гордясь званиями, полученными от Советского государства, и занимаемыми ранее должностями, дружно оплёвывают свою Родину, наперебой стараются обратить на себя внимание новых хозяев — хотят понравиться. Война ещё идет, неизвестно, кто победит, но у этих людей, видимо, уже выбран путь. В случае нашей неудачи в войне они, если новые хозяева их полюбят, могут рассчитывать на место в других странах. Соответственно с этой идеологией ведёт себя и кадровое офицерство, преимущественно высший комсостав. Любая должность в лагерной администрации открывает дорогу к дополнительной миске еды. Все ходят при «шпалах» в петлицах, занимают лагерные должности, требуют, чтобы их приветствовали по всей форме.

Вот едет конная повозка с бочкой, полной нечистот из уборной, сидит на бочке пожилой человек с тремя «шпалами» (подполковник) и требует приветствий».

К концу лета 1942 г. немцам удалось организовать туркестанский, азербайджанский, армянский, волжско-татарский и грузинский легионы. Возглавил их бывший военный атташе германского посольства в Москве генерал Кёстринг. Воинские формирования легионеров, одна из задач которых состояла в разжигании национальной вражды между народами СССР, должны были способствовать захвату Кавказа и прорыву гитлеровцев в районы Ближнего Востока к его нефтяным запасам.

Подполковник П. А. Александрович пишет: «Во Владимир-Волынском лагере был один полк украинский, два полка русских и батальон кавказцев. Подразделения формируются всегда по национальному принципу, и даже кормят нации по-разному. Например, кавказцы всегда имеют привилегию в кормежке. Мы предполагали, что из кавказцев будут формировать кавказские части против Красной Армии, что и оправдалось позже».

Бывший пленный Н. И. Васильев вспоминает: «У немцев была четко отработанная система вербовки... Военнопленные содержались на пределе физического и нравственного уничтожения. Утром умерших снимали с двух-трех ярусов сплошных нар, у многих уже были обгрызены крысами носы, уши, пальцы. Пленные, как муравьи, несли умерших, везли на тачках, закапывали. И все думали, что это может случиться с ними завтра».

Каждый день комендант лагеря Сталер вывешивал приказ, по которому «приговаривались» к расстрелу 8—10 человек (Арон Шнеер). Казнили за то, что один из пленных не снял шапку перед немцем, другого — за попытку к побегу, третьего — за «враждебность к немецкому народу», четвёртого — за «воровство», то есть за то, что человек по пути на работу от голода сорвал пучок травы. Любое неподчинение или малейшие протесты заканчивались расстрелом.

Из письма В. П. Колмакова: «Один из пленных сорвал около дороги пучок травы, чтобы её скушать. Солдат это заметил и, приведя в лагерь, заявил, что этот пленный (фамилия его Потехин, ст. лейтенант) хотел бежать. Несчастного поставили на площадку около ворот и на глазах лагеря спустили с цепи восемь собак, которые разорвали его на куски» (28.12.1943, Колмаков, бывший военный прокурор 289 сд).

Пленных поднимали в семь утра. Лучше всех это описал М. Гавриш: «По утрам, сжавшись в комочек, ждали, когда ударят в рельсу. И тогда конец покою — вскакивали, спешили на плац, чтобы встать в строй не последним. Автоматчики уже поджидали того, самого последнего. На него натравливали собак, озверевшие псы разрывали несчастного на части, потом, ещё живого, его добивали автоматчики. Немцы заходили в казармы, шарили по закоулкам, прощупывали нары и, если кого обнаруживали — ослабленного и замученного, расстреливали. А мы молча стояли на плацу, дрожа от холода. Так проходил час-другой. После проверки помещения, подсчёта трупов начинали считать живых. Не дай

бог, если цифры не сходились со списком, всё начиналось с начала. А стоять уже не было мочи, изощрённая пытка, да и только! Наконец эхом прокатывается: «Ра-зой-ди-и-ись!» — а ноги не слушаются, каждый шаг даётся с трудом».

В. И. Колотуша вспоминает: «Действо, которое называлось утренней поверкой, сводилось к тому, что на лагерном плацу повзводно, поротно и по полкам выстраивались все содержавшиеся в лагере военнопленные. После завершения построения командиры взводов докладывали командирам рот, те — командирам полков, а уж последние — «начальнику лагеря» полковнику Матевосяну о состоянии дел в полку — его общей численности, числе больных, особенно заболевших сыпным тифом, количестве умерших. Ординарец Матевосяна вёл соответствующие записи, а потом на основе этих рапортов составлял общую докладную для немецкой комендатуры, которая утверждала списки «провинившихся».

Обречённого на наказание выкликали по его лагерному номеру, и в зависимости от «тяжести содеянного» выносилось наказание. Неповиновение, воровство, попытки побега карались расстрелом. Наказываемого человека привязывали к «кобыле» и секли плетьми. Количество ударов определяла немецкая администрация лагеря, а в роли исполнителей выступали члены лагерной полиции».

Из воспоминаний Ю. Б. Соколовского: «Во время поверок в присутствии немецкого командования лагеря, которое являлось в лагерь один раз в день, только на время поверки, проводилась экзекуция. Провинившегося офицера 6-8 полицейских раскладывали на две скамейки и всыпали 25 горячих, причём это делалось всегда в присутствии всего лагеря военнопленных и самого командования».

С середины лета 1942 года лагерь начали заполнять поновому. В отделении для рядового состава стали содержать не только солдат, но и офицеров. В таких же жутких условиях, что и в «северном» отделении лагеря. В книге «Суровые испытания» И. К. Кондрашов описывает свое прибытие в лагерь из тюрьмы 10 августа 1942 г.: «...пробыли мы в тюрьме Днепропетровска (шталаг 348) около месяца. Вскоре полицейские провели учёт пленных, составили картотеку, они же сообщили нам о предстоящей отправке. При этом пугали будущим концентрационным лагерем. А тюрьму они называли «санаторием» и были отчасти правы. Что мы пережили в лагере Владимира-Волынского, не идёт ни в какое сравнение с днепропетровской тюрьмой.

10 августа 1944 года нас привезли в это ужасное место. Что оно из себя представляло? Большая территория, огороженная двумя рядами колючей проволоки высотой около четырёх метров. На каждом углу сторожевые вышки с пулемётами. Снаружи лагерь охраняли солдаты с овчарками, а внутри находилось несколько одноэтажных и двухэтажных зданий (казармы бывшей танковой части). Что бросилось в глаза, как только вступили на территорию этого места пребывания многих тысяч людей, а точнее, места уничтожения военнопленных? Истощение людей дошло до последней черты. Удивительно быстро меняется человек в плену. Одни заключенные — скелеты, обтянутые кожей, другие — неестественно опухшие. Ежедневно умирали 60 — 70 человек. Свозить мертвецов к воротам лагеря каждое утро было выгодной работой, за неё давали дополнительную порцию баланды. Через неделю мы обсудили наше положение и пришли к выводу, что при таком питании больше двух недель нам не протянуть. Пужалин, уже испытавший немецкий плен в 1920–1922 гг., говорил нам, чтобы мы не пили сырой воды, как бы ни хотелось пить. Иначе человек опухает, перестаёт двигаться и умирает.

Один раз за всё время нам удалось попасть на вывозку мёртвых. Огромный котлован был заполнен наполовину трупами военнопленных. Мы уложили свой груз, в тот же день получили по лишней похлёбке и, конечно, поделились с Пужалиным. В лагере была съедена вся трава, лишь у проволоки не тронута (немцы стреляли в пленных без предупреждения). Когда мы вывозили трупы, то обратно по дороге нарвали белого клевера. Из этой травы сварили котелок баланды, и ещё на утро осталось. Дважды варили что-то съедобное из коры дуба, а однажды суп из майских жуков. Немцы стравливали военнопленных разных национальностей. С этой целью был увеличен хлебный паёк мусульманам. Шли разговоры, что из них будут формировать какую-то часть.

Вскоре нам представился случай вырваться из лагеря. От одного полицая узнали, что на днях будет отправка куда-то партии шофёров и печников. Ехали в товарном вагоне, подолгу стояли на станциях, пропуская встречные поезда. В соседнем вагоне пленные взломали пол, и человек 20 бежало, правда, некоторые попали под колеса. Хотели совершить побег все, но не успели. На станции, пересчитав нас, немцы пришли в бешенство. Переводчик объявил, что

за побег будет расстрелян каждый десятый. Шеренга пленных была построена, я оказался девятым в третьей десятке. Смерть и на этот раз прошла мимо».

Очень выразительно описал свои первые впечатления о казарменном «быте» заключённых подполковник В. А. Новобранец, доставленный во Владимир-Волынский лагерь весной 1942 года: «После регистрации меня направили во 2-й русский полк в 1-й батальон. Привели в казарму. Открыл я дверь и отшатнулся от густого липкого зловония. Встал на пороге, осмотрелся.

Трёхэтажные нары. Пленные лежат сплошняком на всех трёх этажах, под нарами и в проходе на полу. С трудом разыскал свою роту, перешагивая через лежащих на полу людей — бледных, худых, измождённых до предела, что называется «краше в гроб кладут». Многие одеты только в рваные окровавленные штаны и гимнастёрки, на которых грязно-бурые марлевые повязки. Многие, сидя на нарах, что-то делали со своим обмундированием. Присмотревшись, понял — уничтожают вшей в складках.

На моё появление никто не обратил внимания, несмотря на то, что я был новичком и в гражданской одежде. Командир отделения, подполковник, указал мне место на цементном полу — небольшой промежуток в 15—20 см между лежащими в ряд людьми. Я осмотрел указанное место и спросил:

— Да разве здесь можно расположиться?

— Ничего, можно. К вечеру вот этот умрёт от тифа, будет свободней.

Меня охватили жар и холод. Неужели мне лежать рядом с тифозным?! Стою, осматриваясь, не зная, что делать. А устал я чертовски, ноги от слабости дрожали и подкашивались. А меня интересует больше «моё место» на полу. Слышу, что-то трещит под ногами. Будто конопляное семя. Нагнулся, всматриваюсь. Подполковник ответил на мой недоумённый вопрос:

— А это вши трещат. Они, когда человек умирает, начинают перебегать на другого... и вот... трещат.

Присмотрелся я к умирающему, и от ужаса меня качнуло: на его лице, на обнажённой груди сплошная сетка вшей. Вши пожирали его живьём.

— Да что же это, товарищи? Надо же спасти человека.

— Его уже не спасёшь. Этого зверья на каждом из нас миллионы, — спокойно ответил подполковник».

Советские военнопленные до 1942 года чаще всего оказывались либо в прифронтовых немецких лагерях, либо в тыловых лагерях — дулагах. Затем их сортировали и направляли в офлаги (для командного состава) и шталаги (для рядовых). Лишь с начала 1942 года пленных начали переправлять в Германию — рейх испытывал огромный дефицит рабочей силы. Людей гнали пешком или по железной дороге, в вагонах для животных, в Польшу, Германию, Чехию, Францию и другие страны, находившиеся под контролем нацистов. Некоторые попадали даже в приполярную Норвегию. При этом всех без исключения военнопленных сортировали не только по политической принадлежности («приказ о комиссарах»), но и по национальному признаку. Из «Распоряжения главного командования вермахта об отношении к советским военнопленным» от 08.09.1941 г.: «Во время классификации по национальному признаку руководящий персонал и т. д. должен допрашиваться самим лагерным руководством, в то время как к политической селекции отбирает (представляет) рейхсфюрер СС, в частности оперативные команды полиции безопасности и СД. Они непосредственно подчинены шефу полиции безопасности и СД, специально обучены для выполнения их особой задачи и принимают свои меры дознания по директивам (указаниям), получаемым ими от своего шефа» (Неман. 1993, № 5).

Ю. С. Волков пишет: «В Двинске, а может ещё ранее в Луге, немцы начали сортировать пленных по национальному признаку. Во время очередного построения немецкий офицер приходил с каким-то типом в гражданской одежде и тот командовал: «Украинцы! Выйти из строя!» Тех, что выходили, строили в отдельную колонну и уводили. О чём, как и кто с ними говорил, я не знаю, так как ни разу не пытался выдать себя за украинца (многие русские потом это делали). Но через пару дней мы их видели уже переобмундированными во французские и немецкие тёмно-синего цвета мундиры и вязаные шапочки с немецкой кокардой, марширующими в колоннах по три или по пять рядов и поющими украинские песни. Об их дальнейшей судьбе речь будет впереди. Но с тех пор я не могу, вернее, мне противно слышать песни, которые они пели и под которые маршировали. Эти песни: «Ой ты Галю, Галю молодая», которую «пидманули и увели с собой», и про «Сагайдачного, что променял жинку на табак, на люльку», — мне напоминают зверства некоторых из этих «пидманутых» немцами и

променявших Родину на немецкую чечевичную похлебку, исправно служивших им вплоть до 1944 года, а кое-кто и до конца войны.

Наверняка некоторые (в том числе и русские) шли служить в эти «украинские» формирования с целью получить оружие и с ним вырваться на свободу. Но большинство измождённых голодом и побоями людей шли туда в надежде выжить, получив дополнительно на первых порах вторую в день порцию баланды. А затем, испачкав руки в крови своих соотечественников (уж немцы об этом позаботятся в первую очередь!), редко кто находил мужество порвать с немцами. Так формировались легионы изменников и предателей.

Значительно позднее мне стало известно, что не только одни украинцы пользуются благосклонным расположением немецкого командования. Среди пленных они выискивали азербайджанцев, крымских татар, эстонцев, литовцев, даже пытались сделать предателями белорусов, предложив им вступить в подразделения так называемой самоаховы (самообороны). Печальную славу оставила о себе, как известно, также «Русская освободительная армия» (РОА). Формируя так называемые добровольные национальные части, немцы преследовали определённые политические цели: создать видимость разобщённости народов Советского Союза, их неприязни к советскому строю и готовности добровольно вступить в вооружённую борьбу с ним.

Совсем по-другому немцы относились к евреям. Их сразу отделяли от других пленных, используя на самых тяжёлых, грязных и унизительных работах. Например, во всех лагерях, узником которых пришлось мне побывать, ассенизаторами были только евреи. Многие из них пытались выдавать себя за русских, грузин и т. п., но внешний вид и выговор демаскировали их.

Обычно немцы, завидев в рядах пленных еврея, со словами «юдэ» вытаскивали его из рядов, и если он пытался разуверить их в своём происхождении, приглашали «специалиста» по еврейским вопросам (обычно одетого в гражданское), и тот начинал его проверять старым дедовским, черносотенным способом:

— А ну, жид, скажи: «кукуруза»!

Если и «кукуруза» не могла дать заключение о национальности, подозреваемый проходил следующую стадию проверки.

— Расстегни штаны! Покажи...

После такого обследования подозреваемого либо отправляли к евреям, либо возвращали в ряды простых смертных. Пишу об этом с подробностями, так как сам подвергся этой унизительной процедуре в Двинске: у меня были чёрные волосы, и я с детства немного картавил».

Л. И. Котляр вспоминает: «Из строя стали вызывать и собирать в отдельные группы людей по национальностям. Начали, как всегда, с евреев, но никто не вышел, и никого не выдали. Затем по команде выходили и строились в группы русские, украинцы, татары, белорусы, грузины и т. д. В этой сортировке я почувствовал для себя особую опасность. Строй военнопленных быстро таял, превращаясь в отдельные группы и группки. В иных оказывалось всего по пять-шесть человек. Я не рискнул выйти из строя ни когда вызывали русских и украинцев, ни, тем более, — татар или армян. Стоило кому-нибудь из них усомниться в моей принадлежности к его национальности — и доказывать обратное будет очень трудно.

Я лихорадочно искал единственно правильный выход. Когда времени у меня почти уже не осталось, я вспомнил, как однажды в минометной роте, куда я ежедневно наведывался как связист штаба батальона, меня спросили о моей национальности. Я предложил им самим угадать. Никто не угадал, но среди прочих было произнесено слово «цыган». За это слово я и ухватился, как за соломинку, когда операция подошла к концу и нас осталось только два человека. Иссяк и список национальностей в руках у переводчика, который немедленно обратился к стоящему рядом со мной смуглому человеку с грустными навыкате глазами и огромным носом:

— А ты какой национальности?

— Юда! — нетерпеливо выкрикнул кто-то из любителей пошутить. Кто-то засмеялся, послышались еще голоса: «Юда! Юда!», но тут же все смолкло, потому что крикуны получили палкой по голове за нарушение порядка. В наступившей мертвой тишине прозвучал тихий ответ:

— Ми мариуполъскы грэк.

Последовал короткий взрыв смеха. Не дожидаясь приглашения, я сказал, что моя мать украинка, а отец — цыган. И тотчас последовал ответ немца, выслушавшего переводчика:

— Нах дер мутер! Украйнер!

— Украинец! — перевел переводчик. Приговор был окончательным, и я был определен в ряды украинцев. Теперь

любой, кому пришла бы в голову фантазия что-либо возразить по этому поводу, рисковал схлопотать палкой по голове. Немцы возражений не терпели».

Н. Р. Копылов, из книги «Мои скитания»: «Нас построили посреди дороги, около рва. К каждому в нашей колонне подходил офицер, осматривал, а похожих на евреев сталкивал в овраг. В их число попал и я. Сверху кричали:

— Микола, ты же украинец, скажи им.

Я несколько раз прокричал:

— Я украинец, я не еврей!

Наконец меня услышал офицер, спросил:

— Ты не еврей? — Позвал переводчика. Тот оказался моим земляком и заговорил со мной чисто по-украински. Переводчик сказал, что я действительно украинец. Я быстро вскарабкался наверх, а тех, в овраге, сразу же расстреляли».

Из воспоминаний А. И. Сергеева: «Седьмой пересыльный пункт. Город Владимир-Волынский. Лагерь состоял из нескольких казарм. Одни назывались «казармами Сталина», а другие — «казармами Пилсудского». В лагере орудовали украинские националисты. Они всех проверяли, выискивая украинцев. Находились и русские, которые выдавали себя за украинцев. Не помню фамилию батьки, который принимал «экзамен». Он заставлял по-украински сказать: «Не могу исты белого хлеба» и «паляница». Как кто скажет не совсем по-украински, он врежет плеткой и заорет: «На, жри мой х...» Вот такие экзамены. Отобрав группу, составляли взвод и начинали заниматься строевой подготовкой. Их переводили в отдельную казарму.

Расскажу, как Люди с большой буквы сбегали из этого лагеря. Вся охрана сбилась с ног, каждый день один побег. Именно побеги днем, а не ночью. Из лагеря содержимое выгребной ямы в бочке на повозке с лошадью вывозил старик. Так вот, он брал в бочку Человека с большой буквы, заливал бочку доверху, давал Человеку пустотелый стебель и ехал. Так и проезжал через ворота. Его взяли, а точнее, обоих — и спасителя, и спасенного. Обоих повесили. Это был русский старичок».

Одно из свидетельств — рассказ подполковника Пастушенко А. А.: «28 июня 1942 года мы прибыли во Владимир-Волынский лагерь военнопленных. Там только комсостав. Первое моё впечатление — ошеломляющее. Я никогда раньше не мог себе представить, что немцы могут так издеваться

над народом. Я ходил по лагерю и смотрел на всех пленных. Все выглядели как прокажённые — худые до скелета, падали некоторые на ходу от слабости, рваные, грязные. Лагерь изолирован от всего, туда ничего не попадает, и ничего не выдают: ни мыла, ни белья, ни бриться, ни помыться. Кто в чём пришёл, конечно, после ограбления каждого, тот в том и живёт. Единственное, что было выдано, это колодки деревянные вместо снятых сапог. При разговоре с военнопленными во всех чувствуется величайшая ненависть к немцам и усиленная любовь к Родине. Они говорили, что мы прибыли ещё в хорошее время, когда баланда варится из круп и есть немного муки в ней, а вот мы пережили зиму, из 8 тысяч нас осталось едва ли 3500 человек, остальные все умерли. И сейчас наше похоронное бюро работает с полной нагрузкой» ("Совершенно секретно", 01.02.2016).

В отделении для рядового состава ситуация была ещё хуже. В страшную зиму 1941/42 годов в этом отделении для рядовых погибли все (!) пленные (В. И. Колотуша).

Из письма В. П. Колмакова: «...привезли нас, группу раненых командиров, в город Владимир-Волынский, в так называемый офицерский лагерь. Что он собой представляет? Бывший военный городок, несколько зданий обнесено колючей проволокой, через которую пропущен электрический ток, на углах установлены пулемёты. В лагерь привезли нас всех голых и почти босых — немцы нас ограбили, сняли не только сапоги и верхнее платье, но и бельё. Люди кутались в лохмотья, куски мешковины и т. п. Ударил мороз, люди начали умирать. Дров не давали, помещения не отапливались, все окна выбиты, спали на цементном полу без соломы. До 09.11.1941, то есть ровно месяц, не давали ни куска хлеба и ни капли воды или горячей пищи. Словом, из 12 000 военнопленных с осени 1941 года осталось к весне 1942 года 700 человек. Голод был такой, что мы съели всю траву в лагере, ремни, кости, рога, копыта, ободрали кору с деревьев и все листья, съели сено, сапоги, предварительно поджарив их...

09.11.1941 г. началась регистрация, каждому командиру давали на доске личный номер и вешали ему на грудь, как каторжникам, на одежде, как на верхней, так и на нижней, красной краской ставили во всю спину «SU» (Sowjetunion), на груди треугольник, на ягодицах два треугольника, в регистрационной карточке, кроме анкетных данных, писали личный лагерный номер и ставили дактилоскопические

отпечатки. Затем каждый подходил к немцу и снимал брюки, немец-врач внимательно все осматривал и при этом устанавливал, кто еврей, кто не еврей.

1 июня 1942 года из лагеря убежало с работы 30 человек комсостава, через несколько дней комендант отсчитал 300 человек и расстрелял их около лагеря».

Вспоминает Ю. Б. Соколовский: «На протяжении нескольких дней сюда согнали около 8000 офицерского состава. Из восьми тысяч офицеров, которые находились в этом лагере, умерли и были расстреляны три тысячи человек, это по записям, которые были в госпитале. Списки эти находились у старшего лейтенанта госпиталя Малеванчука. В госпитале он работал писарем. У него были списки всех погибших, умерших.

Весь состав военнопленных был разбит на четыре полка по национальной принадлежности — первый полк украинский, второй и третий — русские полки, четвёртый — интернациональный (как мы его называли), состоящий из нацменов. Командиры полков были из состава наших же советских офицеров. Основная политика этого деления на нации, на расы — стремление отделить русских от украинцев. Во главе всего этого, кроме немецкого командования, которое находилось за пределами лагеря, в самом лагере был штаб дивизии военнопленных, командиром которого был Матевосян — бывший командир нашего полка или дивизии Красной Армии.

Кроме четырёх полков и резерва на территории лагеря существовал ещё и генеральский блок. Там жила группа генералов во главе с командующими армиями Понеделиным и Музыченко. Генералов и старшего начальствующего состава было 9 человек».

Во Владимир-Волынском лагере в 1942 г. были созданы три рабочие команды: «Дувальд», «Бискупице» и «Когильно». Характер работ, которые выполнялись этими командами, в немецких документах не раскрывается, но на основании изучения персональных карт участников рабочих команд можно предположить, что военнопленные из Владимир-Волынского лагеря были заняты на прокладке секретного кабеля, который соединял Берлин со ставкой Гитлера «Вервольф» под Винницей. Ставка располагалась в лесном массиве в 8 километрах от Винницы, около села Стрижавка. Гитлер впервые прибыл сюда 16 июля 1942 года, где пробыл до 31 октября. Именно здесь была подписана

директива № 45 от 23 июля 1942 г. о взятии Черноморского побережья Кавказа, Сталинграда и последующем наступлении на Баку (операция «Брауншвейг»).

В 1941–1942 годах в лагерях, размещенных на территории Украины, действовали подпольные группы военнопленных. Из документов ЦГАОР СССР: «Крупное восстание военнопленных произошло во Владимир-Волынском офлаге в июне-июле 1942 года. Капитан В. З. Власов (старший переводчик штаба Юго-Западного фронта и бывший сотрудник НКВД) с целью побега создал группу военнопленных офицеров из 30 человек, которую возглавил бывший командир 253-й стрелковой дивизии Кудрявцев. 1 июня во время работы на кладбище они убили одного охранника, связали остальных и бежали. Чтобы задержать преследование, четверо пленных, в том числе полковник Старостин и майор Неверов, имея винтовки и гранаты, прикрывали бежавших. Когда у них закончились патроны, началась рукопашная. Их растерзанные трупы, вернее, даже не трупы, а куски мяса, немецкие солдаты привезли в лагерь, сложили на столы посреди лагеря и прогнали мимо них узников. 16 бежавших человек были пойманы. Их и еще 300 человек, выбранных по принципу круговой поруки, расстреляли. 18 июля 1942 г. для показательной казни привезли в лагерь В. З. Власова, которого поймали уже возле Киева. Перед казнью В. З. Власов успел крикнуть: «Долой Гитлера! Да здравствует Советский Союз!» Сам комендант Сталер и его помощники в упор расстреляли Власова, но даже после нескольких ранений Власов остался жив. Ночью врачи-пленные перенесли его из морга в укромное место. Однако утром немецкий врач, не найдя тела, организовал поиски. Власов был найден и убит» (ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 2, д. 359).

Во Владимир-Волынском лагере во время оккупации фашисты замучили и расстреляли 56 тыс. военнопленных (И. В. Гаврилович). Трудно определить точное число погибших на территории Украины военнопленных. В свое время историк М. И. Семиряга констатировал, что на Украине гитлеровцы уничтожили около 3900 тыс. мирных жителей и почти 1400 тыс. военнопленных.

У каждого, кто попал в фашистский плен, было лишь два пути. Один — ввысь, к долгу, совести и чести. Второй — вниз, в пропасть, к позорному предательству. Большинство советских пленных выдержали невыносимые истязания и пытки в нацистских застенках, не сломались и не стали

предателями. Многие из них прошли через такие жестокие немецкие концлагеря, как Дахау, Маутхаузен, Хаммельбург, Бухенвальд, Освенцим, Заксенхаузен, Флоссенбург, но и в нечеловеческих условиях этих лагерей они не пали духом, видя, как печи крематориев Дахау, Освенцима и Бухенвальда поглощают тысячи замученных людей. В нацистских концлагерях от голода, издевательств и пуль эсэсовцев за годы войны погибли многие сотни тысяч узников. Но даже в таких страшных концлагерях, как Дахау и Аллах, выжить в которых задача для любого советского заключенного была почти невыполнимая, существовали хорошо организованные подпольные группы «Братского сотрудничества военнопленных», одной из самых крупных, разветвленных и действенных антифашистских организаций Сопротивления, созданной советскими офицерами в нацистских лагерях на юге Германии.

Глава VII

«Братское сотрудничество военнопленных»

Истинное мужество немногоречиво: ему так мало стоит показать себя, что самое геройство оно считает за долг, не за подвиг.

А. Бестужев-Марлинский

Если я обречен, то обречен не только на смерть, но обречен и на сопротивление до самой смерти.

Ф. Кафка

Эшелоны из Владимира-Волынского в Германию шли в основном в XIII военный округ «Нюрнберг». Путь пролегал через польские города Демблин, Ченстохов, Варшаву. Составы, пропуская встречные поезда, продвигались медленно, в светлое время суток, а ночами под усиленной охраной стояли на станциях. Двери в вагонах охрана не открывала, по нескольку дней пленные не получали ни воды, ни баланды, ни хлеба. Люди умирали от жажды, голода и ран. На каждой станции из вагонов выносили трупы.

В конце сентября 1942 года эшелон с защитниками Керчи и Севастополя прибыл в Нюрнберг. На запасных путях пленных офицеров выгрузили и партиями по нескольку сот человек на грузовиках перевезли в Зульцбах-Розенберг, где находился один из самых загадочных лагерей XIII военного округа Германии — шталаг XIII A, имеющий в своем подчинении внешние рабочие команды и отделения. Места захоронений военнопленных шталага XIII A были широко

разбросаны по всему округу: Зульцбах-Розенберг, Нюрнберг (южное кладбище), Фалькенау, Регенсбург, Хаммельбург, Ноймаркт. Всех прибывших из Владимира-Волынского разместили в больших брезентовых палатках карантинного отделения шталага XIII A. Первые сутки пленных не кормили, голодные, истощенные люди возмутились, построились и заявили коменданту лагеря: «Расстреляйте, но не мучайте голодом!» Менее чем через неделю весь офицерский состав пленных (от лейтенанта до полковника) отправили в моосбургский шталаг VII A, находящийся в долине р. Изар к северо-востоку от Мюнхена.

2 октября 1942 г. эшелон прибыл в Моосбург, пленных офицеров выгрузили и погнали в лагерь. На пологой местности были видны ряды зданий из темно-бурого кирпича и целые улицы деревянных бараков, заборы из колючей проволоки, будки охраны, вышки с прожекторами, пулеметами и всеми прочими атрибутами типичного фашистского лагеря. Шталаг VII A был крупнейшим стационарным лагерем не только Южной Баварии, но и всей Германии, в котором к концу войны в бараках и многочисленных палатках размещалось около 98 000 человек 72 национальностей. Шталаг VII A также выполнял функцию транзитного лагеря. Лагерный комплекс шталага VII A имел собственный вокзал и железнодорожные пути, связанные с железной дорогой Мюнхен — Регенсбург. Охраняли лагерь не менее 2 батальонов, а общая численность персонала и охранников доходила до 2000 человек. Иногда в лагерь по нескольку дней и ночей подряд прибывало от 1000 до 2500 новых военнопленных. Осенью-зимой 1942 г. в шталаге VII A насчитывалось около 15 000 советских военнопленных.

Из воспоминаний Б. А. Кубарского: «Нас привели в стационарный лагерь № VII A. Лагерь разделён высокими сетчатыми перегородками на зоны: англичане, французы, сербы и т. д. В нашей загородке один барак. К нам пришёл немецкий мелкий чин с часовыми. Часовые выгнали всех во дворик барака. Чин залез на табуретку и на русском языке, потребовав внимания, стал говорить: «У Советов нет командиров, поэтому немецкое командование считает вас рядовыми. Вас отправят в рабочие команды, где вы должны работать».

Далее он зачитал правила поведения для военнопленных: за отказ от работы — расстрел; за неподчинение требованиям лагерного начальства — расстрел; за саботаж — расстрел; за пропаганду — расстрел; за воровство — расстрел;

за приближение к немецкой женщине — расстрел... расстрел... Одним словом, сплошной расстрел.

На другой день нас зарегистрировали, сфотографировали с номером в профиль и анфас, выдали старые немецкие, кайзеровские ещё, военные мундиры сине-зелёного цвета с белыми, высотой 25 см буквами на спине «SU», хольцшу, то есть ботинки — тряпочный верх, прибитый к толстой деревянной подошве, и личный номер на шнурке. Его положено не снимая носить, как нательный крест. Номер этот из лёгкого металла бело-серого цвета, размером 70x40 миллиметров, толщиной около 1,5—2-х миллиметров (см. 9-ю стр. иллюстраций). Круглые дырки — для шнурка, продолговатые — чтобы после смерти можно было переломить, один приложить к регистрационной карточке, а другой в могилу с трупом. Всё предусмотрено: мой регистрационный номер по лагерю в Моосбурге был 102 135».

В. И. Бондарец, прибывший в шталаг VII A 08.06.1943, пишет: «Мюнхену от роду почти тысяча лет. В его недрах копошится почти миллион людей, там делают паровозы, вагоны, автомобили, самолеты, оптику... Городу постоянно нужны люди, множество рук, умелых и безотказных. Поэтому и выросли неподалеку от Мюнхена два невольничьих центра: Дахау и Моосбург. На берегу Изара — притока Дуная — среди похожих одно на другое местечек затерялся тихий, ничем не примечательный городок. На географических картах его не обозначали, и остался бы он неизвестным, если бы не выросли рядом приземистые бараки, точно паутиной опутанные колючей проволокой. И город сразу приобрел известность, правда, мрачную, зловещую. Все пути пленных в Баварии стали сходиться в этом месте, названном шталагом VII A. Свежему человеку разобраться в лагерной планировке трудно. Лагерь разделен на несколько зон; основная территория обросла лабиринтом вспомогательных служб: изоляторами, следственными бараками, карцерами, пересылками. Русские в лагере строго изолированы, как в холерном карантине. У ворот в русскую зону постоянно дежурил часовой».

Утром 3 октября 1942 г. около 1000 военнопленных, прибывших в шталаг VII A накануне, построили на площади, где за столами сидели немецкие унтер-офицеры, которые проверяли списки пленных и контролировали заполнение регистрационных карточек. Большинство военнопленных были из числа защитников Севастополя и Керчи. Пленные,

прошедшие регистрацию, возвращались в строй. Из колонны никого не выпускали. У каждого стола кроме немцев сидел переводчик. Одним из первых зарегистрировали под № 101 768 раненого старшего лейтенанта Б. С. Белинского, доставленного в лагерь в бессознательном состоянии и находящегося в лагерном лазарете. Не приходя в сознание, в этот же день Белинский скончался. Затем под № 101 769 был зарегистрирован полковник М. М. Тарасов, старший по званию среди прибывших военнопленных. Один из последних номеров из этого этапа пленных (№ 102 766) выдали одесситу лейтенанту И. Д. Шевченко. Таким образом, к концу дня всего было зарегистрировано около одной тысячи человек.

Осенью 1942 года положение гитлеровцев на фронтах ухудшилось, огромные людские потери вызвали в Германии острую нехватку рабочих рук. Для нужд вермахта и промышленности рейха более широко стали использовать труд военнопленных, поэтому часть тяжелораненых и крайне истощенных больных, прибывших в лагерь 02.10.1942, немцы не уничтожили, как это они делали в 1941 году, а отправили в резервный лазарет Фрайзинг, находящийся в непосредственном подчинении нацистских властей Мюнхена. Медицинская помощь строго регламентировалась и отнюдь не преследовала цели сохранения здоровья военнопленных по гуманным соображениям, а диктовалась прагматическим взглядом на военнопленных как на источник рабочей силы. Руководили резервным лазаретом Фрайзинг, расположенным в 18 км от г. Моосбурга, немецкие врачи, но вспомогательную работу выполняли медперсонал и врачи из числа военнопленных.

В лагерных лазаретах в первые годы войны наблюдалась, как правило, одна и та же картина. Утром перед приходом в лазарет немцев санитары начинали бегать по «палатам» и кричать: «Achtung!» По этой команде все ходячие раненые и больные обязаны были мгновенно спрыгнуть с нар или коек и встать по стойке «смирно». Все остальные «пациенты» должны сидеть на нарах. Лежать не разрешалось никому! Санитары расталкивали спящих, дергая их за ноги, выносили трупы умерших за ночь. Однако соседи по нарам (койкам) старались не отдавать мертвых, ухитряясь их сажать, нахлобучивая пилотки и обматывая шеи портянками, чтобы не завалилась голова. Делалось это для того, чтобы получить лишнюю порцию еды на умерших. Их держали до тех пор, пока первые признаки разложения не

становились заметными. В большинстве лагерных лазаретов пленные испытывали невыносимые страдания, и значительное число из них были обречены на смерть из-за отсутствия должного ухода и необходимых медикаментов.

Многие военнопленные, прибывшие в лагерь 2 октября 1942 г., были истощены и ослаблены до такой степени, что могли передвигаться только при помощи своих товарищей. Например, зарегистрированный в шталаге VII A под номером 102 665 лейтенант Лифинский смог выйти на работу в команду № 3239 лагеря Лехфельд только 6 января 1943 года, то есть через три месяца после прибытия в Моосбург, пробыв в лазарете Фрайзинг, согласно записи в персональной карте пленного № 1 (Din 476 A 4), ровно 50 суток (с 30.10.1942 по 18.12.1942). Немецкие истории болезней, акты, справки, записи в регистрационных картах о причинах смерти свидетельствуют, что русские военнопленные чаще всего умирали от голода, дистрофии, истощения, атрофии мышц, туберкулеза, сыпного тифа... Причиной более 80% смертельных исходов являлось истощение, которое было вызвано длительным голодом.

7 октября 1942 г. несколько сотен трудоспособных пленных, защитников Керчи и Севастополя, прибывших в шталаг VII A 02.10.1942, распределили в рабочие команды: Arb. Kdo. № 3185 [Munchen- (-– так в картах № 1) и Munchen Blumenstraße/Цветочная улица], № 3223, № 3264, № 3278... — Munchen-Perlach, Munchen-Dornach, Munchen-Lain... и направили на расчистку зданий в Мюнхене и его окрестностях, разрушенных во время налетов союзной авиации.

Вторая партия пленных офицеров из Севастополя (в основном) и Керчи, численностью более тысячи человек, в моосбургский шталаг VII A прибыла 17 октября 1942 г. Многих офицеров, прошедших регистрацию и карантин, 5 ноября 1942 года, направили в лагерь, который «в немецких документах именовался рабочей командой № 3185 Мюнхен-Перлах» (Е. А. Бродский). Этот лагерь располагался на окраине Мюнхена, в районе Перлах, на маленькой пристанционной Шванзеештрассе, между тюрьмой Штадельгейм и восточным кладбищем. Тюрьма Штадельгейм была знаменита тем, что здесь по приказу Гитлера в «ночь длинных ножей» застрелили (01.07.1934) лидера штурмовиков Эрнста Рёма.

«Всего в лагере № 3185, опутанном надежной проволочной оградой с часовыми на вышках, насчитывалось около 2-х тысяч человек. Пленные размещались в шести бараках

на двухъярусных койках, в помещениях по 16 человек. Команда № 3185 была разбита на отдельные рабочие команды от 10-12 до 20-30 человек, которые каждый день отправлялись к местам работы, длившейся с шести утра до шести часов вечера» (Кубарский Б. А. Вместо завещания).

Первые пленные офицеры в лагерь на Шванзеештрассе начали поступать 5 ноября 1942 г., их сводили в команды, а затем продавали («сдавали в аренду») владельцам мюнхенских предприятий или направляли на разборку зданий, разрушенных англо-американской авиацией. В этой группе пленных, как и среди прибывших в шталаг VII A 02.10.1942, находились руководители и активные участники впоследствии созданной на территории Германии подпольной организации «Братское сотрудничество военнопленных» (БСВ).

По мнению немецких историков, движение Сопротивления в нацистских лагерях принимало различные формы: побеги пленных — наиболее распространенная форма протеста, саботаж военного производства, слушание радиопередач, сбор и распространение информации среди военнопленных, выпуск листовок, газет, чтение иностранной прессы, поддержка пленных при распределении на работу, помощь им в лазаретах, агитация против вербовки военнопленных в национальные части легионеров и армию Власова, диверсионные акции на рабочих местах, подготовка к восстанию и захвату лагеря. (H. Jacobsen, Ch. Streit, R. Otto, J. Osterloh...)

Немецкий историк Фридрих Кёлльмейер в книге «Наш Мюнхен» (Röderberg, 1983) пишет: «На Шванзеештрассе с ноября 1942 года находился один из многих мюнхенских лагерей военнопленных и «остарбайтеров», который впоследствии стал лагерем советских пленных офицеров. Этот лагерь с его 1200 узниками был местом зарождения самой многочисленной организации Сопротивления среди иностранцев, насильственно доставленных в Германию. Здесь советские офицеры основали организацию БСВ («Братское сотрудничество военнопленных»), целью которой являлось:

1. Сотрудничество военнопленных и подневольных рабочих всех наций и лагерей. Согласно гестаповским донесениям, организация БСВ поддерживала связи с Ульмом, Гамбургом, Веной, Берлином, Штутгартом и Аугсбургом.

2. Сотрудничество с немецкими антифашистами. В одном только Мюнхене было создано около 20 групп Сопротивления! Особенно плодотворным было сотрудничество с Антифашистским немецким народным фронтом (АННФ),

с которым группы «БСВ» взаимодействовали на заводах «БМВ», «Краусс-Маффей», «Деккель», «Дорнье», «Баварском заводе легких сплавов» и на других предприятиях.

3. Организация и осуществление актов саботажа на военных предприятиях, а также подготовка вооруженного восстания. С этой целью были созданы склады оружия.

С января по июнь 1944 г. гестапо арестовало часть борцов Сопротивления. 93-х (так в тексте, по другим данным — 92-х) советских офицеров 4 сентября 1944 г. расстреляли в концлагере Дахау и примерно 500 советских военнопленных отправили в Маутхаузен и там казнили».

Созданная осенью 1942 года в рабочей команде № 3185 Мюнхен-Перлах организация «Братское сотрудничество военнопленных» со временем превратилась в самое массовое формирование Сопротивления, охватившее Южную Германию, а также приграничные районы Австрии и Чехословакии. БСВ имела своих представителей во всех лагерях военнопленных и в 20 лагерях восточных рабочих, расположенных на юге Германии.

Из воспоминаний М. Матвиенко: «Лагерь Мюнхен-Перлах находился на Шванзеештрассе, вблизи Штадельгеймской тюрьмы. Он предназначался для советских офицеров, преимущественно защитников Севастополя. Мы добились, что старшими бараков стали офицеры-коммунисты, превратившие лагерь в центр антифашистского движения военнопленных в Южной Германии.

Под предлогом празднования дня рождения Романа Петрушеля мы пришли в комнатку старшего десятого барака на конспиративное совещание. В коридоре были поставлены посты. Майор Карл Озолин открыл совещание. Он сказал, что мы называем нашу подпольную организацию «Братское сотрудничество военнопленных», призывая тем самым к сотрудничеству военнопленных всех других национальностей. Петрушель зачитал программу. Майор Михаил Конденко внес предложение включить в БСВ также гражданских лиц, угнанных в неволю. Предложение приняли. Было одобрено обращение ко всем узникам фашизма».

Организаторами и руководителями БСВ были участники обороны Керчи (полковник М. М. Тарасов), Севастополя (подполковники Н. А. Баранов, Д. С. Шелест, М. П. Шихерт, ст. батальонный комиссар П. А. Серебряков, майоры М. И. Конденко, М. Л. Красицкий, К. К. Озолин, И. В. Петров — настоящее имя и воинское звание — батальонный комиссар

И. В. Бугорчиков, капитаны М. И. Зингер, Г. М. Платонов, Н. А. Калитенко — «захвачен в плен 09.09.1941 под Черниговом», рядовые И. Е. Кононенко, Р. В. Петрушель) и Харькова (подполковники Е. К. Никитин, М. Х. Хайрутдинов). Люди непреклонной воли, беспримерного мужества и стойкости, они сплотили вокруг себя советских военнопленных и антифашистов других стран, до конца оставаясь верными Родине.

Многие участники БСВ в 1943–1944 гг. погибли, не выдав имена руководителей организации и своих товарищей. Применяя чудовищные по жестокости методы следствия, гестаповцы так и не смогли выявить всех организаторов и активных участников БСВ, а также раскрыть все тайны подпольщиков. Известно, что в создании БСВ огромную роль сыграли бывший сотрудник НКВД Фельдман и майор Озолин. «Карл Карлович Озолин был одним из латышских революционеров, участников штурма Зимнего дворца, служил в личной охране В. И. Ленина. Загадочная судьба Иосифа Фесенко-Фельдмана, погибшего в тюрьме мюнхенского гестапо, до сих пор до конца не изучена. Несмотря на крайне жестокие допросы, Фельдман никаких показаний против себя и товарищей не дал» (Е. А. Бродский).

Согласно сведениям историка Е. А. Бродского, 25-го мая 1942 года Фельдман получил задание уполномоченного ЦК партии Орлова отправиться в Германию для организации групп Сопротивления среди военнопленных и восточных рабочих. Имея документы на имя Георгия Фесенко, Фельдман под видом остарбайтера прибыл 1 июня 1942 года в Мюнхен, где стал переводчиком транзитного лагеря восточных рабочих на Шванзеештрассе. Если бы не малодушие арестованной по делу БСВ Анны Чепурной, находившейся в близких отношениях с Фесенко, которая выдала многих участников БСВ, то гестаповцам, возможно, не удалось бы узнать подлинную фамилию Фельдмана. Установить, кто скрывался под именем Георгия Фесенко, даже после войны оказалось непросто, как и по сей день не представляется возможным установить, кто скрывался под именем Орлова и кем в действительности был Константин Яров — один из организаторов БСВ.

В 1967 году Комитет госбезопасности, отвечая на запрос ЦК КПСС о подпольной деятельности военнопленных в немецко-фашистских лагерях, отправил в ЦК справку, в которой содержались сведения «о борьбе советских граждан в концлагерях».

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР 100-А (ЦВИГУН) к № 04268, 18981 (21.VII.67 г.— дата «от руки»), экз. № 1

СПРАВКА

Антифашистская борьба советских патриотов в годы Второй мировой войны в странах Европы, оккупированных немецко-фашистскими войсками, и на территории Германии нашла широкое отражение в нашей печати... О характере этой борьбы некоторое представление дают боевые дела коммунистов и комсомольцев — участников подпольной патриотической организации «Братское сотрудничество военнопленных», действовавшей с осени 1942 года по сентябрь 1944 года в лагерях военнопленных и рабочих командах Мюнхена, Шлайсгайма, Карлсруэ, Гайдельсберга, Манхайма, Эпингене, Баден-Бадена, Офенбурге, Бауменгамме, Ротштате, Инсбруке, Зальцбурге, Людвигсбурге, Мальшбахе, Вальсельбахе, Дорнах, Моосбурге. Организаторы и руководители БСВ создали в трудовых лагерях, при военных заводах Мюнхена и его окрестностей подпольные ячейки, установили контакты с немецкими антифашистами и готовили вооруженное восстание.

Управление мюнхенского гестапо в обзоре, изданном в 1944 г., после ликвидации этой организации, писало: «...руководство лагеря военнопленных на Шванзеештрассе в мае 1943 г. стало получать донесения о существовании секретной организации среди русских военнопленных... Становилось ясно, что среди рабочих-иностранцев, находящихся в Германии, имеется тайная организация... Если некоторые члены БСВ вступали в организацию по принуждению, то большая часть примкнула к организации по своим личным убеждениям для того, чтобы принять активное участие в деле разгрома Германии. Это касается прежде всего тех, кто в прошлом был в комсомоле или коммунистической партии, а также офицеров Красной Армии»...

Руководили организацией БСВ майор К. К. Озолин, батальонный комиссар И. В. Бугорчиков, солдат Р. В. Петрушель, бывший мастер механического цеха симферопольского завода им. Куйбышева Я. Д. Варламов и другие советские патриоты, оказавшиеся в немецких лагерях. Из участников этой антифашистской организации гитлеровские карательные органы только в Мюнхене арестовали и замучили 287 человек...

Начальник десятого отделения КГБ
при Совете Министров СССР Прокопенко

(РГАНИ, ф. 5, оп. 59, д. 243, л. 42–60.)

Ряд авторов (В. И. Бондарец, В. Бикташев, Ф. И. Егоров, Д. Левин, С. Шакир) в качестве руководителей и организаторов называют полковника Тарасова, подполковников Баранова, Хайрутдинова, Шелеста, Шихерта, комиссаров Бугорчикова, Серебрякова, майоров Озолина, Конденко, капитанов Зингера, Калитенко, Платонова, ст. лейтенанта Корбукова...

В 4-м томе изданного в 1984 г. академией наук ГДР шеститомника «Германия во Второй мировой войне» приводятся также фамилии Ивана Кононенко, Ивана Корбукова, Иосифа Урбановича. В изданном уже в объединенной Германии справочнике по антинацистскому сопротивлению основателем организации БСВ назван Иосиф Фельдман — «бывший сотрудник НКВД, возможно, внедренный из СССР». Других данных о нем не приводится.

«Братское сотрудничество военнопленных» по своей разветвленности и численному составу являлась одной из самых значительных организаций Сопротивления. У БСВ были свои люди не только в стационарных и пересыльных лагерях, но и в концлагерях. Организация имела контакты с французскими, югославскими, английскими, польскими военнопленными и создавалась как единый интернациональный антифашистский союз. В состав БСВ входили несколько тысяч объединенных и частично вооруженных людей, что позволяло им вести организованную борьбу.

Комитеты и группы, подчиненные штабу БСВ в Мюнхен-Перлахе, имелись во всех лагерях военнопленных и более чем в 20 лагерях восточных рабочих юга Германии. К концу 1943 года организация распространила свою деятельность на всю Южную Германию и Австрию, проникнув в Рурскую область и Северо-Западную Германию. Под руководством командующего повстанческими силами майора Озолина создавались боевые отряды БСВ, были разработаны и разосланы планы их согласованных действий во время восстания.

Программа БСВ предусматривала саботаж с целью подрыва военно-промышленного потенциала Германии, оказание помощи раненым и ослабевшим товарищам, организацию одиночных и групповых побегов, разоблачение пропаганды изменников-легионеров и власовцев, разъяснение немецким солдатам и гражданам неизбежности поражения Германии в войне, установление связей и тесного сотрудничества с немецкими антифашистами, выявление и уничтожение предателей и провокаторов. Главной целью БСВ была организация восстания в лагерях военнопленных,

захват Мюнхена и развертывание вооруженной повстанческой борьбы в Германии с целью подорвать тыл гитлеровского вермахта и оказать действенную помощь Красной Армии и войскам союзников.

Группы БСВ действовали во многих командах шталага VII А. Помимо команды № 3185 в Мюнхене, где возникла организация, группы БСВ были в командах № 289 в Дорнахе (возглавлял команду майор Конденко, прибывший в Дорнах 17 июня 1943 года с группой пленных офицеров, в которую также входил лейтенант Н. Грузинцев); № 3380 в Бойменхайме; № 3370 в Вильдпольдсриде; в мюнхенской команде № 3264, где руководил техник-интендант Гладков; № 3223, во главе которой стал прибывший в команду подполковник Баранов; № 3021, в которую входили капитан Гаврилов и лейтенант Лифинский, прибывшие в Айттинг 18.03.1943; № 3272 в Мюнхен-Лайме, которой руководил лейтенант Гулин; № 3208 и № 3006, где во главе групп стоял воентехник Корнеев; № 3751, куда перевели подполковника Никитина; № 2920 в Мюнхен-Аллахе, где антифашистскую борьбу возглавил политрук Шахов; № 2913 на заводе БМВ–2; № 2920 и № 2260 в Шлейсхейме; № 2699 в Байербрунне; № 530 в Фильсхофене; № 3350 в Ванге; № 3076 в Линденберге; № 3457 в Пенцберге, которую после перевода возглавил полковник Хайрутдинов...

В середине марта 1943 г. в лагере на Шванзеештрассе под руководством Карла Озолина был образован комитет БСВ, в который вошли Фесенко-Фельдман, Владимир Моисеев, Георгий Старовойтов и Михаил Зингер. Офицеры единогласно приняли решение: присяга и устав Красной Армии обязательны для военнопленных; подчинение младших старшим остается в силе; долг советского офицера, где бы он ни находился, вести активную борьбу против гитлеровской Германии (Бродский Е. А. Они не пропали без вести).

В начале апреля 1943 г. майор Озолин по просьбе Иосифа Фельдмана начертил схему аэродромных сооружений в районе Мюнхена, обозначив взлетную полосу, ангары, склады оружия и авиабомб, а также бараки рабочих и военнопленных. Эту схему Озолин передал Фельдману, который (далее по тексту гестапо) «переправил сведения секретного характера и план Мюнхена с обозначенными на нем военными объектами через русскую эмигрантку за границу. Точных данных об этом получить не удалось, так как Фельдман никаких показаний не дал».

Первые успехи в деятельности БСВ воодушевили ее руководителей, и они решили расширить возможности организации за счет привлечения к работе военнопленных стран антигитлеровской коалиции, находившихся в лагерях Германии. Так родилась идея призыва БСВ, обращенного к польским, югославским, французским и английским военнопленным. В нем речь шла об образовании объединенного совета «Братского сотрудничества военнопленных». В призыве говорилось, что в состав создаваемого международного совета вошли представители пяти национальных комитетов БСВ: от польского комитета — Ханценовский, от югославского — Проткович, от французского — Марале, от английского — Антекао и от советского комитета — Федотов и Днепрец. Все фамилии были вымышленными, например, Федотов — это был псевдоним Романа Петрушеля, а Днепрец — майора М. И. Конденко (Бродский Е. А. Они не пропали без вести).

Летом 1943 года штаб БСВ установил сотрудничество с Антифашистским немецким народным фронтом (АННФ), также ставившим задачу вооруженного восстания. АННФ, базируясь в Мюнхене, работал в отдаленных районах Южной Германии, установил контакты с рабочими крупных заводов, служащими вермахта и полиции, политическими заключенными тюрем и концлагерей, иностранными рабочими и военнопленными. Его связи доходили до Баден-Бадена, Карлсруэ, Мангейма, Кемптена, Нюрнберга, Эрфурта, Веймара, Вольфена и других населенных пунктов. Ширилось организованное сопротивление и среди заключенных каторжных тюрем и концлагерей. В Заксенхаузене, Дахау, Освенциме и других лагерях возникли интернациональные лагерные комитеты. В Бухенвальде интернациональным лагерным комитетом руководил немецкий коммунист Вальтер Бартель. Связь АННФ с организацией советских военнопленных (БСВ) осуществляли Карл Мерват и Эмма Хутцельман. В августе 1943 года АННФ и БСВ создали объединенный центр, в который вошли Хутцельман, Ярес, И. С. Корбуков, В. А. Винниченко и Циммет. Центр ставил своей задачей подготовить крупные выступления, в том числе и вооруженных групп, против нацистского режима и захват Мюнхена. Осуществление этих планов сорвалось, так как гестапо проникло в организации и арестовало многих немецких и советских борцов Сопротивления.

Мюнхенскому совету БСВ удалось наладить тесный контакт с чехословацкими патриотами, находившимися в

Баварии на принудительных работах. Один из них — Карел Мерварт, выполняя поручение БСВ, несколько раз ездил в Вену, Линц и Прагу, чтобы установить связь с действовавшими в Австрии и Чехословакии организациями Сопротивления (Карел Мерварт будет казнен в Бранденбургской тюрьме 15 января 1945 года).

Постоянная связь поддерживалась с польскими, югославскими и английскими военнопленными. Советские, чехословацкие и немецкие подпольщики, работавшие в Мюнхенском арсенале, собирали и заготавливали оружие для боевых групп БСВ.

Из воспоминаний Д. Левина: «Кареглазый весельчак Яков Варламов, в прошлом мастер-станочник, изобретатель, бывший депутат Симферопольского горсовета, делал в лагере «остовцев» Мюнхен-Аллах кольца и зеркальца. Подкупив полицая, обменивал в Мюнхене свои изделия у немцев на хлеб. Осенью 1942 года он повстречал в городе Ивана Корбукова, старшего лейтенанта, бежавшего из плена, который, живя нелегально, руководил мюнхенским центром «Братского сотрудничества военнопленных».

Собрав близких товарищей, Яков Варламов сказал, не вдаваясь в подробности, что ему поручено создать в лагере группу Сопротивления. В нее вошли бежавший из плена пограничник Григорий Денисов (настоящая его фамилия Маров), инженер-белорус Иосиф Урбанович, рабочий Савва Батовский и я (Корбукова, Варламова, Урбановича и Батовского расстреляют в концлагере Дахау 04.09.1944).

Однажды в Аллах приехали Корбуков, член центрального комитета БСВ Василий Козлов и чешский инженер Карел Мерварт, один из организаторов немецких подпольщиков в Мюнхене. После этой встречи более тесная связь с военнопленными наладилась через Николая Курицына по кличке Атлет. Завязались также отношения с иностранными рабочими и с АННФ — Антифашистским немецким народным фронтом.

На западе нашим соседом была рабочая команда военнопленных номер 2920. Там был, так сказать, центр нашей подпольной прессы. Политрук Василий Шахов редактировал журнал «Борьба продолжается». Первый номер открывался сообщениями о разгроме немцев на Волге. На фотографии, вырезанной из листовки, фельдмаршал Паулюс поднял руки. Затем шла статья, призывавшая срывать работу на врага, тормозить колеса войны. Несколько острых заметок

клеймили выходившую на русском языке власовскую газетенку «Клич». Мы с увлечением читали журнал.

Яков Варламов делал на медных пластинках клише, и мы печатали листовки синей притирочной мастикой. Бумагу доставали Денисов и я. Югослав Юрий переводил листовки на сербский язык, Мерварт — на чешский и французский, Жан Рено — на французский. Листовки передавались на завод «Краусс-Маффей» Ивану Саутину, который обслуживал раздевалку и клал листовки в одежду иностранных рабочих (Д. Левин "Сильнее смерти". – М., 1963 г. С. 21-27).

Смазчики вагонов из 6-го лагеря проникали в составы, приходившие с фронта, доставали парабеллумы и винтовки. Разобранное оружие стекалось в Мюнхен-Пассинг, в чешский лагерь, а затем — к Метцу. Накопилось немало пистолетов и винтовок. Петр Наджога, бежавший из плена, и его команда из 25-го лагеря, сортируя на главном почтамте посылки фашистских мародеров из Франции, Бельгии, Голландии, отыскивали тяжелые ящики и разбивали их, извлекая иногда браунинги и маузеры. Николай Громов, Александр Тюрин, Антонюк и другие выносили детали с оружейного завода. Детали шли в ревир лагеря югославов-военнопленных, сборочный же цех находился в теплице бауэра, где работал Юрий. Рапелио и я закапывали это оружие в ямы от пней...

6 января 1944 г. в четыре часа ночи полицаи увели из лагеря Якова Варламова и Савву Натовского. 13 января арестовали меня, Денисова и Саутина. Избили и привезли в Дахау, пометив на карточках: «Nicht aus Lager» — «Из лагеря никуда». Никаких материалов, доказывающих мою принадлежность к БСВ, в Дахау не было. Гитлеровцы вообще очень мало знали о нашей нелегальной деятельности и деятельности АННФ, тем более здание гестапо в Мюнхене, где пытали многих подпольщиков, было разрушено авиабомбой. Благодаря конспирации даже мы, непосредственные участники событий, не знали всего. Лишь в концлагере Корбуков и Наджога рассказали мне о крупной операции БСВ и АННФ — поджоге фабрики «Лутц и сыновья», находившейся близ маргариновой фабрики...

Расправившись с 92 героями БСВ, эсэсовцы отправили остальных в Маутхаузен, а оттуда в Мельк. В конце войны узников эвакуировали в другой «филиал» лагеря смерти — Эбензее. В пути из вагона бежали тридцать французов, русских, венгров, югославов».

Первые участники «Братского сотрудничества военнопленных», подвергнутые гестапо «охранному аресту», стали поступать в концлагерь Дахау летом 1943 года. При любом подозрении или в случае неповиновения их сажали в карцер или бункер лагерной тюрьмы. Помимо пыток, участников БСВ в Дахау подвергали также телесным наказаниям, которые всегда были излюбленным методом лагерной охраны. Еще при первом коменданте Дахау штурмбанфюрере СС Веккерле эсэсовцы «для профилактики» регулярно устраивали «инициирующие» порки плетью вновь прибывших заключенных. Людей бросали на стол и хлестали до потери сознания за любую «провинность». Эту же «традицию» продолжил и второй комендант Дахау Теодор Эйке, включивший «25 ударов» в официальную инструкцию о телесных наказаниях. Позже, заняв должность инспектора лагерей рейха, Эйке распространил этот порядок и на другие концлагеря.

Йозеф Яролин, оберштурмфюрер СС, занимавший в 1940—1942 гг. в Дахау должность шуцхафтлагерфюрера (помощник коменданта), также отличался садистскими наклонностями, лично избивал и издевался над заключенными, используя специальную плетку, которую постоянно носил с собой. В 1943 г. его назначили комендантом внешнего лагеря Аллах концлагеря Дахау. Он впоследствии принимал непосредственное участие в арестах и допросах участников БСВ в Мюнхен-Аллахе. В мае 1945 года Йозефа Яролина арестуют, приговорят к смертной казни и в 1946 г. повесят.

Малейшее подлинное или мнимое нарушение лагерных правил в Дахау и его внешних лагерях влекло за собой жестокое наказание в виде 25 ударов плетью, погружения головой в воду (вплоть до удушья), обливания водой в зимнее время и многие другие виды наказания. Нередко в Дахау и Аллахе применяли смертную казнь через повешение.

Согласно циркуляру Гиммлера от 4 апреля 1942 г. телесные наказания необходимо было проводить в присутствии всех заключенных. Порядок был такой: на аппельплаце зачитывался список (естественно, по номерам, так как в концлагере человек лишался фамилии и становился «номером») тех, кого должны были подвергнуть избиению. Если дело ограничивалось 25 ударами, их наносили в один прием. Иногда приговаривали к 50, 75 или даже 100 ударам — тогда экзекуция растягивалась на несколько дней. Согласно инструкции наказывали «в одежде» или обнажая «заднюю

часть тела» («усиленная строгость»). Подвергавшегося порке привязывали ремнями к так называемой кобыле, голову закутывали тряпьем, чтобы приглушить крики. Часто на всю мощь включали радио или музыку. В циркуляре говорилось, что телесное наказание требует «санкции врача». Обычно врач давал «санкцию» уже после экзекуции. Нередко жертвам отбивали почки. После наказания многие эсэсовцы требовали, чтобы избиваемые, которых стащили с кобылы, сделали от 50 до 150 приседаний, дабы «укрепить мускулы».

Избивали плетками или палками. Еще более страшным наказанием было подвешивание. Заключенным заламывали руки за спину, надевали кандалы и за эти кандалы подвешивали к столбу или дереву, следствием чего были вывихи плечевых суставов и нечеловеческая боль. Одновременно эсэсовцы избивали свои жертвы — били по лицу, половым органам и ногам. Потерявших сознание обливали водой. Подвешивание продолжалось от получаса до четырех часов и часто заканчивалось смертью заключенного.

Однажды в концлагере Аллах, где активно и успешно действовала группа БСВ, произошел случай, удививший эсэсовцев и всех бывалых лагерников, который из-за своей необычности стал известен далеко за пределами лагеря. В один из июльских дней 1943 года после окончания работ на аппельплаце Аллаха для проведения экзекуций построили рабочие команды. После оглашения списка приговоренных к 25 ударам заключенного № 44 249 (Николай Хопенко из Петровки Донецкой области, 1924 г. р., прибыл в концлагерь Дахау 26.02.1943) первым привязали к кобыле. Комендант Аллаха Йозеф Яролин приказал лагерному капо Карлу Вагнеру лично исполнить телесное наказание советского заключенного.

Немецкий коммунист Карл Вагнер (1909–1983), участник группы Сопротивления в концлагере Дахау, связанной с «Братским сотрудничеством военнопленных», провел в общей сложности в тюрьмах и лагерях нацистской Германии 124 месяца. Его впервые арестовали в марте 1933 года и отправили на три месяца в лагерь Хойберг. После второго ареста его поместили в городскую тюрьму Штутгарта, откуда он сбежал, а затем эмигрировал в Швейцарию. Вернувшись в Штутгарт, он перешел на нелегальное положение и продолжил антифашистскую борьбу. В апреле 1935 года в Ульме его арестовали в третий раз и поместили в тюрьму, а 19 декабря 1936 г. перевели в концлагерь Дахау,

где ему присвоили лагерный № 244. С декабря 1936-го по апрель 1945 года Карл Вагнер прошел концлагеря Дахау, Маутхаузен, Бухенвальд.

Чтобы иметь реальную возможность помогать заключенным, Карл Вагнер согласился занять должность maurerkapo (капо строительной команды). В апреле 1943 года в концлагере Аллах его «повысили» до lagerkapo (капо лагеря). В лагерной «иерархии» это был самый высокий «пост» среди заключенных, ему подчинялись oberkapo (надкапо) и unterkapo (подкапо), которые в немецких документах упоминаются также как kapo (капо) или hilfskapo (помощник капо). Капо набирали в основном из числа уголовников, особенно немцев, реже — из «лагерных ветеранов». Привилегированное положение капо давало им право жить в отапливаемой части барака отдельно от остальных заключённых концлагеря, получать усиленное питание, пользоваться гражданской одеждой и обувью, беспрепятственно посещать лагерный бордель, чего лишен был обычный рядовой заключенный.

В обмен на эти послабления лагерного режима нацистское руководство концлагеря Дахау и Аллаха требовало от капо поддержания жесточайшей дисциплины среди заключённых, безусловного выполнения рабочих норм на производстве при помощи избиений и различных наказаний. Многие капо, как правило, были более безжалостны к заключённым, чем даже эсэсовская охрана.

Карл Вагнер вспоминает: «Комендант лагеря Йозеф Яролин приказал мне бить русского заключенного. Я отказался. «Почему ты не хочешь бить?» — спросил комендант. «Не могу» — ответил я. «А ты попробуй», — «Не буду!» Яролин выхватил пистолет и дико заорал: «Ты — коммунистическая свинья, я знал об этом и всегда не доверял тебе!» В тот момент я ни секунды не сомневался, что он пристрелит меня. Я сорвал со своего рукава повязку лагеркапо и швырнул ее в сторону. Комендант не пристрелил меня, а только дал команду перевести в Дахау. Сначала в Аллахе меня поместили в карцер на 5 дней. После этого отправили в Дахау, где в тюремном бункере под арестом я провел еще шесть недель. Затем в виде дополнительного наказания я получил 25 ударов. Позже меня перевели в концлагерь Бухенвальд». В этот концлагерь Карла Вагнера направили с целью уничтожения, но международный подпольный комитет заключенных Бухенвальда во главе с немецким ком-

мунистом Вальтером Бартелем спас Вагнеру жизнь (Hilde Wagner. Der Kapo der Kretiner. Pahl-Rugenstein, Bonn 2009).

В середине лета 1943 года совет БСВ принял решение о подготовке вооруженного восстания, которое должно было начаться в лагерях военнопленных и перекинуться на Мюнхен, где его поддержат подпольщики. В лагерях стали запасаться медикаментами, средствами связи, оружием. Подпольщики, руководимые Иосифом Урбановичем, тайно устроили в литейном цехе завода «Краусс-Маффей» педальную сигнализацию, при помощи которой на заводской трубе загоралась сигнальная лампа. Эта сигнализация помогла союзнической авиации летом 1943 года сжечь дотла литейный цех завода со всеми находящимися в нем моделями танкового литья.

К осени 1943 года деятельность БСВ на юге Германии достигла небывалого размаха. В лагерях военнопленных и восточных рабочих одного только Мюнхенского промышленного района у БСВ были сотни верных сторонников. БСВ удалось наладить распространение сводок Совинформбюро, в листовках, написанных большей частью от руки, подпольщики призывали к сплочению рядов и активным действиям против фашистов. С сентября 1943 года стал издаваться информационный листок Wecker («Будильник»), который печатался на машинке, а затем размножался. Листок информировал о важных политических событиях и обстановке на фронтах.

В первых числах сентября 1943 года мюнхенский совет БСВ через Ивана Кононенко вышел на французских заключенных, находившихся в Мюнхене, и установил прочные связи с французами, а также расширил связи с югославами, поляками и немецкими антифашистами.

В сентябре 1943 года лидеры БСВ приняли решение о формировании боевых лагерных групп, которые при приближении Красной Армии и войск союзников к границам Германии должны были перейти к партизанским методам борьбы. Руководство комплектованием и обучением этих групп было поручено инженеру И. В. Урбановичу, работающему разметчиком на заводе БМВ в Аллахе. Для выполнения этого задания И. В. Урбанович перешел на нелегальное положение и поселился у мюнхенского рабочего-антифашиста, а совет БСВ был преобразован в высший совет БСВ. В него вошли И. С. Корбуков, Н. А. Плахотнюк, И. В. Урбанович, И. Е. Кононенко и Карел Мерварт (всех казнят).

Председателем высшего совета БСВ избрали старшего лейтенанта Корбукова.

В конце октября 1943 г. И. В. Урбанович разработал оперативный план действий боевых групп и сообщил на совете о проделанной работе по подготовке этих групп. В ноябре-декабре 1943 г. наиболее значительные боевые группы БСВ, связанные друг с другом, действовали в Мюнхене, Нюрнберге, Раштатте, Карлсруэ, Веймаре, Эрфурте, Кемптене, Моосбурге, Дахау, Шлейсгейме, Эппингене, Виллингене, Баден-Бадене, Людвигсбурге, Оффенбурге, Мальштате, Айттинге, Дорнахе, Вейсенбахе. Группы БСВ были также созданы в некоторых городах оккупированной Австрии и приграничных районах Чехословакии.

Участники БСВ вспоминают:

И. С. Саутин: «Мы делали брак, распространяли листовки в городе и среди военнопленных. В смазочный материал и в буксы новых паровозов, выходящих с завода, мы сыпали песок и мелкую металлическую стружку из-под напильников. Во время воздушных налетов на Мюнхен резали станочные ремни».

Г. Е. Сухов: «Переставляя технические паспорта, подпольщики меняли адреса эшелонов, проходивших через ст. Дахау, а также сыпали песок в буксы».

Г. С. Рыбалкин: «У нас был разработан план захвата опорного пункта противовоздушной обороны, находившегося невдалеке от фабрики «Лутц и сыновья», который состоял из 12 зенитных орудий крупного калибра и трех пулеметов».

Из воспоминаний М. Турина: «Насосная станция, где я работал, стояла возле мастерской, в которой были сложены промасленные бумажные патроны с динамитом весом по сто граммов. Я украдкой пробирался в мастерскую и, набрав патронов, выносил их в условленное место. Ночью патроны куда-то исчезали. В середине мая 1944 г. на алюминиево-карбидном заводе в Тингене громыхнул взрыв. Это был первый знак нашего взаимодействия с подпольщиками других лагерей.

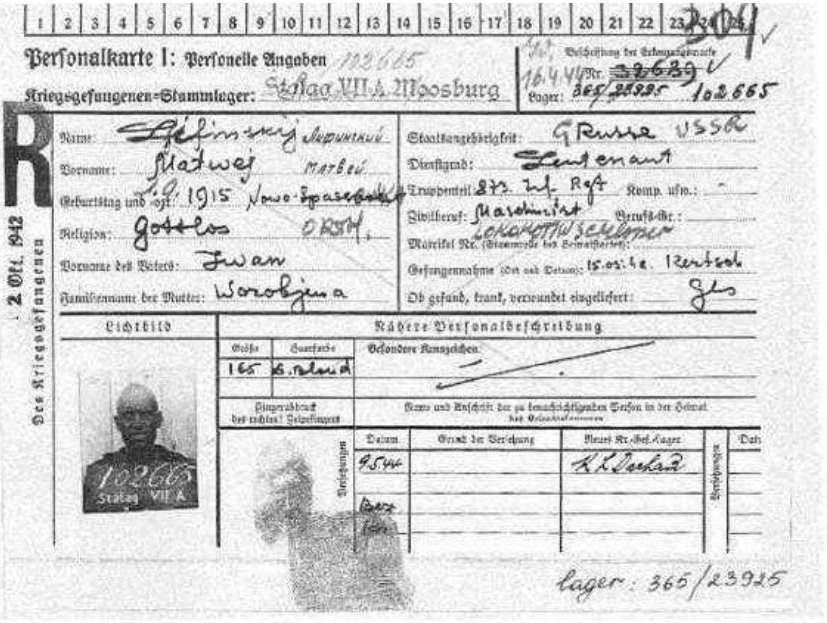
Однажды мне удалось заполучить целый ящик патронов. У кладовой остановилась груженная ящиками машина с красным предостерегающим флажком. Вокруг — никого. Я вскочил на скат, рванул с машины ящик, положил у стены кузницы, где навален разный хлам, торопливо прикрыл обрывками толя и листами железа. Мне посчастливилось стащить из кладовой еще патроны. Я передал их Петеру».

На сов. военнопленных

1. Фамилия Лифинский
2. Имя Матвей 3. Отчество Иванович
4. Год и место рождения 1915. Курск. Н. Щигров. р-н.
5. Национальность рус. 6. Партийность канд. ВКП(б).
7. Профессия и специальность
а) военная Минометчик
б) гражданская Машинист-паровозник
8. Последнее местожительство до призыва в армию Краснодарск. кр. Кореновский р-н ст. Платнировская
9. Воинское звание Лейтенант
10. С какого года в Красной Армии и каким военкоматом был призван 1941. Кореновским РВК
11. Когда и где был пленен 1942. 18-05 Керч.
12. Наименование воинской части, род войск и последняя занимаемая должность 2 ГВ. С.Д. 873 С.П. Минбат Ком. мин. роты

ЦАМО. Картотека военнопленных офицеров РККА

Плен



Personalkarte I: Personelle Angaben 102665

Kriegsgefangenen-Stammlager: Stalag VII A Moosburg

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr. ~~32689~~ 16.4.41

Lager: 365/~~23925~~ 102665

R

Des Kriegsgefangenen

2 Okt. 1942

Name: Lifinskij

Vorname: Matwej

Geburtstag und -ort: 1915 Novo-Spasskoje

Religion: gottlos

Vorname des Vaters: Iwan

Familienname der Mutter: Worobjowa

Staatsangehörigkeit: Russe UdSSR

Dienstgrad: Leutnant

Truppenteil: 873. Inf. Regt. Komp. usw.:

Zivilberuf: Maschinist Berufs-Gr.:

Militärl. Nr. (Stammrolle des Heimatbereichs): Lokomotivführer

Gefangennahme (Ort und Datum): 15.05.42 Kertsch

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: gs

Lichtbild

102665 Stalag VII A

Nähere Personalbeschreibung

Größe	Hautfarbe	Besondere Kennzeichen
165	b. blond	

Fingerabdruck des rechten Zeigefingers

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat

Datum	Grund der Verfügung	Neues Kr.-Gef.-Lager	Datum
9.5.42		K.K. Dorhan	
Berichtigungen		Berichtigungen	

lager: 365/23925

Schutzimpfungen während der Gefangenschaft gegen			Erkrankungen		
Pocken	Sonstige Impfungen (Typ.-Paratyp., Ruhr, Cholera usw.)		Krankheit	Revier von bis	Lazarett — Krankenhaus von bis
am	am	am	Allg. Schwäche		30.10.42-11.12.42 Lag. Krasnyj
Erfolg	gegen	gegen	Z.B.	13.11.43-22.11.43	

Kommandos

Datum	Art des Kommandos	Rückkehrdatum
2.1.42	Matwejew Dnepropetrowsk	
6.1.43	Arb.Kdo.Nr 3239 Lag.-Lechfeld 6.4.43	21. 1. 43.
2. 2. 43	Generalkommando Moosburg	8. II 43
22.2.43	Kdo.2984 Fellenbach	16. 3. 43.
18.5.43	" 3011 Eichstätt 30.5.43 27.9.43	11.11.43
13.1.44	" 3029 "	2. 5. 44

Персональная карта № 1 Матвея Ивановича Лифинского
(N° 32 689 / Stalag 348 Dnepropetrowsk, N° 23 925 / Stalag 365
Wlodzimier-Wolynskij, N° 102 665 / Stalag VII A Moosburg)

Persönliche Angaben:

Tag und Ort der Geburt: 1.9.15, N.Spassowka

Letzter Wohnsitz: Kr. Krasnodar

Straße und Hausnummer: Leningradskaje

Größe: 1,73 m

Besondere Kennzeichen: Spuren der Kontusion aut dem Kopf.

Jetzt verbüßte Strafen:

Lfd. Nr.	Erkennendes Gericht	Aktenzeichen	Strafvollstreckungs-Behörde	Aktenzeichen
1	OLG. Munchen	OJ.78/ 44	GStA. Munchen	OJ.78/ 44

G 8858

Zuchthaus Untermaßfeld

Entlassungsschein

Der Lifinskij MatWej

aus Stalag V// A.

ist heute hier entlassen worden.

Untermaßfeld, den 1. Mai 1944.

Zuchthaus Untermaßfeld

Gericke.

— Weitere Angaben auf den Innenseiten —

Die Strafe ist verbüßt. Schutzhaft! S. Bemerkungen.

Guthaben bei der Entlassung

Eigenes Geld — RM

Arbeits- und Fleißbelohnung — 00.00 RM

— 00.00 RM zus.

~~Davon wurden ihm RM bei der Entlassung aus-~~

~~gezahlt. Der Rest wurde zur~~ Auszahlung übersandt

an ~~der Betrag~~ in bat Sulza

~~das Konzentrationslager~~

Er hat bei der Entlassung erhalten

eine Fahrkarte 3. Klasse nach Rekonstruktion

ein Zehrgeld von RM

außer den eingebrachten Kleidungs- und Wäschestücken aus Mitteln der Anstalt oder aus eigenen Mitteln:

Für den Entlassenen sind zuständig

das Städtische / das Kreis- } Wohlfahrtsamt in

die Ortsgruppe der Thür. Gefängnisgesellschaft

in

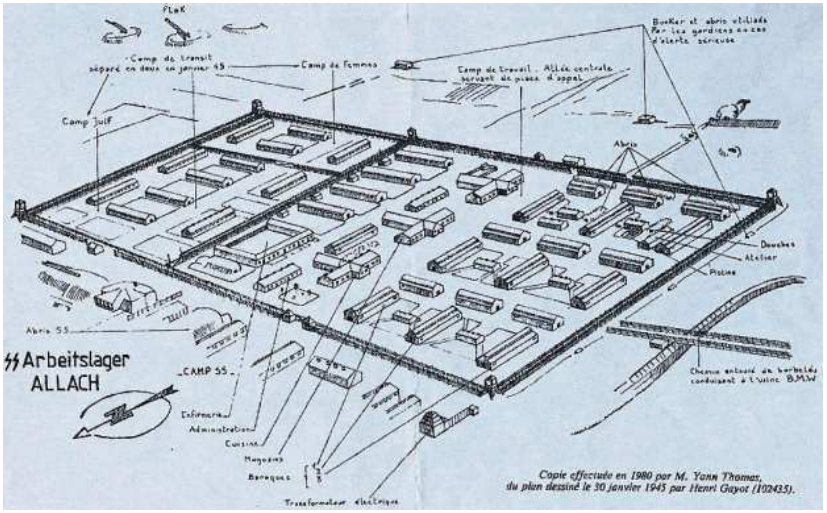
Bemerkungen:

Die Geh.St.P.Stelle Weimar hat mit Wirkung vom 1.5.44 die Schutzhaft über Lifinskij, MatWej verhängt. Lifinskij ist deshalb in das Konzentrationslager Dachau zu überführen.

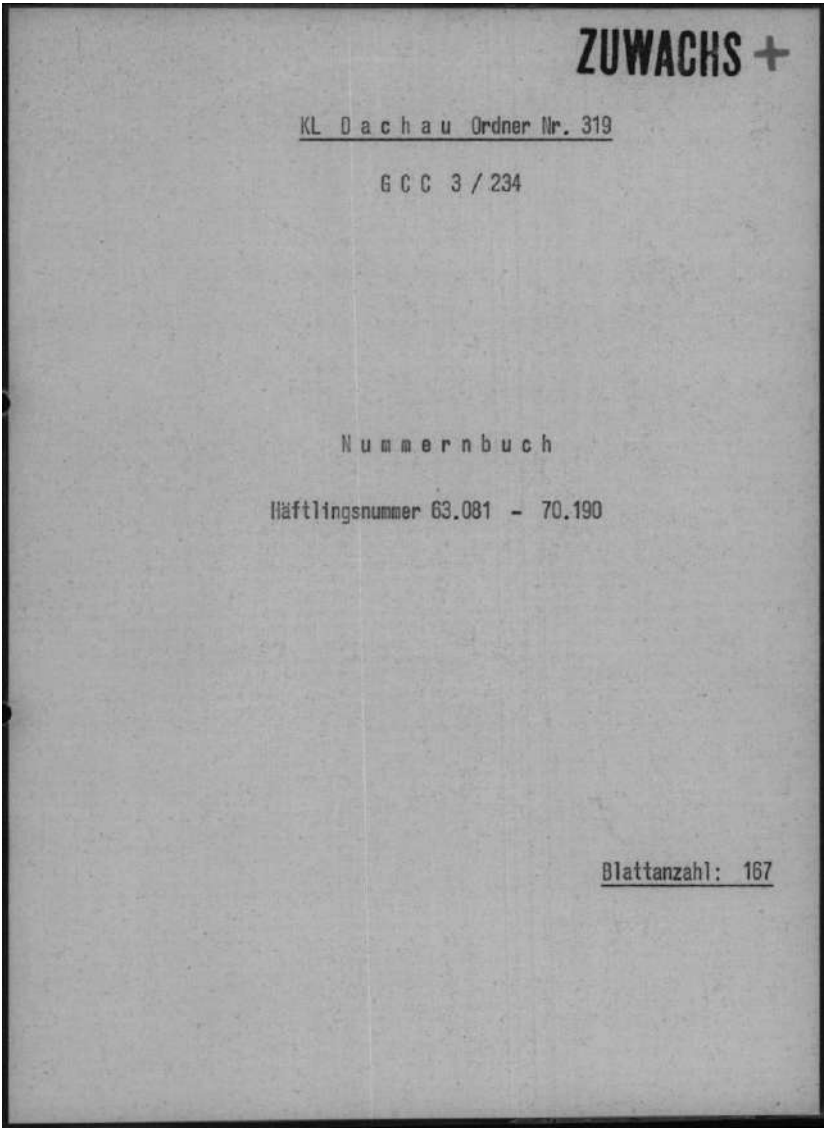
Schutzhaft!

Schutzhaft! - Охранный арест! Основание: подозрение в деятельности, направленной против государства, общественной безопасности и порядка (ст. 48-я п. 2 Конституции Третьего рейха)

Главные ворота концлагеря Дахау
ARBEIT MACHT FREI – РАБОТА ДАРУЕТ СВОБОДУ



План-схема концлагеря Аллах



ZUWACHS +

KL Dachau Ordner Nr. 319

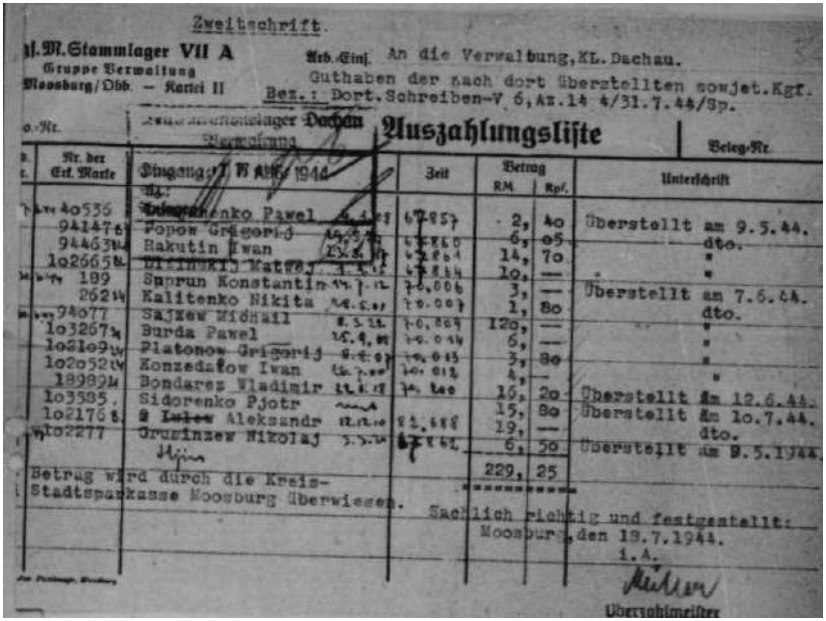
GCC 3 / 234

Nummernbuch

Häftlingsnummer 63.081 - 70.190

Blattanzahl: 167

Регистрационный журнал концлагеря Дахау



Zweitschrift.

Kgf. M. Stammlager VII A
Gruppe Verwaltung
Moosburg/Obb. – Kartei II

Arb.-Einf. An die Verwaltung, KL. Dachau.
Guthaben der nach dort überstellten sowjet. Kgf.
Bez.: Dort. Schreiben-V 6, Az. 14 4/31.7.44/Sp.

Konzentrationslager Dachau
Verwaltung

Auszahlungsliste

Beleg-Nr.

Nr. der Erk. Marke	Eingang: 1 8 AUG 1944	Zeit	Betrag RM	Rpf.	Unterschrift
40536	Kolomenko Pawel	67857	2,	40	Überstellt am 9.5.44.
94147	Popow Grigorij	67860	6,	05	dto.
94463	Rakutin Iwan	67861	14,	70	"
102665	Lifinskij Matwej	67864	10,	—	"
189	Suprun Konstantin	70.006	3,	—	Überstellt am 7.6.44.
262	Kalitenko Nikita	70.007	1,	80	dto.
94077	Sajzew Michail	70.009	120,	—	"
103267	Burda Pawel	70.014	6,	—	"
102109	Platonow Grigorij	70.013	3,	80	"
102052	Konzedalow Iwan	70.012	4,	—	"
189894	Bondarez Wladimir	70.200	16,	20	Überstellt am 12.6.44.
103585	Sidorenko Pjotr		15,	80	Überstellt am 10.7.44.
102176	Iwlew Aleksandr	82.688	19,	—	dto.
102277	Grusinzew Nikolaj	67862	6,	50	Überstellt am 9.5.1944.
			229,	25	

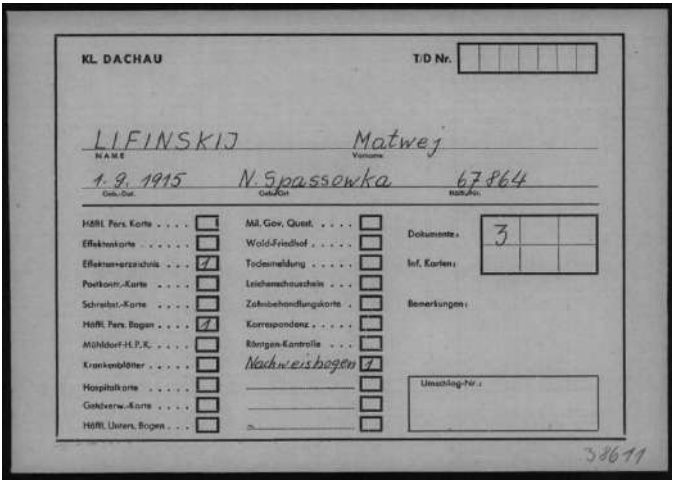
Betrag wird durch die Kreis-Stadtsparkasse Moosburg überwiesen.

Sachlich richtig und festgestellt:
Moosburg, den 18.7.1944.
i.A.

Überzahlmeister

Список участников БСВ, прибывших в Дахау в мае-июле 1944 г. (4-й сверху – Лифинский Матвей Иванович, № 67 864, 11-й – В. И. Бондарец, № 70 200, автор книги "Военнопленные")

На казнь везут Х. Бонаревитца. Играет лагерный оркестр. Концлагерь Маутхаузен, 30.07.1942 г.



KL. DACHAU

T.D Nr.

LIFINSKIJ — NAME

Matwej — Vorname

1. 9. 1915 — Geb.-Dat.

N. Spassewka — Geb.-Ort

67 864 — Häftl.-Nr.

Häftl. Pers. Karte		Mil. Gov. Quest.		Dokumente:	3
Effektenkarte		Wald-Friedhof		Inf. Karten:	
Effektenverzeichnis	✓	Todesmeldung			
Postkontr.-Karte		Leichenschauschein			
Schreibst.-Karte		Zahnbehandlungskarte		Bemerkungen:	
Häftl. Pers. Bogen	✓	Korrespondenz			
Mühldorf-H.P.K.		Röntgen-Kontrolle			
Krankenblätter		Nachweisbogen	✓		
Hospitalkarte				Umschlag-Nr.:	
Geldverw.-Karte					
Häftl. Unters. Bogen					

38611

Список сопроводительных документов и личных вещей заключенного Дахау N° 67 864

В центре снимка – Карл Хёкер, адъютант коменданта концлагеря Освенцим, июль 1944 г. Подпись на обратной стороне: «Regen aus heiteren Himmel» – «Внезапно начался дождь». И повисшие в воздухе слова и смех: «Но никакой дождь не потушит печи крематория, и это нас радует!»

Konzentrationslager Dachau Art der Haft: Sch Russe Gef. Nr.: 67864

Name und Vorname: Lifinskij Matwej

geb.: 1.9.15 zu: N. Spassowka, Krs. Kursk UdSSR

Wohnort: Leningradskaja, Krs. Krasnodar UdSSR

Beruf: Maschinist Rel.: orth.

Staatsangehörigkeit: Russe Stand: verh.

Name der Eltern: Iwan u. Wjera geb. Gorobljowa Rasse: arisch

Wohnort: w.o.

Name der Ehefrau: Rasse:

Wohnort: w.o.

Kinder: keine Alleiniger Ernährer der Familie oder der Eltern:

Vorbildung:

Militärdienstzeit: von — bis

Kriegsdienstzeit: Nr. 102665 VII A von — bis

Grösse: 165 Nase: gerade Haare: braun Gestalt: schlank

Mund: klein Bart: - Gesicht: eckig Ohren: normal

Sprache: russisch, Augen: blaugrau Zähne: vollst.

Ansteckende Krankheit oder Gebrechen:

Besondere Kennzeichen:

Rentenempfänger:

Verhaftet am: 1.5.44 wo: Moosburg

1. Mal eingeliefert: 9.5.44 v. Moosburg 2. Mal eingeliefert:

Einweisende Dienststelle: Stapo München

Grund:

Parteizugehörigkeit: von — bis

Welche Funktionen:

Mitglied v. Unterorganisationen:

Kriminelle Vorstrafen:

Politische Vorstrafen:

Ich bin darauf hingewiesen worden, dass meine Bestrafung wegen intellektueller Urkundenfälschung erfolgt, wenn sich die obigen Angaben als falsch erweisen sollten.

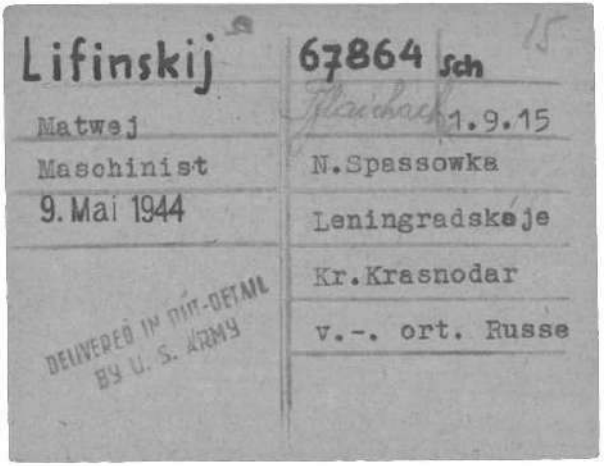
v. g. u. **Der Lagerkommandant**

KL/42/4. 43 — 500 000

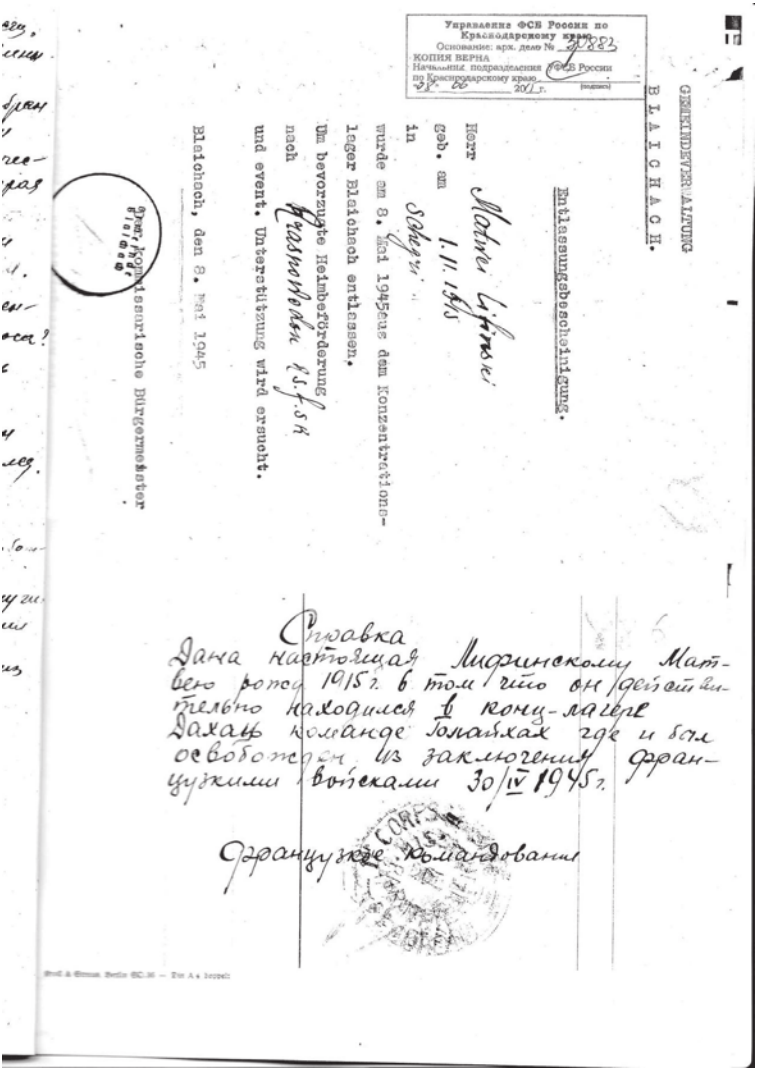
Карта заключенного Дахау № 67 864, внизу его подпись под текстом: «Я предупрежден, что понесу неотвратимое наказание за предоставление заведомо недостоверной информации»

Шталаг VII A (Моосбург) Концлагерь Дахау

Лагерные номера Матвея Ивановича Лифинского



Штамп армии США, удостоверяющий личность заключенного концлагеря Дахау



Управление ФСБ России по Краснодарскому краю
Основание: арх. дело № 37883
КОПИЯ ВЕРНА
Начальник подразделения ФСБ России по Краснодарскому краю
28.06 2011 г. (подпись)

GEMEINDEVERWALTUNG
BLAICHACH.

Entlassungsbescheinigung.

Herr Matwei Lifinski
geb. am 1.11.1915
in Schegri
wurde am 8. Mai 1945 aus dem Konzentrationslager Blaichach entlassen.
Um bevorzugte Heimbeförderung
nach Krasnodobsk RS.f.SK
und event. Unterstützung wird ersucht.

Blaichach, den 8. Mai 1945

Der Kommissarische Bürgermeister
Blaichach

Справка
Дана настоящая Лифинскому Матвею рожд 1915 г. в том что он действительно находился в конц-лагере Дахаць команде Голайхах где и был освобожден из заключения французкими войсками 30/IV 1945 г.

Французкое командование

Druck & Verlag, Berlin SO.36 — Tel. A 4 Jeppel

Справка об освобождении Матвея Ивановича Лифинского

РОССИЙСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ
основан в 1867 году

ЦЕНТР РОЗЫСКА И ИНФОРМАЦИИ
основан в 1945 году

RUSSIAN RED CROSS
founded in 1867

TRACING AND INFORMATION CENTRE
founded in 1945

107031, Москва, ул. Кузнецкий мост, 18/7
тел./tel.: (495) 621-71-75, факс/fax: (495) 623-45-80, www.crirkk.ru, e-mail: ticrcs@mail.ru
Kuznetsky most 18/7, Moscow, Russia 107031

10.08.2015 г. №201777/56

№ _____

На № _____ от _____

Лифинскому В.М.

Уважаемый Василий Матвеевич!

Сообщаем, что в архивах Международной службы розыска (МСР), г. Бад Арользен, куда мы обращались, обнаружены следующие сведения:

- Лифинский Матвей, 01.09.1915 г.р., место рождения: Н. Спасовка, имена и фамилии родителей: Иван и Вера, урожденная Гороблева, 01.05.1944 г. арестован в г. Моосбург. Doc. ID: 10178310; 09.05.1944 г. государственной полицией г. Мюнхена доставлен из г. Моосбурга в концентрационный лагерь Дахау. Номер узника 67864. Нацистская категория узника «Schutzhaft» (охранный арест). Национальность: русский. Doc. ID: 10178310, 10178308, 9894944, 10696504; 02.06.1944 г. депортирован в концентрационный лагерь Дахау/команда Мюнхен-Аллах. Doc. ID: 9916951, 9916953; дата не указана – заключен в концентрационный лагерь Дахау/команда Блайхах. Doc. ID: 10696504; дата не указана – освобожден частями американской армии, как узник концентрационного лагеря Дахау. Doc. ID: 10696504. (Главный лагерь концентрационного лагеря Дахау был освобожден частями американской армии 29.04.1945 г.)

В документах еще помечено: «Kriegsdienstzeit»: №102665 VII A. Doc. ID: 10178310.

В архивах Центра розыска и информации Российского Красного Креста (ЦРИ РКК) Лифинский Матвей Иванович, 01.09.1915 г.р., уроженец д. Новоспасовка Курской области, не значится.

ЦРИ РКК наводит справки о судьбах советских воинов, пропавших без вести или попавших в фашистский плен в годы Второй мировой войны, **только за рубежом** и на основании **официальных документов.**

Приложение: на 8 л. в 1 экз.

Генеральный директор И.В.Михайлова

Исп. Кобеа О.В.
Тел. (495)628-44-81

Справка Центра росыска Российского Красного Креста

ФЕДЕРАЛЬНАЯ
СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ФСБ России)

УПРАВЛЕНИЕ
по Краснодарскому краю

«08» 06.2015 г. № 1/1/8-Л-2147

г. Краснодар, 350063

Лифинскому В. М.

Уважаемый Василий Матвеевич!

Сообщаем, что Лифинский Матвей Иванович, 1915 года рождения села Н-Спасово Щигровского района Курской области, житель станицы Платнировской Кореновского района Краснодарского края 25 июля 1941 года был мобилизован в ряды РККА Кореновским РВК.

Службу проходил в должности командира минометной роты в звании лейтенант 873 стрелкового полка 276 стрелковой дивизии.

17 мая 1942 года в районе г. Керчь был пленен немецкими войсками. До октября 1942 года находился на излечении. Далее содержался в лагере военнопленных и в районе г. Мозбурга (Германия), в качестве чернорабочего использовался на рытье каналов. Затем был направлен в концентрационный лагерь Дахау, где работал на фабрике по выпуску деталей для авиационной промышленности в районе села Блайхах.

30 апреля 1945 года был освобожден частями французских войск.

Фильтрацию проходил 16 октября 1945 года в ОКР «Смерш» 14 запасной стрелковой дивизии, куда прибыл 6 октября 1945 года из Австрии.

Направляем в Ваш адрес ксерокопии архивных документов в отношении Лифинского М. И.

Приложение: по тексту, 7 листов.

Заместитель начальника Управления В. А. Шелёмин

Справка Управления ФСБ по Краснодарскому краю

Серия БР № 035574

Лифинский
(фамилия)

Матвей
(имя)

Иванович
(отчество)

(личная подпись владельца билета)

Военный билет выдан

М. П. 18. июня 1951 г.

(наименование военного комиссариата)

Райвоенком
(должность, звание, подпись)

Б № 0001097

Военный билет (образца 1955 г.) Медаль Жукова

Серия БР

IV. Участие в Великой Отечественной войне с Германией и в войне с Японией

С какого времени (м-ц, год)	По какое время (м-ц, год)	Должность	Войсковая часть, соединение, фронт, армия
02.1942	18.1.1942	[illegible]	Крымский фронт

Райвоенком

(Дербишер)

8 9

Запись в военном билете об участии М. И. Лифинского
в войне на Крымском фронте в феврале-мае 1942 года

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг.“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

За участие в Великой Отечественной войне
Лейтенанту
Лифинскому
Матвею Ивановичу
указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года
награжден медалью
„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“
От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена
19 декабря 1945 г.
Михайлович
(должность, воинское звание и подпись лица, вручившего медаль)
М. П.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Д № 538706

ЛИФИНСКИЙ
МАТВЕЙ
ИВАНОВИЧ

за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов
Указом Президиума Верховного Совета СССР
от 11 марта 1985 г.
награжден орденом
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
II степени

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

№ ордена 1941578

Боевые награды Матвея Ивановича Лифинского

Вспоминает Р. Вечтомов: «Особенно сильное возмущение вызвало в лагере появление власовских агитаторов. Прибытие в лагерь большой группы военнопленных, занятых на заводе «Краусс-Маффей», ускорило развитие событий. От этих товарищей мы узнали, что в отдельных мюнхенских рабочих командах уже созданы нелегальные ячейки «Братского сотрудничества военнопленных». Тщательно проверив эти сведения, мы признали программу «Братского сотрудничества военнопленных» правильной и организовали в карцере свою группу. Большое моральное влияние на военнопленных оказывали самосуды над предателями — полицейскими и агентами гестапо. За короткое время свыше 20 из этих предателей были осуждены судами военнопленных и по их приговорам обезврежены на территории лагеря. Все эти действия патриотов не могли остаться незамеченными для контрразведки и гестапо».

17 февраля 1944 г. в Дахау был доставлен 31 советский беглый офицер. Это были организаторы акции группового сопротивления, в ходе которой им удалось совершить массовый побег. В Дахау им выдали униформу с опознавательным знаком беглого и заглавной буквой «R», и распределили в штрафной блок. Вскоре главное управление имперской безопасности приговорило их к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 22 февраля 1944 года в Хебертсхаузене. Чешский заключенный Карел Казак записал об этом событии следующее: «Как и при расстреле русских военнопленных год назад, сейчас так же приготовили все необходимое для смывания крови горячей водой. Заключенные, поставленные на эту работу, конечно, не знали, чьи дни были сочтены. Это стало известно лишь на следующий день, когда названные советские офицеры были вывезены и уже не вернулись» (А. В. Лаврентьев).

О значительном размахе движения Сопротивления, охватившего рейх, свидетельствует сводка «обнаруженных и ликвидированных групп нелегальных коммунистических организаций восточных рабочих и советских военнопленных в Германии» за период с ноября 1943-го по июль 1944 год. Сводка адресована главным управлением гестапо верховному прокурору рейха для доклада Гитлеру. Она датирована 29 августа 1944 года, и в ней приведены соответствующие данные, полученные в разное время от местных управлений гестапо. Как видно из данной сводки, в указанный период за организованную политическую деятельность в лагерях

военнопленных, восточных рабочих и концлагерях было арестовано 2038 советских военнопленных и насильственно угнанных из СССР граждан. Как отмечается в этом полицейском документе, приведенные в нем данные не являются исчерпывающими, в иных случаях число арестованных даже не указывается, а отмечается лишь сам факт активных действий подпольщиков, слежка за которыми продолжается. Таким образом, утверждение гестапо о том, что речь идет о «ликвидированных» организациях советских пленных в Германии, не соответствует действительности. Большой интерес представляют краткие гестаповские характеристики каждой из обнаруженных организаций и групп советских людей. Обращает на себя внимание, что в течение последующих двух месяцев полиция напала на следы деятельности еще 19-ти подпольных групп, действовавших в различных округах Германии, и что число арестованных за политическую и подрывную работу в лагерях и рабочих командах к концу сентября 1944 г. превысило 2700 граждан СССР.

Из сохранившейся немецкой отчетной карты следует, что численный состав организаций советских патриотов, действовавших с 1 января по 30 сентября 1944 г. в 43 центрах «третьей империи», достигал 5159 человек. Карта также дает представление о контактах, установленных некоторыми из этих организаций с немецким антифашистским подпольем.

Одно из наиболее значительных мест, если не самое значительное, в сводке IV управления (гестапо) главного управления имперской безопасности (РСХА) от 29 августа 1944 г. занимает конспиративная организация «Братское сотрудничество военнопленных». Ее деятельность, как отмечено в сводке, в разное время наблюдалась в Мюнхене и других городах и районах страны, а формы работы были настолько разнообразны, что включали даже организацию нелегального штаба и создание подпольных боевых формирований с целью захвата Мюнхена. Все это может показаться совершенно невероятным, но это было именно так. Письменных и устных свидетельств подготовки восстания советских военнопленных на юге Германии сохранилось немало.

Помимо Мюнхена, центры БСВ существовали в Нюрнберге, Дахау, Гейдельберге, Мангейме, Людвигсбурге. Их быстрое распространение вызывало все большую тревогу в органах безопасности рейха. Размах деятельности БСВ стал расцениваться как серьезная опасность для Германии. В лагеря военнопленных и остарбайтеров гестапо и СД стали

внедрять свою агентуру из числа предателей. В конце 1943 г. тайная государственная полиция (гестапо) напала на след БСВ и АННФ (см. Ю. Вильнер — стр. 169). Для ликвидации обеих организаций в гестапо был создан специальный отдел. В декабре 1943 г. под подозрение попали свыше 400 лидеров и активных участников БСВ, после чего начались массовые аресты и допросы, которые продолжались до сентября 1944 г. «По данным гестапо, только в Бадене и Мюнхене было арестовано 624 участника Сопротивления» (П. Лебедев, 2009).

Величие подвига советских военнопленных, входящих в БСВ, их сопротивление нацистскому режиму могут быть достойно оценены лишь при учете невероятных по драматизму условий, которые им были уготованы в фашистском плену, единственной целью которого было истребление возможно большего числа военнопленных и гражданских лиц СССР. Военнопленных и остарбайтеров пытались деморализовать, духовно разложить, нравственно опустошить, хотели привить им эгоизм и индивидуализм, вытравить приверженность советскому образу жизни и подавить волю к сопротивлению. Результаты бесчеловечной практики террора нацистов хорошо известны. По данным полицейской статистики, только в августе 1942 года за отказ от работы в Германии было арестовано 20 422 восточных рабочих.

Обергруппенфюрер СС Фриц Заукель (Fritz Sauckel), один из ближайших пособников Гитлера, ответственный за организацию принудительного труда в нацистской Германии, 9 мая 1943 года (ровно за два года до Дня Победы и ровно за год до прибытия в концлагерь Дахау 11 арестованных гестапо по делу БСВ русских военнопленных: И. Плохова, П. Лукьяненко, М. Позднышева, В. Епиченко, Г. Попова, Н. Грузинцева, И. Ракутина, В. Елистратова, М. Лифинского, Н. Гаврилова, В. Николаева) выступил с докладом перед высшими чиновниками имперского министерства пропаганды ретьего рейха.

Характеризуя обстановку в стране после поражения вермахта под Сталинградом и оценивая нехватку рабочей силы в «третьей империи», снижение производительности труда на предприятиях Германии из-за явных и скрытых актов сопротивления и саботажа советских военнопленных и восточных рабочих, Фриц Заукель удивленно произнес: «Мне недавно дали прочитать письмо одной русской. Двадцатилетняя девушка пишет: «Тех, кому мы сейчас служим, мы будем в один прекрасный день судить». Комментируя эти пророческие

слова и, видимо, не предполагая, что они относятся и к нему лично, этот высокопоставленный военный преступник, спустя три с половиной года повешенный в Нюрнберге, не скрывал своего изумления: «Оторванная от мира, от последних известий, за исключением геббельсовских, вдали от своей Родины, девушка твердо убеждена в истинности своих слов и в победе русских».

Анализ донесений, содержащихся в гестаповских сводках, убедительно говорит о том, что самой значительной, сплоченной и разветвленной подпольной организацией была та, которая возникла в лагерях Баварии под Мюнхеном и получила название «Братское сотрудничество военнопленных». Можно предположить, что в целях конспирации название организации должно было не только маскировать от тайной полиции (гестапо) подлинные цели БСВ, но и в случае провала и гестаповских «охранных арестов» истолковывать БСВ не как форму организации сопротивления военнопленных, а лишь как «полулегальную добровольную организацию, оказывающую помощь советским людям на чужбине» (Е. А. Бродский).

После того как мюнхенское гестапо напало на след деятельности «Братского сотрудничества военнопленных» и направило по этому поводу свои первые донесения в Берлин, оттуда последовал категорический приказ скорейшего выявления всех связей БСВ, причем не только в пределах одной Баварии, но и всей Германии. Следствие с применением допросов «третьей степени» длилось 14 месяцев. Сначала оно было сосредоточено в руках мюнхенского гестапо, а затем по мере выявления размеров и разветвленности организации следствие передали главному управлению гестапо, находящемуся в Берлине (Павлов В. П. // Минск: Б. н., 2015).

Научный сотрудник немецкого фонда «Нижнесаксонские мемориалы» Зильке Петри утверждает, что некоторые успешно действующие подпольные организации Сопротивления в нацистских лагерях, как и многие участники раскрытых гестапо организаций, не попали в поле зрения тайной полиции и не были выданы своими арестованными товарищами. Поэтому имена многих из них остались для гестаповских следователей неизвестными, они не фигурируют в немецких документах и об их существовании свидетельствуют только воспоминания выживших подпольщиков. Других документальных источников в архивах Германии практически нет (Rolf Keller und Silke Petry // Göttingen, 2013).

Из книги Ю. Вильнера «Андрей Ющенко: персонаж и легенда»: «В шталаге 5 Люфт действовало одно из отделений подпольной организации «Братское сотрудничество военнопленных». И именно в конце 1943 года, то есть в период пребывания в этом лагере А. Ющенко (А. Ющенко — отец бывшего президента Украины В. А. Ющенко), там произошёл один из первых крупных провалов подпольной организации, ставших впоследствии причиной её ликвидации немецкой контрразведкой и гестапо. По доносу агента-провокатора организация «Братское сотрудничество военнопленных» была разгромлена, а руководители расстреляны в Дахау. Нельзя однозначно утверждать, что именно Ющенко причастен к истории с провалом «БСВ». Но странное пребывание А. Ющенко в лагере совпадает по времени с этим провалом. А очевидная недостоверность сведений, излагаемых Ющенко, наводит на определённые размышления... Анализ имеющихся документов позволяет предполагать, что Ющенко в период войны сотрудничал с немцами сначала в роли лагерного полицая, а затем и внедрённого агента-осведомителя». Иначе трудно объяснить удивительную гуманность (см. стр.180 – «Kugel»), проявленную лагерфюрерами Освенцима и Бухенвальда, безжалостно уничтожившими миллионы безвинных людей, к «серийному беглецу» А. Ющенко, пытавшемуся не менее 7 раз сбежать из плена.

«Тема сопротивления советских военнопленных в нацистских лагерях весьма сложна и требует дальнейшего глубокого изучения. Один лишь факт. Только на исследование деятельности организации «Братское сотрудничество военнопленных» у историка Е. А. Бродского ушло около 50 лет кропотливой работы в отечественных и зарубежных архивах» (Дембицкий Н. П. Судьба пленных).

Согласно полицейским данным, общее число установленных и арестованных гестапо активных участников БСВ в Баварии, Бадене, австрийском Тироле и Зальцбурге к сентябрю 1944 года превысило 770 человек (Е. А. Бродский).

В мае 1944 года в документах мюнхенского гестапо появилась запись: «Лифинский Матвей 01.05.1944 арестован в г. Моосбург. 09.05.1944 государственной полицией г. Мюнхена (Stapo München) доставлен из г. Моосбурга в концентрационный лагерь Дахау (Doc. ID: 10178310 — см. иллюстрации, стр. 8, 11). Номер заключенного 67 864. Нацистская категория узника "Schutzhaft"—"Охранный арест"».

Глава VIII

Охранный арест

Из гестапо люди исчезают бесследно, исчезают и расеиваются по тысячам разных кладбищ.

Ю. Фучик.
Репортаж с петлей на шее

Придет время, когда ты решишь, что все кончено. Это и будет начало.

Луис Ламур

Поджог рейхстага 27 февраля 1933 года, в котором обвинили немецких коммунистов, сыграл значительную роль в укреплении власти нацистов в Германии. На следующий день рейхспрезидент Гинденбург по требованию Гитлера подписал декреты «О защите народа и государства» и «Против предательства немецкого народа и происков изменников родины». Деятельность компартии Германии была запрещена. В течение нескольких дней власти арестовали только в Пруссии около 8000 человек, в том числе некоторых депутатов, пользовавшихся парламентским иммунитетом.

Герман Геринг писал: «Мы вынуждены были беспощадно обращаться с этими врагами государства. Нельзя забывать, что в то время, когда мы захватили власть, более 6 миллионов человек в ходе выборов в рейхстаг официально голосовали за коммунизм и примерно 8 миллионов — за марксизм. В результате были созданы концентрационные лагеря, куда мы смогли в первую очередь направить тысячи функционеров коммунистической и социал-демократической партий».

Один из пунктов декрета Гинденбурга «О защите народа и государства» предусматривал превентивное заключение (охранный арест). Превентивное заключение предусматривало лишение свободы лица в качестве средства предупреждения возможного совершения им преступления. Вопреки правовому принципу «без вины нет преступления, нет наказания» превентивное заключение давало возможность тайной государственной полиции (гестапо) без суда и следствия «в интересах общественной безопасности и порядка» лишать свободы любое лицо на неопределенное время без предъявления ему какого-либо обвинения в совершении преступления. При этом заключенный лишался права обжаловать превентивное заключение, а Верховный суд Германии не мог оспорить или опротестовать охранный арест (P. Kienzle, H. Hesse, G. Werle, U. Herbert, M. Broszat и др.).

Обычно в приказе о превентивном заключении говорилось: «На основании статьи 1-й декрета имперского президента «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г. вы подвергаетесь превентивному заключению в интересах общественной безопасности и порядка. Причина: подозрение в деятельности, направленной против государства».

Инструмент «охранных арестов» (schutzhaft), как утверждали нацисты, предполагал временную защиту (охрану) арестованного от возможного народного гнева и расправы над ним путём изоляции его в тюрьме или концентрационном лагере. На самом деле охранные аресты использовались для расправы с неугодными фашистскому режиму лицами. С введением охранных арестов начался процесс фактического упразднения судебной системы Германии и полной передачи абсолютной власти в руки гестапо и СС.

«Господа эсэсовцы» имели особые права. Во время принятия присяги они получали кинжал с аббревиатурой СС. Этот кинжал, говорили им, предназначен для того, чтобы смыть кровью нанесенное им оскорбление, если они сочтут, что задета их честь. В 1935 году декретом Гиммлера было закреплено это право (и даже долг!), а в специальном решении верховного суда было уточнено, что эсэсовец «имеет право воспользоваться оружием, даже если противник может быть остановлен другим способом». Для большей безопасности эсэсовцы были исключены рядом декретов из общей юрисдикции. За свои поступки они отвечали лишь перед трибуналами СС. Право безнаказанного убийства стало, таким образом, прерогативой СС.

Гестапо (Gestapo или Stapo — см. 8-ю стр. иллюстраций), как и СД, представляли собой важные, тесно связанные между собой группы в составе организации полиции безопасности (зипо) и СД. Полиция безопасности и СД находились под единоначалием сначала Гейдриха, а потом Кальтенбруннера как начальника полиции безопасности и СД; у них имелся единый штаб — РСХА, и деятельность их была деятельностью единой организации как в Германии, так и на оккупированных территориях и в прифронтовой полосе.

Охранный арест применялся и в тех случаях, когда суд выносил оправдательный приговор или когда человек отбыл заключение и выходил на свободу. Таких людей гестаповцы подвергали охранному аресту и направляли в концентрационный лагерь, как и тех лиц, против которых нельзя было применить уголовный закон. Охранный арест давал гестапо право проводить допросы и пытки заключенных от нескольких часов и дней до нескольких недель и месяцев.

Официально тайная полиция могла применить без суда три вида санкций: предупреждение, превентивное заключение и заключение в концлагерь. Эти «законные» наказания давали возможность подвергнуть аресту противников власти или любого иностранного военнопленного, чтобы затем отправить их в концентрационный лагерь. Наряду с «законными» методами использовались незаконные похищения людей с целью убийства, замаскированного иногда под несчастный случай или самоубийство, а также массовые убийства заключенных в тюрьмах и концлагерях.

Для выявления подозрительных лиц среди советских военнопленных в их ряды внедрялись информаторы и провокаторы, а также с этой целью пленных подвергали жестоким допросам и пыткам. Каждому подозреваемому задавали вопрос, был ли он комиссаром, политруком, партийным или государственным служащим. Если тот давал утвердительный ответ, то судьба его была решена.

В середине сентября 1941 г. в стационарный лагерь VII A (Моосбург) были доставлены 5238 советских военнопленных. Поскольку эти пленные ещё не были «проверены», бюро гестапо Мюнхена откомандировало туда в конце сентября айнзатцкоманду с соответствующим заданием. В ноябре начальник службы содержания военнопленных в VII корпусном округе генерал-майор Заур заявил протест в отдел по делам военнопленных в ОКВ против «поверхностного», то есть слишком общего, «отбора» со стороны команды.

Этот протест, переданный отделом по делам военнопленных в РСХА, вызвал в бюро гестапо Мюнхена кипучую деятельность. Там старались доказать, что каждый отдельный пленный был по праву отобран для «особого обращения».

Основной причиной протеста против «особого обращения» с русскими военнопленными являлось то, что ситуация с рабочей силой в VII корпусном округе сложилась катастрофическая, поэтому для предприятий рейха необходима была любая сила. «Русские — грамотные работники», а кроме того, существовало опасение, что Советский Союз будет обращаться точно так же с немецкими пленными, «ибо общественность постепенно узнает обо всём».

Только за месяц (с 15.10.1941 по 12.11.1941) в шталаге VII A (Моосбург) было отобрано и отправлено в концлагерь Дахау 201 человек. В сохранившихся списках мюнхенского гестапо записаны имена и фамилии этих военнопленных.

Отдел ОКВ по делам военнопленных в интересах безопасного использования рабочей силы 10 апреля 1943 г. приказал комендатурам лагерей отбирать «фанатиков и профессиональных пособников большевизма» среди пленных советских офицеров и передавать их гестапо «как политически нежелательных подстрекателей», «которые ведут себя подстрекательски и тем самым оказывают отрицательное влияние на желание работать прочих советско-русских военнопленных».

Из лагерей военнопленных в ведение гестапо передавали прежде всего лиц, не прошедших дополнительную «проверку» на политическую «благонадёжность», то есть лояльность к национал-социалистическому режиму. К этой группе лиц в первую очередь относили комиссаров, политработников, партийных работников среднего звена и высшего состава, а также всех лиц еврейской национальности. Кроме того, подвергали охранному аресту и передавали в гестапо тех, кто неоднократно совершал побеги, оказывал сопротивление или вёл себя «вызывающе» по отношению к лагерному персоналу или их помощникам из числа самих военнопленных.

В невыносимых условиях фашистских тюрем и концлагерей советские красноармейцы и командиры проявляли несгибаемую волю, самоотверженность и верили в победу нашего народа в войне. Одним из таких сынов своей страны был младший лейтенант Сатиров, захваченный в плен осенью 1941 года. До 26 марта 1945 г. он находился во многих лагерях Германии, несколько раз пытался бежать. В последний период пребывания в одном из нацистских лагерей

был сброшен охранником в шахту и только чудом остался жив. В мемуарах «Русский человек и перед лицом смерти не пасует» Г. Н. Сатиров, подвергнутый охранному аресту в 1944 г. за побег (и отправленный в штрафлагерь в Hanau am Main), так описывает свое пребывание в гестаповской тюрьме:

«Центральная следственная тюрьма гестапо в Дармштадте — уже знакомое мне благотворительное учреждение. Это большое четырехэтажное здание с мощными стенами стоит посередине обширного двора, окруженного каменным забором. Ограда так высока, что с улицы не видна даже крыша тюрьмы, а из окна камеры можно видеть лишь часть двора и забор. Моя камера — на четвертом этаже, разделенном железной решеткой на два одинаковых отсека. В каждом отсеке восемь камер: четыре по одну сторону широкого коридора и четыре по другую. Всего в мужском корпусе тюрьмы (женский корпус — в соседнем дворе, отделенном от нашего забором) 64 камеры. Камеры перенаселены до предела. В каждой из них от 15 (в немецких) до 30 (в русских и польских) человек. Таким образом, в Дармштадтской следственной тюрьме в общей сложности свыше 2500 заключенных. Во времена блаженной памяти Веймарской республики в каждой камере сидело по одному заключенному. Счастливчики, как не завидовать им!

Спим мы на голом полу, не раздеваясь и не разуваясь. Это еще не беда (мы давно привыкли), кабы не одолевала теснота. Она заставляет нас лежать на правом боку, согнув ноги. Другого выхода нет, потому что повороту на спину препятствуют тела соседей, а стоит разогнуть ноги, как они окажутся на животе товарища.

Однако и с этим неудобством можно было бы примириться, если бы не одна досадная мелочь. Дело в том, что нашей изящной параши, изготовленной еще в эпоху Веймарской демократии и рассчитанной на скромные потребности одиночника, явно не хватает на 30 жильцов даровой квартирки. Начальство распорядилось поставить еще 3 кибеля без крышек, но и это мало помогает. Ночью параши переполняются, жижа каскадом льется на пол, растекается по паркету, подтекает под близлежащие тела. Стремясь передвинуться на сухое место, подмокающие товарищи нажимают на соседей, сдавливают их. По мере разлития жижи сдавливание распространяется на другие участки пола, вплоть до двери. В конце концов сожмут тебя так, что ни охнуть, ни вздохнуть. Однако все наши старания избегнуть затопления

напрасны: ко времени подъема более половины заключенных плавает в потоках зловонной жижи...

В одной камере со мной Мишка Николаев, Петро Ткаченко, Никита Федорович, Саша Романов, Миша Кувардин... Кувардина трижды пытали в гестапо. Он ни в чем не признался и никого не выдал. После третьего допроса Мишу принесли из гестапо на носилках...

Темь, хоть глаз выколи. Во мраке ночи расплылись все предметы, растворились все лица. И чудится, что стены камеры раздвинулись, ушли куда-то далеко-далеко в бесконечность, а ты лежишь на лесной полянке под сводом южного неба. Мерцающие огоньки цигарок кажутся то зорьками, то светлячками, а то и болотными свечечками. Душа человеческая, словно нильский лотос, раскрывается в такие ночи. Она стремится ввысь, навстречу всему неведомому, таинственному, чудесному, прекрасному. Хорошо в такие ночи вспоминать безвозвратно ушедшую юность, мечтать о грядущем счастье, делиться самыми заветными думами. Одетые сумраком ночи, лежим на голом полу камеры. Рядом со мной Никита Федорович Чечин. Я не вижу его синих глаз, но слышу тихий, мягкий, задушевный голос.

— Знаете, Георгий Николаевич, я часто думаю о прошлом, настоящем и будущем России. В истории нашего Отечества много трагического и смешного. Ведь путь России сквозь века — сплошная цепь взлетов и падений. Нашему поколению довелось это видеть, пережить. Ведь мы с вами родились в ту пору, когда волна первой революции высоко подняла Русь; наше детство совпало с годами черной ночи России, а юность овеяна штормовым ветром Октября...

— Не знаю, Никита Федорович, к месту ли это, но мне почему-то вспомнились стихи Александра Блока:

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть...

— Хороши, очень хороши эти блоковские строки... И вот я думаю: каковы бы ни были эти взлеты и падения, в конечном счете Россия неудержимо идет к прогрессу, к необычайному расцвету всех своих сил, к лучшему будущему.

— Пусть прослыву я старовером, но думается мне, Никита Федорович, что в словах попа Сильвестра много смысла: «Два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быть!»

— Конечно не быть! Только в плену я вполне постиг значение этих слов, только здесь по-настоящему понял смысл событий за последние тридцать лет. Я знаю, что все жертвы Октября были оправданы. Не будь советской власти, Россия погибла бы. А теперь у меня нет никаких сомнений, что Берлину не быть четвертым Римом, рейх треснет и расползется по всем швам. Россия триумфом закончит эту войну. И знаете что, Георгий Николаевич, я думаю, в судьбах мира произойдет коренной перелом. История знала эпохи эллинизма, романтизма, византизма, германизма. Теперь мы присутствуем при рождении новой эры — эры славянизма» (ОПИ ГИМ. ф. 459. д. 1. л. 181–216).

Запись «передан гестапо» или «передан СД» в персональной карте пленного нередко означала смертный приговор, который подлежал исполнению в день прибытия заключенного в гестапо. Как известно, с исполнением приговоров в гестапо никогда не медлили. Чтобы не оставлять следов, гестаповцы не заводили карточек на поступивших в их распоряжение «освобожденных» военнопленных. В списки узников концлагерей русские пленные, как правило содержащиеся отдельно от иностранных заключенных, иногда также не включались (см. стр. 198–199).

Для того чтобы передать гестапо военнопленного, заподозренного «в деятельности, направленной против рейха», вермахт обязан был лишить его статуса военнопленного. Руководство лагеря в этом случае писало, что «военнопленный освобождён из военного плена». После этого человек оказывался в руках гестапо, в ведомстве которого были концлагеря. Таким образом человек лишался последних, даже очень призрачных прав, связанных со статусом военнопленного, гестаповцы могли поступать с ним по своему усмотрению или даже убить. Эти пленные больше не возвращались к своим товарищам. Их отправляли в концлагеря, где они подвергались многочисленным пыткам и различным медицинским экспериментам. Часть из них затем расстреливали или уничтожали путем непосильной работы. Постоянный надзор гестапо и СД за русскими пленными не прекращался до конца войны.

Весной 1943 г. гестапо Мюнхена впервые удалось выйти на след подпольной организации БСВ. В середине мая 1943 г.

гестаповцам стало известно, что в рабочей команде № 3185 Мюнхен-Перлах распространяются листовки и ведется открытая агитация против вербовки в так называемые русские легионы. 18 мая 1943 г. тайная полиция схватила майоров К. К. Озолина и И. В. Петрова (настоящее имя и звание Петрова — батальонный комиссар И. В. Бугорчиков), а также их товарищей. Несмотря на угрозы расстрела, избиения, многочисленные допросы, продолжающиеся более месяца, «все русские офицеры, как доносил Кальтенбруннеру начальник мюнхенского гестапо, в соответствии с заранее принятым решением отказались что-либо сообщить о подпольной организации» (Е. А. Бродский).

Не добившись цели, комендант лагеря отправила майора Озолина и его товарищей в особую команду № 289, находившуюся в Дорнахе. Там в горно-лесистом районе Баварии организаторы БСВ встретились с группой военнопленных во главе с полковником Тарасовым, оказавшимися в этой команде по подозрению в антифашистской деятельности. Удаленность от главного лагеря с его разветвленной сетью осведомителей и провокаторов способствовала дальнейшему сплочению этих групп БСВ. Именно в Дорнахе родилась идея группового побега, целью которого было возвращение на родину через Швейцарию или выход в район действия югославских партизан. Как видно из полицейских документов, 13 беглецам, возглавляемым майором Озолиным, удалось вырваться из лагеря и уйти от погони. Однако на свободе они пробыли недолго. Беглецов задержали и вернули в шталаг VII A, где их на 21 сутки поместили в изолятор. В августе 1943 г. пленных отправили в штрафную команду № 3370 в Вильдпольдсриде, близ Кемптена.

В. И. Бондарец пишет: «18 мая 1943 г. в Перлахе за срыв власовского митинга, направленного на вербовку военнопленных в РОА, гитлеровцы арестовали зачинщиков — это и были организаторы БСВ, — привезли их в Моосбург и бросили в 1-й барак — следственный изолятор.

Следствие ничего не дало. Все показания арестованных, скрывавших БСВ, сводились к одному — законной ненависти к изменникам, чем и объяснялся бунт в Перлахе. Версия казалась правдоподобной; о существовании нашей подпольной организации гестапо пока не узнало, и многие члены и руководители БСВ остались нераскрытыми. После следствия советских офицеров, среди которых были и организаторы БСВ, увезли в штрафную команду в Дорнах на

строительство канала. По слухам, это было самое гиблое место изо всех команд, приписанных к Моосбургу».

В июне 1943 года опасения немецкого руководства усилились вследствие случайного раскрытия организации Сопротивления среди советских пленных. Группы «Братского сотрудничества военнопленных» распространились по различным частям рейха и могли записать на свой счёт некоторые успехи в организации саботажа и пассивного сопротивления (J. Schmelzer. Halle-Wittenberg, 1963. S. 181-189).

Десятки агентов гестапо летом и осенью 1943 года продолжали разыскивать участников и руководителей БСВ. 9 ноября 1943 г. осведомитель из VI лагеря для иностранцев донес, что ему удалось установить контакт с разыскиваемой организацией и в Мюнхене ему на Мариенплац назначена встреча. Через несколько дней гитлеровцы схватили Ивана Корбукова, возглавляющего мюнхенский совет БСВ. Через своих осведомителей в течение месяца гестапо удалось выйти на след еще некоторых руководителей БСВ и АННФ и арестовать часть из них. В результате непрерывной слежки 23 декабря 1943 года тайная полиция арестовала еще 24 восточных рабочих, среди которых находились активные участники БСВ из лагерей для иностранцев. При этом у подпольщиков удалось изъять два пистолета и 200 патронов, которые были закопаны в различных местах. «Проведенные вслед затем допросы, обыски и очные ставки постепенно привели к аресту 383 человек и позволили определить истинный масштаб деятельности БСВ, которая приняла опасные для Германии размеры» (Alfred Streim).

«К концу 1943 г., — писал бывший руководитель ГДР Вальтер Ульбрихт, — когда деятельность АННФ и БСВ достигла своей высшей точки, советские офицеры имели организацию Сопротивления, распространившуюся на всю Южную Германию, от Карлсруэ до Вены, к которой примыкали несколько тысяч по-военному организованных и частично вооруженных приверженцев. Однако их мужественные приготовления потерпели неудачу, так как полиции удалось проникнуть в обе организации. Тот факт, что гестапо вынуждено было создать особый отдел для расследования деятельности этих организаций, говорит о размахе их работы» (Вопросы истории КПСС. – 1962, № 3).

Из переписки между шталагом VII A и бюро мюнхенского гестапо (RH 49/v.27) следует, что с ноября 1943-го по январь 1944 года из стационарного лагеря VII A (Моосбург)

в бюро мюнхенского гестапо доложили по крайней мере о 29 пленных как о «вредных элементах» и отправили их в концлагерь Дахау.

В начале 1944 г. аресты и задержания участников БСВ проходили по всей территории рейха. Практически всех задержанных доставили в концентрационный лагерь Дахау. Позже некоторых участников БСВ оставили в Дахау, других направили во внешние лагеря концлагеря Дахау, но большинство из них было отправлено в концлагерь Маутхаузен. Там в октябре 1944 г. расстреляли около 40 участников БСВ, в том числе и генерала Б. М. Дворкина, одного из лидеров БСВ в Маутхаузене (Alfred Streim. C. F. Müller. – 1982).

Гестаповцы хватали одного участника подполья за другим. Были арестованы и брошены в застенки гестапо руководители немецких антифашистов, многие из которых являлись узниками лагерей (Карл Циммет, Ганс Гутцельман и др.). Вскоре число брошенных только в мюнхенские тюрьмы превысило 380 человек. В гестаповских тюрьмах организаторов и руководителей БСВ и АННФ пытали так, что на очных ставках они не могли узнать друг друга. В феврале 1944 г. в концлагере Дахау произошли первые расстрелы, жертвами которых стали подпольщики из баденской группы БСВ.

Из воспоминаний М. Макаревича: «Иван Корбуков случайно попал в облаву на рынке. Профессор Мельников (Плахотнюк) с сыном были схвачены, они не успели уничтожить списки подпольщиков и членские билеты. Аресты прошли во многих лагерях восточных рабочих, куда проникли гестаповские агенты. Весной 1944 г. брама — адские ворота концлагеря Дахау — поглотили более трехсот членов БСВ. Авиабомба разрушила мюнхенское гестапо, и допросы продолжались в бараке пыток Дахау. Перед бараком цвели астры и гвоздики, а внутри лилась кровь.

В понедельник, 4 сентября 1944 года, комендант концлагеря зачитал 92 подследственным смертный приговор, подписанный Гиммлером».

22 февраля 1944 года начальник тайной государственной полиции Генрих Мюллер направил срочное указание всем руководителям полицейской сети Германии, командирам полиции безопасности и СД, которое касалось БСВ. В этом документе говорилось, что, по сообщению командующего люфтваффе Геринга, «у советско-русских военнопленных, используемых в качестве вспомогательного персонала в немецких учреждениях VII округа ВВС, найдены программа и

инструкции названной выше организации». Герман Геринг просил «произвести внезапный личный обыск русских в каждом из подчиненных ему подразделений, чтобы получить дополнительные данные об этой организации». В интересах тщательного проведения указанных полицейских акций разрешалось привлекать соответствующие эсэсовские резервы. В заключение своего указания Мюллер обращал внимание руководителей всей полицейской сети рейха на то, что «среди советских военнопленных уже возникали повстанческие организации, которые действовали по единым указаниям и искали связи с восточными рабочими».

4 марта 1944 года начальник гестапо Мюллер направил в органы тайной полиции рейха директиву отдела ОКВ по делам военнопленных и собственный приказ, согласно которому всех повторно пойманных пленных офицеров, за исключением британских и американских, при поимке следовало передавать гестапо и применять к ним «III степень». Об этих расстрелах никто не должен был знать, поэтому в информационно-справочную службу вермахта (WASt) о таких пленных докладывали как о «сбежавших и до сих пор не пойманных». Британских и американских пленных сначала следовало задерживать за пределами лагеря, а затем об их судьбе в каждом отдельном случае должен был принять решение начальник службы по делам военнопленных в ОКВ. Русских пленных при соблюдении особых мер предосторожности и высшей степени секретности в рамках операции «Kugel» («Пуля») Мюллер приказал отправить в концлагерь Маутхаузен. Там пленных вносили лишь в секретный реестр политического отдела под отдельным номером или вообще не регистрировали. Их запирали в специально охраняемый блок и оставляли просто умирать от голода. Многие были расстреляны, другие отравлены в газовых камерах или замучены до смерти иным способом. При выполнении операции «Пуля» в Маутхаузене было убито около 5000 военнопленных (Christian Streit), большей частью русских, включая участников БСВ.

5 апреля 1944 г. РСХА издало специальную директиву, адресованную руководителям всей полицейской сети рейха. В ней говорилось об активизации «нелегальной коммунистической деятельности и образовании тайных организаций иностранными военнопленными и восточными рабочими». В свое оправдание за длительность следствия по делу БСВ руководитель мюнхенского гестапо штандартенфюрер СС

Освальд Шефер писал: «Тот факт, что внутри БСВ неоднократно издавался строгий приказ, по которому подлежал ликвидации всякий, кто в случае ареста становился предателем, что почти у всех функционеров были клички, а беглые военнопленные или уклонявшиеся от работы восточные рабочие имели фальшивые документы, что многие члены БСВ были членами комсомола или коммунистической партии, — все это с самого начала создало особые трудности при обнаружении организации» (Е. А. Бродский).

Инспектора полиции безопасности, контролирующие «работу» крипо (уголовная полиция), гестапо и СД по выявлению лиц, причастных к деятельности БСВ в VII военном округе, в персональной карте № 1 подозреваемых пленных, на которых к апрелю 1944 г. не имелось достаточной информации для немедленного охранного ареста, красными чернилами или карандашом ставили буквы «ID» (Inspektionsdienst – Инспекционная служба) и дату «16.4.44» (см. иллюстрации, стр. 2). Это обязывало лагерные службы обратить особое внимание на этих военнопленных и давало право коменданту шталага VII A незамедлительно лишать подозреваемых «звания военнопленных» и передавать их гестапо для проведения дополнительных проверок и допросов.

В список подозреваемых, не вызывающих доверия у полиции безопасности, 16 апреля 1944 года были внесены: ст. лейтенант В. И. Жаворонков (расстрелян в Бергене 20 июня 1944 года), майор Ф. И. Фесан (15.06.1944 отправлен в Дахау), мл. лейтенант А. Л. Быков (15.05.1944 передан крипо), лейтенант В. Д. Трусов (расстрелян в Пенцбергене 05.06.1944), лейтенант В. С. Елистратов (09.05.1944 отправлен в Дахау), лейтенант М. И. Лифинский (01.05.1944 арестован гестапо Мюнхена, 09.05.1944 отправлен в Дахау), капитан Н. П. Гаврилов (09.05.1944 отправлен в Дахау).

Насколько большое значение мюнхенское гестапо и комендант шталага VII A придавали следствию по делу БСВ, говорит хотя бы то обстоятельство, что если в лагерные «будни» любой из нескольких десятков тысяч пленных шталага VII A ценился комендантом лагеря не выше лагерной пыли, то в период следствия подозреваемый мог «удостоиться» невиданной «чести». Иначе как объяснить тот факт, что комендант лагеря 2 мая 1944 г. лично приехал в Айттинг из Моосбурга за пленным № 102 665 рабочей команды № 3021, находящейся в 75 км от шталага VII A? В Управлении ФСБ России хранится архивное дело № 30883 Матвея Ивановича

Лифинского, его персональная немецкая карта военнопленного шталага VII A № 102 665 и другие документы, из которых следует, что военнопленного № 102 665, находящегося на строительстве канала в Айттинге в рабочей команде № 3021, комендант лагеря забрал из Айттинга и доставил в комендатуру шталага VII A, где подверг допросу и обвинил пленного в «политической неблагонадежности» и в том, что он получал от немецкого населения последние известия и сведения о положении на фронтах, а также обвинял немецкий народ в развязывании войны. Из этих документов также следует, что Матвей Лифинский, лагерный № 102 665, отказался (!) подписывать протокол допроса, проведенного комендантом моосбургского лагеря и по его приказу, отсидев 7 суток в карцере, был отправлен в концлагерь Дахау.

В нацистских тюрьмах и лагерях любой отказ военнопленного выполнить распоряжение коменданта, офицера СД, гестапо или следователя, включая отказ от подписания протокола допроса, никогда не оставался без тяжелых последствий для пленного.

Из воспоминаний Станислава Розанова, бывшего заключенного концлагерей Саласпилс и Нойенгамме: «Наконец и меня вызвали на допрос. За столом сидел угрюмый немецкий офицер. Он говорил на ломаном латышском. Стало быть, прибалтийский немец. Следователь перечислил целый ряд всевозможных преступлений, совершенных мною «против человечества». Говорил он медленно, спокойно, одновременно составляя протокол допроса. Закончив, он велел мне расписаться. Я отказался. Гитлеровца это очень удивило. Но когда я отказался ещё раз, его лицо, как будто покрытое пергаментом, стало розовато-коричневым, зрачки глаз расширились. Он вскрикнул и ударил рукояткой пистолета по столу.

За спиной у меня вмиг встали два атлетически сложенных молодчика. Один толкнул меня на другого, тот опять назад. Они били и толкали меня до тех пор, пока я без сознания не упал на пол. Когда очнулся, следователь еще раз предложил мне расписаться. Говорить я уже не мог, поэтому только покачал головой. Тогда мучители начали обрабатывать меня кулаками. Вторично я очнулся уже в камере.

В неизвестности прожили почти неделю. И вот однажды утром всех вызвали в коридор, проверили по списку и вывели во двор. Там стояла грузовая машина и около десяти шуцманов. Старший охранник приказал сесть в машину и

по дороге не смотреть по сторонам, не разговаривать между собой, не меняться местами.

— Поняли, что сказал? — строго предупредил он. — За малейшее нарушение виновный будет расстрелян без предупреждения» (В Саласпилсском лагере смерти. – Рига, 1964).

В 1945 г. Станислав Розанов совершит удачный побег из концлагеря Нойенгамме и станет солдатом Красной Армии. В 1946 г. вернется домой в Ригу.

Из протокола допроса Н. А. Васькина в окружном отделе МГБ Молотовской области 24.06.46:

«Вопрос: При каких обстоятельствах вы были пленены немцами, когда, где?

Ответ: Наш 98-й стрелковый полк занимал оборону между г. Тернополь и Проскуров. Немецкие войска наш полк сильно перебили, осталось в живых около 20 человек... Мы отошли от села метров двести и оказали немцам сопротивление. Они по нам открыли пулеметный огонь и из мелкокалиберных пушек. Семь человек немцев нами были убиты. После этого около роты немцев нас окружили. Командир отделения был убит насмерть, а помкомвзвода был ранен. Двоих нас немцы забрали, сильно побили прикладами, и немецкий офицер хотел застрелить на месте, но не застрелил...

Вопрос: Сколько раз вас вызывали на допрос немецкие офицеры?

Ответ: Меня здесь вызывали на допрос один раз.

Вопрос: Сколько времени вас допрашивал немецкий офицер?

Ответ: Офицер меня держал на допросе около 3 часов, допрашивал днем.

Вопрос: После допроса вы подписывали протокол?

Ответ: Протокол допроса я не подписывал. (Позже сознается, что протокол допроса подписал и сообщил фамилию своего товарища немецкому офицеру.) После допроса меня отправили с конвоиром обратно в лагерь военнопленных в город Львов, в этот же лагерь № 328.

Вопрос: После привода в лагерь вас допрашивали?

Ответ: Да, после привода в лагерь меня допрашивал комендант лагеря, затем избили приказал избить часовому, который мне нанес рану в зад штыком. Недели две я лежал на койке, никуда не ходил»...

Арестованных советских военнопленных, участников БСВ, доставленных в концлагерь Дахау, вначале допрашивали в Мюнхене. «Некоторые из русских заключенных были

увезены на допрос в Мюнхен, — писал в 1945 г. в своей книге австрийский публицист Рудольф Кальмар, находившийся в Дахау за антифашистские убеждения. — Один из них спустя два дня вернулся назад. Ногти пальцев его обеих рук были окровавлены и сплющены. При допросе пальцы заставляли класть между дверью и дверной рамой, а затем дверь медленно закрывалась... Другой вернулся из Мюнхена с глубокими ранами на ягодицах. Они были такими глубокими, что в них легко уместились бы ладони. Трещины кругами расходились по бедрам. До изгиба бедер простирались темно-синие полосы от ударов гибкой плеткой... У других вернувшихся из гестапо Мюнхена все тело было обожжено сигаретами. Иных с вывернутыми за спину руками подвешивали на зловещий столб допроса. Некоторые вернулись с темно-синими подтеками глаз и черепом, покрытым кровавой коркой».

Другой бывший заключенный KL. Dachau Rudolf Senff 12 декабря 1945 года передал Советскому правительству документ, в котором содержались некоторые подробности следствия по делу советских офицеров: «...весной 1944 г. в камеру 27-го блока начали поступать подследственные советские офицеры, около ста человек, многие из них прибыли из Моосбурга. Выводить их на работу за пределы лагеря было запрещено. Офицеров сначала допрашивали в Мюнхене, а затем следственная команда переехала в Дахау и продолжила свою «работу» на месте. Первыми на допрос вызвали Озолина, Зингера и Моисеенко. Через некоторое время они возвратились в блок страшно избитые».

Первая группа из числа организаторов и руководителей БСВ была доставлена в Дахау в августе 1943 г. и помещена в изолированные блоки. Наиболее многочисленные аресты участников БСВ и АННФ прокатились по всей территории рейха в первом полугодии 1944 года. Арестованными и «лишенными статуса военнопленного» или «освобожденными из плена» считались те узники, которые были схвачены за неоднократные попытки побега, сопротивления или «за деятельность, направленную против безопасности Германии». В период с августа 1943-го по сентябрь 1944 г. тайная полиция и СД задержали, арестовали и отправили в Дахау всех руководителей и активных участников БСВ, имена которых удалось к этому времени установить.

12 августа 1943 г. в Дахау доставлен майор А. Ф. Громов (№ 50 245, расстрелян 04.09.1944); подполковник Д. С. Шелест доставлен в Дахау 20.08.1943 (№ 50 381, расстрелян

04.09.1944); капитан М. И. Зингер доставлен в концлагерь Дахау 20.08.1943 (№ 50 378, расстрелян 04.09.1944).

В октябре 1943 г. задержан воентехник А. Г. Глущенко (12.10.1943 прибыл в Дахау, № 56 393, за два дня до освобождения концлагеря, 27.04.1945, расстрелян). В ноябре 1943 года арестован лейтенант С. И. Горбик (08.11.1943 передан гестапо Аугсбурга, 15.03.1944 отправлен в Дахау, № 65 537, расстрелян 20.03.1944).

В феврале 1944 года арестован лейтенант В. А. Басков (02.02.1944 г. направлен в Дахау, № 62 923, расстрелян 04.09.1944). В конце февраля арестован майор К. К. Озолин, расстрелян 04.09.1944 (его настолько искалечили на допросах, что по свидетельству генерала Я. И. Тонконогова — лагерный номер 76 377 — в политический отдел концлагеря Дахау майора Озолина возили на тачке).

В марте 1944 года арестован рядовой И. Е. Кононенко (03.03.1944 прибыл в Дахау, лагерный № 64 849, 13.08.1944 совершил дерзкий побег из Дахау, в течение 26 дней скрывался от эсэсовской погони, 08.09.1944 схвачен и 09.09.1944 расстрелян); И. С. Фельдман (арестован 08.03.1944, замучен в тюрьме гестапо 10.03.1944; по свидетельству польского заключенного Петра Мельника, находившегося с Фельдманом—Фесенко в одной камере мюнхенского гестапо, во время допросов раны Фесенко «буравили ножом и другими острыми предметами»); полковник М. М. Тарасов (арестован, предположительно, в марте 1944 года, расстрелян в Дахау 04.09.1944); подполковник Н. А. Баранов (01.03.1944 арестован гестапо Мюнхена, в Дахау прибыл 08.03.1944, лагерный № 65 246, расстрелян 04.09.1944); подполковник М. Х. Хайрутдинов (03.03.1944 арестован гестапо Мюнхена, 04.09.1944 расстрелян); подполковник М. П. Шихерт (22 марта 1944 года прибыл в Дахау, № 65 891, расстрелян 04.09.1944); майор М. Л. Красицкий (22.03.1944 прибыл в Дахау, № 65 889, 04.09.1944 расстрелян); капитан Борисов С. Г. (29.03.1944 арестован гестапо Мюнхена, доставлен в Дахау, № 66 218, 04.09.1944 расстрелян); воентехник К. С. Корнеев (29.03.1944 помещен в тюрьму гестапо Мюнхена, 25.04.1944 переведен в Дахау, № 67 673, 04.09.1944 расстрелян); мл. лейтенант И. Г. Моисеев (29.03.1944 арестован гестапо Мюнхена, отправлен в Дахау, № 66 221, дальнейшая судьба его неизвестна); интендант Б. А. Никольский (29.03.1944 помещен в тюрьму гестапо Мюнхена, освобожден 06.05.1945 в концлагере «Цемент» (Эбензее, Австрия).

В начале апреля 1944 г. арестован майор М. И. Конденко (05.04.1944 передан СД, отправлен в Дахау, № 66 457, 04.09.1944 расстрелян); майор И. В. Петров (по данным Е. А. Бродского, настоящее имя и звание И. В. Петрова — батальонный комиссар И. В. Бугорчиков, в Дахау прибыл 06.04.1944, лагерный № 66 503, 04.09.1944 расстрелян); капитан В. В. Булдыжский (05.04.1944 передан СД, дальнейшая судьба неизвестна); ст. лейтенант М. И. Буянов (05.04.1944 передан СД, дальнейшая судьба неизвестна); воентехник Ф. И. Ефимов (05.04.1944 передан СД, 06.04.1944 прибыл в Дахау, 26.11.1944 переведен, предположительно, в концлагерь Маутхаузен, дальнейшая судьба неизвестна); капитан Я. Е. Яковлев (05.04.1944 передан СД, 06.04.1944 доставлен в Дахау, 26.11.1944 переведен, предположительно, в концлагерь Маутхаузен, дальнейшая судьба неизвестна); ст. лейтенант С. И. Ефремов (06.04.1944 передан службе безопасности (СД), 06.04.1944 прибыл в Дахау, 26.11.1944 переведен, предположительно, в концлагерь Маутхаузен, дальнейшая судьба его неизвестна); лейтенант А. Е. Ишутин (06.04.1944 отправлен в Дахау, 26.11.1944 переведен, предположительно, в концлагерь Маутхаузен, дальнейшая судьба неизвестна); мл. лейтенант И. Ф. Милов (14.04.1944 передан СД, 15.04.1944 переведен в Дахау, дальнейшая судьба неизвестна); мл. лейтенант А. И. Бешенцов (21.04.1944 передан гестапо, 22.04.1944 отправлен в Дахау, 26.11.1944 переведен, предположительно, в концлагерь Маутхаузен, дальнейшая судьба неизвестна); рядовой Р. В. Петрушель (1913 г. р., прибыл в Дахау 22.04.1944, лагерный № 66 991, расстрелян 04.09.1944); капитан Н. И. Умнов (22.04.1944 прибыл в Дахау, № 66 990, 04.09.1944 расстрелян).

1 мая 1944 г. тайная полиция (гестапо) Мюнхена арестовала лейтенанта Лифинского М. И., 2 мая 1944 г. доставлен комендантом шталага VII A на допрос (09.05.1944 из карцера отправлен в Дахау, № 67 864, освобожден французскими войсками 30.04.1945 в лагере Блайхах концлагеря Дахау); капитан Н. П. Гаврилов (прибыл в Дахау 09.05.1944, лагерный № 67 865, 19.06.1944 отправлен в Нацвейлер, 04.10.1944 — в Розенхайм, дальнейшая судьба неизвестна); лейтенант Н. И. Грузинцев (09.05.1944 прибыл в Дахау, № 67 862, в апреле 1945 г. освобожден американскими войсками); лейтенант В. С. Елистратов (09.05.1944 прибыл в Дахау, в 1945 году выжил в «марше смерти», после войны вернулся домой); мл. лейтенант А. Л. Быков (30.03.1943

совершил побег, пойман, 09.05.1944 — 2-й побег, 10.05.1944 пойман, 15.05.1944 передан криминальной полиции Мюнхена, дальнейшая судьба неизвестна); лейтенант Б. Н. Тучинский (22.05.1944 совершил побег, пойман, 31.05.1944 отправлен в Дахау, выжил (в карте № 1 записано «умер»), с 30.11.1945 г. продолжил службу в частях Красной Армии).

В июне 1944 г. арестован подполковник Е. К. Никитин (08.06.1944 отправлен в Дахау, 04.09.1944 расстрелян); капитан Н. А. Калитенко (прибыл в Дахау 08.06.1944, лагерный № 70 007, расстрелян 04.09.1944); капитан Г. М. Платонов (08.06.1944 прибыл в Дахау, лагерный № 70 013, расстрелян 04.09.1944); ст. лейтенант И. П. Концедалов (08.06.1944 прибыл в Дахау, 26.11.1944 отправлен в концлагерь Маутхаузен, в мае 1945 г. освобожден союзными войсками). В июле 1944 г. задержан ст. лейтенант Н. Ф. Бойченко (03.07.1944 доставлен в Дахау, лагерный № 76 386, 17.08.1944 переведен в концлагерь Маутхаузен, дальнейшая судьба неизвестна)...

Аресты, следствие и допросы по делу БСВ продолжались до конца августа 1944 года. Из обвинительного заключения берлинского верховного прокурора по делу БСВ: «9 марта 1943 г. в лагере Мюнхен-Перлах состоялась конференция «Братского сотрудничества военнопленных», имевшего комитеты во многих крупных городах рейха. К членам БСВ принадлежали военнопленные, служившие ранее в Красной Армии... Внутри БСВ дело дошло до того, что наиболее надежные члены объединились в боевые группы. Часть членов БСВ имела огнестрельное оружие... В 1943 году обвиняемая Эмма Гутцельман познакомилась с работающим в фирме Заумвебера в Мюнхене восточным рабочим Василием Козловым. Впоследствии она сообщала ему о положении на Восточном фронте. Однажды, в июле 1943 г., Козлов свел Эмму с руководителем БСВ в Мюнхене Корбуковым. В ее квартиру Корбуков приходил слушать Московское радио каждые вторник и четверг. Время от времени он приводил с собой членов своего штаба Винниченко, Плахотнюка. В начале июля 1943 г. обвиняемый Циммет встретился у супругов Гутцельман с Корбуковым. Установив, что оба являются противниками национал-социализма, они договорились пойти к Циммету, чтобы подробнее переговорить о совместной работе. Во время дальнейших переговоров в октябре 1943 г. обвиняемые Циммет, Гутцельман, а также Ярее составили вместе с русскими протокол о совместных действиях».

Из приговора по делу АННФ: «Обвиняемые действовали в рамках враждебной организации, имеющей коммунистическую основу, а именно: Гутцельман как один из основателей и руководитель, Губер как издатель многочисленных листовок, Мерварт как переводчик, связанный с тайной организацией вражеских военнопленных. За подготовку государственной измены и пособничество врагу Гутцельман, Губер и Мерварт приговариваются к смерти». Карел Мерварт, Ганс Гутцельман и Руперт Губер были казнены в Бранденбургской тюрьме 15 января 1945 года.

Тайной полиции не удалось полностью раскрыть всю сеть БСВ. По установившейся в лагерях традиции пленные не спрашивали друг у друга о должностях, занимаемых в РККА до плена. Все документы БСВ, относящиеся к подготовке вооруженной борьбы, были тщательно зашифрованы и, как свидетельствуют гестаповские донесения, многие из них так и не удалось расшифровать даже после массовых арестов участников антифашистского подполья. Более того, гестаповцам, несмотря на крайне жестокие пытки, не удалось выяснить подлинные имена некоторых лидеров и активных участников БСВ. Многие из них погибли, так и оставшись неопознанными.

Необходимо отметить, что в основе действий подпольной организации БСВ лежала идея непрекращающейся борьбы с фашизмом. Не проходило и дня, чтобы не состоялась очередная акция сопротивления на одном из заводов или строек Третьего рейха (Е. А. Бродский).

4 сентября 1944 года в Дахау на плацу были построены 92 советских офицера из числа руководителей и активных участников БСВ. Затем их под усиленной охраной отвели к крематорию, где унтерштурмфюрер Гейт зачитал им смертный приговор, подписанный Гиммлером. В этот день казнили 90 человек, на следующий день — еще двух. Одним из них был капитан М. И. Зингер (А. В. Лаврентьев, 09.05.15).

В Дахау отправляли «непокорных» из многих лагерей. Вагоны с «человеческим материалом» разгружались по ночам. Иногда группы пленных сразу отправляли на полигон Хебертсхаузен, где их расстреливали из автоматов. Тяжелых больных в Дахау умерщвляли при помощи инъекций бензина. Всего с 23 июня 1944-го по 3 мая 1945 г. по делу БСВ было казнено 468 человек (М. Е. Ерин, д-р ист. наук).

Многих участников БСВ, как это ни странно звучит, спас от неминуемой гибели в Дахау указ рейхсфюрера СС Гиммлера

от 14 ноября 1941 г., обязывающий отбирать работоспособных военнопленных даже из числа тех, кто был приговорен к расстрелу. Тем не менее указ Гиммлера не следует рассматривать как некую гуманную меру: рейхсфюрер СС дополнил его приказом, согласно которому русских пленных предписывалось умерщвлять при помощи непосильного труда в каменоломнях, угольных шахтах, на фабриках, заводах и стройках Германии (А. В. Лаврентьев, 2015 // Stanislav Zamecnik: Das war Dachau. Luxemburg, 2002).

В августе 1945 года в Мюнхен прибыл подполковник А. К. Орешкин, назначенный начальником территориальной группы Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан. К советскому представителю приехали секретарь Мюнхенской организаций КПГ Бруно Гольдхаммер, антифашист Карл Циммет и коммунист Макс Холли. Они передали А. К. Орешкину обнаруженные в нацистских архивах часть уцелевших документов по делу «Братского сотрудничества военнопленных» и два красных знамени, которые руководители БСВ, готовясь к вооруженному восстанию, прятали в концлагере Дахау.

Глава IX

«Наконец-то мы в Дахау!»

Не точию же праздны,
но и блядивы и любопытны,
глаголющыя, яже не подобаетъ.

Апостола Павла
1-е послание к Тимофею, 5:13

Я осуждаю не слова, эти отборные и драгоценные сосуды, а то вино заблуждения, которое подносят нам в них пьяные учителя.

Аврелий Августин

Ложь — это дерзость перед Богом и трусость перед людьми.

Мишель де Монтень

Прародитель нацистских концлагерей — Дахау, через который прошли сотни тысяч заключенных со всего света, приобрел настолько зловещую славу как один из самых жестоких фашистских лагерей, что не нуждается в особом представлении. Все, что надо было сказать о Дахау, давно уже сказано, причем теми, кто не один год провел в этом аду и смог чудом выжить. Так думал я до тех пор, пока не прочел воспоминания одного русского эмигранта, сотрудника радиостанции «Свобода», проживающего в Берлине. Этот бывший узник Дахау так был восхищен концлагерем, что не мог скрыть своих эмоций и, проходя браму (главные ворота лагеря), «с чувством искреннего облегчения» радостно воскликнул: «Наконец-то мы в Дахау!»

Поскольку эсэсовцы не предоставляли заключенным Дахау «Книгу отзывов» или «Гостевую книгу», чтобы оставить

несколько «теплых» строк благодарности за «прекрасно» проведенное время и «чудесное» обслуживание, то этот очарованный концлагерем узник, выйдя на свободу, решил выразить свою искреннюю благодарность руководству Дахау в своей собственной книге. Читаем сей удивительный труд: «С именем Дахау у всего мира связано представление о чем-то кромешном, о преисподней, вознесенной на поверхность земли. Вероятно, единственными, не разделяющими этого представления, единственными, произнесшими про себя фразу «наконец-то мы в Дахау!» с чувством искреннего облегчения, были пишущий эти строки и его друзья, устало и безжизненно лежащие на песке аппельплаца в ожидании неизбежной бани, неизбежной регистрации и загона на нары, в барак...

Нет никакой работы. Это самое главное... День проходит в ничегонеделанье, по утрам — в ожидании обеда, днем — в ожидании вечерней раздачи хлеба и еще круглые сутки в ожидании того, что нам кажется каким-то ослепительным и радостным взрывом...

Наконец, когда уже темнеет и свежеет, нас гонят в баню, затем, уже совсем вечером, загоняют в барак и только там выдают по куску хлеба с маргарином: первая еда за весь день. Спим по три человека на койке, заползая на трехэтажные нары. Обо всем том, о чем пишут сейчас газеты всего мира, я знал уже раньше, из рассказов друзей по заключению, побывавших в Дахау до нашего туда прибытия. Вы думаете, что они рассказывали о Дахау с ужасом? Они мечтали обратно туда!»

Как тут не поддержать ликование автора книги, одну из глав которой он так и назвал: «Оазис за колючей проволокой»?! Когда человек счастлив, его душа поет. В Дахау песни звучали постоянно, а вот пела ли у заключенных душа? Бывший узник Дахау № 483 Карл Рёдер пишет: «Я не знаю, сколько часов пропел в лагере. Должно быть, несколько тысяч. Мы пели, когда шли на работу, и пели, когда возвращались в лагерь. Мы пели часами на плацу для перекличек, чтобы заглушать крики тех, кто подвергался жестоким наказаниям, пели мы и тогда, когда коменданту концлагеря просто хотелось, чтобы мы пели. Большое значение придавалось ритму. Мы должны были петь бодро, по-военному и, прежде всего, громко. После многочасового пения узники, бывало, не могли издать ни звука. Было известно, что для нас это пение было пыткой, и поэтому нас

всегда заставляли петь во время военных строевых подготовок» (Karl Röder. Vienna—Cologne—Graz, 1985. S.113).

Могла ли комендатура такого «дивного» места, как концлагерь Дахау, обойтись без этих песен или «музыкальных вечеров» для заключенных, на которых они с упоением слушали чарующие звуки волшебных «Сказок венского леса» или «Голубого Дуная» Иоганна Штрауса? Нет конечно! Ведь, согласитесь, крайне негуманно расстрелять и сжечь человека в крематории, не дав ему перед смертью послушать бессмертные (простите за каламбур) произведения Штрауса или Шуберта. Поэтому «меценаты» из СС, известные лагерному населению своей «благотворительностью» и «заботой» о ближнем, всеми силами способствовали проведению «музыкальных вечеров» в Дахау. По их замыслу у очарованных музыкой заключенных перед отправкой в крематорий должны были остаться только самые светлые воспоминания о «прекрасно» проведенном в концлагере времени.

Действительно, не мог же комендант Дахау позволить уйти человеку на тот свет с камнем на сердце и обидой на эсэсовское «гостеприимство»?! Поэтому для симфонического оркестра в лагере выделили самое замечательное строение — баню. Знатоки из немецких антифашистов утверждали, что акустика в лагерной бане была не хуже, чем в Кельнском соборе. «Дирижеры» из СС «заботливо» старались как-то разнообразить досуг заключенных, поэтому в бане, помимо симфоний, исполнялась церковная музыка, пел хор, выступало кабаре. Но самое удивительное заключалось в том, что комендатура распорядилась давать эти восхитительные концерты совершенно бесплатно! Разве это не явное свидетельство бескорыстной «заботы», трогательного «внимания» и бесконечной «доброты» лагерфюрера Дахау?

Рудольф Кальмар в своих мемуарах «Время без милосердия» пишет: «Лагерная музыка традиционно присутствовала в «культурной» жизни концлагеря Дахау. Она являлась элементом той бутафории, которую показывали различным комиссиям, инспекциям и делегациям. Узники с благодарностью воспринимали эти маленькие радости в своих беспросветных буднях, а эсэсовцы, заносчиво позируя в первом ряду, сияли от собственного высокомерия. И если исполнителям удавалось с помощью чудесной музыки хоть на несколько часов погрузить заживо погребенных за колючей проволокой в ничем не отягощенное забвение, то этот даже самый скромный артистический труд в тех невероятных

лагерных условиях был подобен подвигу. Всякий раз солистам бурно аплодировали тысячи людей, не только заполнивших помещение бани, но и толпившихся перед входом в нее. То были самые благодарные и самые искренние аплодисменты, какими когда-либо могли быть награждены музыканты».

Струнный оркестр из представителей музыкального коллектива «Христианской программы голландского радио» и чешские музыканты по воскресеньям на духовых инструментах исполняли для заключенных отрывки из «Венгерской рапсодии» Листа, оперы Джоаккино Россини «Сорока-воровка, или Опасность судить по наружности», увертюры Франца фон Зуппе «Поэт и крестьянин», оперетты «Орфей в аду» французского композитора Жака Оффенбаха. Где еще, скажите, пожалуйста, так «полно и привольно» можно насладиться великой классической музыкой, как не в «истинном храме искусств» концлагере Дахау?!

Однако «концертную» жизнь скрипачей и пианистов в Дахау трудно назвать безоблачной. Нерин Е. Ган (Nerin E. Gun), бывший заключённый Дахау, в своей книге «День американцев» утверждает, что музыканты лагерного оркестра были расстреляны охраной СС незадолго до освобождения лагеря.

В. И. Бондарец, один из участников БСВ (11-й сверху в списке узников Дахау — см. 6-ю стр. иллюстраций), пишет: «В течение нескольких минут баня лагеря заполнялась до отказа. С потолка и сотен душевых рожков время от времени срывались крупные капли воды. Час-полтора до начала концерта ожидали терпеливо. Добровольцы из «публики» складывали разборную эстраду. Затем появлялись музыканты, рассаживались, настраивали инструменты. Слушатели в набитом до отказа «зале» обменивались короткими репликами, говорили: «Жаль скрипача. Беднягу повесили на прошлой неделе. Как будет играть новичок?» Состав оркестра менялся, как и состав слушателей, и каждый думал: «Может, этот концерт последний?»

Фашисты умели объединить в себе самую дикую жестокость с циничными ухмылками гуманности. И порою эти ухмылки обращались в гримасы самого утонченного издевательства: ведь могли же они под звуки оркестра Львовской оперы, играющего в лагере специально написанное «Танго смерти», расстреливать сотни людей, а потом уничтожить и музыкантов!

По ночам над крематорием полыхало красное зарево и порывы ветра заносили в лагерь смрад горелой плоти».

Разве мог бы Дахау стать «образцовым» концлагерем, если бы в нем не было кабаре, двух тысяч пушистых ангорских кроликов, церковного хора, борделя, струнного оркестра, библиотеки из 15 000 книг, кинотеатра и «треугольного бассейна» (!) для элитных заключенных? Оказывается, лагерникам Дахау демонстрировали не только «работу» крематория и нескольких виселиц (Э. Купфер-Кобервитц), но и «прекрасные» кинофильмы. «В последние месяцы работы лагеря фильмы показывали только раз в две недели, но посещать кинотеатр разрешалось не всем заключённым. Воскресенье было выходным днём, и заключённые могли участвовать в "культурных" мероприятиях и играх». И, внимание, «привилегированным заключённым иногда разрешалось плавать (!) в бассейне треугольной формы, расположенном в гарнизоне СС справа от лагеря» (N. E. Gun).

«Эсэсовцы в концлагере организовали для заключённых библиотеку. Книги доставляли в лагерь из города Дахау, объём библиотеки постепенно достиг 15 000 томов». Пауль Бербен, автор монографии «Дахау: 1933–1945, официальная история», утверждает, что «заключённым лагеря разрешалось читать запрещённые в Германии книги, включа коммунистическую литературу. Также узникам была предоставлена возможность выписывать газеты, которой они пользовались вплоть до освобождения лагеря». Как вам такой разгул эсэсовской «демократии»?

Далее Бербен продолжает: «В один из дней в блок № 26, в котором находились священники, поступило около сотни посылок. Этот период относительного изобилия продолжался до конца 1944 года, тем не менее немецкое духовенство продолжало получать посылки через декана Дахау, Герра Пфанцейта, которому корреспонденты присылали продуктовые карточки: священник покупал на них хлеб, колбасу и отправлял посылки местной почтой в блок священников. Красный Крест отправлял тысячи посылок в Дахау».

Нерин Е. Ган (Emrullah Gün): «Женевский Международный Красный Крест отправлял в Дахау продуктовые посылки только голландцам, французам, бельгийцам, скандинавам, некоторым полякам и гражданам союзных стран. Русские, итальянцы, немцы и евреи ничего не получали».

Маркус Дж. Смит в своей книге «Горести ада» утверждает: «...за тюрьмой Дахау в клетках жило около 2000 красно-

глазых пушистых белых ангорских кроликов. Годами за ними заботливо ухаживали датские и польские заключённые».

Потомки недобитых нацистов и адвокаты неофашистов, подымающих голову в некоторых странах «просвещенной» Европы, делают вид, что они искренне не понимают «обид» и «недовольства» чудом выживших узников концлагерей. По их мнению, бывшие заключенные, как и автор книги об «оазисе за колючей проволокой», просто обязаны были «мечтать вернуться в Дахау» и быть благодарны лагерному руководству, которое «по-отечески заботилось о быте и досуге узников концлагеря Дахау».

А. А. Архипов (№ 63 211) вспоминает: «Концлагерь был обнесен проволокой с током высокого напряжения. В трех метрах до нее была протянута дополнительная проволока — предупредительная, к которой никто не имел права приближаться. Между предупредительной и основной проволокой — дорожка, посыпанная песком. За основной проволокой — бетонированный ров, заполненный водой, за ним — опять ряд проволоки. Вокруг лагеря понастроено много вышек с пулеметами и прожекторами, а между вышками патрулировали днем и ночью эсэсовцы с собаками.

В лагере имелись все «прелести» обихода этих «домов отдыха»: два крематория, душегубка, карцер, лазарет и др. Был в лагере ларек, где продавался суп из костей, сигареты и другая мелочь. Покупать могли только те, кто имел лагерные боны — деньги, начисленные за работу вне концлагеря» (источник: архив Тотемского краеведческого музея).

Русский эмигрант, мечтающий попасть обратно в Дахау, почему-то в своей книге ничего не пишет об этих «прелестях» и «преимуществах» концлагеря, на которые любят обращать внимание различные защитники неонацистов и участников маршей недобитых ветеранов Ваффен-СС. Не все так было плохо за колючей проволокой, говорят они, раз там ревир (лазарет) был оснащен хирургической операционной и стоматологическим кабинетом, а заключенным за работу платили деньги, которые они могли потратить в лагерном борделе (блок № 31). Адвокатам эсэсовцев как-то в голову не приходит, что операционная была необходима для различных медицинских экспериментов, проводимых в Дахау, а после осмотра и «санации полости рта» у эсэсовского стоматолога «вылеченный» узник оставался не только без зубов, на которых стояли золотые коронки, но и без головы (см. стр. 220 – И. Лэнг, стр. 239 – Н. Вахсман).

Оставим бордели (для lagerkapo...) и ревиры в покое, поговорим о деньгах. Вот что пишет наш «любитель Дахау» о Герсбруке: «Лагерь Герсбрук, как и прочие, разделялся на «команды». Заключенные получают «концлагерные деньги». Средняя плата чернорабочего — две марки в неделю. Капо получает от шести до десяти марок. На эти деньги можно купить в кантине (ларьке) порошок для присыпания ног, зубной порошок и искусственный перец. Раз в месяц — пачку махорки и пачку польских папирос».

Пауль Бербен вспоминает: «До войны в лавках (буфетах) Дахау был большой выбор продуктов: свекловичный джем, толокно, квашеная капуста, сушёные овощи, консервы из мидий и рыб, огурцы, приправы. В лавках также продавали нитки и иголки, а также лосьоны, кремы и парфюмерию. Наголо постриженным заключённым офицеры СС, имеющие выгоду от этих продаж, предлагали купить что-либо из косметики для своих «причесок»! Во время войны ассортимент лавок значительно обеднел, покупать в них стало нечего» (Berben P. Dachau, 1933–1945: the official history. 1975).

Исключительную роль в оплате труда военнопленных сыграло «ведомство четырехлетнего плана», возглавляемое Германом Герингом. Этот вопрос стал причиной ссоры между Гитлером и «преемником фюрера». Гитлер настаивал на истреблении большевиков, к которым он причислял всех русских пленных, тогда как Геринг утверждал, что рейху необходимы рабочие руки. «Немцы не должны грести лопатой и дробить камень, для этого есть русские», — заявил Геринг. В итоге был найден компромисс: шталаги и концлагеря стали базовыми лагерями для русских пленных, которых решено было уничтожать не голодом и расстрелами, а непосильным трудом на стройках и предприятиях Германии, в каменоломнях и шахтах рейха. Решено — сделано! «Vernichtung durch Arbeit» — «Истребление через труд». Процесс планомерного уничтожения путем расстрелов «нежелательных русских» приостановился, но лишь на короткое время (Полян П. М. – 1994 // Ерин М. Е. – 2005).

На территории концлагерей и шталагов для «премирования» заключенных были введены в обращение специальные деньги, которые назывались в каждом лагере по-разному: лагергельды, вертмарки, премиеншайны и т. д. Свои денежные знаки выпускали и некоторые немецкие предприятия. Распределялись деньги комендатурой лагеря, а выдача их регулировалась специальным «премиальным регламентом»,

введенным обергруппенфюрером СС, начальником главного административно-хозяйственного управления СС Освальдом Полем. Согласно этому документу все работающие узники должны были иметь возможность заработать своим каторжным трудом «денежную премию». Выдавать ее полагалось в виде «премиальных бонов», имеющих денежную стоимость только в границах концлагерей. В качестве единицы измерения были введены условные рейхсмарки определенных номиналов. Например, в Дахау в обращении находились деньги (премиеншайны) достоинством 50 пфеннигов, 1, 2, 3 и 4 рейхсмарки, на которых от руки проставлялся лагерный номер заключенного, а также был указан номинал и номер чека (Кшыштоф Филипов. – Банкаўскі веснік. 2016).

Заключенным под угрозой расстрела запрещалось иметь при себе рейхсмарки рейхсбанка или валюту: наличие собственных средств расценивалось как подготовка к побегу. «Политический лагерь» Дахау, как и большинство других концлагерей, был также «трудовым» лагерем и предоставлял заключенным, работающим на военных объектах рейха, возможность иметь в лагере свои личные счета, на которые поступали деньги. Все заключенные рабочих команд лично получали полагающиеся им премиеншайны или их списывали со счета в эсэсовском кантине и комендатуре лагеря. Премиеншайны имели стандартный примитивный дизайн, простую печать и напоминали скорее обычные талоны и чеки, чем денежные знаки.

Учитывая, что сотрудники СС, СД и гестапо, скрывая следы преступлений, зачастую не регистрировали имена замученных или расстрелянных заключенных и, соответственно, после их гибели не передавали персональные карты военнопленных в WASt, то в этом случае судьбу погибших можно было иногда проследить по лагерным платежным переводам, сохранившимся в немецких архивах. Например, 31.07.1944 управление шталага VII A направило в администрацию концлагеря Дахау денежное распоряжение, в котором были перечислены фамилии и лагерные номера военнопленных, отправленных в Дахау в период с 09.05 по 10.07.1944, а также указаны остатки сумм на их лагерных счетах. К списку был приложен банковский чек на общую сумму задолженности лагеря перед заключенными — dok. Dachau ID: 9945690. (Не могу не выразить своей признательности Liliya Meyerovich, Washington, D.C. 20 024, USA, за предоставление двух десятков копий архивных документов

Дахау, которые по моей просьбе Вашингтонский мемориальный музей запросил в Германии и выслал в мой адрес.)

Администрация концлагеря Дахау 12.08.1944 все деньги, переведенные шталагом VII A в конце июля 1944 года, перечислила на счет Григория Попова, предварительно выдав ему кассовый ордер и список заключенных, которым необходимо было выплатить принадлежащие им суммы.

В этот список вошли: № 67 860 Григорий Попов (звание неизвестно, 20.01.1945 отправлен в Бухенвальд); № 67 862 лейтенант Николай Грузинцев (участник БСВ); № 67 864 лейтенант Матвей Лифинский (участник БСВ); № 70 007 капитан Никита Калитенко (один из руководителей БСВ); № 70 012 старший лейтенант Иван Концедалов (участник БСВ); № 70 013 капитан Григорий Платонов (один из руководителей БСВ); № 70 014 лейтенант Павел Бурда (участник БСВ, 17.08.1944 г. отправлен в концлагерь Маутхаузен); № 70 200 ст. лейтенант Владимир Бондарец (будущий автор книги «Военнопленные», участник БСВ); № 82 688? лейтенант Александр Ивлев (участник БСВ, фамилия в документе зачеркнута); младший лейтенант (без № Дахау) Петр Сидоренков (участник БСВ). Воинские звания заключенных в документе Дахау ID: 9945689 отсутствуют и добавлены автором (см. также док. ID: 9945690 – 6-я стр. иллюстраций).

Лейтенант Ивлев, совершивший побег 6 июня 1944 года, 23.06.1944 был пойман, 10.07.1944 передан гестапо Зальцбурга и направлен в Дахау. В денежном распоряжении от 31.07.1944 лагерный писарь Дахау фамилию Ивлева вычеркнул, видимо зная, что Ивлева нет в живых, а под его лагерным № 102 176 шталага VII A и его суммой лагерных денег поставил фамилию Ильина, которому присвоил № 82 688 концлагеря Дахау, из чего можно заключить, что лейтенант Ивлев был расстрелян (или замучен) в июле 1944 года в гестапо Зальцбурга (или в концлагере Дахау).

Младший лейтенант Сидоренков совершил побег из команды № 3758 (Розенхайм) вместе с лейтенантом Ивлевым 6 июня 1944 г., дата поимки неизвестна, прибыл (?) в Дахау 10.07.1944. Учитывая, что в списках и платежных документах концлагеря Дахау напротив его фамилии не указаны его лагерный номер, дата и год рождения, а вместо номера стоит краткое «unb.» (unbekannt — неизвестный), можно прийти к выводу, что Сидоренкову в концлагере номер не присваивали и расстреляли его, не исключено, в день прибытия в Дахау (возможно, под № 103 585 шталага VII A).

В регистрационных журналах, списках и документах Дахау мне не удалось найти ни лагерный номер Александра Ивлева, ни Петра Сидоренкова (правильно — Sidorenkow, а не Sidorenko), что также подтверждает версию их расстрела (или умерщвления путем медицинских опытов).

Капитанов Калитенко и Платонова (см. 6-ю стр. иллюстраций), как организаторов и активных участников «Братского сотрудничества военнопленных», расстреляли в Дахау через три недели после получения лагерных денег. На личном счету капитана Калитенко значилась сумма, на которую можно было купить 12 сигарет, а у капитана Платонова – сумма, равная одной пачке польских папирос.

В первой половине 1944 г. по югу Германии прокатилась волна арестов участников БСВ. Весной 1944 г. тайная полиция Мюнхена вышла на след многих руководителей и активных участников подпольной организации военнопленных. В марте-апреле 1944 года гестаповские аресты в Баварии достигли своего пика. 9 мая 1944 г. из шталага VII A в концлагерь Дахау под усиленным конвоем была отправлена очередная группа советских офицеров, лишенных звания военнопленных, в состав которой вошли в том числе капитан Гаврилов (№ 103 442), лейтенант Грузинцев (№ 102 277), лейтенант Елистратов (№ 102 443) и лейтенант Лифинский (№ 102 665). Через полтора часа, проехав с короткими остановками около 60 км, состав из Моосбурга прибыл в Мюнхен. После пересадки на пригородный поезд и полчаса пути конвой сошел на небольшой станции Дахау, зловещее название которой было известно многим лагерникам. Охрана погнала пленных офицеров по дороге в обход города. Подходя к лагерю, заключенные почувствовали тошнотворный запах, который вселял какую-то жуткую тревогу своей необычностью. Этот запах пропитывал все вокруг, навечно врезался в память и преследовал человека до конца жизни.

На главных воротах концлагеря Дахау ровными металлическими буквами четко было выведено «Arbeit macht frei» — «Работа дарует свободу». Заключенные называли эти ворота польским словом «брама». За брамой находился конец света и ад на земле. Ад описан многими гениями в стихах и прозе, но ни один из них даже предположить не мог появление подлинного ада на земле, такого как концлагерь Дахау, где система уничтожения всего, из чего слагается жизнь человека и общества, была доведена эсэсовцами до небывалого патологического совершенства.

«Arbeit macht frei» — заголовок романа немецкого писателя-националиста Лоренца Дифенбаха, вышедшего в свет в 1872 году в Вене. Труд помогает герою повести, игроку и мошеннику, вернуться на путь добродетели. Вероятно, это парафраз новозаветного «Wahrheit macht frei» — «Истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32), возникший среди немецких лютеран. Лозунг «Арбайт махт фрай» впервые был использован над воротами концлагеря Ораниенбург, действовавшего в 1933–1934 гг. недалеко от Берлина.

В своих мемуарах «Nachtwache. 10 Jahre KZ Dachau und Flossenbürg» — «Ночная охрана. 10 лет в концлагерях Дахау и Флоссенбург» немецкий антифашист Карл Рёдер на 12-й стр. признается, что он по приказу лагерного руководства Дахау в 1936 году изготовил ворота с надписью «Арбайт махт фрай» из кованых стальных прутьев и железных букв.

«В Дахау, — пишет в мемуарах Карл Рёдер, — я сделал важное открытие: нет такой силы в этом мире, которая способна уничтожить человека как личность». Немецкий коммунист пришел к такому выводу, видя, с каким мужеством и стойкостью советские военнопленные встречают смерть. В концлагере Дахау он был свидетелем казни 92-х советских офицеров, организаторов и активных участников подпольной организации «Братское сотрудничество военнопленных» (Vienna, Cologne and Graz, 1985).

«...Я считаю своим долгом вспомнить все, что произошло в этот день в Дахау. Около десяти часов утра 4-го сентября 1944 года распространился слух, что эсэсовцы стали сгонять для расстрела всех коммунистов концлагеря, что первая группа уже находится на пути в крематорий, что весь концлагерь окружен двойной охраной и в течение дня беспрерывно будут истреблять узников, пока не уничтожат последнего коммуниста. Эти предположения казались вполне реальными.

Я работал в мастерской, примыкающей ко рву, вдоль которой шла дорога в крематорий. Группа политзаключенных, давно находившихся в заточении, обсуждала, что предпринять. Мнение было единодушным: не позволить себя убивать как скот! Все должны вооружиться инструментами, молотками, топорами. Мы думали забаррикадироваться в мастерской и сопротивляться до конца. Но сначала решили удостовериться, действительно ли готовится уничтожение. Решили послать кого-нибудь в лагерь и, если он через полчаса не вернется, активно действовать.

Пришлось идти мне. Я был жестянщиком, и меня часто посылали в лагерь для ремонтных работ. Взяв ящик с инструментами, направился к воротам лагеря. Удвоенной охраны не обнаружил. Но перед регистрационной, находившейся в бараке возле аппельплаца, я увидел большую группу заключенных, окруженных эсэсовцами.

Это были советские офицеры, содержащиеся в строгой изоляции. Когда я пытался подойти ближе, эсэсовец прогнал меня. Я укрылся в столовой рядом с регистрационной. От работающих там заключенных я услышал, что готовится массовый расстрел. О подробных обстоятельствах, приведших к аресту советских офицеров, меня не информировали. Я не думаю, чтобы и другие заключенные Дахау знали о них что-либо определенное. Известно только, что это была сплоченная группа, находившаяся в особых условиях. Она была строго изолирована от других узников. С некоторыми членами группы советских заключенных мы, конечно, установили контакт и таким образом узнали, что имеем дело с группой Сопротивления.

Разумеется, мы не в состоянии были произвести дополнительную проверку, но уже сам факт изоляции свидетельствовал о том, что речь шла о людях, находившихся под угрозой смерти. В группе было много лиц, подвергавшихся гестаповцами жестоким пыткам и допросам, что еще больше убеждало нас в том, что перед нами убежденные антифашисты и борцы Сопротивления. Нам также стало известно, что большинство из них переведены в концлагерь гестапо Мюнхена.

Я вышел из столовой в момент, когда группа советских офицеров двинулась в последний путь. Их повели к воротам лагеря. Я шел сзади на расстоянии 50 метров и видел, что девяносто два человека с исключительным хладнокровием и бесстрашием идут навстречу смерти. И сейчас перед моими глазами встают эти решительные люди, спокойно шагающие в крематорий, а вокруг них — крикливые эсэсовцы, похожие на свору собак. Было видно, что эсэсовцы боялись этих людей.

Вернувшись в мастерскую, я рассказал обо всем своим товарищам. Выйдя во двор, мы услышали выстрелы. В это утро никто не работал. Нашу безмолвную демонстрацию заметили эсэсовцы, однако ничего не предпринимали. Вероятно, чувствовали, что недостает лишь искры для взрыва возмущения». Так в концлагере Дахау были расстреляны

организаторы и активные участники «Братского сотрудничества военнопленных».

Об одном из них, Кириленкове Алексее Ивановиче (г. р.: 15.10.1913; музыкант-труба Отдельного образцово-показательного оркестра НКО СССР; домашний адрес: г. Москва, ул. Садово-Кудринская, д. 21, кв. 27), с большой любовью и теплотой пишет Рудольф Кальмар: «В 1943 году среди лагерных музыкантов Дахау оказался молодой белобрысый Алексей Кириленко (Kirilenko, так в тексте, правильно — Кириленков) — первая труба московской оперы, неунывающий парень со светло-голубыми глазами. Он играл на своем инструменте с виртуозностью подлинного мастера, всегда полный молодого, казалось, ребячьего задора. Под бурные аплодисменты доброй половины концлагеря он исполнял свои знаменитые соло: «Грустную песенку» Чайковского, арию из оперы «Садко» Римского–Корсакова, серенаду Шуберта «Почта» и старинное соло «Пусть хранит тебя бог, ведь все было так чудесно». Он или солировал с лагерным оркестром, или я аккомпанировал ему на нашем старом расстроенном рояле (Kalmar R. Zeit ohne gnade. Austria, Wien, 1946).

Так мы жили, так мы боролись, так мы трудились и так радовались друг другу, пока однажды некоторые из заключенных русских не были увезены из лагеря на допрос в Мюнхен. У многих вернувшихся из Мюнхена все тело было обожжено сигаретами. Иных с вывернутыми за спину руками подвешивали на зловещую дыбу. Некоторые вернулись с темно-синими подтеками глаз и черепом, покрытым кровавой коркой. Должен ли я описывать все зверства, которые годами были нашими буднями? Буднями, от которых все мы и каждый в отдельности ежедневно приходили в дрожь?

Я не буду говорить ни о ком другом, а только о трубаче Кириленко. Однажды вечером — это было весной 1944 года — вместе с другими русскими они увели его, чтобы изолировать в особом блоке. Все это казалось нам не случайным. Строгая изоляция была подозрительной. У одного из рядовых эсэсовцев мы попытались узнать то, что никогда нельзя было спросить у старших из них. Тот пожал плечами и сказал, что ничего не знает, что русские изолированы по приказу свыше. Изоляция очень строгая и выглядит как будто... Мы находились достаточно долго в лагере, чтобы понять недосказанное.

Как-то в субботу один из товарищей решился на смелый шаг — он пошел к лагерфюреру и попросил разрешить

трубачу участвовать хотя бы в одной репетиции, а затем и в воскресном концерте. Лагерфюрер несколько минут думал и разрешил. Кириленко пришел к нам. Мы дали ему еды, курево, принесли его трубу, и все стало как прежде. После окончания репетиции его снова вернули в изолированный блок. На следующий день после обеда мы давали концерт. Охранник привел Кириленко в баню, он занял свое место у пульта и играл, как играл в прошлом. Его труба ликовала и так рыдала, он так исполнял свои рулады и переливающиеся каскады, что слушавшие его товарищи буквально кричали от восторга. В заключение Кириленко попросил меня еще раз аккомпанировать ему партию из оперы «Садко» — эту скорбную песнь русских просторов. Никогда я не слышал, чтобы он так играл. Затем Кириленко отдал свою трубу, протянул всем нам руку и ушел к своим товарищам в особый блок. Он уже знал то, что нам стало известно только на следующее утро...

На следующее утро он стоял с другими русскими, среди которых многие были офицерами, на улице перед служебным корпусом... Их построили в каре по пять человек в ширину и шестнадцать в длину. Мы видели, как их выводили, когда над лагерем еще стелился густой белый туман, тянувшийся с близлежащих торфяных полей. Около 9 часов перед колонной узников, стоявших по стойке «смирно» как вкопанные, появилось несколько офицеров и унтер-офицеров, среди них комендант лагеря и рапортфюрер. Зачитали список. Выкликавшиеся пофамильно русские заключенные называли даты своего рождения. Я находился в бараке, выходившем на ту улицу, и через окно смотрел на Кириленко. Наши взгляды встретились. Примерно к 10 часам первые двадцать человек были построены отдельно, их снова сверили со списком и повели к воротам. Там узников приняла группа эсэсовцев с винтовками наперевес и увела. Они перешли через ручей, двинулись вдоль лагерных мастерских, а затем повернули направо. Через окна мы видели их, а они видели нас. Еще сотня шагов, и там находился крематорий. Значит, их вели туда. Никто из нас не произнес ни слова.

Спустя несколько минут увели последних двадцать, среди них и моего Кириленко. Он уже не смотрел в мое окно, а лишь пристально глядел прямо перед собой, затем по команде дежурного резко повернулся налево и вместе с другими, в ногу, пошел к воротам».

В концлагере после регистрации заключенные становились полностью бесправными и постоянно пребывали под угрозой немедленной жестокой расправы со стороны эсэсовцев, что делало условия нахождения в Дахау еще ужаснее, а шансы выжить — призрачными. Лагерь был разделен на две зоны: бараки (блоки) и крематорий. Всего было 32 барака, включая блок для медицинских опытов. Внутренний двор между тюрьмой и центральной кухней использовался для быстрой казни заключенных.

Всех офицеров, прибывших в Дахау 9 мая 1944 года, погнали в огромную баню, приказали раздеться, обрили пах, бороду и усы, на голове выстригли «трассу» — дорожку ото лба до затылка, по которой охрана лагеря безошибочно определяла каждого русского заключенного. Принесли нательное белье, штаны, куртку и арестантскую шапочку. Вся роба была в белую и синюю полосы. Во время осмотра в санчасти проверили признаки иудаизма, затем из вены зачем-то взяли кровь и, обследовав полость рта и не найдя золотых коронок, отправили в карантинный блок № 17. Эсэсовцы остались на улице, а всех прибывших разместили на трехэтажных нарах вповалку. В Дахау бараки были рассчитаны на 400 заключенных, но в карантинные и тифозные блоки загоняли до двух тысяч человек, при этом никого из заключенных неделями не выпускали и не назначали в рабочие команды.

В блоке № 17 всем прибывшим раздали лагерные номера с напечатанными цифрами на белой полосе материи и приказали немедленно пришить: один номер — на левую сторону груди на карман, а второй — на правую штанину ниже кармана. Под номером на груди и на штанине надо было пришить матерчатый красный треугольник с буквой «R» в центре, что означало — политический заключенный, русский. Лейтенанту Грузинцеву выдали № 67 862, лейтенанту Елистратову — № 67 863, лейтенанту Лифинскому — № 67 864, капитану Гаврилову — № 67 865. Присвоенные номера приказали заучить на немецком языке. На ежедневной перекличке, проходившей в концлагере минимум дважды в сутки, заключённый обязан был откликаться на свой номер, названный по-немецки. На аппельплаце все лагерники находились в постоянном напряжении, опасаясь пропустить свой номер и очередь. В случае когда отклик запаздывал, заключённого избивали или подвергали другому суровому наказанию.

«Siebenundsechzigtausendachthundertvierundsechzig Lifinskij Matwej (Шестьдесятсемьтысячвосемьсотшестьдесятчетыре Лифинский Матвей)», — выкрикивают очередной номер и фамилию. «Яволь!» — звучит в ответ голос заключенного № 67 864. В день прибытия в первый и последний раз в концлагере Дахау были названы фамилии заключенных, после чего они переходили в другой строй и становились безымянными номерами. Переклички и проверки всегда занимали центральное место в жизни концлагеря, они определяли распорядок дня, и в огромной степени от аппеля зависела жизнь и смерть заключенного.

Из этой четверки русских пленных офицеров, прибывших из шталага VII A в Дахау 9 мая 1944 г., только лейтенанту Елистратову № 67 863 предстояло год пробыть в главном (центральном) лагере. Лейтенантов Грузинцева № 67 862 и Лифинского № 67 864 вскоре отправили в команду Аллах концлагеря Дахау, капитана Гаврилова № 67 865 — в Нацвейлер (19 Jun 1944 Natzweiler — ID: 23480).

Лейтенант Елистратов летом 1944 г. сблизится с генералом С. В. Вишневским, прибывшим в Дахау из концлагеря Флоссенбург в июне 1944 г., и станет его связным.

В. М. Бикташев в своей книге пишет: «...лейтенант Владимир Елистратов попал в плен при обороне Севастополя. Пройдя ряд лагерей, он очутился в Перлахе, где находился целый год, с октября 1942-го по октябрь 1943 г. Там он был впервые приобщён к целеустремлённой подпольной работе, вдохнувшей в него и бодрость, и надежду. Владимир сблизился с батальонным комиссаром Иваном Бугорчиковым, старшим батальонным комиссаром Павлом Серебряковым, активистами подпольной организации офицеров БСВ и помогал им в распространении антифашистских листовок. Владимир переводил текст листовок на немецкий язык и вкладывал их в карманы немецких рабочих».

Лейтенант Н. И. Грузинцев (с 23.09.1944) до конца войны будет работать под землей на строительстве огромного бетонного бункера для завода БМВ. Многие его товарищи, с которыми он находился в следственном изоляторе 1-го барака шталага VII A после неудачного побега в мае 1943 года и с которыми 17 июня 1943 года прибыл в штрафную команду № 289 в Дорнах, погибнут, включая организаторов и руководителей БСВ. В декабре 1945 года после проверки и фильтрации Николая Грузинцева направят в г. Брянск по месту проживания родителей.

Дальнейшая судьба капитана Гаврилова неизвестна. В Дахау он пробудет до 19 июня 1944 г. В 1943–1944 гг. капитан Гаврилов и лейтенант Лифинский вместе находились в рабочих командах № 2964 Файленбах (с 22.02.1943 по 16.03.1943) и № 3021 Айттинг (с 18.03.1943 по 06.05.1944 – капитан Гаврилов, с 18.03.1943 по 02.05.1944 – лейтенант Лифинский). Комендант шталага VII А 2 мая 1944 г. доставил лейтенанта в Моосбург, после допроса посадил в карцер на 7 суток, а 9 мая 1944 г. отправил в Дахау. Следы капитана Гаврилова летом-осенью 1944 г. теряются в каменоломнях Нацвейлера и внешней команде Дахау — Розенхайме.

Правила пребывания заключенных в концлагере Дахау были «простыми»: беспрекословное исполнение любых указаний эсэсовцев, за малейшее неповиновение — смерть и крематорий. Эсэсовцы, надо отдать им «должное», никогда не расстреливали заключенного, если считали необходимым его повесить. А за что повесить, они находили всегда, поскольку руководствовались приказом, основные положения которого разработал один из отцов концлагеря Дахау эсэсовский генерал Теодор Эйке.

Этот приказ не предусматривал даже такого небольшого «смягчения» приговора, как расстрел. «Нижеследующие правонарушители будут повешены: Любое лицо, которое будет совершать нижеследующие действия в лагере, на работе, в жилых помещениях, на кухне, в мастерских, в туалетах и местах отдыха — будет вести политические или подстрекающие речи и организовывать собрания, будет создавать группировки и слоняться без дела. Кто будет рассказывать о якобы имеющих место зверствах, собирать правдивую или ложную информацию о концентрационном лагере. Кто будет получать подобную информацию, прятать ее, передавать другим людям. Кто тайным путем будет выносить такую информацию из лагеря, передавать ее в руки иностранных посетителей и иных лиц, прибегая к подпольным и иным методам. Кто в письменном виде или устно будет передавать ее освобождаемым заключенным или заключенным, у которых передающий информацию находится в подчинении. Кто прячет информацию в одежде или других предметах, бросает через лагерную стену камни и другие предметы с подобной информацией либо составляет тайные документы. Кто с целью занятия агитацией залезает на крыши бараков или на деревья, пытается установить контакт с внешним миром с помощью световых или иных сигналов, либо подстрекает

других к совершению побегов или иных преступлений, дает им советы или оказывает содействие таким предприятиям»... Согласно п. 2 инструкции для охранных команд эсэсовцы были обязаны препятствовать всяким разговорам заключенных с гражданским местным населением, в случае необходимости им разрешалось применять оружие — также и против гражданских лиц.

Поклонник Дахау из Берлина в своей книге умолчал о том, что эсэсовцы бережно «заботились» о психическом здоровье и душевном равновесии заключенных. После шести недель пребывания в Дахау узникам (не всем, разумеется) разрешалось «на немецком языке и только на один адрес» писать «под копирку» домой письма такого содержания: «Я нахожусь в концлагере Дахау. Я здоров и чувствую себя прекрасно. Передаю всем привет». Такие письма необходимо было писать каждые две недели. Если человек в течение трех недель не отправлял письма домой, то его вызывали в политический отдел лагеря и требовали объяснений. Заключенный, оправдываясь, вынужден был говорить, что его родители умерли или сменили адрес, который он не знает.

А вот доказательство «доброты» Генриха Гиммлера, «поотечески заботящегося» обо всех заключенных и наказывающего злых комендантов лагерей. По утверждению Гарольда Маркуса, написавшего книгу «Наследие Дахау», «рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, глава всей системы концентрационных лагерей, не смотрел сквозь пальцы на жестокость эсэсовцев в лагерях». Г. Маркус пишет, что «Гиммлер, безусловно, преследовал нескольких садистских и погрязших в коррупции комендантов лагерей. В сентябре 1942 года он сменил в Дахау жестокого Пиотровски более компетентным Мартином Вейссом».

«Дисциплина во всех концентрационных лагерях была очень строгой, и даже охрана и администрация лагерей, нарушившая правила, помещалась в бункерное крыло (лагерная тюрьма) Дахау для эсэсовцев. Перед освобождением Дахау в его тюрьме содержалось 128 эсэсовцев из разных концентрационных лагерей» (Life in the Dachau camp).

На Нюрнбергском процессе Рудольф Хёсс свидетельствовал, как наказывались заключённые в Дахау и других концлагерях. Оказывается, рейхсфюрер СС Гиммлер «...запрещал связывать заключенных и заставлять их стоять возле лагерных ворот в течение долгого времени, а также запрещал телесные наказания. Ни один комендант лагеря не мог

назначить телесные наказания — он имел лишь право их исполнять. Для мужчин разрешение поступало от инспектора концлагерей группенфюрера Шмидта, а для женщин — исключительно от Гиммлера». Но «доброму» Гиммлеру ничего не было известно о его «доброте», поэтому он и покончил жизнь самоубийством, чтобы не войти в историю как самый «добрый» из всех повешенных эсэсовцев. (Не пора ли Европе этого «добряка», как и генерала Власова, увековечить в бронзе за «героическую» борьбу со «сталинскими ордами»?)

Извращать и переписывать историю в Европе стало крайне модно и, как следствие, «нобелевку» стали присуждать не за ПРОЗУ, а за коленно-локтевую ПОЗУ перед Западом! Не верите? Спросите у ПОЗАИКА "Святланы Аляксандраўны"! Я не назвал имени русского эмигранта, «фаната» Дахау, чтобы не создавать рекламу его книге. Перемешивая ложь и правду, он искаженные факты на выходе выдает за «истину», которую торую непосвященному человеку трудно опровергнуть. Проходить мимо таких лживых литературных «творений» не имеем право, погибшие в лагерях «нас не поймут» на небе. Замалчивание преступлений, лжи и зла никогда не приводило к добру.

В России «свои» лженицыны также не дремлют. Они, например, не стыдясь, утверждают в СМИ, что жертвы ленинградцев во время войны были напрасными, что надо было сдать Ленинград гитлеровцам, чтобы избежать блокады и голода. Да и генералу Власову предлагают памятник поставить, как «идейному борцу со сталинским режимом». Нам хотят внушить, что если бы в войне победили Гитлер и власовцы, то мы бы сейчас жили, как в Германии, ездили бы все на «мерседесах» и пили бы баварское пиво. «Конечно, за это придется заплатить. Из школы придется вынести портреты с усами и, может быть, внести портреты с усиками» (Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 3, ч. 5, гл. 1, с. 16). Всего-то и делов — поменять Сталина на Гитлера!

Современные фальсификаторы истории предпринимают всё новые и новые попытки переписать итоги Второй мировой войны, «переиграть» и «перевоевать» Великую Отечественную войну, переименовать ее в «советско-немецкую», в «нацистско-советскую» или в «советско-германскую», как ее называл Солженицын. Нам пытаются навязать «равную ответственность нацистского и сталинского режимов» за развязывание Второй мировой войны, чтобы оправдать Гитлера и его нападение на Советский Союз, тем самым лишить нас исторической памяти.

Нас хотят убедить, что не было никакого всенародного сопротивления врагу. Лженицыны продолжают утверждать, что Красная Армия и советские воины совершали свои подвиги под дулами автоматов заградительных отрядов, ибо советские солдаты не хотели воевать. Хочу напомнить: в немецком плену не было заградотрядов НКВД, тем не менее многие тысячи пленных не склонили головы в нацистских лагерях и погибли. Они не перешли на службу в гитлеровский вермахт, не предали Родину и предпочли смерть.

В Красной Армии подвиг, подобный подвигу Александра Матросова, повторили 470 воинов (около полусотни — еще до гибели Матросова, один при этом даже выжил). Советские лётчики совершили 595 воздушных таранов, немецкие асы не решились даже на один. Наши воины осуществили 155 танковых, 615 морских таранов, 506 экипажей повторили подвиг Николая Гастелло, направив свои самолёты на войска и технику врага, 1200 подорвали себя и солдат врага гранатами или вызвали на себя огонь артиллерийских батарей, 26 воинов повторили подвиг Алексея Маресьева. Более 100 советских граждан повторили подвиг Ивана Сусанина. Ни один корабль ВМФ Советского Союза во время войны не сдался врагу.

При этом «просвещенная» Европа молча взирает на то, как этим героям в европейских «демократиях» повсеместно сносят памятники. Особенно в этом преуспела Польша. Это вдвойне вызывает недоумение, горечь и разочарование, учитывая, что в фашистском плену многие поляки, рискуя жизнью, помогали русским военнопленным. Моего отца, М. И. Лифинского, от неминуемой гибели в Дахау спас именно поляк (после войны он с отцом долго переписывался), включив его лагерный номер в список внешней команды Аллах концлагеря Дахау. В польской земле лежат 600 тысяч советских солдат и офицеров, которые предотвратили полное уничтожение гитлеровцами поляков как нации, а Польши как государства. Как такое можно забыть?!

Лженицыны предпочитают героев не замечать, им ближе предатели, к которым они относятся с нескрываемым состраданием. С древних времен известно, что «предателей презирают даже те, кому они сослужили службу» (Публий Тацит). Но наши «пророки» о предательстве и власовцах думают иначе. А. И. Солженицын: «...для мировой истории это явление довольно небывалое: чтобы несколько сот тысяч молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати подняли оружие

на свое Отечество в союзе со злейшим его врагом. Что, может, задуматься надо: кто ж больше виноват — эта молодежь или седое Отечество?» (Архипелаг ГУЛАГ, т. 1, ч. 1, гл. 6, с. 258). Предал Родину и товарищей — Отечество виновато?! Ни больше ни меньше! Уж не себя ли «вермонтский сиделец» пытается оправдать? Не перед ним ли и власовцами наша Родина виновата? Может, «седому Отечеству» упасть на колени и покаяться перед лженицыными и власовцами? Не это ли плевок на могилы погибших в нацистских лагерях других «нескольких сот тысяч молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати», которые предпочли смерть, но не стали предателями и не «подняли оружие на свое Отечество в союзе со злейшим его врагом»?!

Во время Второй мировой войны народ Франции раскололся на две части: голлистов и предателей-вишистов. Париж скрывает данные о количестве французов, перешедших на сторону вишистской Франции и воевавших на стороне Гитлера. По некоторым оценкам, речь может идти о двухстах тысячах. По Солженицыну, видимо, в этом предательстве виноваты «седое Отечество» Франции и Сталин (куда «пророку» без него?), но только не вишисты.

В европейских столицах избегают говорить о том, какое общее количество стран и наций воевало с Красной Армией на стороне Гитлера, но факт остаётся фактом. Наряду с вооруженными силами государств — союзников Германии, с Советским Союзом воевали добровольцы из всех стран континентальной Европы, за исключением албанцев и греков. В ходе войны Красной Армией было взято в плен: 2 389 560 немцев, 513 767 венгров, 187 370 румын, 156 682 австрийца, 69 977 чехословаков, 60 280 поляков, 48 957 итальянцев, 23 136 французов, 21 182 югослава, 10 173 еврея, 4729 голландцев, 2377 финнов, 2010 бельгийцев, 1652 люксембуржца, 457 датчан, 452 испанца, 101 норвежец и 72 шведа. Таким образом, из общего числа 3 770 290 военнопленных 923 583 человека принадлежали к другим вступившим в войну с нами нациям (венгры, румыны, австрийцы, итальянцы, финны, датчане, словаки, испанцы, норвежцы и хорваты), а 464 147 военнопленных (почти полмиллиона!) являлись представителями вроде бы не воевавших с СССР наций — французами, поляками, чехами, бельгийцами, голландцами и т. д. (Б. Шаповалов // Кишинёв, 28.10.2013).

За последнюю четверть века идеология нацизма стала широко распространяться в ряде стран мира, особенно в

странах бывшего Советского Союза. Литва, Латвия, Эстония, Украина, Молдова проводят политику, направленную на ревизию истории XX века, героизацию нацизма и возложение равной ответственности за начало войны как на Германию, так и на Советский Союз. Эти страны оказывают как минимум скрытую поддержку ультранационалистическим силам в Восточной Европе, которые всё больше и больше обретают черты неонацистских формирований. В некоторых постсоветских государствах ставят памятники предателям, сотрудничавшим с фашистами, считают их выразителями протеста против «сталинского режима», борцами за свободу и независимость (Б. Шаповалов, доктор философии, политолог-социолог).

Многим политикам в Европе и США не нравится, что именно Советский Союз внёс решающий вклад в победу над нацистской Германией, что не англо-американские войска, а Красная Армия выиграла большинство самых крупных сражений в войне, что не англо-американские войска, а Красная Армия овладела Берлином и вынудила капитулировать Третий рейх. И если нельзя историю повернуть вспять, то её, по мнению Запада, можно и нужно извратить и переписать.

Наша Победа никогда и никем не должна быть забыта или подвергнута сомнению, как и зверства фашистов в нацистских концлагерях. Как можно забыть, например, медицинские опыты, которые проводились в Дахау самым жестоким и бесчеловечным образом. Заключенных подвергали обмораживанию, переохлаждению, на них испытывали действие различных химических веществ, влияние высоких и низких давлений, практиковалась пересадка внутренних органов. Изучалась продолжительность жизни человека без воды и пищи, осуществлялись хирургические эксперименты на костях, головном мозге и мышечных тканях, опробовались методы лечения фосфорных ожогов, проверялось действие особо опасных инфекций, отравляющих веществ (иприт, фосген), инъекций различных ядов, отравленных акотином пуль.

Один из узников Дахау, доктор Антон Пашолегг, рассказал на суде: «Я лично видел через имевшееся в камере окошечко, как внутри камеры один заключенный подвергался воздействию низкого давления, что его легкие взорвались. Некоторые опыты вызывали в головах у людей такое давление, что они сходили с ума и вырывали волосы, чтобы

облегчить страдания. Они раздирали ногтями лица и головы, уродуя себя в припадке безумия, колотили по стене кулаками, бились головой и буквально выли, чтобы ослабить давление на барабанные перепонки. Опыты, когда доводили давление до нуля, заканчивались смертью.

Чтобы изучить воздействие влажного холода, подопытных погружали в ледяную воду. Спасательный круг не давал им утонуть. Два советских офицера были подвергнуты этому самому страшному из экспериментов, проводимых в Дахау. Их доставили из карцера. Нам было запрещено с ними говорить. Рашер заставил их раздеться и голыми спуститься в бассейн. Два часа спустя они были еще в сознании. Шел третий час, когда один из русских сказал другому: «Товарищ, скажи немецкому офицеру, чтобы он пристрелил нас». На что другой ответил: «Разве дождешься от этой собаки?» Опыт продолжался чуть меньше пяти часов и закончился смертью обоих. Их трупы были переправлены в Мюнхен для вскрытия» (Delarue J. Histoire de la Gestapo).

Не исключено, что от подобых опытов погибли лейтенанты Александр Ивлев и Петр Сидоренков, участники БСВ, которых по прибытии в Дахау 10 июля 1944 г. не зарегистрировали и не внесли в списки концлагеря (см. стр. 198–199).

В лазарете Дахау целенаправленно уничтожали заключенных: одни умирали во время медицинских экспериментов, другим впрыскивали яд. Эти инъекции эсэсовцы делали с присущим им цинизмом, говоря жертве, что укол улучшит сон или избавит их от болезни и страданий.

Недалеко от Дахау находилось «пулеметно-пистолетное стрельбище СС», где меткость стрельбы отрабатывалась на живых людях. Из Моосбурга, Хаммельбурга, Меммингена, Зульбах-Розенберга, Фалькенау привозили сюда советских военнопленных, наручниками приковывали к пяти врытым в землю столбам, затем 15—20 эсэсовцев открывали огонь. Оттаскивали в сторону трупы, к столбам приковывали следующих пятерых. До сих пор сохранилась бетонная стена с двумя нишами, с обеих сторон сдавленная земляным рвом. Пять железных колец, выбоины от пуль, песчаная почва под стеной на метры пропитана кровью (А. Калиниченко).

Конвейер уничтожения «непокорных русских» в Дахау на полигоне Хебертсхаузен «работал» на полную мощность с осени 1941-го по апрель 1942 года, вагоны с «мишенями» разгружались по ночам. Пленных группами по 400—500 человек отправляли на стрельбище СС в Хебертсхаузене,

где расстреливали из автоматов. Около 10% численного состава транспортов на короткое время оставляли в живых, после чего расстреливали, а больных из их числа умерщвляли инъекциями бензина. Расстрелянных пленных хоронили в братских безымянных могилах или сжигали в печах крематория Дахау (А. Инешин, В. Федоров).

Расстреливать просто для забавы — напрасный расход «человеческого материала». Один из заключенных концлагеря Дахау свидетельствовал: «В лагере был свой, особый способ убийства. Недалеко от лагеря находился полигон Хебертсхаузен, обнесенный бетонной стеной. Здесь тренировали новобранцев. Заключенных выпускали на полигон и заставляли под огнем бежать, ложиться, ползти. Военнопленные пытались спастись от пуль, прятались за естественными преградами, а нацисты их находили и уничтожали. Так фашисты проводили набор в элитные подразделения СС. Если солдат мог убивать и последующая проверка показывала, что это не отразилось на его психике, он попадал в СС. В противном случае новобранца отправляли в обычные части. Большое значение имело количество убитых. Чем больше новобранец уничтожал пленных, тем выше оценку он получал».

Гестаповские «фильтровщики», выполняя «приказ о комиссарах», не затрудняли себя тщательным отбором «непокорных». Известен факт, что однажды из 1254 советских военнопленных было отобрано на уничтожение 278 человек. Пыл «фильтровщиков» умерили, выдав 55 человек, остальных отправили в рабочие команды: Германии нужно было много рабочих рук. Но гестапо никогда не «дремало», и жертвы всегда находились, а потому не пустовал и полигон Хебертсхаузен.

Пленных использовали и для пристрелки оружия. Тут уж надо было фиксировать жертву, и ее приковывали наручниками к столбам в нише бетонных пулеулавливателей. Одна из тонкостей казни — учитывались даже промахи. Пули иногда попадали в наручники и их заклинивало, тогда в Дахау организовали специальную мастерскую, где эти кандалы чинили (Федоров В. Передан гестапо. – 2014).

Согласно отчетам к январю 1942 года «особому обращению» подверглись 2009 военнопленных (652 офицера и 1357 красноармейцев). Чтобы не оставлять никаких следов, гестаповцы не заводили карточек на поступивших в их распоряжение пленных. В списки узников лагеря советские

заключенные также не включались и содержались, как правило, отдельно ото всех остальных.

Число убитых советских военнопленных в Дахау на полигоне Хебертсхаузен с сентября 1941-го по июнь 1942 г. составляет от 4300 до 4500 человек. Данные числа и расчеты основаны на показаниях Альфреда Карла, бывшего заключенного Дахау, который работал в цеху дезинфекции и вел учет одежды расстрелянных. По имеющимся на настоящий момент сведениям, средний возраст погибших составлял примерно 28 лет. Известно также, что в Хебертсхаузене убивали и женщин. Расстрельная команда после казней получала поощрения в виде шнапса, пива и сигарет, многих награждали крестами «За военные заслуги» второй степени.

Западным сочинителям «оазисов за колючей проволокой» (как тут не вспомнить Вольтера, который призывал «клеймить ложь наибольшим позором»?!) писать про расстрелы и крематории (см. стр. 11, 58) неинтересно, поэтому они и «мечтают попасть обратно в Дахау», где эсэсовцы для заключенных устраивали «музыкальные вечера», разводили «пушистых ангорских кроликов» и строили просторные «бассейны треугольной формы».

А вот что пишут про «музыкальные вечера», лагерный оркестр и «прелести» Дахау настоящие лагерники, например такие, как Ф. Блаха и Людо ван Экхаут: «Больше всего в Дахау погибло русских... Часто заключенных вешали во дворе бункера. Там же орудовали и карательные отряды. Виселица, устроенная прямо на дереве, имелась и возле крематория Дахау. Дерево это стоит до сих пор. Самоубийств в лагере было много. Пленные не выдерживали, бросались на проволоку под током, вешались прямо в бараках. У крематория заключенных убивали выстрелом в затылок. Таким же способом уничтожали людей и около специально прорытой канавки для стока крови. Жертвам приказывали встать на колени на краю канавки и наклонить голову. В здании крематория имелось особое помещение, где проводился расстрел, — помещение с покатым полом и специальными решетками, на которые заключенные, стоя на коленях, должны были класть головы перед расстрелом. Эсэсовцы во всем любили порядок.

Большинство убийств совершалось втайне. Но часто организовывались публичные казни под музыку лагерного оркестра, которому было приказано играть бравурный марш или меланхолический вальс» (Это было в Дахау. – 1976).

Из воспоминаний Вальтера Хорнунга: «В Дахау по углам столовой были установлены два динамика. Заключенные во время еды обязаны были «наслаждаться произведениями великих композиторов». Сегодня мы едим рубец под попурри из военных маршей, а также «Blaue Heinrich» с прекрасной мелодией «Голубого Дуная» Штрауса. Дальше звучит «Preislied» (Триумфальная песня Вальтера, франконского рыцаря) из Нюрнбергских мейстерзингеров Рихарда Вагнера. Никто из заключенных не воспринимает эту музыку. Она вызывает у нас неприязнь и тревогу. Все охвачено медным грохотом, который нестерпимо бьет по барабанным перепонкам. Эта тяжелая металлическая музыка переполняет помещение и кажется, что стены вот-вот взорвутся» (Fackler, Guido: Musik im KZ Dachau. – 2002).

В августе 1942 года директивой Главного управления имперской безопасности Третьего рейха были «узаконены» уже существующие и вновь созданные (с согласия или по приказу комендантов) лагерные оркестры (lagerkapelle) в концлагерях Аушвиц-1 (Освенцим), Аушвиц-2 (Биркенау), Аушвиц-3 (Моновиц), Белжец (Belzec), Бухенвальд, Гросс-Розен, Дахау, Дора-Миттельбау, Майданек, Маутхаузен, Натцвейлер, Нойенгамме, Собибор, Треблинка, Флоссенбург, Яновский... (Amaury du Closel. Actes Sud, Arles, France. – 2005).

«Я видел в Дахау, как людей вталкивали в печь тогда, когда они были еще живыми, кричали, дышали и сопротивлялись. Если они слишком шумели, их оглушали ударом по голове» (Ф. Блаха. International Military Tribunal, vol. 5, p. 167–199).

А в это время в лагере гремела бравурная музыка...

Через концлагерь Дахау прошло свыше 280 тыс. заключенных, из которых около 70 тыс., в том числе 12 тыс. советских граждан, были замучены или убиты (ВЭС, 1989).

С 1942–1943 гг. заключенных концлагеря Дахау, как и узников всех других концлагерей, начали более активно использовать на предприятиях военной промышленности Германии. Для этих целей были созданы многочисленные внешние лагеря и команды, количество которых только в концлагере Дахау (по разным источникам и оценкам) доходило до 120–150. Крупнейшим внешним лагерем Дахау был концлагерь Аллах.

Глава X

Концлагерь Аллах

Из одного креста можно было бы сделать две виселицы...

Станислав Ежи Лец

Когда вы достигнете конца верёвки, завяжите узел и держитесь.

Ф. Д. Рузвельт

В конце тридцатых годов прошлого века немецкая компания БМВ была одной из самых успешных фирм в мире по производству спортивных и легковых автомобилей. С началом войны компания БМВ стала изготавливать авиационные двигатели для люфтваффе. Чтобы расширить производство, имперское министерство авиации потребовало от группы компаний БМВ построить второй завод для сборки и ремонта авиационных двигателей. В мае 1942 г. в дополнение к производственным мощностям завода БМВ Мюнхен-Мозах налажено производство двигателей в Мюнхен-Аллахе (Аллах — болотистый лес). В середине 1943 года концерном БМВ был разработан и выпущен первый в мире реактивный двигатель BMW 109-003 для самолета «Мессершмитт Ме-262». К этому времени у БМВ имелось четыре завода в Айзенахе (Тюрингия), на которых до войны выпускались автомобили, и два головных завода, производящих авиадвигатели, в Мюнхене (Бавария).

Завод БМВ Мюнхен-Мозах 9 марта 1943 г. был разрушен в результате налета британской авиации, поэтому производство двигателей перенесли в Мюнхен-Аллах, на второй завод БМВ, ставший крупнейшим предприятием Германии по

производству авиационных двигателей для самолетов «юнкерс» и «мессершмитт». В 1944 году производство в Аллахе достигло 2000 двигателей ежемесячно. Завод БМВ Мюнхен-Аллах обладал изолированными друг от друга уникальными цехами и большими складами, окруженными елями, имел развитую транспортную сеть. Общее количество работающих на заводе, включая заключенных, превышало 50 000 человек. Около 75 заводов-смежников со всей Германии поставляли фирме БМВ комплектующие детали на сортировочный вокзал Мюнхен-Лайм, который союзники почему-то не бомбили. В одном из секретных цехов на южной стороне завода изготавливались детали для ракет V1 и V2 (Фау-1 и Фау-2). Возглавлял разработку жидкостных одноступенчатых ракет Гельмут фон Зборовский, сотрудничавший с Вернером фон Брауном, создателем первых баллистических ракет и отцом будущей американской космонавтики. Секретный цех 12-го сентября 1944 года подвергся интенсивной бомбардировке, после чего все сохранившиеся мощности были полностью перенесены в подземные цеха.

Гельмут фон Зборовский (1905–1969) — австрийский авиаконструктор, разработчик жидкостных ракетных двигателей и противотанковых ракет, его отец, полковник австро-венгерской армии Зборовский, был командиром первого австрийского дирижабля. В 1934 году Гельмут Зборовский стал работать на фирме БМВ, вступил в нацистскую партию, получил звание унтерштурмфюрера СС и был награжден крестом «За военные заслуги» I степени. В 1938 году он начал заниматься жидкостными ракетными двигателями (ЖРД), работающими на двухкомпонентном самовоспламеняющемся топливе. Под его руководством было разработано несколько двигателей для ракет и самолетов. Он являлся одним из руководителей завода БМВ в Аллах-Унтерменцинге (район на окраине Мюнхена), на котором разрабатывались и выпускались авиационные двигатели.

В 1943 году реактивный самолет фирмы БМВ совершил свой первый полет. В следующем году один из первых в мире реактивных двигателей запустили в производство, в котором было задействовано около 20 000 рабочих (включая 3000 военнопленных и 5000 заключенных концлагеря Дахау). Зборовский был ответственен за проект «Мессершмитт – АГ», на котором стоял реактивный двигатель для истребителя «Мессершмитт Ме-163» («Комета»). В 1944 году он возглавил группу, занимающуюся разработкой новых ракет, так

называемого оружия возмездия. Планами немецкого командования предусматривалась постройка почти 20 тыс. ракет Х-4, но массированные налеты авиации союзников сорвали эти планы. Крупная партия ЖРД была уничтожена вместе с заводом фирмы БМВ, а подготовленные к войсковым испытаниям ракеты попали под бомбежку на одном из аэродромов (Чечин А., Окопелов Н. Мечта Каммхубера).

В самом конце войны Зборовский начал разрабатывать самолеты с вертикальным взлетом и посадкой, которые могли кардинально решить проблему с уязвимостью взлетно-посадочных полос. Весною 1945 года Зборовский перебрался в баварский городок Брукмюль, в котором находился один из заводов БМВ.

После капитуляции рейха он выехал в Австрию, где его как члена СС арестовали и поместили в фильтрационный лагерь во французской зоне оккупации. Следствие пыталось установить причастность Зборовского к жестокой эксплуатации заключенных концлагеря Дахау на фирме БМВ. Когда французы выяснили, кто такой Зборовский, они немедленно вывезли его в замок под Парижем и предложили сотрудничество по специальности. Успешным французским проектом Зборовского стала разработка жидкостных ракетных двигателей для использования в качестве ускорителей на истребителях. Благодаря «немецкой помощи» к началу 1950-х гг. во Франции удалось создать всю необходимую научную базу для возрождения боевой реактивной авиации. Когда французы полностью освоили новые технологии, немецким инженерам позволили вернуться в Германию и заняться своими делами.

В 1942 г. к западу от завода БМВ Мюнхен-Аллах между производственными цехами и железнодорожной веткой был возведен лагерь для 3000 иностранных рабочих, однако для производства требовалось не менее 7000 специалистов. По данным немецких источников (Klaus Mai), концерн БМВ приступил к строительству «русского лагеря» для советских военнопленных в мае 1942 г., а в конце года русских пленных стали использовать на производстве авиадвигателей. В марте 1943 года в концлагере Аллах насчитывалось приблизительно 2100 заключенных, которых стали привлекать к изготовлению авиадвигателей в апреле 1943 года.

Летом 1944 года на заводе БМВ трудилось более 600 русских пленных. Лагерный комплекс Мюнхен-Аллах концлагеря Дахау, построенный в феврале-марте 1943 года для

нужд БМВ, первоначально обозначался в эсэсовских документах как SS-Arbeitslager Allach (см. иллюстрации, стр. 4), но в БМВ его продолжали называть «русским лагерем». Различные источники датой открытия лагеря Аллах чаще всего называют 22 февраля 1943 г. и 19 марта 1943 г.

Строительство самого большого внешнего лагеря Дахау концлагеря Аллах диктовалось нехваткой рабочей силы в строительной и военной промышленности Германии. Лагерь на 3200 заключенных планировалось разместить в непосредственной близости от завода БМВ (в 10 км севернее Мюнхена и в 7—8 км к югу от Дахау). Во время строительства завода БМВ в Мюнхен-Аллахе заключенных пригоняли утром из главного лагеря Дахау, куда они возвращались поздно вечером. Согласно некоторым немецким источникам для возведения лагерного комплекса были привлечены заключенные Дахау, ранее участвовавшие в строительстве завода БМВ в Аллахе.

Позже большую часть из них перевели в лагерь Мюнхен-Аллах и стали использовать на заводском производстве. Однако на допросе бывший комендант Аллаха Йозеф Яролин показал, что первые заключенные в концлагерь Аллах прибыли из Флоссенбурга, Заксенхаузена и Бухенвальда, а не из Дахау. На завод БМВ из числа узников чаще всего отбирали строителей, токарей, механиков, слесарей, фрезеровщиков. В результате тесного сотрудничества СС и БМВ были созданы SS-Arbeitslager Allach и Aussenkommando Allach концлагеря Дахау. Доказательства этой сделки хранятся в городских архивах Мюнхена. Как следует из документов, СС получали от БМВ 6 марок в день за работу одного заключенного, что составляло половину зарплаты обычного рабочего.

В марте 1943 года около 600 узников продолжили возводить лагерный комплекс в нескольких сотнях метров от завода. Часть пленных разместили в 12 из 18 бараков бывшей конюшни. В лагере находилось не менее 30 зданий, которые были окружены забором из колючей проволоки под током высокого напряжения и сторожевыми вышками. Лагерь Аллах-БМВ первоначально планировался на 3000–4000 заключенных, однако в течение двух лет был построен один из крупнейших лагерных комплексов Дахау, число узников которого доходило до 20 000 человек.

Лагерный комплекс Дахау-Аллах в Мюнхене состоял из СС-трудового лагеря Аллах (SS-Arbeitslager Allach), лагеря

Карлсфельд (OT-Lager Allach-Karlsfeld), лагеря Ротвайге (Lager Allach-Rothschwaige) и штрафного лагеря СС и полиции (Straflager SS und Polizei Dachau Aubenstelle Allach), вплотную прилегающего к SS-Arbeitslager Allach с северной стороны. Все они подчинялись концлагерю Дахау и являлись его внешними лагерями. В некоторых немецких документах СС-трудовой лагерь в Аллахе именуется как «Allach-BMW, Bau und Fertigung» — «Аллах-БМВ, строительство и производство» или «KL Aubenlager Dachau-Allach» — «Внешний лагерь концлагеря Дахау в Аллахе».

О концлагере Ротвайге мало что известно. Первое упоминание лагеря в немецких документах датировано 19 июля 1944 г., а в отчетах от 17 августа 1944 года говорится о размещении в лагере 512 еврейских узников в период с 11 по 31 июля 1944 года. Из воспоминаний оставшихся в живых лагерников можно сделать вывод, что Ротвайге был временным транзитным лагерем для еврейских заключенных, прибывающих из Освенцима в лагерный комплекс Аллах. Срок их пребывания в лагере Ротвайге составлял максимум четыре-шесть недель. Всех заключенных евреев из Дахау в Ротвайге гнали пешим маршем. По документам от 20 ноября 1944 г., в лагере Карлсфельд находилось 1045 женщин-евреек и цыганок из Венгрии, прибывших из Ротвайге, которых затем отправили в Равенсбрюк 1 декабря 1944 года.

И. Лэнг, прибывший в лагерь Аллах-Карлсфельд из лагеря Ротвайге, вспоминает: «В лагере Аллах меня посылали работать на цементный завод и на строительство железной дороги. Условия пребывания в Аллахе были невыносимыми. Меня постоянно избивали. Однажды, в качестве наказания, я был отправлен к «стоматологу», который с помощью стамески и молотка удалил мои зубы мудрости. Хотя у меня сильно кровоточили лунки, я все равно был вынужден явиться на работу. В другой раз меня заставили бежать вокруг бараков четыре круга, когда за мной гналась немецкая овчарка. Я споткнулся и упал, и собака схватила меня за шею, вырвав кусок кожи. По сей день от этого укуса у меня на шее остался шрам. После нападения овчарки меня заставили подняться и пробежать остальные круги, хотя я был тяжело ранен».

В своих мемуарах «Марш из Кауферингских лагерей» о последних днях пребывания евреев в концлагере Аллах повествует Исраэль Каплан: «Концентрационный лагерь в Аллахе за последние годы стал крупнейшим внешним

лагерем Дахау. В лагере, который находился всего в 7 км от центра, всегда чувствовалось влияние Дахау — даже больше, чем в самом Дахау. Бараки здесь были бетонные, по принятому стандарту в главных лагерях Германии, а не картонные палатки или землянки, как во временных лагерях (Аллах числился показательным лагерем).

До начала весны 1945 года лагерь считался «арийским», так же как и центральный лагерь Дахау. Евреев размещали во временные лагеря. Но с начала «марша на Тироль» из многих лагерей в Аллах стала прибывать масса узников-евреев. Для них был выделен участок из 5 блоков. Вместимость каждого блока — 200 человек. Эти блоки отгородили колючей проволокой от «арийских» и ввели режим пересыльного лагеря с еврейскими нормами питания.

23 апреля из этих блоков был отправлен «транспорт» из нескольких тысяч евреев. Люди были загружены в вагоны, предназначенные для перевозки угля. По 120 человек в вагоне их отправили в сторону Тироля «на обмен». К счастью, состав не смог пробиться в Тирольские горы, так как американские летчики контролировали дороги. После недельного нахождения в пути в открытых вагонах, под снегом и дождем, узники были освобождены американской армией.

После отправки «транспорта» на Тироль в Аллахе еще осталось около 400 евреев (в основном это были выходцы из Венгрии и немного из Польши). Из кауферингских колонн, которые шли в Дахау, сюда, в лагерь Аллах, вновь стали поступать евреи. К пятнице, 27 апреля, количество прибывших достигло 2300 человек. С приближением американской армии стали заметны перемены: эсэсовцы перестали заходить в лагерь, ограничили свою деятельность внешней охраной, а управляли через своих верных помощников — старост, капо и др. А капо еврейской части лагеря также перестали заходить в общие блоки, заполненные больными и умирающими узниками. У капо и СС возникла новая проблема — как избежать наказания.

Теснота в блоках была страшной: вновь прибывших «расквартировали» только в 3 бараках. Один из двух оставшихся захватили 150 капо, лагерные писари и другие «проминенты», а другой — еврейские врачи из Венгрии, где под видом больных они держали своих протеже (как будто только они могли болеть!); 2000 человек были загнаны в 3 барака (вместимость каждого была 200 человек). Смертельно больные и раненые не имели возможности где-то лечь. Там

было так тесно, что никто не осмеливался шаг шагнуть, особенно ночью.

В субботу, 28 апреля, в лагере распространился слух, что Германия капитулировала! Все обрадовались, стали поздравлять друг друга, целоваться. Но чуть позже поступила «поправка»: Бавария отделилась от рейха и решила заключить сепаратное перемирие. Постепенно ситуация выяснилась: на вышках и у ворот не было видно эсэсовской охраны. В лагере висели белые полотнища с красным крестом, а к вечеру на вышках появились узники из «арийской» зоны.

В воскресенье лагерь стали облетать американские самолеты. Немцы, которые находились на западной стороне лагеря, открыли огонь из замаскированных зенитных батарей. Налет длился несколько часов. К вечеру началась пушечная канонада. Стреляли с обеих сторон лагеря, вернее, через лагерь, который оказался между немецкими и американскими пушками. В лагере было много убитых и раненых. Когда шум перестрелки затих, испуганные узники решили, что немцы прогнали американцев. Потом выяснилось, что немцев больше нет...

А в понедельник, 30 апреля 1945 года, утром представители союзных армий уже были внутри лагеря Аллах. Терпя поражения на всех фронтах, нацисты перед отступлением уничтожали следы своих злодеяний, выкапывали и сжигали тела убитых ими взрослых и детей, чтобы не было никаких свидетельств массовых расстрелов и убийств. Тысячи узников погибли по дороге в Тироль и в Тирольских горах. Но полностью выполнить этот варварский замысел им не удалось, они так и не успели ликвидировать последних свидетелей их безумства. В живых осталось ничтожное количество из миллионов жертв, малая часть десятков тысяч участников «марша на Тироль», которые спаслись на последнем этапе вакханалии нацистов. Они являются последними свидетелями, которые все перенесли и пережили так много. Они, бывшие узники, знают и помнят все. Они дополнят мой рассказ».

«Не лучше эсэсовцев оказались и многие заключенные. В основном еврейским узникам приходилось терпеть издевательства от узников из украинской колонны. Вместо оказания помощи ослабевшим, как было принято в лагерях, они их грабили, отнимали последние кусочки хлеба, избивали, отбирали лагерные одеяла» (Каплан И. Марш из Кауферингских лагерей. В лагере Аллах).

О штрафном лагере СС и полиции в Аллахе почти ничего не известно. Сохранились лишь сведения о пребывании в Мюнхен-Аллахе бывшего коменданта концлагеря Гузен (филиал концлагеря Маутхаузен) Карла Вальтера Хмилевски и солдата 1-й роты 1-го батальона штурмовой бригады СС «Дирлевангер» Густава Давидхазы.

Хмилевски Карл Вальтер (1903–1991) был руководящим сотрудником системы концлагерей, гауптштурмфюрером СС (1940). Получил прозвище «Гузенский дьявол». Учился в высшем реальном училище в Лангене (не окончил). В 1918 году переехал в Мюнхен, получил профессию резчика по дереву и слоновой кости, с 1924 года — подмастерье. Открыл собственное дело, но прогорел во время экономического кризиса в конце 1920-х гг. В 1932 г. вступил в СС, в 1933 г. — в НСДАП. После прихода нацистов к власти в 1933 году зачислен во вспомогательную полицию, являлся связным между полицай-директором Мюнхена и главным управлением СС. В 1933 г. переведен в личный штаб рейхсфюрера СС, с 1934 года — казначей главной адъютантуры рейхсфюрера СС в Берлине.

В 1935 году переведен в комендатуру концлагеря Колумбия-хаус в Берлине. В 1936–1939 гг. начальник административного отдела комендатуры концлагеря Заксенхаузен, с 1938 г. шуцхафтлагерфюрер. В 1940–1941 гг. шуцхафтлагерфюрер (начальник) концлагеря Гузен (первоначально филиал концлагеря Маутхаузен). Отличался крайней жестокостью. Руководил созданием лагеря, который должен был стать местом уничтожения польской интеллигенции и испанских коммунистов. Сильно пьющий Хмилевски постоянно устраивал грандиозные попойки в своем штабе. В сентябре 1942 г. переведен в концлагерь Герцогенбуш и 5 января 1943 г. назначен его комендантом.

В октябре 1943 года Хмилевски был арестован за крупные злоупотребления и коррупцию, и в 1944 г. приговорен судом СС к 15 годам тюремного заключения. Содержался в Заксенхаузене, штрафном лагере СС в Дахау, а затем в концлагере Аллах.

В апреле 1945 г. освобожден союзниками. По фальшивым документам уехал в Центральную Германию, занимался кролиководством. В 1953 году приговорен к году тюрьмы за лжесвидетельство и обман. Неоднократно арестовывался по обвинению в военных преступлениях. В ноябре 1961 г. земельным судом Ансбаха признан виновным в убийстве 282

человек и приговорен к пожизненному тюремному заключению. В марте 1979 г. освобожден «по состоянию здоровья».

Из протокола допроса солдата 1-й роты 1-го батальона штурмовой бригады СС «Дирлевангер» Густава Давидхазы в Польской военной миссии по расследованию немецких военных преступлений 30 июня 1947 г. в Зальцбурге: «...в 1940 г. по некоторым причинам я вынужден был покинуть школу кадетов и направился в Германию. Мой брат уже находился в Германии и являлся офицером немецких вооруженных сил. Я сам тогда знал Германию только из рассказов, но то, что я знал о Германии, соответствовало моим взглядам. 15 мая 1942 года я прибыл на военный плац для учений в Дембицы. Это был плац для упражнений СС.

После срока обучения я нес караульную службу в комендатуре гарнизона и у железнодорожного переезда. Это была обычная караульная служба, и у меня не было ничего общего с надзором за заключенными. В Дембице я находился по 9 декабря 1942 г., когда я дезертировал и был пойман 12 декабря 1942 года и перевезен в Кросно, откуда меня доставили в Дембицу 16 декабря 1942 года. Оттуда я прибыл в Краков. 5 апреля 1943 года я был приговорен к 7 годам тюремного заключения. После ареста я сидел вначале в разных тюрьмах в Кракове, 27 сентября 1943 г. был перевезен в Дахау. Там я оставался до конца ноября 1943 года, затем переехал в Аллах в исправительный лагерь Ваффен-СС, где пребывал по 28 июля 1944 г. В этот день я был освобожден и направлен в полк Дирлевангера. (Chris Bishop, historian, USA, 2003: «Дирлевангер — самый злой эсэсовец».)

Вместе со штурмовой бригадой Дирлевангера в течение короткого времени, с одной частью вермахта и еще с 8-м полком полиции СС я принимал участие в сражениях на разных участках Восточного фронта до момента, когда я был взят в плен 27 апреля 1945 г. 20 августа 1945 г. я был освобожден (умеют же русские удивлять!) из российского плена и через Германию добрался до Австрии, где был случайно арестован австрийской жандармерией 15 апреля 1946 года.

Мои показания, данные перед американским офицером СИС-SIS (Signal Intelligence Service) в Бадгастайне 15 апреля, если не совпадают с моими сегодняшними показаниями, являются недействительными. Заявляю, что в Дембице в отношении поляков и евреев я не издевался над ними и не совершал преступлений. Что касается моего участия в боях бригады Дирлевангера во время восстания в Варшаве,

то я готов сделать их подробную опись. Это все. К этому протоколу приобщено мое собственноручное показание. Это показание я подписал на каждой странице и сегодня в присутствии майора В. Чеховского поставил под ним собственноручную подпись. Все эти данные я написал согласно правде. Давидхазы Густав».

Около половины из 3800 заключенных Аллаха работали на производстве, остальные были заняты на строительных площадях завода и в других рабочих командах, а также на фарфоровой мануфактуре, где трудилось не более полусотни узников. Чтобы защитить завод БМВ от авианалетов, имперское министерство авиации распорядилось построить в Аллахе огромный подземный бункер. 7 сентября 1943 года под управлением «Организации Тодта» заключенные приступили к сооружению бункера, для чего часть узников Аллаха стали использовать в Kommando Dyckerhoff.

Засекреченные подземные сооружения под кодовым названием Bunkerbaustelle Weingut-2 и Diana-2, площадью 240 х 83 м, с железобетонными стенами невероятной толщины и высотой 25 м, с куполообразной крышей, замаскированной лесными насаждениями снаружи, были предназначены для производства 900 реактивных истребителей Ме-262 ежемесячно. Планировалось, что после завершения строительства в подземных цехах будут работать не менее 90 тыс. человек (Грузин З. // Вестник, № 22 (333), Балтимор, США. – 29.10.2003).

В драматичный для Третьего рейха период конца войны в реактивном истребителе Ме-262 «Швальбе» («Ласточка») гитлеровцы видели одно из чудотворных орудий, которое могло бы помочь им избежать поражения. Производство деталей для «Швальбе» было поручено крупным заводам, находившимся в южных и юго-восточных районах Германии, а также в Австрии и Чехословакии.

Лесные фабрики были скрыты под названием «Kuno». Строительство «Kuno I» началось в марте 1944 г., а первый самолет покинул сборочный цех уже через месяц. В середине апреля производство развернулось на полную мощность. Следующий центр Kuno был развернут в конце лета — начале осени 1944 г. Он получил название «Kuno II» и размещался к востоку от «Kuno I», который был ему подчинен.

В связи с непрекращающимися авианалетами возникла концепция постройки бетонных подземных бункеров, полностью вмещающих производственные цеха. Было принято

решение о постройке шести заводов вместе с необходимой инфраструктурой — железной дорогой, подъездными путями и т. д. В общей сложности на них должно было производиться до 4000 самолетов ежемесячно. Вся программа получила кодовое название «Деревянный голубь». Положение Германии в тот период не позволило окончить строительство ни одного из этих заводов. Но все же один из них, наряду с еще продолжающимися строительными работами, начал производство «Швальбе». Его строительство развернулось в апреле 1944 г. под зашифрованным названием «Werke A» в рамках так называемой «Reimahg» (фабрика Германа Геринга).

Программа строительства новых заводов-бункеров была начата практически одновременно с «Werke A». Место, выбранное для строительства, было не случайным. В окрестностях Ландсберга имелись залежи гравия, который был необходим для строительства цехов. Комплекс «Деревянный голубь» должен был включать в себя три полуподземных бункера, представляющих производственные цеха размером 84 x 400 м. Эти заводы так и не были достроены.

Три подземных завода получили кодовое название Walnut II, Weingut II, Diana II (Грецкий орех II, Винный завод II, Диана II). Каждый из заводов должен был иметь в длину не менее 400 м. До конца войны удалось лишь построить цеха протяженностью 240—280 м. Максимальная ширина свода, укрепленного мощными контрфорсами, составила 82-85 м, высота — 25 м. Толщина бетонного потолка по плану должна была составить 5 м, что позволяло выдержать удары тяжелых бомб. Учитывая дефицит строительных материалов, толщину слоя бетона свода потолка на одном из заводов уменьшили до двух метров.

Наиболее законченным строительством к концу войны был Weingut II (Винный завод II). Над землей возвышался полукруглый бетонный свод толщиной 5,5 м, спроектированный профессором Дисхингером из Берлина. Купол изготавливался следующим способом: на фундаменте из смеси земли, битого камня и гравия насыпался холм в форме фрагмента свода внутренней части цеха, после чего эту «форму» обливали бетоном, подаваемым тремя мощными насосами. После его затвердевания заполнитель выбирался из-под уже готового свода и использовался для изготовления «формы» свода следующего сегмента помещения. Весь цех состоял из четырех таких поочередно отлитых сегментов. В конце строительства камни и щебень направлялись

в камнедробилку, а затем использовались при устройстве внутренних колонн и стен. Залы закрывались стальными воротами, приводимыми в движение гидроприводом, они были спроектированы так, чтобы выдержать взрыв бомб любого калибра. После окончания работ постройку засыпали сверху толстым слоем земли для того, чтобы на ней можно было в целях маскировки высадить растительность, подобную росшей вокруг. Таким образом, завод был абсолютно нераспознаваемым с воздуха.

По плану готовые самолеты должны были взлетать сразу после разбега на подземной стартовой полосе. Этим способом до минимума уменьшался бы риск случайного обнаружения бункеров разведывательными самолетами. Для этого начались испытания, имевшие своей целью установить минимальную дистанцию разбега Ме-262 и Ме-163, чтобы в соответствии с этим подготовить подземную полосу. Оказалось, что если Ме-163 могли бы подниматься в воздух уже за воротами, то для Ме-262 возможная длина полосы в цеху была слишком короткой, даже при разбеге с использованием стартовых ускорителей. Самолеты должны были взлетать в воздух с минимальным запасом топлива, необходимым для старта и перелета на ближайший аэродром в Лехфельд, Пензинг либо Меммингeн.

Внутри бункера планировалось построить пять этажей (начато строительство только трех), их общая высота составила 46 м (внутренняя высота от уровня земли до кровли 26 м). Каждый этаж имел перекрытие из бетона толщиной 5 м, усиленное бронированными стальными плитами толщиной 38 мм. Планировалось в течение месяца здесь производить 1200 самолетов Ме-262. Обеспечивать это производство должен был персонал, насчитывающий 90 000 человек!

Для выполнения строительных работ дополнительно в округе было создано еще 11 лагерей, обозначаемых римскими цифрами. Северо-западнее Ландсберга находились лагеря I, II, III и XI, в Hurlach — лагерь IV, в Erpfting — лагерь VII. Два лагеря, предположительно V и X, были расположены около Utting. Лагерь VI находился в районе Майтингена. Учитывая строгую секретность данных проектов, большая часть письменных источников в конце войны была уничтожена нацистами.

Управление и работы были поручены «Организации Тодта». При строительстве Weingut II работало около 300 000 (?) рабочих и военнопленных (С. В. Иванов).

Строительство бункера было укрыто от разведывательных самолетов маскировочными сетями, растянутыми на кронах высоких деревьев. Сначала для наиболее тяжелых работ использовали советских военнопленных, но выяснилось, что темп их работы недостаточен, в результате чего их перевели в лагерь Кауферинг, расположенный в пяти километрах. Затем на строительную площадку стали прибывать группы заключенных из концлагеря Дахау, находящегося в 60 км от Ландсберга. Их разместили в 11 небольших лагерях вблизи строительства. Крайне скудная еда, общая изможденность, отсутствие нормального быта, тяжелая работа по четырнадцать часов в день семь дней в неделю — все это приводило к тому, что жизнь этих пленных продолжалась здесь только несколько недель. Принимая во внимание необходимость соблюдения секретности, они были бы и так уничтожены, как ненужные свидетели. Невозможно установить точное число заключенных, погибших при строительстве Weingut II, но оно находится в пределах 20 000 человек. Значительную часть из них составляли евреи.

Ни одно строительство из шести запланированных немецких заводов-бункеров не было окончено. Дальше всех продвинулись работы над Weingut II, но и они были далеки от производства самолетов. В самом конце войны начались работы над вторым бункером Walnut II, но они даже не вышли из фазы подготовки территории (Иванов С. В. Ме-262. Последняя надежда люфтваффе).

Согласно данным немецкого историка Klaus Mai, площадь Bunkerbau завода БМВ составляла 32 000 кв. м. Размеры бункера позволяли поездам и большегрузным автомобилям до 3,5 м высотой беспрепятственно разгружаться и загружаться под землей. По распоряжению министерства авиации рейха консорциум компании Dyckerhoff приступил к строительству бункера осенью 1943 г. Строительство шло днем и ночью в две смены, в каждой из которых работало не менее 500 человек. «Весь лагерь Аллах еще спал, когда команда Dyckerhoff шла на работу, и уже давно отдыхал, когда возвращалась, — вспоминает Моше Кауфман. — Тяжелая работа, голод, слабость, дистрофия, болезни были причиной высокой смертности среди заключенных».

Под управлением компании «Дикергофф» («Организация Тодта») заключенные строили Атлантический вал во Франции, возводили цеха и подземный бункер для завода БМВ, разбирали завалы зданий, разрушенных во время бомбарди-

ровок Мюнхена. В документах центрального управления службы экономики рейха от 21 февраля 1944 года говорится о 3434 заключенных, используемых в интересах завода БМВ. Бывшие заключенные утверждают, что многие узники нашли свою смерть при выполнении строительных и бетонных работ. Нередко люди из-за слабости и головокружения падали с гигантских лесов и разбивались или попадали под колеса поездов. Многие тонули в жидком бетоне. Известен факт, когда в течение трех дней погибли 23 или 24 заключенных, залитых бетоном или засыпанных песком. Полностью завершить строительство подземного завода так и не удалось, но часть производственных мощностей завода БМВ была переведена в готовые подземные штольни и цеха.

В лагере Аллах размером 255 х 230 м в 18 бараках находилось около 5000 заключенных более чем из двадцати стран, но большинство узников составляли французы (около 2300) и русские (не менее 600 человек). Также много было немцев, поляков, югославов, итальянцев, чехов, бельгийцев, голландцев. В мае-июне 1944 года 12 бараков (три восточных ряда) комплекса Аллах были отделены и предоставлены для карантинного лагеря (блоки 19, 20, 21, 22) и восемь блоков для лагеря Карлсфельд (OT-Lager Allach-Karlsfeld, «OT» — Организация Тодта), в котором разместили прибывших венгерских и румынских евреев. В июле 1944 года в Аллах поступила большая партия французов, которых распределили в карантинные блоки 19, 20 и 21. Лагерный комплекс Аллаха в 1944 г. значительно увеличился, и его длина составила 460 м.

Наиболее сплоченными в лагере Мюнхен-Аллах (БМВ) были группы русских, немецких и польских заключенных. К французским узникам русские пленные относились снисходительно, а немецкие заключенные — с нескрываемым презрением из-за стремительной капитуляции Франции в войне. Русских уважали за их стойкость и упорство. Все советские военнопленные были разделены на группы: русские, украинцы, прибалтийцы и кавказцы, а югославы — на хорватов, сербов и словенцев. Отдельную группу пленных составляли советские офицеры, совершившие побеги или участвовавшие в подготовке побега (группа полковника Борисенко и несколько десятков других заключенных). Когда производство завода БМВ расширилось, количество узников в Аллахе выросло до 10 000 человек.

В 1944 году в лагерь Карлсфельд пригнали более 1000 еврейских узников, которых затем использовали при строительстве подземного бункера в команде Дикергофф. С августа 1944-го до конца февраля 1945 года в «лагере евреев» постоянно находилось более 1200 мужчин. Небольшая часть территории лагеря Карлсфельд, используемая как карантинный лагерь, была отведена для еврейских женщин, которых насчитывалось 200—300 (по другим данным, в лагере было от 350 до 1000 женщин). Маркус Дж. Смит в своей книге «Дахау: сошествие в ад» утверждает, что лагерь Аллах был разделен на две зоны, в одной из которых содержалось 3000 еврейских узников, а в другой — 6000 неевреийских заключенных.

Лагерь Карлсфельд, известный как «лагерь евреев», находился в непосредственной близости от «западного лагеря» Мюнхен-Аллах, названного «лагерем арийцев» («лагерем арийцев» правильнее было бы назвать не «западный лагерь» комплекса, в котором содержались в том числе немецкие коммунисты, а «северо-западный» — «штрафной лагерь СС и полиции»). 29 ноября 1944 года в Аллахе насчитывалось 4743 заключенных. Общее количество иностранных гражданских рабочих, военнопленных и узников концлагерей, трудившихся на заводе БМВ, возросло в 1944 году до 17 000 человек. Около 14 000 человек были размещены в 18 бараках лагеря. Число узников периодически менялось в зависимости от сложившейся ситуации на фронтах и доходило до 22 000. В конце войны 90% работающих на заводе БМВ в Аллахе составляли иностранные гражданские рабочие, военнопленные и узники концлагерей.

В лагере Аллах было два вида блоков, справа от главного входа стояли деревянные бараки на бетонном фундаменте, слева — из цементных блоков. Всего в Мюнхен-Аллахе (БМВ) находилось 18 деревянных бараков, переоборудованных из помещений бывших конюшен без окон, но с зазорами под крышей. Каждый деревянный барак имел 41 м в длину и 10 м в ширину.

Высота в его центральной части не превышала 7 м, а высота стен была от 3 до 4 м. Внутри помещения под крышей не было потолка. Барак создавал впечатление огромного сарая с высоким чердаком. Пол в шести бараках был бетонный, в остальных — из утрамбованной глины, покрытой тонким слоем соломы. В бараке была выделена отдельная зона (Stube — главный блок), где находилась лагерная «элита»

(капо, блоковой, писарь, дежурные по бараку и пр.). В качестве капо, как правило, использовались немецкие уголовники из числа заключенных.

Выходить ночью из барака в отхожее место запрещалось, эсэсовская охрана стреляла без предупреждения. На ночь между двух-трехэтажными нарами убирали скамейки на стол и в центре прохода ставили три большие бадьи для отправления малой нужды. Тех, кто нарушал это правило из-за расстройства желудка, подручные «начальства» блока избивали и окунали головой в нечистоты.

Пленным разрешалось иметь при себе ложку, вилку и миску, которую они носили на поясе штанов. Под угрозой жестоких наказаний, вплоть до смертной казни, категорически запрещалось иметь в лагере ножи. Однако русские заключенные, работающие на заводе, славились тем, что умудрялись изготавливать их на заводе и проносить в лагерь, где на черном рынке меняли на табак и продукты питания. Узники постоянно голодали, поэтому обычным и незазорным делом считалось съесть, если повезет найти, улиток, желуди, одуванчики, различные корни и траву, иногда приходилось кипятить и есть кору деревьев.

В воскресенье русские заключенные, как правило, обращались к лагерным парикмахерам из числа узников для поддержания «штрассе» — дорожки из идеально выстриженных волос на голове от затылка до лба, которая должна быть всегда хорошо видна охране. В противном случае наказание — 25 ударов. По «штрассе» легко было узнать русского пленного среди множества других иностранных заключенных. Время после обеда обычно посвящалось ремонту одежды или встрече с товарищами из других блоков. В 21.30 электрическое освещение, которое постоянно горело в бараках из-за отсутствия дневного света, выключалось.

Заключенные были одеты в одинаковые полосатые робы сине-серого или сине-белого цвета из легкой синтетической ткани. Единственное отличие — табельный номер и треугольники, нашитые на робу. Все работающие на производстве авиационных двигателей имели отличительные знаки, у советских военнопленных на робе были выведены две крупные буквы «SU».

Ежедневно в 4.00 (зимой в 5.00) заключенные мгновенно спрыгивали с нар и мчались в туалет, затем бежали назад в свой блок, чтобы одеться, повесить на себя миску, положить в карманы штанов вилку и ложку. После построения и

переклички на аппельплаце в 5.15 (утренний аппель) колонна в ряд по пять человек во главе капо устремлялась на завод под охраной эсэсовского конвоя. Чтобы предотвратить любую возможность побега, проход от лагеря до завода был огорожен двумя рядами забора из проволочной сетки. Конвой с овчарками двигался вдоль внешней стороны забора. На тех, кто не выдерживал быстрого темпа движения, эсэсовцы натравливали собак. По пути на завод узникам необходимо было преодолеть мост через небольшой ручей и высокий деревянный мост через дорогу, ведущую в Дахау, что было особенно нелегко истощенным и ослабленным заключенным.

После прибытия на завод БМВ — новое построение, новый подсчет и назначение на рабочее место в производственные или сборочные цеха № 1, 2 и 20. Каждый этап операции изготовления авиадвигателей строго контролировался и фиксировался в журнале персонала, где указывался номер детали и другие данные. Перед работой всех заключенных предупреждали о последствиях в случае ошибки, вольной или невольной, за которую незамедлительно последует смертная казнь. Для других видов наказания на территории завода БМВ имелась своя небольшая тюрьма.

Из гестаповских документов следует, что на протяжении всех лет гитлеровского плена самыми распространенными и массовыми формами сопротивления советских военнопленных, оказавшихся в Германии, были сознательно низкая производительность труда, невыполнение установленных норм выработки, забастовки, индивидуальные и групповые побеги. Все это, конечно, не могло не вызывать повышенного беспокойства нацистских властей. Более того, проникновение их агентуры в среду военнопленных имело целью прежде всего предотвращение возможных открытых выступлений заключенных концлагерей и шталагов.

5 апреля 1944 г. главное управление имперской безопасности рейха издало специальную директиву, адресованную руководителям всей полицейской сети страны. В ней говорилось об активизации «нелегальной коммунистической деятельности и образовании тайных организаций иностранными военнопленными и восточными рабочими». В директиве, как и в многочисленных распоряжениях, последовавших за ней, отмечались опасные для «третьей империи» размеры движения Сопротивления и подчеркивалось, что для борьбы с ним «в еще большей мере, чем это делалось

до сих пор, необходимо выявлять и обезвреживать организаторов и активных участников подпольных организаций военнопленных и восточных рабочих».

Гестаповские облавы следовали одна за другой. 22 апреля 1944 года главное управление имперской безопасности приказало регулярно проводить во всех лагерях военнопленных и восточных рабочих особо строгие обыски в целях выявления подпольных антифашистских центров и предупреждения побегов пленных.

В Аллахе, как и в лагерях по всей Баварии и за ее пределами, действовали группы Сопротивления, руководство которыми осуществлял штаб БСВ. В команде № 2920 в Аллахе антифашистской деятельностью руководил заместитель политрука пограничник В. М. Шахов. Руководство комплектованием и обучением боевых групп БСВ было возложено на инженера И. В. Урбановича, работавшего разметчиком на заводе БМВ в Аллахе. Из воспоминаний Д. Левина: «Кормили нас отвратительно, и повар, чех Вацлав Давид, крестьянин из-под Праги, горячо нам симпатизировавший, ничего не мог поделать. Мы устроили голодную забастовку и добились улучшения пищи. С восточной стороны лагеря стоял барак чешских рабочих. Вацлав собирал там продукты для находившихся среди нас детей и двух старушек, передавал нам одежду и обувь. Он был активным членом нашей подпольной группы...

Мерварт и Корбуков предложили направить кого-нибудь на работу к Метцу, державшему в Аллахе, на Банштрассе, 7, в полукилометре от лагеря, гараж и ремонтную мастерскую.

— Пойдешь, Арсен? — спросил Варламов. Меня прозвали так за большие усы, которые я отпустил в лагере, за смуглое лицо и черные волосы.

Как попасть к Метцу? Я посоветовался с Татьяной Березко, медсестрой ревира (нем. Revier — санчасть, лазарет). Ее мать спасла меня в 1941 году. Раненый и контуженый, в очень тяжелом состоянии, я скрывался у нее в домике на окраине Симферополя. Когда ко мне вернулась речь, окрепли ноги, Мария Андреевна, оказавшаяся подпольщицей, переправила меня к своим друзьям.

Нашей тайной группой руководил Василий Новицкий, бывший начальник штаба противовоздушной обороны Симферопольского пединститута. Он работал на немецкой бирже труда и «выдал» мне новый паспорт. Не меняя моей фамилии, Новицкий превратил меня в Данилу Захаровича, караима,

не подлежавшего по расистским законам уничтожению. Наша группа была интернациональной. В ней состояли грек Федор Тамбулов, болгарин Владимир Степанович Петров, впоследствии погибший в Евпатории при попытке установить связь с нашим десантом, и татарин Михаил Османов. По решению товарищей и с моего согласия я получил задание попасть в Германию для организации антифашистской борьбы в лагерях советских граждан. Перед отправкой эшелона увозимых на запад я и познакомился с Татьяной Березко, попавшей в ту же облаву.

Узнав, что я хочу работать у Метца, она сказала: «Покалечь руку».

Рубанув себя долотом, я попал в ревир, и Татьяна послала меня в мюнхенскую больницу на консультацию. Ходил туда с полицаем, а затем без него. В больнице поджидал Мерварт, в очках, в черном резиновом плаще. Он работал в Мюнхене, в железнодорожной лаборатории. Произошел такой разговор: «Русский?» — «Да». — «Откуда?» — «Из Мюнхен-Аллаха». — «Есть там чехи?» — «Да, повар Вацлав». — «Метц будет просить у шефа лагеря шофера Левина», — шепнул Мерварт. Он в совершенстве владел русским языком, говорил по-французски и по-немецки.

Месяц спустя рука зажила, и я поступил в распоряжение Матиаса Метца, черноволосого тучного баварца, ненавидевшего гитлеровцев. У него было большое семейство. Он нежно любил свою восьмую дочурку, называя ее «мой сынок Макс».

Рядом с гаражом жил у бауэра югославский коммунист Юрий из Субботицы. Он спросил итальянцев: «Кто это к вам пришел?» — «Коммунист!» — ответили Рапелио и Марио. Юрий поинтересовался моей профессией. Узнав, что я учитель физики, сказал: «Так ты профессор! С тобой я могу говорить откровенно». Он не хотел мне польстить. Преподавателей средней школы в Югославии называют профессорами. Он хорошо знал настроение иностранных рабочих в Аллахе. «Неплохо бы обратиться к ним с листовками, — предложил он, — призвать к активным действиям».

Юрий попал в точку. Мы получали от связного Саввы Батовского тексты и сводки Совинформбюро. Татьяна Березко и другие патриотки переписывали их в лагере. Множество листовок попадало в мюнхенские лагеря «остовцев» — 4, 6, 25-й, на Фрайманштрассе. В мастерской Метца сделали по эскизам Урбановича русские литеры.

Я возил с Метцем баллоны метана на городские автозаправочные станции. Шоферы разных национальностей охотно брали листовки. Однажды мы приехали на маргариновую фабрику в Мюнхен. Метц послал меня забрать у бухгалтера Эммы Хутцельман похищенный для военнопленных и восточных рабочих маргарин. Так я познакомился с храброй немецкой подпольщицей, худенькой подвижной блондинкой в голубой кофте и плиссированной юбке. Эмма немного говорила по-русски.

Месяца через два я увидел мужа Эммы Ганса Хутцельмана, руководителя АННФ. Он пришел в воскресенье к лагерю с Мервартом, Корбуковым, Курицыным и Козловым. Мы отправились к Метцу слушать Москву и договориться о перевозке оружия.

Эмма Хутцельман и Корбуков окончательно договорились осуществить намеченное двумя братскими организациями. Молодой восточный рабочий Гаврила Рыбалкин и другие товарищи, работавшие на фабрике, выполнили боевое задание. Австриец Франц и военнопленный матрос, мой земляк, Николай Хризантов, которые взяли к себе в кюбель-команду, развозившую по баракам суп, многих подпольщиков БСВ, сообщили мне горестную весть: гестапо арестовало Карела Мерварта, Ганса и Эмму Хутцельман, а также типографа Хубера...

В конце войны узников эвакуировали в другой "филиал" лагеря смерти — Эбензее. В пути из вагона бежали тридцать французов, русских, венгров, югославов. Союзники приближались к концлагерю. Главный писарь шрайбштубы немецкий коммунист Ганс и югослав, старшой лагеря, предупредили нас, что не следует идти в подготовленные к взрыву штольни. В самый напряженный момент к воротам подкатил американский танк. Эсэсовцы сдались без боя. Мы все вышли на волю. Я сел за руль брошенной на дороге трехтонки БМВ. Рядом со мной на переднем сиденье расположился шрайбер Ганс. В кузов набились русские, поляки, чехи, испанцы. Я привел машину в Линц. Переехали мост. На той стороне реки была Красная Армия» (Данид Левин. Сильнее смерти. Воспоминания, письма, документы. — М.: Госполитиздат, 1963. С. 21–27).

Корбуков, Урбанович, Батовский и их товарищи, участники БСВ, по особому распоряжению главного управления имперской безопасности в числе 92 узников будут расстреляны 4 сентября 1944 г. в концлагере Дахау. По приговору

фашистского суда Карела Мерварта и Ганса Хутцельмана казнят 15 января 1945 года.

Руководство группы компаний БМВ настаивало на том, чтобы с военнопленными обращались «как можно строже» с целью пресечь активное и пассивное сопротивление военнопленных, медленную работу, «халатность» и кражу материалов с завода. Например, 19 ноября 1943 года руководство предприятия «БМВ Флюгмоторен» в Мюнхен-Аллахе обратилось в имперское министерство вооружения и боеприпасов к начальнику службы содержания военнопленных в VII корпусном округе и в управление мюнхенского гестапо с требованием применять «более строгие воспитательные меры», вплоть до расстрела, чтобы показать занятым на производстве советским пленным, что «мы вовсе не чувствуем себя слабыми». Компания БМВ любыми способами стремилась добиться полного подчинения военнопленных.

Администрация завода БМВ в своём письме подчёркивала, что русские пленные из ценной хромоникелевой стали в цехах изготовляли кольца, браслеты и мундштуки для сигарет, что следует рассматривать как «планомерный саботаж и повреждение оборонных средств», а также нарушение предписаний по защите обороноспособности рейха и немецкого народа от 25 ноября 1939 года: «Мы придерживаемся мнения, что расстрелы перед строем рабочего коллектива нескольких военнопленных сразу же прекратят случаи саботажа». Стремление искоренить активное и пассивное сопротивление путем расстрелов также преследовало цель запугать остальных советских пленных и принудить их к более высокой производительности труда.

Рабочее время на заводе БМВ в Аллахе длилось с 6.00–6.20 до 12.00 и с 13.00 до 18.00–18.30. Затем построение у выхода из цеха, где дневную команду ожидала ночная смена. С понедельника по субботу смены постоянно чередовались: неделя в день с 6 до 18 ч., неделя в ночь с 18 до 6 ч. утра. После смены по пути в лагерь тот же быстрый темп движения колонны, те же окрики, удары, издевательства, те же злые овчарки...

В 19.00 — «вечерний аппель» (построение и перекличка заключенных). В 20.45 — «Все по баракам!»; 21.00 — «Отбой! Свет!»

Во время построения концлагеря ни одна армия мира не смогла бы превзойти заключенных в строевой подготовке. Когда колонна из нескольких тысяч узников выстраивалась

по десять человек в ряд перед выходом из лагеря или на аппельплаце, то идеально ровному строю мог бы позавидовать любой военный парад. При этом заключенные маршировали в деревянных колодках с намотанными на ногах портянками. Такой слаженности при движении и построении многих сотен людей, разумеется, невозможно было бы добиться без автоматных очередей эсэсовцев.

В начале июня 1944 г. заключенных, прибывших в концлагерь Аллах из Дахау, построили в колонну по шесть человек в ряд и направили к воротам лагеря, где недалеко от здания управления был установлен большой длинный стол. На одной стороне стола сидели гражданские лица, СС и гестаповец в черном мундире, в конце стола с другой стороны находился переводчик из числа пленных. Колонна остановилась и замерла, в наступившей тишине оглушительно прогремела команда:

— Ахтунг! Мютце-е-ен... аб!!!

В едином порыве сотни рук мгновенно сорвали с голов полосатые лагерные шапочки и с небывалой скоростью одновременно ударили ими по правому бедру. После взвинченного доклада старшего колонны начался отбор узников на завод БМВ и в другие команды.

Каждому заключенному задавали одни и те же вопросы: Name? (Имя?) Beruf? (Профессия?) Немедленно следовал ответ:

— Эгнер Теодор, № 26 312, повар (немец Эгнер — повар из Парижа, старожил Дахау, пробудет в Аллахе до конца войны).

— Ноэль Эмиль, № 67 635, автослесарь (француз Ноэль из Фужера пробудет в Аллахе до конца войны).

— Бакар Хосе, № 67 747, чиновник (словак Бакар из Дивача будет передан гестапо 2 октября 1944 года, где в этот день погибнет).

— Лончар Миклош, № 67 794, чиновник (югослав Лончар из Любляны будет передан гестапо 3 февраля 1945 года, где в этот день погибнет).

— Остерман Франц, № 67 806, банковский клерк (югослава Остермана из Любляны отправят назад в Дахау, где он пробудет до конца войны).

— Плохов Иван, № 67 856, рыбак (через месяц волжанина Плохова из Покровки Сталинградской области отправят в каменоломни Нацвейлера, куда он прибудет 10 июля 1944 года. Дальнейшая судьба его неизвестна).

— Лифинский Матвей, № 67 864, машинист паровоза (через месяц Матвея Лифинского отправят во вновь созданный SS-Arbeitslager Blaichach KZ Dachau, где он будет освобожден французскими войсками 30 апреля 1945 года).

— Аккардо Джованни, № 67 942, механик (Аккардо — итальянец из неаполитанского г. Портичи, будет передан гестапо 20 апреля 1945 года, где в этот день погибнет)...

В Аллахе документально зарегистрировано 50 казней: за попытку побега, за так называемые диверсии на заводе, за саботаж, за то, что заключенный вовремя не стал в строй, за несколько клубней картофеля, поднятых с земли, за любую иную «провинность»...

Однажды в лагере построили группу музыкантов Датского королевского оркестра в униформе с музыкальными инструментами в руках. Комендант лагеря объявил, что заключенные из России и Италии пытались бежать, за что приговорены к смертной казни. По приказу коменданта пленным связали руки за спиной и каждого поставили лицом к виселице. По очереди они поднялись по короткой лесенке на помост, эсэсовцы надели им веревку на шею. По прямому указанию коменданта лагеря заключенных повесили так, чтобы они умирали от удушья как можно дольше. При этом в промежутках между казнями в лагере звучала музыка.

Концлагерь Аллах охраняли не менее 800 эсэсовцев. Большинство из них были немцами. В состав охраны также входили венгры, румыны и хорваты. Командовал лагерным комплексом Dachau-Allach, одновременно являясь комендантом лагерей Мюнхен-Аллах (БМВ), Карлсфельд и Ротвайге, СС-оберштурмфюрер Йозеф Яролин, его заместителем был СС-гауптшарфюрер Себастьян Эберл.

Комендант Аллаха отличался особой жестокостью. В лагере во время зимы заключенных обливали водой, пока они не покрывались льдом и не погибали, 50 узников были повешены. Капо крематория Дахау Эмиль Наль утверждал, что во время Рождества 1943 года ему приказали отобрать в Аллахе шестерых русских пленных, чтобы повесить. Летом 1943 года в лагере были повешены заключенные, которых обвинили в попытке побега. Одного из пленных повесили за то, что он из-за истощения и слабости не смог утром встать в строй. В иных случаях вешали в качестве устрашения по надуманному предлогу за так называемый саботаж. Комендант Аллаха приказывал вешать заключенных таким образом, чтобы их ноги касались земли, а удушение длилось как

можно дольше. В Аллахе была передвижная виселица, как и в Дахау. В Государственном архиве Мюнхена имеются соответствующие документы и рисунки этой виселицы.

На судебном процессе Йозеф Яролин заявил, что в период с мая по декабрь 1941 года около 150 военнопленных были им заключены в лагерную тюрьму и собственноручно избиты плетью. С июля по сентябрь 1941 г. он принимал участие в казни 700 советских военнопленных. По его личному приказу расстреляли от 30 до 40 человек. Йозеф Яролин лично присутствовал 1 июля 1942 года на экзекуции, когда 12 заключенных были подвешены на кольях. Непосредственно в Аллахе было убито 366 заключенных. Он также участвовал в медицинских экспериментах над узниками. Аресты, карцеры, избиения до беспамятства, телесные наказания, обливание заключенных водой в зимнее время, расстрелы и убийства были обычным явлением в лагере. Не избежал виселицы и сам комендант Аллаха. Его повесили за военные преступления 28 мая 1946 года в Ландсберге.

Заместитель коменданта лагеря Аллах Себастьян Эберл не понес заслуженного наказания. Следствие по обвинению Эберла в убийствах заключенных, проведенное прокуратурой Мюнхена в 1976–1980 гг., было прекращено по гуманным (!) соображениям из-за слабого здоровья обвиняемого.

Неизвестна судьба "стоматологов" Дахау и Аллаха, как и "дантистов" других концлагерей, которые «во время медицинского осмотра предлагали узникам с золотыми коронками измерить рост. Эсэсовец приказывал им встать спиной к ростомеру, в котором была узкая щель, позволявшая другому эсэсовцу, находившемуся за стеной, выстрелить в голову заключенного. Судя по зияющим отверстиям в черепах погибших, эсэсовцы применяли специальные разрывные пули» (Николаус Вахсман «История нацистских концлагерей»).

С 1943-го по 1945 г. в концлагере Аллах, по некоторым данным, погибло около 2300 заключенных. За этот период тысячи узников Аллаха были переведены в другие лагеря, где многих ждала смерть. Часть заключенных, арестованных гестапо по делу БСВ весной 1944 г. и выживших в Дахау и Аллахе, будет до конца войны проходить очередные круги ада во внешних лагерях Дахау. Одним из таких лагерей был созданный летом 1944 г. концлагерь Блайхах, расположенный на высоте 730 м в предгорьях Баварских Альп.

Глава XI

«Променад» по аппельплацу SS-Arbeitslager Blaichach

Великая и настоящая мука безмолвна.

Л. П. Карсавин

Человека можно уничтожить, но его нельзя победить.

Э. Хемингуэй

Первое упоминание Блайхаха в исторических документах датировано 1275 г. В XIV веке на склоне горы, между рекой Иллер и озером Альпзее, графы Монфорт построили замок Ротенфельс, рядом с которым вырос г. Имменштадт.

В 1439 г. владения были разделены Монфортом между тремя братьями, и территории в верховьях р. Иллер образовали независимое графство Ротенфельс. В 1494 г. графы Монфорт построили в Блайхахе через реку Иллер платный мост, по которому из Оберйоха в Линдау перевозилась добываемая в этих местах соль. Разорившийся монарх продал Ротенфельс в 1804 году Австрии. После поражения Австрии в войне с Наполеоном Ротенфельс отошёл в 1805 г. к Баварии. Во время административной реформы, проводимой в Баварии, указом от 1818 года был создан муниципалитет Блайхах, который сохраняется до наших дней.

В 1848 г. швейцарцы Шмид и Биндшедлер приобрели в Блайхахе земельный участок бывшей лесопилки и в 1850 г. приступили к строительству прядильного цеха. В 1871 году

швейцарский промышленник Генрих Гир выкупил участок и продолжил строительство хлопкопрядильной фабрики. В 1889 г. для использования в производстве гидроэнергии начато сооружение плотины. На рубеже веков на фабрике в Блайхахе работало более 1100 человек, а в 1906 г. была построена новая ткацкая фабрика.

До прихода Гитлера к власти в 1933 г. Блайхах считался промышленным районом с репутацией «красного анклава», в котором рабочие прядильно-ткацкой фабрики голосовали за коммунистов или социал-демократов.

С 1939 по 1945 г. значительную часть производственных мощностей фабрики вермахт стал использовать для своих нужд. В начале лета 1944 г. фабрика перешла под охрану и управление СС. Большинство прядильных станков демонтировали и вместо них установили станки для производства авиационных двигателей, а фабрику переоборудовали в завод БМВ, производящий детали для самолетов. При этом ткачество, прядение и производство сукна были продолжены. Оборудование доставлялось с заводов БМВ, которые во время войны постоянно подвергались бомбежкам, что и было главной причиной переброски мощностей БМВ в поселок Блайхах, находящийся в предгорьях Баварских Альп. Не менее 600 заключенных из Дахау и его внешнего лагеря Аллах, ранее работавших на заводе БМВ в Мюнхен-Аллахе, партиями по нескольку сот человек были отправлены в SS-Arbeitslager Blaichach KL. Dachau.

Внешние лагеря СС (Außenlager SS) или внешние команды (Außenkommando SS) находились в подчинении главного концентрационного лагеря (Stammlager SS), которым управляли СС — «охранные отряды» — военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Во многих случаях условия выживания во внешних лагерях были более тяжелыми, чем в главных. В немецких источниках и документах Дахау чаще говорится не о внешнем лагере (Außenlager), а о внешней команде (Außenkommando). Начиная с 1943 года стал использоваться преимущественно термин «рабочий лагерь» (Arbeitslager), а с 1944 г. в документах Дахау чаще всего встречается определение «внешняя команда» (Aussenkommando) и «рабочий лагерь» (Arbeitslager).

Первые заключенные прибыли во внешний лагерь Блайхах концлагеря Дахау в третьей декаде июня 1944 года, а в конце июня общее количество заключенных в лагере

достигло 227 человек. В июле 1944 г. поступила партия из 281 узника, в августе 1944-го в лагерь прибыло дополнительно еще 126 заключенных. На прядильно-ткацкой фабрике, переоборудованной в завод БМВ, в день открытия лагеря 16 июля 1944 года принудительно трудилось не менее полутысячи узников. Бывшие лагерники утверждают, что в концлагере Блайхах в среднем находилось около 700 заключенных. Производство авиадвигателей на заводе БМВ в Блайхахе было прекращено 25 апреля 1945 года в связи с приближением линии фронта. Согласно последнему отчету, отправленному в Дахау 26 апреля 1945 года, в концлагере Блайхах на этот день содержалось 416 человек.

Большинство заключенных лагеря Блайхах составляли французы, также были многочисленные группы югославов, русских, поляков, немцев (многие из которых во время гражданской войны в Испании сражались в интернациональных бригадах на стороне республиканцев), в меньшем числе присутствовали выходцы из Италии, Австрии, Испании, Нидерландов...

Лагерный врач Дахау во время инспекции концлагеря Блайхах в 1944 году высоко оценил условия «проживания» заключенных. По его оценке у четверти узников помещения были «просторными и удобными для проживания», а еда — «питательной». Продукты, поставляемые компанией БМВ в лагерный лазарет, врач признал полезными. Смена одежды и ее стирка, по мнению врача СС, проходили регулярно, каждые 10–14 дней, что подтверждало наличие второго комплекта одежды у заключенных. Узникам для бритья и личной гигиены выдавали мыло. Вместо носков у заключенных были обмотки или портянки. Обувь представляла собой деревянные башмаки или самодельные туфли с деревянными подошвами. Что же касается шерстяных одеял и посуды, то их выдавали всем работающим на заводе БМВ. Тем не менее несмотря на высокую оценку «быта» и здоровья узников, которую дал эсэсовский врач, в период с 8 сентября по 19 ноября 1944 года в главный лагерь Дахау были отправлены 35 истощенных и больных заключенных. В качестве их замены из Дахау пригнали других узников, что было стандартной лагерной процедурой.

А вот как в книге «Le grand livre des Temoins» «питательную» еду, условия труда и «быта» в этом концлагере описывает бывший заключенный № 73 759 Эли Миньо: «Мы работали ежедневно по 12 часов, изготавливая основные и

вспомогательные детали для авиационных двигателей БМВ. Это было чрезвычайно трудно, сложно и опасно. Например, многим из нас без какой-либо защиты приходилось погружать заготовки в ванны, заполненные кипящими токсичными растворами и химическими веществами. Другие узники в электрических печах, нагретых до 800 или 900 градусов, выдерживали детали в аммиаке. Этот каторжный труд осуществлялся под неусыпным контролем эсэсовцев, что было вдвойне тяжелее и опаснее, так как мы буквально падали от голода и усталости».

2 сентября 1944 года в концлагере Блайхах объявили, что пятеро заключенных совершили побег, четверо из них были русскими. Действительно ли им удалось уйти от погони или они были пойманы впоследствии, неизвестно, как и неизвестна их дальнейшая судьба. Из документов Дахау, датированных 1944 г., следует, что один из сбежавших заключенных, Алексей Анисимов, родился 22 мая 1917 года, до войны проживал по адресу: Ленинградская (так в документах), ул. Лесной проспект, д. 1, прибыл в Дахау 27 сентября 1943 года, лагерный номер 53 612. В одном из списков SS-Arbeitslager Blaichach от 16 июля 1944 г., порядковый номер 22, (лагерный № 53 612), стоит фамилия и подпись Алексея Анисимова. В этом же списке семнадцатым, лагерный № 67 864, значится Лифинский Матвей. В отличие от многих тысяч погибших в плену товарищей, заключенный № 67 864, как и Алексей Анисимов, выжил в Дахау, прошел через все круги фашистского ада и летом 1944 года из Аллаха был переведен в концлагерь Блайхах. Последняя запись об Алексее Анисимове в документах Дахау датирована 02.09.1944 и означает «Abgang» — «выбытие». Семь недель спустя 8 заключенных Блайхаха с пометкой «Fluchtversuch» — «Склонен к побегу» были переведены в главный лагерь Дахау.

Некоторым австрийским узникам хотя и удалось наладить связь с гражданским населением Блайхаха, тем не менее весь мир для пленников был заключен в небольшом пространстве, ограниченном колючей проволокой под током высокого напряжения. Пугающая неизвестность и смерть ходила за каждым из них по пятам. Большинство заключенных Блайхаха прошли многие фашистские лагеря, застенки гестапо и тюрьмы нацистской Германии, подвергались невероятно жестоким испытаниям и гестаповским пыткам, что невозможно забыть ни сегодня, ни завтра — никогда!

Пленные работали в две смены по 12 часов днем и ночью. В цехах завода постоянно присутствовал представитель компании БМВ, который контролировал производство коленчатых валов и шатунов для авиационных двигателей. О размерах производства можно судить по количеству станков (345), размещенных в одном из зданий Альгойской фабрики ткачества и прядения. В то же время в цеху, расположенном на другом этаже, ткачихи-узницы, среди которых были и русские девушки, продолжали производить сукно для вермахта. Входы в здание фабрики находились с противоположных сторон, поэтому пути разных групп узников никогда не пересекались и они не могли видеть друг друга. Помещения для заключенных располагались на первом и третьем этаже фабрики. Из заблокированных окон видны были только лишь ограждения из колючей проволоки, аппельплац и дома на склоне Альпийских гор.

Узники распределялись по этажам в зависимости от их графика работы в дневную или ночную смену. За зданием фабрики на открытой площади — аппельплаце — дважды в день проводилась перекличка. Весь комплекс по периметру был окружен забором из колючей проволоки и высокими сторожевыми вышками. Охрана в лагере состояла в основном из эсэсовцев, несколько охранников были из числ комиссованных по ранению солдат вермахта. Эсэсовцы, опасаясь частых бомбежек, размещались в подвале. Лагерфюрером (комендантом) концлагеря Блайхах с мая 1944-го по апрель 1945 года был обершарфюрер СС Теодор Штутц-Ценнер, нацистский преступник, приговоренный 22 августа 1947 г. военным трибуналом в Дахау к пожизненному заключению (дело № 000-50-2-105).

Этот немецкий «герой», никогда не воевавший на фронте, заслужил свои воинские награды в концлагерях, воюя с безоружными заключенными. Теодор Штутц-Ценнер родился в 1913 г. В возрасте 23-х лет вступил в нацистскую партию. В начале своей эсэсовской карьеры он совершил проступок, который, как ни странно, незначительно повлиял на его продвижение по службе, несмотря на строгость эсэсовского приказа:

«Berlin, den 25.04.1936. Der SS-Mann Stutz Theodor, SS Nr. 271 377, 12/85. SS-Standarte, wird aus der SS ausgeshlossen. Erganzungsamt.

Berlin, den 25.04.1936. Der mit Verfugung des SS Abschnitts XXIX von 30.01.1936 verhangte Dauerausschluß gegen den

SS-Mann Stutz Theodor, SS Nr. 271 377, 12/85. SS-Standarte, wurde mit Verfugung des SS Oberabshnitts Sudwest vom 14.03.1936 in eine Bestrafung mit einem strengen Verweis umgewandelt».

«Берлин, 25.04.1936. Эсэсманн Штутц Теодор, эсэсовский номер 271 377, 12/85-й СС-полк, исключен из СС. Служебное дополнение.

Берлин, 25.04.1936. В соответствии с пунктом XXIX приказа СС от 30.01.1936 эсэсманн Штутц Теодор, эсэсовский номер 271 377, 12/85-й СС-полк, руководством юго-западной группы СС отстранен от занимаемой воинской должности с вынесением 14.03.1936 строгого выговора».

Лагерфюрер Блайхаха начал свою службу в концлагере Дахау 25 мая 1941 года, 19 августа 1941 года был переведен в Фельдафинг (внешний лагерь Дахау), где находился до февраля 1942 года. Потом вернулся в главный лагерь Дахау и служил там до августа 1942 года. Из Дахау его затем направили во внешние лагеря Ehrengut (Ехренгут, Мюнхен) и Хеппенхайм. Штутц Теодора назначили комендантом лагеря Ехренгут, который был расформирован после побега заключенного. 20 декабря 1942 года Штутц Теодор снова был переведен в главный лагерь Дахау, откуда, предположительно, в феврале-марте 1943 года его направили во внешний лагерь Дахау Аллах, где он был назначен начальником лагерной тюрьмы. 10 мая 1944 года Теодора Штутца из Аллаха перевели во вновь создаваемый внешний лагерь Блайхах концлагеря Дахау, комендантом которого он оставался до конца апреля 1945 года.

26 апреля 1945 года, когда французские войска приблизились к Блайхаху на расстояние около 50 км, Штутц-Ценнер получил приказ эвакуировать лагерь в австрийскую долину Отцталь, расположенную в Тироле. Под охраной эсэсовского конвоя 416 заключенных концлагеря Блайхах пешим маршем двинулись в направлении небольшой баварской деревни Оберйох, расположенной в горах на высоте 1200 м. Восемь или девять заключенных во время марша были брошены в горах из-за их полного физического истощения, десятки охранников при конвоировании колонны разбежались. Когда выяснилось, что впереди по маршруту продвигаются американские войска, эсэсовцы развернули колонну заключенных и погнали назад в Блайхах, где всех узников заперли и заблокировали в помещениях лагеря, а сами скрылись в неизвестном направлении.

30 апреля 1945 года разведывательные подразделения 3-го африканского егерского полка (3-е RCA) подполковника Гильберта тактической группы (CC1) полковника Грусса 1-й танковой дивизи (1DB) генерала Сюдрэ 1-го армейского корпуса (1CA) генерала Бетуара 1-й французской армии (1ere Armee) генерала Жана де Латтра де Тассиньи вошли в Блайхах и освободили из концлагеря более 400 узников.

Немецкий философ Гегель высказал предположение, которое почему-то иногда приписывают Марксу, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, 2-й – в виде фарса. Учитывая, что Россия – страна удивительная, как и «русский народ есть особенный народ в целом свете» (Екатерина II), то и «гримасы истории» у русских случаются особенные и самые удивительные: те же разведывательные подразделения того же 3-го африканского егерского полка (3-е RCA) полковника де Мезанже де Сент-Андре, участвовавшие в 1854–1856 гг. в войне с Россией и пленении русских солдат и офицеров в Крыму, спустя девяносто лет после Крымской войны 30 апреля 1945 года освободили в Германии русских заключенных (включая М. Лифинского), плененных немцами в Крыму во время Великой Отечественной войны (только имена и фамилии командиров 3-го африканского егерского полка по понятным причинам разные).

Бывший комендант концлагеря Блайхах Теодор Штутц-Ценнер в 1947 году предстал перед военным судом и был обвинен в преступлениях против заключенных концлагерей Дахау, Фельдафинг, Ехренгут, Хеппенхайм, Аллах, Блайхах. Ему вменялись издевательства, пытки, избиения и жестокое обращение с узниками. Штутц-Ценнер принимал участие в отборе с последующей отправкой пленных в другие лагеря смерти, а также участвовал в казнях русских заключенных через повешение.

22 августа 1947 года Теодор Штутц-Ценнер, как военный преступник, был приговорен к пожизненному заключению и отправлен в тюрьму Landsberg, но уже 23 мая 1955 г. его освободили. Основываясь на ранее полученных свидетельских показаниях, прокуратура установила, что за время существования лагеря зарегистрирована только смерть одного голландского и двух русских заключенных. После окончания войны еще трое русских узников погибли в освобожденном лагере. На кладбище Кирхплатц-3 похоронены один голландский (Марк Шараф) и четверо русских заключенных (Михаил Глокум, Евгений Жаринский, Иван Лысенко,

Федор Бушок). На надгробной плите выбито: «Здесь покоятся бывшие заключенные концлагеря Блайхах».

Немецкая прокуратура попыталась пересмотреть приговор Штутц-Ценнера повторно, однако в июне 1962 г. дело было закрыто. В качестве свидетелей допросили местных жителей, членов городского совета Блайхаха и бывших сотрудников жандармерии. Все они заявили, что никогда не слышали о каких-либо преступлениях в лагере и ничего не знают о жестоком обращении эсэсовцев с пленными. Никогда и ничего! Все показания свидетелей и документы этого следствия затем были уничтожены и в настоящее время не существуют. Дальнейшая судьба Теодора Штутц-Ценнера неизвестна.

Здание Альгойской фабрики ткачества и прядения, в котором заключенные концлагеря Блайхах во время войны изготавливали детали для авиадвигателей, используется сегодня немецкой компанией «Бош» для производства автомобильных аксессуаров.

Каждый узник концлагеря Блайхах во время войны и плена прошел суровые испытания, у каждого судьба была тяжелой и по-своему трагичной. Чтобы убедиться в этом, достаточно послушать любого из них.

Бывший заключенный концентрационных лагерей Дахау, Аллах и Блайхах № 59 703 Борис Узар родился 11 марта 1926 г. в Словении. У него было шесть братьев и сестер. Его отец Петр Узар, именем которого в настоящее время назван дом престарелых в Словении, был коммунистом. В 1941 году, когда немцы заняли Словению, Борис учился в школе в Монфальконе. Отец и его соратники ушли в горы к партизанам. Из-за тайных встреч со своим отцом и связей с партизанами Бориса вскоре арестовали и посадили в тюрьму в Бегунье. Через пять недель его освободили как несовершеннолетнего. Поскольку Борис находился под постоянным наблюдением и ему грозил повторный арест, он вынужден был бежать в Любляну, где в это время его брат Станко примкнул к партизанам (©24ur.com. Urša Zupan. Kranj, 13.05.2015).

В мае 1942 г. Борис также присоединился к партизанам. В партизанской бригаде, вспоминал Борис, он стал свидетелем «расстрела» пятерых итальянцев. Их поставили на край ямы, приказали раздеться до нижнего белья. Хотя они просили о пощаде, плакали и молились, раздались выстрелы и все итальянцы попадали вниз. На следующий день, когда Борис проходил с партизанами через деревню, одна

женщина рассказала, что видела итальянцев, на которых из одежды было только нижнее белье. Затем выяснилось, что итальянцев не расстреляли, а лишь для наказания и устрашения сымитировали расстрел.

Вскоре Борис был схвачен карательным отрядом «Белой гвардии» — словенской профашистской организации, сотрудничавшей в годы Второй мировой войны с немецкими и итальянскими нацистами. Итальянцы сначала отправили его в тюрьму, а затем в лагерь Гонарс. Вместо имени ему присвоили номер заключенного (11 510). В этом лагере были женщины и дети, многие из которых умирали от истощения и голода. Борису часто приходилось относить тела умерших детей на кладбище. Голод был настолько суровым, говорил Борис, что матери иногда не давали детям хлеба. Смерть любого узника в лагере скрывалась, чтобы выжившие смогли получить лишний кусок хлеба.

Через некоторое время Бориса Узара перевели в другой лагерь, где режим был немного слабее. Кто-то в лагере ему сказал, что здесь находится его отец, и Борис Узар получил разрешение на встречу с ним. Вскоре после капитуляции Италии в сентябре 1943 года в лагере возникла неразбериха, все немцы сбежали, а Узар с отцом опять вынужден был расстаться. Борис вернулся в Словению и вновь примкнул к партизанам, но во время немецкого наступления в конце 1943 года попал к нацистам в плен, прошел ряд тюрем и лагерей, а затем был отправлен в концлагерь Дахау. В то время ему было всего восемнадцать лет.

После прибытия в декабре 1943 года в Дахау всех заключенных раздели донага, затем наголо обрили и распределили по баракам. Борису присвоили № 59 703 и поместили в блок № 23. У него из вещей были только деревянные башмаки, лагерная роба, полотенце и ложка, которые он сохранил после освобождения. Жизнь в лагере была крайне мучительной. Если узник из-за болезни или сильного истощения не мог своевременно прибыть на аппельплац, рассказывал Борис, его немедленно убивали и тело несли в крематорий, чтобы сжечь. Заключенных часами заставляли стоять на плацу в любую погоду. Многие узники были так ослаблены, что двух часов не выдерживали и падали. Их били кнутом, как животных, а затем, если они не могли подняться, отправляли в крематорий. В лагере был голод такой силы, что узники съедали всю траву на территории, не давая ей вырасти. В Дахау Борис встретил своего друга

из соседнего села, Янко Добре, № 42 699, вся семья которого находилась в лагерях. Земляк спас Бориса от голода, за что он всю жизнь был благодарен другу.

Некоторые трагические эпизоды Борис запомнил в мельчайших подробностях. Например, помнит казнь русских военнопленных, повешенных за то, что пытались сбежать из лагеря. У одного из них во время казни порвалась веревка, но его все равно повесили. Перед этим его еще раз избили ногами, а затем казнили. Также Борис помнит, как жестоко убивали евреев. Много смертей ему пришлось увидеть в свои молодые годы.

В Дахау Узар пробыл около месяца, потом его перевели во внешний лагерь Аллах, расположенный в 9 км от главного лагеря Дахау. Из узников формировали команды, которые ежедневно направлялись колоннами на работу в каждый из пяти цехов завода БМВ. Рабочая команда, в которой был Борис, производила детали двигателей БМВ для самолетов. Заключенные работали по 12 часов 14 дней подряд. Это было крайне тяжело и утомительно, но Борис Узар думал только о том, чтобы остаться в живых.

В июле 1944 г. Узар был направлен в Блайхах — внешний лагерь Дахау, о чем свидетельствует сохранившаяся в архивах Дахау ведомость SS-Arbeitslager Blaichach от 16-го июля 1944 года, в которой шестым значится Борис Узар, № 59 703. Всего в этом списке 26 человек: 8 немцев, 7 югославов, 6 поляков, 3 русских (в т. ч. М. Лифинский), 1 голландец, национальность одного узника неизвестна.

Когда Борис Узар после плена вернулся домой, ему помогли устроиться на обувную фабрику. В 1948 г. его призвали в армию, где он пробыл полгода. Тех ужасов, которые Борис пережил в нацистски лагерях, он никогда не забудет. После войны Узар четырежды приезжал в мемориальный комплекс Дахау и до последнего времени поддерживал связь с другими лагерниками, пока те были живы.

Бывший заключенный № 77 763 концлагерей Дахау и Блайхах Виктор Мишот родился в Париже 28 апреля 1909 г. в бедной семье. Его отец Густав работал каменотесом, мать Элиза — швеей на дому. У Виктора было два младших брата. Семья Мишот жила в маленькой двухкомнатной квартире, в которой не было ни воды, ни газа, ни света. В 1923 году, когда Виктору исполнилось 14 лет, он начал работать помощником каменотеса. В возрасте 15 лет был арестован за выступления против колониальной войны в Марокко и

распространение листовок. В 1932 г. из-за туберкулеза легких и частых госпитализаций его полностью освободили от воинской обязанности.

В 1933 г. в возрасте 24-х лет Виктора избрали в ЦК ФКП. С 1933 года Мишот работал главным редактором журнала и одновременно сотрудничал с редакциями нескольких газет. В сентябре 1939 года Виктор вынужден был перейти на подпольную работу. С апреля 1941 года он принял участие в создании на юге Франции вооруженных отрядов движения Сопротивления, но уже 28 июня 1941 года его арестовали в Тулузе, а 23 сентября военный трибунал приговорил Виктора Мишота к пожизненному заключению и бессрочным каторжным работам (Jean Maitron. 30.06.2008, 30.01.2017).

В октябре 1943 года его перевели в тюрьму Эсс. После подавления в тюрьме восстания, вспыхнувшего 19 февраля 1944 г., власти Виши взяли в заложники 50 заключенных, среди которых находился и Виктор Мишот. Двенадцать заложников были приговорены к смертной казни и расстреляны. Вместе с остальными заложниками 13 мая 1944 года Виктора перевели в другую тюрьму, откуда в печально известном «поезде смерти» отправили в концентрационный лагерь Дахау, где его затем вместе с Эли Миньо перевели в концлагерь Блайхах.

Из воспоминаний Виктора Мишота: «...когда поезд отбыл из Ульма, мы спросили немецких железнодорожников, куда нас везут? Дахау! — был ответ. На конечной остановке конвой открыл двери вагона, и мы увидели вдоль состава груды трупов наших товарищей. От станции узников погнали через город в лагерь, затем мы преодолели рвы, наполненные водой, и увидели огромную надпись над входом «ARBEIT MACHT FREI» — «ТРУД ОСВОБОЖДАЕТ». Вокруг нас, полностью обессиленных, голодных, страдающих от невыносимой жажды, в удивительно чистой полосатой робе стал кружить на велосипеде оберкапо (главный капо) лагеря и по-французски оскорблять колонну заключенных. Он «принял нас», всех раздели донага, остригли, обработали какой-то кислотой и переодели в старые армейские шмотки всех родов войск Европы...

В «поезде смерти» Компьень — Дахау 2–5 июля 1944 г. при транспортировке погибло 984 заключенных».

В конце апреля 1945 года во время марша заключенных из Блайхаха в Австрию Виктор и его товарищи совершили побег, но затем вернулись в освобожденный лагерь. Когда

Виктор Мишот 12 мая 1945 г. отправился из Блайхаха во Францию, он весил всего 35 кг.

Товарищ Виктора Мишота Эли Миньо, заключенный Дахау и Блайхаха № 73 759, был простым рабочим, плотником по профессии, участвовал в освободительном движении в странах Магриба, за короткое время стал одним из лидеров коммунистической партии Алжира (1934–1938). В декабре 1938 года, после возвращения в Париж, Эли Миньо был избран в ЦК ФКП. Французская компартия во время оккупации Франции фашистской Германией в 1940 году осталась единственной вооруженной организованной патриотической силой в стране. С сентября 1941 года Эли Миньо участвовал в вооруженном сопротивлении на юго-западе Франции. В августе 1943 года его арестовали и в течение пяти дней подвергли пыткам в отделе специальных сил в Лионе, а затем перевели в знаменитую тюрьму Эсс, из которой отправили сначала в транзитный лагерь, а потом — в концлагерь Дахау, куда он прибыл в начале июля 1944 года (Claude Lecomte).

Эли Миньо вспоминает: «6 августа 1943 г. в департаменте Рона меня и моего товарища Роберта задержали сотрудники специальной бригады коллаборационистского режима Виши в Южной Франции. С июня 1943 года я входил в военное командование юго-западного подразделения FTPF в «Южной зоне» (FTPF — крупнейшая военная организация движения Сопротивления во Франции в 1941–1944 гг.). Полицейские в наручниках доставили нас в Лион. Роберта постигла та же участь, что и меня: его били дубинками, стульями по спине и груди. Наши мучители жгли нам кончики пальцев и уши сигаретами. Несколько раз за день полицейские ставили Роберта передо мной: «Это, — спрашивают, — ваш товарищ? Почему вы ничего не хотите сказать по-доброму? Вы хорошо знаете, что мы в конечном счете будем знать о вас все». Роберт качал разбитой головой, давая понять, что он им ничего не сказал. В этом я не сомневался».

В концлагерь Дахау Эли Миньо прибыл 5 июля 1944 г., ему присвоили лагерный номер 73 759, а через некоторое время отправили в концлагерь Блайхах.

После войны за участие в движении Сопротивления Эли Миньо было присвоено звание капитана и вручена медаль Сопротивления, а в 1981 году его наградили крестом рыцаря Почетного легиона. Принадлежность к ордену Почетного легиона является высшим знаком отличия, почёта и официального признания особых заслуг во Франции.

Бывший узник концлагерей Дахау, Аллах и Блайхах Леопольд Рабинович родился в 1922 г. в семье еврея, эмигрировавшего из России во Францию. Его мать была родом с Украины, а его дед являлся видным раввином еврейской общины Ковно (Каунас) в Литве.

В восемнадцать лет Леопольд ищет работу, перебивается случайными заработками, разгружает на причалах песок с барж, очищает водный канал в Версальском дворце, помогает коммунистам, находящимся в тюрьме, перечисляя им часть скудного заработка. Он читает труды Маркса, Ленина, увлекается русской литературой, особенно ему нравится Горький. Когда Леопольд решил переехать в СССР, он обратился в советское консульство, где заявил, что восхищен Советским Союзом и мечтает помочь Стране Советов построить социализм. «Товарищ, там социализм построен, его во Франции надо строить, чего вы ждете?» — ответили ему.

С осени 1940 года Рабинович участвует в движении Сопротивления, распространяет листовки в Париже, пишет призывы и лозунги на стенах. Преследуемый полицией за коммунистическую деятельность, Леопольд покидает Париж 6 июня 1942 года и вместе со своим братом Львом Рабиновичем перебирается на юг Франции.

В Лионе Леопольд Рабинович бродит по улицам без денег и жилья. Случайно встретив друга Саймона Розенбаума из Парижа, Рабинович поселяется с ним на чердаке дома. Саймон помогает ему установить связь с группой Сопротивления, состоящей из евреев. Рабинович вспоминает: «Один из них спросил меня: «Ты хочешь бить врага?» Я ответил: «Да». Он показал мне оружие и сказал, что среди его товарищей есть республиканцы из Испании, бойцы интернациональных бригад, которые обучат меня военному делу». Так Рабинович стал членом группы движения Сопротивления, состоящей из иммигрантов со всех концов Европы, имеющих боевой опыт борьбы с нацистами.

Один из них, Саймон Фридом, стал обучать Рабиновича подрывному делу, показывал ему, как из обычной трубы, заполненной динамитом, изготовить бомбу, чтобы пускать под откос немецкие поезда в районе Лиона и Гренобля, где действовала их группа. Взрывные устройства закладывались под рельсы, вес локомотива был детонатором, который воспламенял бикфордов шнур, после чего происходил взрыв. Партизаны юга Франции, в число которых входили Леопольд Рабинович и его брат Лев, совершили более 450

нападений на немецких солдат и диверсий на дорогах, железнодорожных станциях, складах и заводах.

Шесть месяцев спустя Рабиновича и его брата арестовали на площади Белькур в Лионе, а их товарища Саймона Фридома 4 декабря 1943 года казнили на гильотине. Леопольд Рабиновичбыл приговорен к пожизненному заключению и переведен в центральную тюрьму Эсс.

19 февраля 1944 года Леопольд Рабинович принял участие в попытке массового побега и восстания заключенных в тюрьме, организованного голлистами и коммунистами. Заключенные взяли в заложники администрацию и начальника тюрьмы. Перестрелка с охраной длилась всю ночь, но при поддержке немецкой армии восстание было подавлено. Военно-полевой суд приговорил к смертной казни 12 человек из числа организаторов и активных участников мятежа, приговор был приведен в исполнение утром 23 февраля 1944 года (Memoire Eysses... //«Rabi»... - Le Monde).

30 мая 1944 года более одной тысячи узников тюрьмы, включая Леопольда Рабиновича и его брата Льва, перевели в транзитный лагерь в Компьене (Франция), откуда 18 июня 1944 года отправили в концлагерь Дахау. Поезд с заключенными прибыл в Дахау 22 июня 1944 года. Льва Рабиновича направили в Бухенвальд, где он пробыл до конца войны и в 1945 г. вернулся во Францию (M. V. Renterghem).

Леопольд Рабинович вспоминает: «В Дахау евреям приказали выйти из строя. Тогда я обратился к Торе, которая разрешает евреям нарушать обязательства в случае опасности, и я не вышел из строя. Рабинович означает "сын раввина", поэтому в концлагере я назвал себя Ралиновичем (в документах Дахау изменена только вторая буква фамилии — ID 287717: "ROBINOVITSCH Leopold, 06.01.1922, Paris, № 73 947, Blaichach"). Это сработало». Ему присвоили лагерный номер 73 947 и 15 дней держали в Дахау, а затем отправили работать на завод БМВ в команду Аллах, откуда позже перевели в Блайхах, где он проработал на заводе БМВ до конца войны. 28 апреля 1945 г. при конвоировании заключенных из Блайхаха в Австрию Рабинович и несколько узников в горах совершили побег. Они возвратились назад в Блайхах, когда лагерь освободили французские войска.

Элидио Миола, бывший заключенный Дахау и Блайхаха № 69 786, родился в 1924 году в Турине. В 1942 году устроился работать на завод «Фиат». В мае 1944 года, чтобы избежать призыва в итальянскую армию, воевавшую на стороне

Германии, решил уйти в партизаны, но в районе Триеста был пойман эсэсовцами, арестован и с группой пленных направлен в концлагерь. Охранники предупредили, что если кто-либо по дороге сбежит, то за каждого сбежавшего расстреляют десять человек.

В начале июня 1944 года поезд ночью прибыл в Дахау, но не на станцию, а на полустанок, который находился рядом с полем. Заключенных построили в колонну и погнали в лагерь. Утром 2 июня 1944 года всех отвели в барак, где приказали раздеться, отобрали все вещи, остригли, продезинфицировали, выдали полосатую робу и всех зарегистрировали. В первые дни пребывания Элидио Миолы в лагере часто гремела музыка или раздавался шум заведенных моторов машин, иногда чувствовался какой-то едкий запах, но многие узники тогда еще не понимали, что это такое. Только потом итальянские заключенные узнали, что немцы шумом работающих двигателей грузовиков и громкой музыкой заглушают пытки и расстрелы узников.

Элидио Миоле присвоили лагерный номер 69 786, выдали красный треугольник, который приказали нашить на робу, и определили на время карантина в блок № 15, откуда заключенных не выводили на аппельплац. В конце июня или начале июля всех узников заставили пройти босиком и голыми в другой барак, где в середине блока стоял стол, за которым сидел эсэсовец. Он по одному осматривал заключенных, заглядывал в рот, поворачивал каждого спиной, затем передом, что-то записывал, а потом приказал одеться. Всех построили и отправили в Аллах — внешний лагерь Дахау. Там Миолу заставляли рыть траншеи и котлованы, толкать вагонетки с землей по рельсам. Эта работа сильно изнуряла Элидио. Он не понимал большинства языков, на которых разговаривали другие заключенные, так как был единственным итальянцем среди французов, русских и поляков. Один из французов, который немного говорил по-итальянски, сказал ему: «Эй, парень, если ты хочешь остаться в живых, то не думай ни о других заключенных, ни о своих родных, ни о семье, а думай изо дня в день только об одном, как тебе выжить». Эти слова до глубины души потрясли Элидио Миолу.

Затем его отправили работать на завод БМВ, в цехах которого заключенные изготавливали детали для двигателей самолетов. Когда начались интенсивные бомбежки завода в Аллахе, заводское оборудование вывезли, а Миолу и часть

заключенных перевели на фабрику в Блайхах. Там его снова определили в цех, производящий шатуны для авиадвигателей БМВ. Вдвоем с чехом Элидио стал работать на токарном станке.

В Аллахе была виселица — «фирменный знак» любого концлагеря. В один из дней, вспоминает Миола, заключенным приказали построиться в ряд по десять человек, барак за бараком, блок за блоком, затем привели одного русского, зачитали приговор на немецком языке и его повесили, а всех заключенных заставили смотреть на казнь. Никто не имел права отвернуться, потому что капо ходили вдоль строя и били любого, кто хоть немного поворачивал голову. Потом выяснилось, что русского заключенного повесили за так называемый «саботаж», который состоял в том, что узник поднял из мусора выброшенный кусок кожи, чтобы починить обувь. За этот клочок кожи его и повесили.

Через два месяца Элидио Миолу отправили в Блайхах. Режим там был менее жестоким, чем в Аллахе и Дахау, так как лагерь был не очень большим. В Блайхахе находилось не более 25 итальянцев. Остальные были русские, поляки и в большинстве своем французы. В помещении, куда распределили Элидио Миолу, он был единственным итальянцем, кроме него было 11 русских заключенных. Все спали на двухъярусных нарах. Последний раз он видел этих русских в конце войны после освобождения лагеря, когда они брали билеты на вокзале. Миола не стал к ним подходить, потому что там были русские девушки, которые трудились на ткацкой фабрике выше этажом.

На заводе БМВ в Блайхахе все заключенные работали в две смены, 12 часов ночью и 12 часов днем, с шести часов утра до шести вечера и с шести вечера до шести утра, шесть дней в неделю, часто приходилось работать и в воскресенье. Из лагеря до завода надо было идти метров 400 – 500, не больше, но Миола за это время успевал сильно замерзнуть, потому что ночью и в первой половине дня температура в горах опускалась ниже 20 градусов, а на нем была только старая рубашка и холщовая роба.

В цеху, где работал Элидио Миола, необходимо было строго следить за процессом стабилизации шатунов авиадвигателей, для чего требовалось неуклонно соблюдать технологию. Шатуны загружались в печь, нагретую до 500 — 600 градусов, затем их снимали с крюков и помещали внутрь емкости с солью, расплавленной при температуре

900 градусов. После этого надо было нажать на специальную кнопку, чтобы загорелась красная лампочка, и включить реле, а потом, когда загорался зеленый свет, необходимо было достать шатуны и погрузить их в машинное масло. Вслед за этим шатуны перекладывали в печь и через строго определенное время доставали назад. Из этих этапов и состоял процесс стабилизации.

Однажды после стабилизации шатуны деформировались. Эсэсовское и заводское руководство заявило, что все виновные будут выявлены и немедленно расстреляны. Во время расследования, после повторного контрольного испытания, проведенного в присутствии немецких специалистов, шатуны после стабилизации также деформировались. Тогда эсэсовцам стало ясно, что в этом нет вины заключенных. Позже был выявлен сбой в работе реле, которое вовремя не сработало, в результате чего зеленая лампочка загорелась не через минуту, а через минуту и пятнадцать секунд. В эти пятнадцать секунд и произошла деформация шатунов.

Комендант лагеря, главный из эсэсовцев, на Рождество в декабре 1944 года произнес речь, которую Элидио Миола будет помнить очень долго. Комендант сказал, что он надеется и верит, что в следующем, 1945 году каждый из заключенных встретит Рождество у себя дома. Слова коменданта лагеря Блайхах, говорит Миола, означали только одно, что дела у гитлеровцев на фронте шли крайне плохо. Таким способом комендант пытался частично реабилитировать себя перед узниками, по этой же причине немцы приготовили для заключенных на Рождество макароны с соусом из томатной пасты и гуляш из мяса лошадей, убитых во время бомбёжек. Около пяти часов, когда пришло время еды, немцы объявили воздушную тревогу. Элидио Миола утверждает, что это была самая вкусная еда, которую он когда-либо ел за всю свою жизнь (Intervista e trascrive Lilia Davite, 04.05.1982).

Блайхах бомбили постоянно до самого конца войны. Вечером в один из последних дней апреля 1945 г. всех узников внезапно построили на аппельплаце, чтобы затем маршем погнать через Альпы в Маутхаузен, находящийся по ту сторону гор в Австрии. Заключенные шли два дня и две ночи в гористой сельской местности, говорит Миола, по пути следования колонны их заставляли ночевать на складах и в сараях для инструментов и оборудования. Однажды случайно заключенные услышали разговор охранников между собой, что идти вперед невозможно, так как там им навстречу

приближаются американцы, а повернуть назад и двигаться в противоположном направлении нельзя, потому что там им навстречу идут французские войска. Всех узников эсэсовцы повернули назад и снова заключили в лагерь Блайхах, при этом заперли и заблокировали все помещения, предварительно предупредив, что будут стрелять в любого, кто попытается выйти наружу.

Через некоторое время после затишья один из заключенных сообщил, что охранников больше нигде не видно. Когда узники взломали двери и вышли наружу, то увидели, что часовых нигде нет. Вскоре неожиданно появился джип с марокканцами в военной форме, один из них сказал: «Война закончилась!» Затем марокканцы уехали, после этого прибыл танк. Он сделал несколько холостых выстрелов в знак освобождения лагеря. Это было в конце апреля. Концлагерь Блайхах, большинство заключенных которого составляли французы, освободили французские войска, поэтому многие узники стали петь «Марсельезу» и все радовались освобождению (Grazia Giaretto, 06.02.1989).

Первыми партиями из лагеря домой на родину стали отправлять французов, вместе с ними ушли русские, потом поляки, и остались одни итальянцы, о репатриации которых никто своевременно не позаботился.

Поскольку большинство заключенных лагеря ушли, Элидио Миола и еще четверо или пятеро узников взяли коляску, немного провизии и направились в американский гарнизон, находящийся в 60 милях, чтобы американцы помогли им вернуться на родину. Когда французские войска заняли Блайхах, они всем узникам концентрационного лагеря выдали справку, с которой Миола пришел в американскую зону. Здесь Элидио пробыл два или три дня, затем его и других бывших заключенных перевезли на грузовиках в Инсбрук. Поскольку в Инсбруке не было вагонов и машин, то заключенных на подводах и повозках, сопровождающих домашний скот, отправили в Больцано, откуда с попутным грузовиком они выехали в Италию. Доехав до Милана, все итальянцы разошлись по своим сторонам, а Миола на попутном грузовике поехал в Турин.

В Турине Элидио Миола пришел домой в полосатых лагерных брюках, которые он решил сохранить на память, но его сестра их выбросила. Двоюродный брат, бывший партизан, сообщил, что родной брат Миолы погиб, а его мама лежит в больнице. Элидио Миола прибыл домой 15 июня 1945 года.

Германия, Бавария, Блайхах, штаб французских войск, 8 мая 1945 г. Молодой французский офицер 1-го армейского корпуса неторопливо достал из сейфа круглую печать, подошел к столу, на котором стопками лежали немецкие бланки (721. ...Gtraus, Berlin GD. 36 – Din A 4 boppelt) и, ставя печать на русский перевод, написанный от руки, улыбаясь, весело произнес: «Et voila tout, le seigneur. Votre promenade a travers les camps terminee. Bon voyage dans la patrie!» — «Вот и все, господа. Ваш променад по немецким лагерям закончился. Счастливого пути на родину!»

Офицер французского корпуса, видимо, не догадывался, что стоящие перед ним худые изможденные русские люди за годы пребывания в фашистском плену научились не только понимать по-французски, но и могут бегло говорить еще как минимум на двух-трех европейских языках. Шутка веселого француза про «легкую прогулку по немецким лагерям» ни у кого из присутствующих не вызвала даже и тени улыбки.

Взяв готовый бланк, бывший заключенный № 67 864 быстро пробежал глазами по тексту, написанному поперек полей: «Справка дана Лифинскому Матвею рожд. 1915 г. в том, что он действительно находился в концлагере Дахау команде Блайхах, где и был освобожден из заключения французскими войсками 30/IV 1945 г. Французское командование» (см. 10-ю стр. иллюстраций).

Судьба заключенных Блайхаха после освобождения сложилась по-разному, но все они, независимо от национальности и мест проживания, до конца жизни будут помнить те ужасы, которые им пришлось пережить в нацистских лагерях. Их воспоминания адресованы потомкам, чтобы подобное никогда не повторилось.

Не забудут они и тех, кто помог многим лагерфюрерам избежать наказания и укрыться от виселицы за океаном, проложил для эсэсовцев «крысиные тропы» — маршруты бегства нацистов в страны Латинской Америки, Ближнего Востока, в Канаду и США, один из которых пролегал через Испанию в Аргентину, второй вел из Германии в Рим (или Ватикан?) и Геную, а затем — в Южную Америку. Оба «освященных» францисканцами маршрута, проложенные не без участия Святого Престола, в начале пути нередко пересекались в «Альпийской крепости», ставшей для многих военных преступников той отправной точкой, с которой начался их спасительный бег в заокеанские «демократии».

Глава XII

Падение Альпийской крепости

Самым ложным правилом является убеждение, что после поражения врага все закончено, в то время как нужно стремиться к более крупным успехам.

А. Суворов

Я гарантирую вам, господа, что невозможное всегда побеждает. И чем невозможнее, тем вернее.

А. Гитлер

В декабре 1944 года вермахт предпринял попытку провести контрнаступление в Арденнах. Гитлеровское командование намеревалось ударом на Антверпен рассечь англо-американские войска и разгромить их. 16 декабря началось немецкое наступление, и к 25 декабря дивизии вермахта смогли продвинуться на 90 км. Однако к концу января 1945 года союзники ликвидировали «арденнский выступ» и начали вторжение на территорию Германии. Остатки четырех немецких дивизий были окружены и пленены, другая половина группировки, понеся значительные потери, отошла на правый берег Рейна. 9 февраля 1945 года американские и французские части в результате Кольмарской операции заняли весь западный берег Рейна в Эльзасе. В первой половине марта 1945 г. германские войска были вынуждены отойти за Рейн. Преследуя их, союзники вышли к Рейну

и в ночь на 24 марта форсировали реку. Последней призрачной надеждой немецких генералов на спасение оставалась так называемая Альпийская крепость.

В марте-апреле 1945 года нацисты все еще надеялись избежать полной катастрофы, укрывшись в горах Южной Баварии. Австрийские и Итальянские Альпы, покрытые непроходимыми лесами, с крутыми склонами, глубокими неприступными ущельями, многочисленными оврагами и скалистыми вершинами с вечными снегами, создавали естественную преграду не только для танков, артиллерии и живой силы противника, но и для бомбардировочной авиации. Огромные склады боеприпасов, находящиеся в предгорьях Баварских Альп в Германии и Австрии, сотни самолетов, стоящих на взлетных полосах между Мюнхеном и Зальцбургом в то время, когда немецкой армии на Восточном фронте не хватало поддержки с воздуха, подземные бензохранилища, окружающие Зальцбург, Берхтесгаден, Инсбрук, а также геббельсовская пропаганда о «фергельтунгсваффе» — «оружии возмездия» и нерушимости Альпийской крепости вселяли фанатично преданным Гитлеру немцам, что шанс на спасение крайне высок. Отчаянная и безнадежная оборона Берлина первоначально планировалась нацистами в том числе и с целью выиграть время, чтобы сохранить элитные войска СС и дать возможность отступающим немецким дивизиям занять оборону в Альпах.

Зная об успехах англо-американских войск на западе, во время боев за Берлин Гитлер тем не менее снял почти все свои самые боеспособные войска с Западного фронта и направил их против Красной Армии. При этом американские, английские и французские войска шли по территории Германии, практически не встречая серьезного сопротивления, продвигаясь без боев иногда по 60—70 км в день. В результате этого большая часть территории Германии оказалась в руках союзников.

Перед началом боевых действий в Германии между французами и американцами возникли серьезные разногласия по стратегическим вопросам, которые омрачали отношения генерала Шарля де Голля с верховным главнокомандующим экспедиционными войсками союзников генералом Дуайтом Эйзенхауэром. Шарль де Голль в «Военных мемуарах» пишет: «Разработанный Эйзенхауэром план по форсированию Рейна и дальнейшему продвижению союзных войск в Германии — с весьма многозначительным для нас, французов,

названием «Затмение» — ставил перед 1-й французской армией чисто оборонительные задачи. Самое большее, на что могли рассчитывать наши войска, перейти, в случае полного краха вермахта, на правый берег Рейна в обозе 7 й американской армии в качестве подсобной силы для оккупации немецкой земли Вюртемберг. Но форсирование Рейна 1-й армией на ее участке фронта не предусматривалось ни при каких обстоятельствах...

Какое бы внимание я ни уделял событиям на Атлантическом побережье, в Альпах или в Индокитае, самую большую головную боль мне доставляли события в Германии. Именно здесь решались судьбы Европы... Однако в умах союзного командования, главную скрипку в котором играл Вашингтон, зрели иные планы. Согласно этим планам основную роль на заключительном этапе войны должны были взять на себя американцы. Приказами ставки задача по овладению Руром — самым важным во всех отношениях районом Германии — возлагалась исключительно на американцев. Затем тем же американцам предписывается двинуть одну часть своих войск к Эльбе, другую — в направлении Дуная, с тем чтобы захватить основную часть немецкой территории и соединиться с советскими войсками у Берлина, Праги и Вены.

Что касается французов, то сначала, как помнится, их хотели оставить на левом берегу Рейна, но поскольку они все-таки перебрались через него, им было рекомендовано далеко от него не удаляться. Само собой разумеется, что в момент, когда перед французскими войсками открывались широкие перспективы, мы не могли пойти на подобное сокращение нашего военного участия».

После пересечения Рейна 30—31 марта 1-я французская армия под командованием генерала де Латтра де Тассиньи развила наступление и 03.04.1945 захватила Карлсруэ. 7—8 апреля 1945 года французские части освободили концлагерь Файхинген, в котором находилось около 700 больных и нетранспортабельных заключенных. В течение апреля, продвигаясь по Баварии, французские войска обнаружили множество других нацистских лагерей и рабочих команд военнопленных. На освобожденных территориях в каждом немецком городке и поселке было большое количество иностранных пленных, распределенных по лагерным командам. В тихих баварских селениях, еще не познавших ужасов войны, были обнаружены нацистские лагеря Хаслах,

Биссинген, Хинцерт, Блайхах, Фишен, Оберстдорф, в которых содержались тысячи узников со всех стран Европы: русские, французы, поляки, югославы, греки, бельгийцы, голландцы, итальянцы... Освобожденные заключенные добровольно стали брать на себя обязанность по наведению порядка на местах, позволив французским войскам не распылять свои силы и не отвлекаться от намеченной боевой задачи (L'Invasion de L'Allemagne // L'armée de Lattre).

В апреле 1945 года 1-я французская армия окружила и нанесла в Шварцвальде (Черный лес) значительное поражение 18-му корпусу СС, захватив при этом большую территорию горного массива Баден-Вюртемберга на юго-западе Германии. Обергруппенфюрер СС Кепплер, командующий 18-м корпусом СС, отвел уцелевшие подразделения разбитого корпуса в глубину Альпийской крепости. 22 мая 1945 г. Георг Кепплер вместе с остатками личного состава 18-го корпуса СС последним из генералов немецкой армейской группировки сдался в плен американским войскам. После войны этот эсэсовский генерал провел в тюрьме всего три года, в 1948 г. вышел на свободу и обосновался в Гамбурге, где проживал до 1966 года.

20 апреля 1945 г. французские войска заняли Штутгарт. Как и предполагал генерал де Голль, американское командование воспротивилось присутствию в Штутгарте французских войск, поэтому де Голль отдал де Латтру приказ: «Я приказываю Вам иметь в Штутгарте французский гарнизон и установить там немедленно военное управление. На возможные нарекания американцев Вам надлежит отвечать, что Ваше правительство приказало удерживать и управлять территорией, захваченной нашими войсками, до тех пор, пока заинтересованными правительствами не будет установлена французская зона оккупации».

Американский генерал Деверс, командующий 6-й группой армий, 28 апреля напомнил генералу де Латтру, что Штутгарт не должен входить в сферу интересов 1-й французской армии, и повторно приказал французским войскам покинуть город, так как этот важный стратегический узел необходим 6-й американской армии. Ранее приказ Деверса покинуть Штутгарт был послан де Латтру 24 апреля, однако тот отказался его выполнять. Генерал де Латтр ответил Деверсу, что данный вопрос выходит за рамки их полномочий, поскольку должен решаться на правительственном уровне. Что же касается прохода через Штутгарт американских час-

тей, то он лично против этого не возражает, но оставляет в городе военный гарнизон во главе с французским генералом Шевийоном. Таким образом, Штутгарт остался за французами. В историю операций союзников во Второй мировой войне этот конфликт между союзными войсками вошел под названием «Инцидент в Штутгарте».

В Вашингтоне Трумэн заявил, что он шокирован действиями де Голля и обеспокоен тем, что сообщение об инциденте... вызовет бурю негодования. Генерал де Голль выразил желание избежать создания такого положения и указал, что легко добиться этого, если только союзники Франции признают, «что такие непосредственно затрагивающие Францию вопросы, как оккупация германской территории, должны обсуждаться и решаться при ее участии». Вскоре после этого инцидента союзники достигли соглашения по вопросу о французской зоне оккупации и участии Франции в контроле над Германией. Главные требования де Голля были выполнены.

Во время боевых действий в Германии наиболее эффективной тактической единицей первой французской армии, построенной по типу американской, была так называемая Combat Command (CC), которая в зависимости от боевой обстановки состояла из подразделений разных родов войск и дивизий — бронетанковой, пехотной, артиллерийской. Две бронетанковые дивизии, 1DB и 5DB, 1-й французской армии были разделены на 5–6 Combat Command (CC), составы которых во время одной и той же войсковой операции часто изменялись.

22 апреля 1-я бронетанковая дивизия генерала Сюдрэ (1DB) 1-го армейского корпуса 1-й французской армии в составе двух команд (CC1 и CC2) устремилась по двум направлениям: в Зигмаринген и Ульм. День захвата Ульма 24 апреля 1945 года был последним этапом сражения французской армии за Дунай и началом операции по разгрому немецких группировок Альпийской крепости в долине реки Иллер на юге Германии. В Ульме дивизия Сюдрэ (1DB) изменила направление и, повернув на юг, устремилась вдоль левого берега Иллера в сторону Баварских Альп.

Генерал Латтр де Тассиньи, решая задачи, поставленные 1-й французской армии генералом де Голлем, бросил свои танковые части и марокканские дивизии на австрийский Тироль, направив одну колонну вверх по течению Иллера через Имменштадт, Блайхах, Зонтхофен, Оберстдорф к

австрийской границе, другую — вдоль Боденского озера по направлению Линдау – Брегенц в австрийский Санкт-Антон и Ландекк.

Захват оборонительных рубежей Альпийской крепости в долине Иллера и выход французских войск к подножью и перевалам Баварских Альп были поручены 1-й бронетанковой дивизии генерала Сюдрэ (1DB) и 2-й марокканской пехотной дивизии генерала Линареса (2DIM), в состав которой входили три полка марокканских стрелков. Обладая поразительной меткостью, марокканские стрелки передвигались на броне танков. Их задачей была нейтрализация немецких снайперов, которые в качестве цели выбирали французских командиров, стоящих на марше в башне танков.

27 апреля 1945 г. дивизия Сюдрэ объединилась с дивизией Линареса для дальнейшего продвижения в направлении австрийской границы и стала стремительно преследовать врага, чтобы не дать возможности немцам закрепиться в Альпийской крепости и развязать партизанскую войну в труднодоступных горных районах.

28 апреля 1-я бронетанковая дивизия генерала Сюдрэ была вынуждена остановить продвижение из-за полного отсутствия горючего для танков, однако 29 апреля дивизия возобновила движение и стала стремительно приближаться к Имменштадту, захватив в окрестностях города добровольно сдавшихся в плен 50 эсэсовцев, вооруженных фаустпатронами.

Французский военный корреспондент, несколько дней сопровождавший штаб наиболее вооруженной и мобильной тактической группы (CC1) дивизии Сюдрэ, так описывает командира этой группы: «Полковник Грусс — эльзасский гигант со светлыми, очень голубыми глазами, скромный, немного заикающийся, когда он взволнован, на самом деле был требовательным и властным командиром, скрывающим свои эмоции под маской добродушия.

Один из его офицеров, командир третьего операционного отдела капитан Стакер, не задумываясь, может мгновенно назвать расположение всех подразделений CC1 и каждого своего подчиненного по имени. Радиопередатчик, заглушая автомобильный шум, работает у капитана без остановки. Стакер успевает за пятнадцать минут набросать на карте пятнадцать планов дальнейших действий своих подразделений. CC1 образуют очень сплоченную и полностью автономную боевую группу, достаточно независимую при

выполнении боевой задачи. Капитан Стакер мгновенно оценивает обстановку и отдает хорошо продуманные приказы. Эти два человека прекрасно дополняют друг друга. Именно они привели авангард 1-го армейского корпуса французской армии к воротам Ульма и Имменштадта».

Полковник Грусс, не обращая внимания на полученное сообщение о захвате Мюнхена американскими войсками и переговорах о капитуляции вермахта в Баварии, по радио отдает команду: «Всем подразделениям CC1 и 2-му танковому полку на рассвете 30 апреля 1945 года начать движение в район Имменштадта. Операцию продолжить, несмотря на переговоры, которые в настоящее время ведет американское командование о полной капитуляции гитлеровских войск в Баварии» (L'armée de Lattre. Paris, le 18 juin 1945).

Немецкий пехотный генерал Ганс Шмидт, участник боев в долине р. Иллер и предгорьях Баварских Альп, на допросе сообщил, что одна из линий немецкой обороны, обеспечивающая защиту западного направления Альпийской крепости, проходила в районе Имменштадта и Блайхаха.

27—28 апреля 1945 года под командованием генерал-лейтенанта Курта Хоффманна в окрестностях этих населенных пунктов срочно создавался оборонительный рубеж, ускоренными темпами проводилось обучение войск, собранных из остатков 465-й немецкой дивизии и призывников из числа местного населения, включая пожилых немцев и подростков. В общей сложности численность этих войск составляла не более одного-двух учебных батальонов. Командир обороны западного рубежа Альпийской крепости генерал-лейтенант Хоффманн с 13 офицерами своего штаба 2 мая 1945 года сдался в плен французским войскам (освобожден из плена в октябре 1947 года).

На защиту Альпийской крепости в районе Имменштадта и Блайхаха фашисты бросили детей и подростков. Один из них, Карл-Хайнц Мелер, приведенный к присяге за три недели до конца войны, вспоминает: «В день рождения фюрера 20 апреля 1945 года наш полк «Истребители танков 21 — Баден Гитлерюгенд», состоящий из подростков в возрасте 15—16 лет, построили во дворе школы, чтобы привести к присяге. Кроме нас, присягу принимали ученики из детского лагеря Титизее, а также школьники из Мангейма, Донауэшингена, Филлингена и Триберга. В последние дни войны всех дезертиров, уклонявшихся от призыва, нацисты вешали, несмотря на юный возраст.

Как и многие взрослые, мы верили в превосходство немецкой нации над врагом и не сомневались в нашей окончательной победе, хотя за горизонтом слышна уже была канонада французской артиллерии. Выступление капитана — командира нашей роты — было коротким. Он говорил о воле к победе немецкой молодежи, о предстоящем использовании новых видов оружия и, как обычно, об окончательной победе. Запомнились ключевые слова: «оборона рейха», «враг намного слабее», «тотальная война», «держаться до последнего» (Mehler «Ich habe noch an den Endsieg geglaubt»).

На грузовиках и велосипедах нас стали вывозить в так называемую Альпийскую крепость, которую мы должны были защищать. 27 апреля 1945 года мы прибыли маршем в Имменштадт. На нашем пути неоднократно встречались отступающие немецкие солдаты, у которых дети были нашего возраста. Они с изумлением смотрели на нас и наше вооружение. Для них мы были просто детьми.

Нам было приказано защищать поселок Блайхах. В полной боевой готовности мы лежали, зарывшись в землю, но, к нашему счастью, французские танки не появились в ту ночь. Мы бы не оставили этот рубеж без боя, и, вероятно, никто бы из нас не выжил. Мы тогда не осознавали этого и готовы были умереть за Германию. Из Блайхаха мы двинулись дальше на запад в горы. Война для нас закончилась 1 мая 1945 г. в Оберштауфене, где мы сдались французской армии. Со дня присяги до плена не прошло и двух недель.

Процесс осмысления войны для меня и моих товарищей начался во французском лагере в Тюле, когда мы узнали, что в этом городе 9 июня 1944 года эсэсовцы 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх» в качестве акции возмездия повесили на фонарных столбах и балконах 99 человек, схваченных во время облавы. Из французского плена меня освободили в феврале 1947 года. Мне не было еще и 17 лет».

Части 1-й бронетанковой дивизии генерала Сюдрэ при подходе к Имменштадту встретили упорное сопротивление нескольких объединенных групп противника, которое в течение дня было подавлено. В 16 часов 30 апреля 1945 года начались артподготовка и обстрел Имменштадта. Вскоре по радио был получен приказ прекратить огонь артиллерии, так как танки 3-го африканского егерского полка (3-е RCA) подполковника Гильберта приблизились к городу со стороны Кемптена. Несмотря на интенсивные артобстрелы и частые бомбежки, мост через реку Иллер не был поврежден.

В 17 часов первые подразделения CC1 вошли в Имменштадт. Генерал Сюдрэ приказал разместить в городе штаб полковника Грусса. Зачистку Имменштадта стали проводить с ходу. Гитлеровцы, не оказывая сопротивления, массово сдавались. Немецким пленным отвели охраняемое место в южной и юго-западной части города, к концу дня их набралось более тысячи человек.

На улицах Имменштадта почти не было людей. Большинство горожан бежали в горы, спасаясь от беспрерывных бомбежек союзной авиации. В этот день в окрестностях города в горах на высоте 800 м шел сильный снег. Бургомистру Имменштадта было приказано вернуть своих жителей домой, так как в горах бушевала настоящая снежная метель и было очень холодно. Разведчики 3-го егерского полка, совершающие марш в горах из Имменштадта в Блайхах и Зонтхофен, замерзали даже в канадских бушлатах. В последний день апреля 1945 года земля в горах покрылась сплошным снежным одеялом. Всего в десяти километрах птичьего полета до австрийского Тироля высота снежного покрова достигала полуметра!

В 17 часов 30 минут по радио на связь со штабом CC1 вышел подполковник Гильберт, командир 3-го африканского егерского полка, разведывательные подразделения которого, покинув Имменштадт, быстро продвигались в направлении Оберстдорфа через Блайхах и Зонтхофен к австрийской границе. 3-й егерский полк подполковника Гильберта был разведывательным подразделением CC1 и входил в состав 1-й бронетанковой дивизии генерала Сюдрэ. Полк, осуществляя разведку местности, шел, как правило, в авангарде дивизии и был оснащен американскими танками «Шерман». Подразделения полка 30 апреля 1945 г. участвовали не только во взятии Имменштадта, но и в этот же день вошли в Блайхах и Зонтхофен, освободив при этом около 400 заключенных внешнего лагеря Дахау концлагеря Блайхах.

Один из участников этих событий младший лейтенант Роланд Морис, служивший в 5-м батальоне капитана Андрэ 3-го егерского полка, за проявленное мужество впоследствии был награжден Крестом войны 1939–1945 гг. с пальмовой ветвью, а указом от 15 июля 1945 года за подписью генерала де Голля, — орденом Почетного легиона. «Роланд Морис— великолепный офицер. Проявляет мужество, граничащее с безрассудством... 22 апреля 1945 г. его действия очень помогли при наступлении на Зигмаринген... 23 апреля 1945 г.

в Дельмензингене прорвал оборону и сломил сопротивление... благодаря смелости и отваге...» — говорится в приказе о награждении Крестом войны 1939—1945 гг. с пальмовой ветвью. «Указом от 15 июля 1945 года — орденом Почетного легиона, в звании РЫЦАРЬ, награжден: Морис Ролан. Подпись: де ГОЛЛЬ».

Командир 3-го егерского полка подполковник Гильберт, узнав, что телефонная линия в Имменштадте не повреждена, сразу же позвонил немецкому бургомистру Блайхаха и выдвинул ультиматум: «Здесь командир французского полка. Предлагаю вам сдаться без каких-либо условий, в противном случае я открою огонь по Блайхаху из тяжелых орудий!» Ответ последовал незамедлительно: «Блайхах сдается без всяких условий!»

В двух километрах от Блайхаха, в горной долине на высоте около 740 м над уровнем моря, расположился немецкий городок Зонтхофен, также входящий в многоуровневую систему защиты Альпийской крепости. В Зонтхофене неоднократно бывали и Гитлер, и Гиммлер, и другие высокопоставленные нацисты. Здесь размещалась одна из самых известных в Германии школ Адольфа Гитлера. По замыслу создателей школы Гитлера должны были стать «коричневой» кузницей кадров нацистской партии, и Зонтхофен был превращен в главное место дислокации этих школ в Третьем рейхе.

Около 1700 воспитанников из 10 школ размещались в просторных залах новомодных построек из неотесанного камня. Бывший учащийся школы Адольфа Гитлера Йоахим Бауман вспоминает: «Мы тогда были молоды и полны веры в идею. В ходе многолетней учебы мы готовились к тому дню, когда смерть заставит фюрера выпустить из рук жезл. Мы, призванные по мановению этого жезла на службу, должны были хранить его мечту о тысячелетнем рейхе и нести ее в последующие десятилетия».

Самоуверенности и чувства собственного превосходства хватало всем этим малолетним фюрерам с избытком. Они считали себя самыми лучшими из лучших. Уже в школьные годы грезили о великом будущем, которого они смогут добиться. «Целью нашего класса был пост гауляйтера в Сибири, — вспоминает Клаус Гейе, учившийся в школе Адольфа Гитлера. — Я знал, что нас готовят как иезуитов. Они тоже не спрашивают, куда их посылают». «Я был готов к этому», — признается его одноклассник Бауман. «Мы жили

по законам рыцарского ордена. Нас сплотило чувство, что мы обязаны воплотить в жизнь «новое время». Мы — молодое поколение. Мы — избранные, и мы несем Европе новую идею, которая объединит вокруг себя всё», — рассказывает Харальд Шлотц.

Высокомерие воспитанников день ото дня только возрастало. Ханс Гибелер, учившийся в Зонтхофене, вспоминает: «Нам все время внушали, что мы — самые лучшие, что мы — величайшая надежда». Даже массивные постройки Зонтхофена внушали чувство, что здесь живут избранные. Роскошное убранство жилых помещений напоминало интерьеры рыцарских замков. Особенно сильное впечатление производил Зонтхофен на новичков. Внушительный дворец больше напоминал романскую замковую церковь в стиле модерн, чем школьную постройку.

При этом вождь Третьего рейха предъявлял особенные требования к физическому здоровью своих «учеников» и членов гитлерюгенда. «Воспитанники этой организации должны были доказывать свою храбрость. Например, тех, кто не умел плавать, заставляли прыгать в воду с трехметрового трамплина. Их вытаскивали на землю только после того, как несчастные прыгуны пару раз успевали погрузиться под воду и снова всплыть на поверхность».

Бывший ученик школы Адольфа Гитлера в Зонтхофене Харди Крюгер описывает еще более рискованное испытание: «Как-то зимой мой взвод проделал две большие проруби в толстом льду замерзшего озера. Расстояние между прорубями — почти 10 метров. Задача — прыгнуть в прорубь и подо льдом доплыть до другой полыньи». Вся эта школьная «учеба» наглядно демонстрирует методы воспитания подрастающего поколения в фашистской Германии. Задачу перед родителями «настоящих арийцев» Гитлер сформулировал еще в 1933 году: «Твой ребенок уже сегодня принадлежит нам. А ты? Ты пока не решился, но твои отпрыски уже в новом лагере».

Тео Зоммер вспоминает: «Нужно было научиться преодолевать внутренний страх. Мы прыгали в бассейн с десятиметровой высоты. На нас был ранец, стальная каска и снаряжение. Каска крепилась к голове подбородочным ремешком. Однажды она чуть не оторвала голову одному воспитаннику во время погружения в воду». Проверки на смелость проводились уже во время вступительных экзаменов. У тех, кто отказывался, шансов на поступление не

было. Выгоняли из школ и воспитанников, если они проявляли трусость во время проверки. Ганс Мюнхеберг свидетельствует: «Мы называли трусами и слабаками тех, кто показывал свою слабость. Они становились позором всего взвода, всей сотни. Для нас было главным законом доказать свою мужественность. Нужно было научиться переносить боль и не быть бабой» (Кнопп Гвидо. Дети Гитлера).

Многие фанатичные подростки из этих «школ Гитлера» погибли в последние дни войны, защищая мифическую Альпийскую крепость.

Соревнуясь в скорости с французскими войсками, по горным дорогам в сторону австрийской границы также устремились бронетанковые дивизии США, а следом за ними для прочесывания местности шли американские пехотные части. Колонны американских танков быстро передвигались по сельской местности и живописным баварским деревням. Если жители вывешивали белые флаги, то американские войска стремительно проносились мимо. Если встречали сопротивление, то танки, артиллерия и авиация мгновенно наносили сокрушительный удар, сметая все на своем пути. Для подавления любого сопротивления немцев на пути продвижения 10-й бронетанковой дивизии США вперед посылали бургомистров уже захваченных немецких селений, чтобы они предупредили жителей, что только полная капитуляция и белые флаги избавят очередной населенный пункт от полного разрушения.

Захватив альпийские перевалы первыми, американцы стали препятствовать продвижению французских войск в Австрию и заблокировали проход через свою территорию. Подразделения 1-й бронетанковой дивизии Сюдрэ 1-й французской армии, достигнув Зонтхофена и Оберстдорфа, находящихся вблизи австрийской границы, были остановлены союзниками в горах на высоте 700—800 м. Между французскими и американскими войсками на австрийской границе вблизи Оберстдорфа произошел второй инцидент за последние две недели.

Американское командование запретило проход дивизии Сюдрэ через австрийскую границу, чтобы не дать одной из французских танковых колонн пройти в Ландэкк и Санкт-Антон, а другой — в Берхтесгаден. Американцы опасались, что французы первыми захватят этот небольшой городок, в окрестностях которого недалеко в горах на высоте около 1000 м находилась вилла Гитлера «Бергхоф» («Горный двор»

— любимая резиденция фюрера) и на горе Кельштайн на высоте более 1800 м — дом Гитлера, в котором он редко бывал («Орлиное гнездо» — название, придуманное американцами, как утверждают некоторые исследователи Кельштайнхауса). «На вершине личной горы Гитлера Борман соорудил дом, обставленный мебелью, представлявшей собой какую-то странную помесь роскоши океанических лайнеров и старокрестьянского быта. Подъехать к нему можно было только по единственной, довольно рискованно проложенной дороге, приводившей к прорубленному в скалах лифту. Только на подъездные пути к этому дому, где Гитлер побывал всего несколько раз, Борман безрассудно потратил около 20–30 миллионов марок» (Speer A. Inside the Third Reich, Memoirs. — New York: Macmillian, 1970).

Одним из любимых мест Гитлера в Оберзальцберге был чайный домик, построенный на склоне холма Мусланокопф в 1937 году. Чайный домик находился всего в двадцати минутах ходьбы ниже резиденции фюрера «Бергхоф».

Удивительно, но почившие в бозе нацистские мемуаристы, лично знавшие Гитлера, и некоторые современные «историки» до настоящего времени продолжают смешивать между собой такие понятия, как «Оберзальцберг», «Берхтесгаден», «Бергхоф», «Орлиное гнездо» и «Чайный домик» Гитлера. Давайте послушаем современников фюрера: «... тем временем Борман позаботился об одном аттракционе на Оберзальцберге. На вершине Кельштайн, метров 800 над «Бергхофом», за несколько месяцев был построен чайный домик. Гитлер отнесся к этой затее не очень одобрительно, ворчливо заметив, что Борман не успокоится до тех пор, пока не перекопает весь Оберзальцберг. Но если говорить серьезно, фюрер считал, что пользоваться этим чайным домиком, находящимся на высоте почти 2-х тыс. метров над уровнем моря, ему не придется, ибо такая высота и слишком разреженный воздух плохо отражаются на его и без того высоком артериальном давлении. Он уже убедился, что стоящий на высоте почти 1000 метров над уровнем моря «Бергхоф» — самое подходящее для него место. Тем не менее Мартин Борман продолжал строить и оборудовать этот домик.

Поскольку домик уже стоял, Борману удалось на другой день после визита Чемберлена уговорить Гитлера и его гостей совершить поездку на Кельштайн. Уже сама езда по специально проложенной к домику горной дороге доставила

большое удовольствие. У подножия горы были сооружены гранитные ворота, обитые медью. Их впервые открыли при нашем приезде. Мы увидели перед собой длинный искусственно освещенный туннель, в конце которого находилась дверь к лифту; он поднял нас еще на 80 метров выше, и мы очутились прямо в чайном домике. Через вестибюль прошли в длинную столовую, а из нее — в круглый холл в центре. Каменные стены были оставлены в натуральном виде, и это придавало помещению какой-то средневековый уют. Множество окон открывало прекрасный вид на горный пейзаж. В обрамленном мрамором камине пылал огонь. Примерно дюжина глубоких кресел со столиками была установлена большим кругом. Все это произвело на Гитлера впечатление. Борман удостоился большой похвалы и теперь купался в лучах благосклонности фюрера. Гитлер сразу заявил, что здесь можно принимать посетителей, чтобы оказать им особую честь или же поразить их» (Белов фон Николаус. Я был адъютантом Гитлера).

Однако утверждение адъютанта фюрера о том, что чайный домик Гитлера находился на вершине горы Кельштайн, опровергает личный архитектор вождя, министр вооружений рейха Альберт Шпеер, которому в Оберзальцберге Гитлер предоставил дом рядом со своим логовом «Бергхоф»: «По окончании обеда направлялись в чайный домик. Узкая дорожка позволяла идти только по двое, так что это смахивало на процессию. Впереди, с некоторым отрывом, шли два охранника, за ними — Гитлер со своим собеседником, а за ними в непринужденной последовательности — все общество, прикрываемое сзади также охраной... Чайный домик состоял из круглого помещения, поперечником примерно в восемь метров, весьма удачной пропорции. Окна с мелким переплетом. У противоположной стены — разожженный камин...

Приглашенные на совещание отправились в ресторан «Берхтесгаденер-Хоф» перекусить. По случаю служебных вызовов «Бергхоф» служил только помещением для совещаний, и Гитлер не считал нужным принимать на себя обязанности хозяина дома. Едва участники совещания уехали, из всех комнат верхнего этажа появились члены узкого кружка. Гитлер зашел на минуточку к себе переодеться, а мы ожидали его на площадке лестницы. Он взял трость, шляпу и свой черный плащ-накидку: началась ежедневная прогулка к чайному домику. Там подали кофе, пирожные.

В камине полыхал огонь, начались беспечные разговоры» (Шпеер Альберт. Третий рейх изнутри, гл. 7, 24).

Выполняя приказ командира 1-го французского корпуса генерала Бетуара, 2-я марокканская пехотная дивизия генерала Линареса 2–3 мая 1945 г. сменила 1-ю танковую дивизию Сюдрэ в районе Оберстдорфа и устремилась на юг в Тироль, заняв по пути австрийский Баад и освободив из плена узников Хиршега и замка Иттер, в числе которых были премьер-министр Франции Альбер Сарро, посол Франции в Германии Франсуа Понсе, сестра генерала де Голля с мужем, а также французская принцесса Анна и греческая принцесса Ирен.

Очередной серьезный инцидент между союзниками разгорелся на подходе к Берхтесгадену, когда 2-я французская бронетанковая дивизия генерала Леклерка была остановлена американцами на железнодорожном мосту через реку Залах. Подполковник Ллойд Рэмси, старший из офицеров американского батальона, сообщил Леклерку, что командир 7-й пехотной дивизии США генерал О'Дэниел приказал ему не пропускать французские танки через мост. Леклерк по рации связался с американским генералом, однако О'Дэниел категорически отказался обсуждать этот вопрос. Между генералами завязался яростный спор. Лишь только когда О'Дэниел получил сообщение, что американские войска первыми вошли в Берхтесгаден, он отдал приказ пропустить дивизию Леклерка. На следующий день, 5 мая 1945 г., конфликт разгорелся с новой силой, когда перед поднятием флага над «Бергхофом» между французами и американцами, оспаривающими пальму первенства по захвату резиденции Гитлера, возникла потасовка с применением физической силы, пока обе стороны не пришли к соглашению о проведении совместной церемонии одновременного поднятия двух флагов: США и Франции.

Танкисты французской 2-й бронетанковой дивизии Леклерка 4 мая 1945 г. первыми вошли в Оберзальцберг и без боя захватили разрушенную авианалетом виллу Гитлера, но так и не обнаружили в горах каких-либо укрепленных рубежей Альпийской крепости. Американцы прибыли в Оберзальцберг несколькими часами позже, тем не менее до настоящего времени продолжают утверждать, что первыми захватили логово Гитлера «Бергхоф».

Первоначальная идея Альпийской крепости заключалась в том, чтобы использовать труднодоступный район

Австрийских и Баварских Альп в пропагандистских целях как крепость для «последнего сражения». Однако сражаться «до последнего» элитным эсэсовским частям и «детям Гитлера» не пришлось. Весь этот «укрепленный и неприступный район» на самом деле в том виде, в котором его преподносили нацисты, не существовал. В январе 1945 года в министерстве пропаганды рейха был образован специальный отдел, который стал заниматься пропагандой идеи строительства Альпийской крепости. Хорошо продуманные, близкие к правдоподобным статьи специалистов этого отдела, в которых говорилось об «элитных частях», «огромных запасах всего необходимого в подземных складах, недосягаемых вражеским бомбардировкам», «заводах, размещенных в скалах», и «скрытных позициях ракет "Фау-1" и "Фау-2"» должны были в конце войны внушать веру в непобедимость вермахта в Альпах, производить должное впечатление на союзников и препятствовать возможным паническим настроениям среди немецкого населения.

Задолго до этого в западной прессе появилась целая серия газетных публикаций, которые с осени 1944-го вплоть до мая 1945 года так или иначе касались темы Альпийской крепости. 12 ноября 1944 года в газете «Нью-Йорк таймс» была напечатана статья ее лондонского корреспондента Гарри Фоссера, озаглавленная «Гитлеровское убежище». В статье содержались данные о резиденции Гитлера в Верхней Баварии, сильных укреплениях в ее окрестностях, «обширных туннелях и подвалах, забитых продовольственными запасами». Статья заканчивалась описанием: «...в качестве еще одной меры предосторожности вся округа шириною 15 миль и длиною в 21 милю заминирована и может взлететь на воздух нажатием пальца на определенную кнопку. Говорят, что эта судьбоносная кнопка вмонтирована в письменный стол Гиммлера в его подземном кабинете, сооруженном в скалах неподалеку от бунгало фюрера».

15 декабря 1944 г. нью-йоркская «Дейли уоркер», ссылаясь на «надежный источник», сообщила, что немцы намереваются оборонять этот национальный редут фанатично, до последней капли крови, с еще большим упорством, чем это имело место даже в Сталинграде, и что Красная Армия предприняла наступление в Венгрии, чтобы прийти американцам на помощь.

«Дейли уоркер» 26 января 1945 г. вновь возвратилась к теме Альпийской крепости, в журнале же «Кольер» 27 ян-

варя была напечатана статья журналиста Эрвина Лесснера, озаглавленная «Последнее оружие мщения Гитлера». В статье говорилось о развертывании массового партизанского движения в Баварских и Австрийских Альпах, получившего название «Вервольфы» (оборотни), которое будто бы возглавил начальник главного управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер. В рядах будущих партизан должна быть представлена элита гитлеровской молодежи и СС, вооруженная самым современным оружием, в том числе и секретным.

Шеф главного управления имперской безопасности обергруппенфюрер СС Кальтенбруннер избрал в качестве своей штаб-квартиры Бад-Аусзее в Восточных Альпах. Сюда должны были отступить фронтовые части из Венгрии, с Балкан, из Италии и Германии. Туда же он перевел основные управления РСХА, в том числе гестапо и СД. Удерживать немногочисленные перевалы было поручено более двум тысячам солдат из отборных частей СС и силам парашютно-десантной дивизии под общим руководством оберштурмбанфюрера СС Отто Скорцени, имевшего задание сформировать «эсэсовский корпус Альпенланд». Отто Скорцени, видя бесперспективность этой затеи, также перебрался в Бад-Аусзее, чтобы выждать, как будут в дальнейшем развиваться события. Кроме вышеперечисленных лиц, там находились и такие видные государственные и партийные деятели Третьего рейха, как Роберт Лей (бывший министр труда), Юлиус Штрайхер (идеолог расизма), Конрад Хенляйн (наместник в оккупированной Судетской области Чехословакии), Адольф Эйхман (оберштурмбанфюрер СС, занимавшийся «окончательным решением еврейского вопроса»), Вильгельм Хёттль (руководитель внешнеполитической разведки РСХА) и Фриц Швенд (штурмбанфюрер СС, ведавший вопросами сбыта фальшивых фунтов стерлингов и долларов США).

Хотя реально строительство оборонительных сооружений в Альпах было начато только 17 февраля 1945 года, к нему принудительно было привлечено около 2000 подневольных рабочих по линии «Организации Тодта», в США еще в декабре-январе были опубликованы газетные статьи с сообщениями не только о готовящемся партизанском движении, но и строительстве различных укреплений в горах.

Швейцарский журнал «Женева» в одной из статей опубликовал сообщение, что Генрих Гиммлер сам взял на себя

руководство формированием и обучением немецких партизанских отрядов, базирующихся в труднодоступных районах горной местности Альпийской крепости. В конце марта 1945 года Кальтенбруннер по приказу Гиммлера становится ответственным за вопросы безопасности в Южной Германии и одновременно главнокомандующим Альпийской крепостью. Он тут же начал переговоры с промышленниками о сооружении подземных предприятий по производству всей необходимой продукции. В действительности каких-либо реальных успехов в деле строительства оборонительных сооружений в Альпах к тому времени не было: если какие-то работы и велись, то лишь в некоторых местах, где еще со времен Первой мировой войны остались оборонительные сооружения немцев, итальянцев и австрийцев, которые могли быть легко восстановлены.

Из некоторых других публикаций следует, что до последних дней войны в Альпийской крепости технические специалисты продолжали работать над различными видами оружия: тяжелыми артиллерийскими снарядами, управляемыми и самонаводящимися торпедами, подводными лодками, ракетами и атомным оружием. Инженеры военно-морского флота Германии стреляли экспериментальными ракетами со дна озера Топлиц по целям на вершинах Мертвых гор, отрабатывая программу обстрела Нью-Йорка атомными ракетами с подводных лодок.

Известно, что в подземельях Аусзее и в озере Топлиц были укрыты экспериментальные образцы самолетов-снарядов «Фау-1», ракет «Фау-2», самонаводящихся торпед Т-5 и т. д. Там же были затоплены специальные взрывные устройства, «организовано» двойное дно озера из сетей, затопленных стволов деревьев и специальных взрывчатых веществ. Считается, что и сегодня продолжают охоту за «сокровищами» Аусзее секретные службы Америки, Франции, Англии, Германии, Израиля (И. Павлович, О. Ратник).

Защитники Альпийской крепости не оказали достойного сопротивления. В первые дни мая 1945 года, когда в районе Аусзее уже слышалась канонада приближающегося фронта, штаб Кальтенбруннера внезапно распался. Части, переставшие получать приказы, начали массово сдаваться союзникам.

Столь стремительное взятие Альпийской крепости союзными войсками лишний раз подтверждает тот незыблемый факт, что все тяжести последних месяцев и дней войны,

как и всех предыдущих лет, ложились на плечи русского солдата. Советские войска повсеместно встречали ожесточенное сопротивление гитлеровцев, в то время как многочисленные части и подразделения вермахта сдавались союзникам без боя, избегая кровопролитных сражений.

Шарль де Голль в «Военных мемуарах» пишет: «Генерал де Латтр бросил свои танковые части и марокканские дивизии на Тироль, одну колонну направив вверх по течению Иллера, а другую — вдоль Боденского озера. Авангардные французские части столкнулись в Форарльберге с вновь сформированной XXIV немецкой армией, составленной из остатков разбитых дивизий и тут же сложившей оружие по приказу ее командующего генерала Шмидта». Только танкистами дивизии Леклерка было взято в плен 41,5 тыс. солдат стран оси Берлин — Рим и 30 тыс. пленных, в том числе восемь генералов захватили в плен подразделения дивизии Сюдрэ. К 3 мая 1945 года в плен к французской армии де Латтра сдались около 100 000 гитлеровцев, включая 15 генералов.

Из мемуаров командующего 12-й группой американских армий генерала Брэдли: «Лишь по окончании всей кампании мы поняли, что эта Альпийская крепость существовала в воображении нескольких фанатичных нацистов. Она превратилась в такое пугало, что я просто поражаюсь, как мы могли столь наивно поверить в ее существование» (Брэдли Омар. Записки солдата).

После войны немецкий фельдмаршал А. Кессельринг заметил с усмешкой: «Превеликое множество всего было написано об Альпийской крепости, и в основном чепухи» (Кессельринг Альберт. Послужной список солдата).

Еще раз, и уже в последний, изобретательному доктору Геббельсу удалось посредством пропагандистского блефа повлиять на ход военных операций. И хотя Гитлер вначале допускал возможность отступления в Австро-Баварские Альпы, чтобы укрыться и дать последний бой в горах, близ которых он родился, где провел немало часов своей жизни, где построил свою резиденцию «Бергхоф», он долго колебался, пока не принял окончательного решения. Гитлер, страдая манией величия, предпочел безвестной гибели в какой-нибудь горной пещере или глухой альпийской деревушке смерть «на миру» — в рейхсканцелярии, в центре Берлина, в сердце Третьего рейха. Это была гибель-символ, впечатанная в историю, а не тихое безвестное самоубийство

где-то в горах, о котором мир, возможно, так никогда бы и не узнал (W. L. Shirer // Б. В. Соколов).

Учитывая массовую сдачу немецких дивизий и частей в плен к западным союзникам, а также факт сепаратных переговоров Гиммлера и Шелленберга с секретными службами США и Англии, с большой долей уверенности можно утверждать, что гитлеровцы надеялись не столько на неприступность Альпийской крепости, сколько на заключение сепаратного мира с американцами и англичанами, чтобы при их поддержке остановить дальнейшее продвижение советских войск. Гитлеровские генералы надеялись, что в Альпийской крепости смогут продержаться до осени 1945 г. Воевать зимой в горах невозможно, поэтому активные боевые действия, по их расчетам, будут остановлены до весны. За это время западные державы пересмотрят свои союзнические отношения с русскими, предполагали нацистские стратеги, что позволит весной 1946 года немецким войскам, скрывающимся в Альпийской крепости, продолжить войну против СССР совместно с Англией и США.

Этим бредовым идеям не суждено было осуществиться по одной простой причине. В заокеанских кабинетах к этому времени уже был разработан свой стратегический план мирового господства «тысячелетней американской демократии», предусматривающий атомные и ковровые бомбардировки, применение напалма, свержение неугодных правительств, «звёздные войны», «цветные революции» и прочие «прелести» верховенства так называемых «прав человека», а прав у этого «человека», имя которого Дядюшка Сэм, как и мании величия, действительно было через край.

Отдавая должное генералу де Латтру и 1-й французской армии, освободившей из нацистского плена тысячи узников, нельзя не упомянуть о забавном случае, произошедшем с генералом на приеме, устроенном Г. К. Жуковым. После подписания капитуляции в Карлсхорсте союзники собрались на банкет. Лучшие напитки и великолепные закуски заранее были привезены из Москвы. Возник вопрос: кормить или не кормить немецкую делегацию? Спросили Вышинского, бывшего в то время заместителем наркома иностранных дел. Тот ушел от ответа, заявив, что это дело не его, а военных. Тогда обратились к Г. К. Жукову. Тот ответил:

— Дать им, гадам, все, что есть на нашем столе. Они знали русских во время войны, пусть теперь узнают после войны, в мирное время.

Как потом рассказывали участники банкета, глава французской делегации генерал де Латтр де Тассиньи здорово выпил и уснул за столом. Члены других делегаций стран союзников по этому поводу незлобно шутили, что французы не только всю войну, но и победу проспали (Иванов Л. Г. Правда о «СМЕРШ»).

Война закончилась, годы плена остались позади. Неизвестность и тревога терзали душу каждого, кто возвращался домой: живы ли родные? Большинство советских солдат и офицеров проявили выдержку и мужество, находясь в плену, вели себя достойно, не предавали Родину и своих товарищей. Они с чистой совестью возвращались домой, где их ждало очередное испытание — проводимая органами контрразведки проверка и фильтрация.

Глава XIII

Фильтрация

В этой биографии богато
Отразился наш двадцатый век.
Много от Керчи до Бухенвальда
Износил колодок человек.

По мотивам поэмы
П. Антокольского

Лишь та ошибка,
что не исправляется.
Конфуций

Подстригла коротко его судьба...
У. Барнс

После войны всех советских военнопленных ждала массовая репатриация из Германии. По состоянию на 1-е марта 1946 года, в СССР было отправлено около 1,7–1,8 млн бывших военнопленных. Искажающие прошлое нашей страны зарубежные «историки» и некоторые отечественные либеральные «товарищи ученые доценты с кандидатами» в своих публикациях утверждают, что советские пленные, освобождённые из немецких лагерей, едва ли не в полном составе колоннами отправлялись в лагеря ГУЛАГа и тюрьмы НКВД. Так ли это было на самом деле?

«Проводя репатриацию, советское руководство преследовала две основные цели. Одна из них — политическая: предотвращение формирования за рубежом оппозиции советской власти. Другая цель — экономическая: вернуть в СССР трудоспособных людей» (В. Н. Земсков, д-р ист. наук).

Проводимые органами контрразведки проверка и фильтрация прежде всего были направлены на выявление среди

пленных возможных немецких агентов, предателей и пособников фашистов. На Восточном фронте с первых дней войны абвер и СД приступили к созданию сети разведывательно-диверсионных школ. Агентура подбиралась, как правило, из перебежчиков и военнопленных, сотрудничающих с немецкой комендатурой (см. гл. VI). Начальник VI управления РСХА бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг писал: «В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах в глубокий тыл. Их основной задачей, наряду с передачей информации, было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов» (Шелленберг В. Мемуары. — М.: Прометей, 1991).

В лагеря для военнопленных приезжали представители АСТ (органы тайной полевой полиции), разведывательных, диверсионных команд и групп абвера, предприятия «Цеппелин» для вербовки агентуры из военнопленных, ее обучения в спецшколах и последующей заброски в советский тыл. Аналогичную работу в лагерях выполняли представители антисоветских формирований (О. С. Смыслов, С. Г. Чуев).

Курсанты разведшкол изучали методику внедрения в партизанские отряды и подпольные организации, поведения на допросах при задержании и т. д. Организуя побеги завербованным пленным, спецслужбы вермахта нередко использовали этот канал для засылки своей агентуры. Органы советской контрразведки, имея данные и предполагая, что среди военнопленных могут быть агенты и пособники нацистов, проверяли всех без исключения освобожденных и сбежавших из плена лиц. Создание проверочно-фильтрационных лагерей в военное время диктовалось исключительно интересами государственной безопасности.

Л. И. Котляр воспоминает: «7 августа 1945 года эшелон прибыл в советскую зону оккупации, на станцию Галле. Всех прибывших мужчин сразу же построили у самой железнодорожной колеи. К нам обратился полковник, произнесший всего две фразы: в первой содержалось поздравление с возвращением, а во второй — предложение сдать оружие, если оно у кого-либо имеется. Оружия не имелось ни у кого, но полковник в этом сомневался и снова предложил сдать оружие. Прошло несколько минут напряженного молчания. Полковник поинтересовался, будем ли мы сдавать оружие или так и будем стоять и думать. Церемония

встречи явно затягивалась, и всем стало ясно, что теперь уже никак нельзя признаваться и сдавать оружие, если это не было сделано с самого начала. Так и не дождавшись от нас оружия, полковник удалился. Явился старший лейтенант и через весь город провел нас на асфальтированную трассу, по которой через несколько часов пути в пешем строю мы достигли аэродрома близ города Цербст, где располагался фильтрационный лагерь. Здесь предстояло пройти фильтр-проверку армейской контрразведкой, по результатам которой одни получат почетное право продолжить свою службу в Красной Армии, а другие окажутся где-нибудь за колючей проволокой.

В лагере был военный распорядок, нас разбили на роты и взводы, а в ожидании допроса-проверки мы занимались строевой подготовкой, изучением устава, политзанятиями и пр.

Допроса я ожидал с каким-то нетерпением, наивная вера в торжество справедливости оставалась во мне вопреки всему. Скрывать мне было нечего...

В палатке за столом сидел капитан средних лет. Он смотрел на меня умными, понимающими глазами, и у меня сразу же пропало ощущение допроса. Казалось, я просто рассказываю о себе человеку, которому все это очень интересно.

Когда дело дошло до анкеты и моей национальности, я впервые за эти годы заявил, что я еврей. Это не вызвало никаких «поворотов» в допросе. Капитан лишь поинтересовался, не допрашивало ли меня гестапо, а затем спросил, кто у меня остался в Киеве, когда я уходил на войну, и знаю ли я, что немцы расстреляли в Бабьем Яру 125 тыс. евреев. Я этого не знал.

Затем последовал вопрос: кто может подтвердить, что я, находясь в Германии, не скомпрометировал себя предательством или иными неблаговидными поступками. Я перечислил не менее десяти человек, проходивших вместе со мной проверку в фильтрационном лагере.

Наконец следователь предложил мне назвать тех, кто сотрудничал с лагерным начальством, предавал своих товарищей, вел себя недостойно или добровольно вступил во власовскую армию. Я назвал троих: Михаила Криждера, выдававшего себя фольксдойчем и добровольно взявшего на себя полицейские обязанности, Николая Медведева, польстившегося на сытую жизнь и ради этого вступившего во власовскую армию, и Сергея, фамилии которого сейчас уже не помню, провокатора и предателя. Этот Сергей каким-то

образом обосновался в больничном бараке лагеря Шлетвизе. Очень трудно было определить его должность в больничном бараке, но ясно было одно: живется ему там хорошо, и работа у него не очень тяжелая, да и непонятно какая именно. На немцев это было совсем не похоже — просто так держать человека в лагере на привилегированном положении. Прошло еще некоторое время, и сказались результаты «работы» Сергея: нам стало известно, что в концлагерь угодили три человека».

Бывшие пленные во время войны после проверки в большинстве случаев возвращались на службу, причём рядовой и сержантский состав в обычные воинские части, а офицеры, как правило, лишались офицерских званий и направлялись в штурмовые (штрафные) батальоны. В послевоенное время офицеров отправляли в лагеря НКВД и запасные части Главупраформа Красной Армии для более тщательной проверки. В спецлагерях НКВД проверку проходили: 1) военнопленные и окруженцы; 2) рядовые полицейские, деревенские старосты и другие лица, подозреваемые в измене; 3) граждане призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником.

Согласно «Справке о ходе проверки бывших окруженцев и военнопленных по состоянию на 1 октября 1944 года», проверка находящихся в спецлагерях военнослужащих Красной Армии проводилась отделами контрразведки СМЕРШ при спецлагерях НКВД. Всего прошло через спецлагеря военнослужащих Красной Армии, вышедших из окружения и освобождённых из плена, 354 592 человека, в том числе 50 441 офицер.

Проанализировав результаты справки, публицист и писатель И. В. Пыхалов отмечает, что из 100% лиц, прошедших проверку, возвращено в воинские части 76,25%, в штурмовые (штрафные) батальоны — 6,07%, арестовано 3,81%, умерли — 1,76%, остальные 12,11% направлены в промышленность, на стройки, убыли в госпитали и т. д. Среди рядового и сержантского состава проверку прошли свыше 95% (или 19 из каждых 20) бывших военнопленных.

Пленных офицеров арестовано менее 3%, но с лета 1943-го до осени 1944 г. значительную часть офицеров стали направлять в качестве рядовых и сержантов в штурмовые батальоны. Объяснялось это тем, что с офицеров и командиров спрос больше, чем с рядовых. Что касается отдельных штурмовых стрелковых батальонов, то они создавались по

приказу народного комиссара обороны от 1 августа 1943 г. Первые пять батальонов были сформированы 25 августа 1943 года, в январе 1944 г. — 6, 7, 8 и 9-й, к марту в стадии организации находились еще три. К 31 декабря 1944 г. был укомплектован 26-й отдельный штурмовой батальон. Командиры батальонов, заместители по политической части, начальники штабов, командиры рот назначались из офицеров действующей армии. Рядовой и младший начальствующий состав пополняли командирами среднего и старшего звена так называемого спецконтингента. Срок пребывания в батальонах устанавливался следующий: либо два месяца участия в боях, либо до награждения орденом за проявленную доблесть в бою, либо до первого ранения. После этого при хорошей аттестации «штурмовиков» направляли на соответствующие должности в Красную Армию.

ГКО СССР 04.11.1944 принял постановление, согласно которому освобождённых пленных направляли на проверку в запасные воинские части, минуя спецлагеря НКВД. После проверки всех красноармейцев и командиров, не вызывающих подозрения, отправляли на пополнение войск фронтов. Но, надо отметить, проверку пленных не всегда проводили. Командующий 21-й армией М. И. Чистяков в книге «Земля пахла порохом» пишет: «У Гумрака под Сталинградом оказался лагерь наших военнопленных. Мне было приказано всех наших бойцов, бывших военнопленных, хорошо одеть, обуть, подлечить, накормить, дать им на отдых 10–15 дней, а затем направить в тыл. Я побеседовал с этими воинами и убедился, что настроение у людей такое, что они готовы в любую минуту идти драться с фашистами насмерть, чтобы отомстить за свое унижение и муки, за гибель своих товарищей... Я отобрал из бывших военнопленных 8 тыс. человек, сформировал из них восемь батальонов, вооружил их и отправил в дивизии» (Нижне-Волжское изд., 1981 г., 414 с.).

За время боев на территории Германии соединения 1-го Украинского фронта восполнили боевые потери за счет солдат и офицеров, освобожденных из немецкого плена. На 20 марта 1945 г. в войсковые части было направлено 40 000 человек. Всего за годы войны из числа бывших в плену советских граждан было призвано более 1 млн человек. Испытав на себе все ужасы фашистского плена, бойцы с честью выполнили свой воинский долг. Многие из них за мужество и героизм, проявленные в боях, были награждены орденами и медалями.

Подавляющее большинство, свыше 90%, советских военнослужащих, освобождённых из немецкого плена, возвращались в строй или направлялись на работу в народное хозяйство. Незначительное количество, около 4%, было арестовано и примерно столько же направлено в штрафбаты. Всех выявленных при проверке лиц, служивших в немецкой армии, власовцев, полицейских, хиви и других, вызывающих подозрение, по указанию НКВД отправляли в специальные лагеря для дальнейшей проверки органами НКВД и КР СМЕРШ, часть из них после проверки перевели на положение спецпереселенцев.

6 ноября 1944 г. в Мурманск прибыли два английских корабля, на борту которых находились 9907 бывших советских военнослужащих, сражавшихся в рядах немецкой армии против англо-американских войск и взятых ими в плен. Многие изменники ожидали, что их расстреляют в Мурманске, однако официальные власти объявили, что Советское правительство их простило и они не только не будут расстреляны, но и вообще освобождаются от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 году большинство из них освободили, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж (И. В. Пыхалов).

Карельский писатель и краевед Е. Г. Нилов вспоминает: «Власовцев привезли в наш район вместе с военнопленными немцами и разместили их в тех же лагерных пунктах. Странный был у них статус — и не военнопленные, и не заключённые. Но какая-то вина за ними все же числилась. В частности, в документах одного жителя Пудожа значилось: «Направлен на спецпоселение сроком на 6 лет за службу в немецкой армии с 1943-го по 1944 г. рядовым». Но жили они в своих бараках, за пределами лагерных зон, ходили свободно, без конвоя» (Нилов Е. Г. Лагерь № 447. — Север. 1995, № 4–5).

Что же касается пособников оккупантов, запятнавших себя тяжкими преступлениями, то их отправили в лагеря ГУЛАГа, где они составили достойную компанию «адвокату власовцев», «коленно-локтевому п(р)озаику» (см. стр. 208), «плюющемуся гению», возомнившему себя «пророком» в своем «седом Отечестве». (В. Бушин «А. Солженицын: Гений первого плевка». — Алгоритм, 2005.)

Всего в 1946–1947 годах на спецпоселение поступили 148 079 власовцев и других пособников оккупантов. На 1-е января 1953 г. на спецпоселении оставались 56 746 власовцев, 93 446 были освобождены в 1951–1952 гг., отбыв срок.

Из освобождённых после окончания войны пленных репрессиям подвергались не только власовцы, но и другие пособники фашистов. Согласно инструкциям, имевшимся у начальников проверочно-фильтрационных лагерей, из числа репатриантов подлежали аресту и суду:

— командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций;

— рядовые участники перечисленных выше организаций, принимавшие участие в карательных операциях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей;

— бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника;

— бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов;

— сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов.

Какова же была дальнейшая судьба попавших в руки НКВД «борцов со сталинским режимом»? Большинству из них было объявлено, что они заслуживают самого сурового наказания, но в связи с победой над Германией Советское правительство проявило к ним снисхождение, освободив от уголовной ответственности за измену Родине, и ограничилось отправкой на спецпоселение сроком на 6 лет.

А дальше — больше! Из п. 3 Указа Президиума ВС СССР об амнистии от 17.09.1955 следует: «Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях». Спустя десятилетия все мы пожинаем плоды хрущевской «распутицы» и «слякоти», почему-то названной «оттепелью», лженицынской лжи, льющейся «из каждой розетки и крана», горбачевского «нового политического за*мышления» (как вам этот «гигант мысли»?), ельцинского: «Не так сели! Почему не налили?!», удивляемся развалу Советского Союза, возмущаемся, когда видим марши амнистированных эсэсовцев в Прибалтике, факельные шествия детей амнистированных бандеровцев на Украине,

и крутим пальцем у виска, когда в *рідним Київе* шаровар-ные *це європейці* скандируют: «*Москаляку на гіляку!*»

После окончания Великой Отечественной войны сотни тысяч освобожденных советских пленных и гражданских лиц, насильственно угнанных в Германию и другие страны, стали возвращаться в Советский Союз. Согласно директиве Ставки № 11086 от 11 мая 1945 года для приёма репатриируемых советских военнопленных и гражданских лиц, освобождаемых войсками союзников, Наркоматом обороны было организовано около 100 лагерей. Кроме того, действовали 46 сборных пунктов для приёма советских граждан, освобождённых Красной Армией.

Г. А. Воловик вспоминает: «Прошедшие госпроверку по 3-й категории — выявленные полицаи, власовцы, легионеры национальных легионов и военнопленные, перешедшие на службу в немецкие войска или карательные отряды, брались под стражу; их судили, и они, получив срок наказания, отправлялись в лагеря ГУЛАГа.

Прошедшие госпроверку по 2-й категории, в основном люди, показания которых никто не мог подтвердить, направлялись в рабочие команды на шахты Донецкого и Подмосковного угольных бассейнов, на стройки.

Прошедших госпроверку по 1-й категории восстанавливали или не восстанавливали в звании, демобилизовывали. 30 октября 1945 г. вся прибывшая со мной группа прошла госпроверку по 1-й категории. Нас перевели из землянок в финские домики с кроватями, матрацами, подушками, постельным бельем. Мы получили улучшенное питание, обмундирование, справки о прохождении госпроверки, запечатанные пакеты для военкоматов, литеры на проезд, талоны на питание и по 200 рублей денег».

Из протокола допроса П. С. Крашенинникова, ефрейтора 477-го артполка:

«Вопрос: При каких обстоятельствах вы попали за границу, т. е. в Германию?

Ответ: Мы в районе г. Керчь держали оборону, эвакуироваться не было приказа. Мы оказывали сопротивление до последнего снаряда, после чего противник ворвался и окружил Керчь. Находившийся гарнизон, в том числе и я, был пленен немцами 19 мая 1942 года.

Вопрос: Где находились в плену и чем занимались?

Ответ: Я в плену находился в гор. Проскуров в лагере для военнопленных, где пробыл один месяц, после чего в

конце июня 1942 года был направлен в Германию в г. Пандорф в лагерь для пленных. Оттуда был направлен в рабочий лагерь в г. Дрезден, где находился с ноября 1942 года по 05.04.1945. Работал на аэродроме в качестве чернорабочего на разных работах. Откуда был эвакуирован в Чехию (Прага, Рузен — в лагерь). 08.05.1945 был освобожден частями Красной Армии.

Вопрос: Назовите фамилии знакомых лиц, с которыми вы находились в плену.

Ответ: Вместе со мною находились: Казанчеев Е. А., уроженец Новосибирской обл., Беловского р-на, д. Дубровка; Животков А. Ф., уроженец Воронежской обл., г. Борисоглебск.

Вопрос: Кого знаете из советских граждан, служивших в немецких учреждениях или при лагерях, в качестве кого они служили?

Ответ: Из людей, служивших у немцев, я знал одного — переводчика, который был при лагере в городе Дрездене, но после освобождения мы его убили. О чем может подтвердить Казанчеев Егор Александрович.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы прибыли из-за границы в СССР?

Ответ: Когда нас освободили, то я был направлен в город Майсен (пересыльный пункт), оттуда в город Линген (Германия). После чего я был в 199-м запасном полку, т. е. с этим полком мы совершали марш до Львова, где я работал пять месяцев на кирпичном заводе. Откуда 15.02.1946 был направлен в 1-ю Горьковскую СД в г. Невель, где прошел фильтрацию. 22.03.1946 оттуда прибыл в Курск в составе команды из 70 человек бывших военнопленных на завод "Резинопромстрой"».

О предвзятом или грубом отношении чекистов к военнопленным следует говорить с большой осторожностью. Некоторая агрессия и открыто высказанное недоверие на допросе в большинстве случаев были следственным методом, призванным «разоблачить» проверяемого. Если Г. Д. Водянского на первом допросе следователь приветствовал словами: «Садись, предатель Родины!», то в начале их следующей встречи, после проверки всех сведений о нем, дружелюбно предложил присесть и произнес: «Ты почему родителям не сообщил о том, что жив?»

Г. Д. Водянский вспоминает: «Уже в первые дни проверки из бараков изъяли всех «подозрительных», отделили от

рядовых бывший комсостав. Смершевцы вызывали к себе по одному и тщательно допрашивали. Где-то через неделю в следственный отдел лагеря вызвали и меня. Первое, что я услышал от следователя, было следующим: «Ты Гурин Григорий Данилович? Садись, предатель Родины! Давай рассказывай, где, когда и при каких обстоятельствах ты сдался в плен?» Я ответил ему: «Для начала я постою. А зовут меня не Гурин, а Григорий Давидович Водянский». На мой ответ последовала мгновенная реакция, резко поднявшись со стула, следователь в упор произнес: «Так ты хочешь сказать, что ты еврей?! Тогда почему ты, еврей, находясь в немецком концлагере, остался в живых?!» Тогда я подробно рассказал следователю, в каких частях служил и при каких обстоятельствах, будучи раненным, без сознания, я был взят в плен, и что два живых свидетеля могут все это подтвердить. Когда я закончил говорить, то следователь, выдержав долгую паузу, произнес: «Ну что же, пока ты свободен... Пока... Жди следующего вызова на допрос».

Спустя две с лишним недели охрана меня снова вызвала к тому же следователю, и в отличие от первого допроса он вел себя по-другому. Сначала дружелюбно предложил сесть, однако сразу сурово произнес: «Ты почему родителям не сообщил о том, что жив и здоров?» Я ответил, что не знаю, где они сейчас находятся, в эвакуации были в Челябинске, но уже два года прошло. Следователь сказал: «Мы навели справки и установили, что твои родители живут сейчас на Украине, в городе Херсон». Он сообщил мне адрес и велел немедленно связаться с ними. Закончилась эта моя встреча со следователем на том, что он сказал: «Жди, тебя снова вызовут, но уже в другой отдел».

И действительно, следующий вызов был в отдел, занимавшийся дальнейшим направлением бывших пленных на работу в народном хозяйстве. Мне вручили временное удостоверение личности, в котором было сказано, что я прошел государственную проверку, ни в чем не обвиняюсь и преступлений перед Советской Родиной не совершал. Являюсь гражданином СССР и имею право участвовать в выборах во все органы власти страны. Направили меня на работу в город Ростов Ярославской области, на лесосплав. 10 июня 1946 г. я получил полный расчет в организации, занимавшейся лесосплавом, и поехал домой в Херсон свободным человеком. Гражданский паспорт мне выдали только через полгода.

В 1946 г. я начал трудиться простым рабочим в Цурюпинском винзаводуправлении, позже стал бригадиром, а после получения образования работал на херсонском совхозе-заводе «Янтарный» главным виноделом и даже был исполняющим обязанности директора совхоза-завода, был заведующим лабораторией технической и технологической оценки по испытанию винодельческих машин, а эта лаборатория считалась союзного значения. Меня наградили орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени, в 1967 г. я получил авторскую премию Совмина СССР, избирался депутатом Херсонского горсовета, и так далее. Везде в анкетах честно писал, что был в плену, но, как сами видите, мне никто за это "палки в колеса не вставлял"».

Из воспоминаний М. В. Темкина: «Все волновались, когда проходили проверку СМЕРШа, понимая, что нашу судьбу решали не обычные люди и от их совести и порядочности зависела наша дальнейшая жизнь. Переживал, волновался и я — поверят ли мне, и что меня ждет: демобилизация или заключение. И вот меня поздно ночью вызывают в землянку к следователю особого отдела СМЕРШа. За столом сидит старший лейтенант в форме летчика, на столе у него лежит пистолет; пригласил меня сесть на скамейку напротив. Рассказывайте, говорит он, где находились, кем работали и т. д. и т. п. Рассказывайте все подробно. Я начал рассказывать, он записывал и одновременно внимательно смотрел мне в глаза, в упор. Я рассказывал, а он время от времени велел повторять несколько раз подряд то, о чем я уже говорил.

Вдруг он прерывает мой рассказ в каком-то месте и говорит: «Десять минут назад вы говорили не так, а иначе, совсем другое». Я ему ответил, что, неправда, я так не говорил.

Следователь встал, а я остался сидеть, и закричал на меня: «Так что же, выходит, я — вру?» При этом он взял со стола пистолет в руки, стукнул им по столу и снова закричал: «Встать! Я тебя сейчас расстреляю». Я встал и спокойно ему ответил: «Я не говорил, что вы врете, а сказал только, что это — неправда, так как ничего другого в своих показаниях я не говорил, и можете меня расстрелять — хуже, чем было, мне уже никогда не будет!» Больше следователь никаких вопросов не задавал и велел мне подписать протокол допроса.

Следователь во время допроса несколько раз меня спрашивал и все удивлялся, как это я, побывав во стольких

концлагерях, остался в живых — не иначе как я был предателем. Он не понимал и не верил, что я мог столько выстрадать и остаться при этом порядочным и честным человеком. Я был так расстроен и подавлен, что подписал протокол допроса, даже его не прочитав. И возвратился к себе в роту с мыслью, что мне грозит десять лет заключения. Рядом со мной на нарах лежал писарь нашей роты, и я ему сказал, что дела мои плохи.

Еще несколько раз меня вызывал ночью следователь, когда у него на допросах находились другие бывшие военнопленные, — он меня только спрашивал, был ли я в таком-то или в таком-то концлагере. Я отвечал «да» или «нет», и меня отпускали.

Каждую ночь приходил писарь и зачитывал список тех, кто прошел проверку, а я его не слушал — ждал, что меня вызовут и отправят в другое место. Обычно результаты проверки были известны примерно через две недели. Проходит после моей проверки чуть больше недели, как однажды ночью возвращается из штаба писарь и, не успев еще объявить вслух, кто прошел проверку, подходит ко мне, толкает и говорит: «Ты прошел!» Я не поверил своим ушам — думал, шутит.

Во-первых, после того допроса, который я прошел в особом отделе, я почему-то был уверен, что ни одному моему слову не поверили, а во-вторых — времени после проверки прошло очень уж мало. Но все-таки это была настоящая правда — я прошел проверку СМЕРШа по первой категории! Не секрет, что были среди бывших военнопленных и предатели, и шпионы — они маскировались среди честных людей, которые, будучи в плену у фашистов, не запятнали нашу Советскую Родину.

Через некоторое время из Смоленского военного округа прибыло уведомление, что я восстановлен в офицерском звании, т. е. мне подтвердили звание младшего лейтенанта и я могу на общем основании демобилизоваться и уезжать домой.

И вот после проверки СМЕРШа и восстановления меня в офицерском звании, в феврале 1946 г. я был демобилизован в запас. Мне выдали новую военную форму, погоны младшего лейтенанта, довольствие, литерный билет и деньги. Я попрощался с товарищами и уехал разыскивать свою семью и близких, о существовании которых все это время мне было абсолютно ничего не известно».

Интересен рассказ сына «врагов народа», бывшего пленного Д. Б. Ломоносова, о «тягостях» пребывания в фильтрационном лагере: «В фильтрационный лагерь, в котором я уже побывал по прибытии из Берлина, мы — группа выписанных после излечения, отправились пешком через город в сопровождении старшей медсестры. Разместились в бывших немецких казармах и стали ожидать вызова в спецотдел на беседу к оперуполномоченному ОКР СМЕРШ.

Лагерь был переполнен. В нем находились не только бывшие военнопленные, но и очень много «цивильных», вывезенных в Германию. Было множество женщин и молодых, часто очень симпатичных девушек. Многие были весьма доступны, естественно, завязались многочисленные скоротечные романы, и разговоры в бараках крутились в основном вокруг романтических приключений. На вечерние ежедневные танцевальные вечера, собиравшие разнополую, разноязыкую и разновозрастную публику, ходил с интересом. Овладев к тому времени вполне понимаемыми разговорными немецким, итальянским и польским языками, я с удовольствием помогал общению, переводя с русского на немецкий, с немецкого на итальянский, с украинского на немецкий.

Лагерь непосредственно соприкасался с фортом № XIV, ранее служившим арсеналом. В многочисленных камерах, переходах форта безнадзорно валялось большое количество боеприпасов: гранат, мин, патронов. Можно было найти и вполне исправный пистолет или автомат. Мы развлекались, бросая в глубокие колодцы, служившие продухами к подземным ходам форта, мины от 50-миллиметрового миномета и ручные гранаты, которые рвались там, в глубине, с грохотом, сотрясая землю. Найдя исправный немецкий ротный миномет, из него запустили несколько мин, направив их в сторону от строений. Такая «иллюминация» не могла остаться незамеченной, и на следующий день поляки выставили вокруг форта охрану и запретили доступ туда. Но я уже успел обзавестись к тому времени немецким пистолетом «вальтер» и несколькими обоймами патронов к нему. Перед отправкой в Россию я отдал его знакомому солдату из охраны лагеря: привозить с собой оружие было небезопасно.

Лагерь был окружен оградой, имел проходную, которая охранялась. Но выйти в город разрешалось при условии получения увольнительной записки у дежурного коменданта. Без такой записки в городе могли задержать дежурные патрули военной комендатуры.

Вскоре меня вызвали в спецчасть. Молодой вежливый капитан долго расспрашивал меня об обстоятельствах моего пленения, подробно записывая мои слова в протокол. Детально записал также, в каких лагерях я побывал в плену и кто может подтвердить мои слова. После этого вызова было еще несколько. Называли фамилии и имена, спрашивали, знаю ли их и что могу о них сказать. Иногда встречались знакомые имена, и я сообщал, что мне о них известно. Скрывать было нечего: все те, с кем я общался, не могли быть замараны связями с немцами или с власовцами.

Часто формировались группы отправляемых на восток, как говорилось, «для продолжения службы». Но со временем стали ходить тревожные слухи. Откуда проникали эти сведения, неизвестно, но говорили, что вместо продолжения службы они вновь попадали в руки уполномоченных СМЕРШа и затем пополняли собой многомиллионное население ГУЛАГа. Говорили, что кто-то получил письмо от родственников, разыскивавших уехавшего на восток и пропавшего бесследно...

Меня крайне настораживали эти слухи. После пережитого мне совсем не улыбалось вновь попасть за решетку, да еще к своим. То, что я к тому же являлся сыном «врагов народа» (и мать и отец погибли в сталинских лагерях), добавляло мне беспокойства. Я вновь пожалел, вспомнив о том, что отказался остаться дослуживать в армии при госпитале.

Однажды объявили: желающие отправиться служить в строительные войска на Кавказ могут записаться для оформления. Недолго думая я записался и стал ждать команды на отправку. В декабре 1945 г. объявили посадку в эшелон теплушек, следовавший на Кавказ. Я прошелся последний раз по улице, прилегающей к станционным путям, мимо форта XVII, ворота которого были наглухо закрыты, и как только последовала команда, занял место на нарах товарного вагона.

Так началась моя служба в строительных войсках. Вспомнив навыки, приобретенные в техникуме, некоторое время служил писарем при штабе батальона (воинская учетная специальность «писарь» и теперь значится в моем военном билете), затем — электросварщиком. Через некоторое время, благодаря умению разбираться в чертежах и владению геодезическими приборами — теодолитом и нивелиром, стал выполнять обязанности мастера.

До 1956 г. время пребывания в плену не засчитывалось как участие в войне и не включалось в трудовой стаж. За

отметкой в моем военном билете, свидетельствовавшей о пребывании в плену (как и у многих других бывших военнопленных), автоматически следовали записи: участие в боях — «не участвовал», имеет ли ранения (контузии) — «не имеет», вне зависимости от наличия на теле неопровержимых свидетельств этому».

С утверждением Д. Б. Ломоносова об отсутствии в военном билете бывших пленных записи об участии в боях можно поспорить. На страницах № 8 и 9 военного билета офицера запаса образца 1955 года, выданного Матвею Ивановичу Лифинскому, в графе IV «Участие в Великой Отечественной войне с Германией и в войне с Японией» записано: «С 02.1942 по 18.05.1942 Крымский фронт» (см. 13-ю стр. иллюстраций). Графы «участие в боях» в военном билете образца 1955 г. нет (Г31355у от 3/III-54 г. МТ Гознака). С 60-х годов стали выдавать билеты, в которых появилась графа (пп. 11, 12, 17, чаще всего — п. 18) с различными формулировками: «участие в боях и походах», «участие в боевых действиях, боевых походах и партизанских отрядах»...

Что же касается графы VI «Ранения и контузии», то запись на этой странице военного билета действительно вносилась не со слов бывшего военнопленного о наличии у него шрамов на теле, а на основании документов, выданных госпиталями, медсанбатами, военно-медицинскими архивами или медицинскими комиссиями, вне зависимости от нахождения человека во время войны на фронте или в плену.

Для приёма соотечественников из зон, оккупированных союзниками, встал вопрос о передаче перемещённых лиц непосредственно через линию соприкосновения союзных и советских войск. По этому поводу в мае 1945 года состоялись переговоры в немецком городе Галле. Как ни противился возглавлявший делегацию союзников американский генерал Р. В. Баркер, ему пришлось 22 мая подписать документ, согласно которому необходимо было вернуть на родину всех советских граждан, как «восточников» (т. е. проживавших в границах СССР до 17 сентября 1939 года), так и «западников» (жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии).

Несмотря на подписанное соглашение, союзники репатриировали лишь «восточников». Летом 1945 года советским властям были переданы власовцы, казаки атаманов Краснова, Шкуро, легионеры из туркестанских, армянских, грузинских и прочих др. формирований. Однако ни одного

бандеровца, ни одного солдата украинской дивизии СС «Галичина», ни одного служившего в немецкой армии и легионах литовца, латыша или эстонца выдано не было.

За весь период войны, по данным немецкого историка И. Хоффманна, в немецкой армии имелось 90 батальонов, из них 26 туркестанских (20,5 тыс. человек), 15 азербайджанских (36,6 тыс.), 13 грузинских (19 тыс.), 12 армянских (7 тыс.), 9 северокавказских (15 тыс.), 8 батальонов крымских татар (10 тыс.), 7 батальонов волжских татар и других народов Поволжья и Урала (12,5 тыс. человек). В 1942 году в зоне действий группы армий «А» был сформирован калмыцкий кавалерийский корпус (5 тыс. человек).

Из местных жителей Прибалтики, Белоруссии, Украины формировались батальоны и полки, которые впоследствии образовывали соединения. Для поднятия престижа им присваивались наименования СС. К середине 1943 г. в состав войск СС входили: 14-я (1-я украинская), 15-я (1-я латвийская), 19-я (2-я латвийская) и 20-я (эстонская) дивизии. В 1944 г. создавались 29-я и 30-я (1-я и 2-я русские) и 30-я кавалерийская белорусская дивизии. Кроме перечисленных соединений военнопленными пополнялись специальные команды, отряды СС, зондеркоманда «Шамиль», зондерштаб «Кавказ», бригада «Северный Кавказ», специальное подразделение «Бергман», зондеротряд-203 и другие (Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. — М.: Наука, 2004).

Как следует из сохранившихся в архивах объяснительных записок репатриантов, большинство власовцев, казаков, легионеров и прочих «восточников», служивших немцам, совершенно не предвидело, что англичане и американцы будут насильно передавать их советским властям. Среди них царило убеждение, что Англия и США в скором времени начнут войну против СССР и в этой войне новым хозяевам понадобятся их услуги. Они просчитались, в 1945 году США и Великобритания всё ещё нуждались в союзе со Сталиным. Чтобы обеспечить вступление СССР в войну против Японии, англичане и американцы готовы были пожертвовать какой-то частью своих наименее ценных приспешников. Естественно, «западников» — будущих «лесных братьев» и любимых бандеровцев они решили поберечь.

С осени 1945 г. англо-американские оккупационные власти фактически распространили «принцип добровольности» репатриации и на «восточников». Передача СССР всех советских граждан, за исключением лиц, отнесённых к категории

военных преступников, почти полностью прекратилась. С марта 1946 года бывшие союзники окончательно перестали оказывать какое-либо содействие СССР в передаче советских граждан (И. В. Пыхалов).

Что представлял собой принцип добровольности при передаче американцами советских пленных, хорошо видно из воспоминаний бывшего заключенного Дахау С. Н. Зелинского: «Из Аллаха, Дахау и других лагерей эсэсовцы вывезли заключенных за Мюнхен с целью в горах расстрелять. Их освободили американцы. Было это 30 апреля 1945 года. Американцы обещали отправить русских домой, но это были лишь обещания. Уже подвозили колья, колючую проволоку, собираясь сделать ограду, чтобы нас не выпускать из временного лагеря. Наши подрались с американской охраной, и те пришли арестовать зачинщиков. Но когда наши военнопленные расступились, то перед американцами стояли 50 вооруженных людей во главе со старшим лейтенантом Мужайло. Американцы исчезли.

Через три дня группа наших ребят приехала на двух студебекерах и одного притянули на буксире. Привезли три бочки бензина. Купили у американцев за 2 млн марок. Американский офицер сразу же им продал машины. Так добрались до своих» (С. Н. Зелинский / Плен, 15.02.2013).

До августа 1945 года часть репатриантов проживала на частных квартирах вблизи сборно-пересыльных пунктов (СПП) и проверочно-фильтрационных лагерей (ПФЛ), но характер их взаимоотношений с местными жителями вынудил направить их в СПП и ПФЛ, чтобы уберечь от соблазна устраивать самосуды над местным немецким и австрийским населением.

Союзными войсками в Германии командовали американские генералы во главе с Д. Эйзенхауэром, поэтому руководство французской армии, выполняя указания союзного командования, освобожденных советских пленных нередко передавало американской, а не советской стороне. Из протокола допроса И. Г. Окладникова: «...20 апреля 1945 г. мы были освобождены французскими войсками. Нас передали американцам, которые 8 дней сопровождали эшелон до города Мельк (Австрия), где мы пробыли одни сутки.

Вопрос: Вас допрашивали американские офицеры?

Ответ: Нет, не допрашивали, а просто сопровождали эшелон до г. Мельк для передачи советскому командованию. Затем нас перевезли в г. Вену, а из Вены в город Брук,

в котором прожили до 22 августа 1945 г., а затем мы находились в лагере № 306 в Австрии».

Проверочно-фильтрационный лагерь № 306 занимал площадь бывшего немецкого шталага XVII A Кайзерштайнбрух и располагался в XVII военном округе (Вена) на территории Остмарка (так переименовали Австрию после ее оккупации в 1938 году Германией). Смертность среди русских пленных в шталаге XVII A была в 25 раз выше, чем среди англичан и американцев. По данным австрийского историка Х. Шпекнера, в шталаге XVII A погибло 9584 советских и 385 пленных других национальностей. По воспоминаниям выживших, это был настоящий лагерь смерти, в котором делалось все для физического уничтожения русских пленных. В соответствии с нацистской расовой идеологией в лагерях создавалась четко структурированная иерархия пленных: на самом верху находились британские и американские, а также канадские пленные, на самой низшей ступени — русские. С британскими и американскими пленными обращались терпимо, грубого насилия не допускалось, смертность была значительно ниже — всего 4%, в то время как русских пленных погибло 57,8% (Speckner H. «Ostmark» 1939 bis 1945. Vien — Munchen, 2003).

ПФЛ № 306 находился в 35 км от Вены, начальником лагеря предположительно был кадровый сотрудник КР СМЕРШ Мастиславский. После окончания войны в лагере № 306 содержались многие офицеры — бывшие заключенные шталага VII A (Моосбург) и концлагеря Дахау: старший лейтенант Концедалов, лейтенанты Коростылев, Грузинцев, Лифинский, Баранов, Аладин и другие. В сентябре-октябре 1945 г. все перечисленные офицеры для проверки были отправлены из лагеря № 306 в г. Вышний Волочек в 359-й запасной стрелковый полк (зсп) 14-й запасной стрелковой дивизии (ЗСД) Московского военного округа (МВО).

В картотеке учета репатриированных 359-го зсп 14-й ЗСД имеется карточка, в которой значится: «Лифинский Матвей Иванович, 1915 года рождения, уроженец Курской обл.; рус.; канд. ВКП(б); минометчик; лейтенант; призван в 1941 г. Кореновским РВК; был пленен 18.05.1942, Керчь; 276 сд 873 сп минбат, ком. мин. роты; находился в плену с 18.05.1942 по 30.04.1945, Германия; в 359 зсп 14 СД МВО прибыл из 306 лаг., Австрия, 06.10.45; убыл в 357 зап. ст. полк 21.11.45» (основание: ЦАМО РФ, фонд 359-го зсп, опись 319055).

По данным ЦАМО РФ, 357-й зсп 14-й ЗСД МВО (Московский военный округ) находился на территории Вышневолоцкого района Калининской (Тверской) области. Полк и фильтрационный пункт для раненых военнопленных с 1944-го по 1946 год располагался в здании бывшей богадельни купца 1-й гильдии Ермакова, построенной в 1869 г. и переданной в 1926 г. вечерней школе. С 1941-го по 1945 год в школе (г. Вышний Волочек, ул. Коммунаров, 1/2) располагался военный госпиталь.

Из архивного дела № 30883 (орфография и стилистика документа сохранены): «Протокол допроса 1945 года октября м-ца 16 дня г. В. Волочек. Я, ст. опер. уполномоченный ОКР «СМЕРШ» 14 ЗСД капитан (фамилия) допросил бывшего в/пленного Лифинского Матвея Ивановича 1915 года рождения, урож. Курской обл. Щигровского р-на, с. Ново-Спасово, русский, из крестьян, служащий, быв. кандидат в члены ВКП(б).

Вопрос: Расскажите, при каких обстоятельствах, когда и где вы были пленены немцами?

Ответ: Находясь на службе в 873-м полку 276-й стрелковой дивизии в районе Керчи в должности командира минометной роты, 17 мая 1942 года, отходя от Керчи в момент переправы через Керченский пролив разрывом снаряда я был контужен и оставлен на поле боя, 18 мая 1942 года подобран немцами и направлен в лагерь в/пленных.

Вопрос: Расскажите, чем вы занимались в период нахождения в плену у немцев?

Ответ: С момента пленения вначале я находился на излечении в госпитале до декабря 1942 года, по выздоровлению в Моосбурге работал на рытье канала в качестве чернорабочего до мая 1944 года. Затем был отправлен в концлагерь Дахау, где заставляли работать в селе Блайхах на фабрике, на которой выпускались шатуны для моторов самолетов.

Вопрос: За что вы были немцами направлены в концлагерь?

Ответ: 2 мая 1944 года, работая на канале (в рабочей команде № 3021 Айттинг, находящейся в 75 км от шталага VII A — прим. автора), я был забран немецким комендантом и подвергся им допросу, на котором он обвинял меня в политической связи с немецким мирным населением, которая выражалась в получении сведений о последних известиях и положении на фронтах, а также за разговоры с немцами и обвинение с моей стороны их в войне.

Вопрос: Какие вы в период допроса подписывали документы и результаты допроса?

Ответ: В период допроса мои ответы фиксировались на немецком языке, после чего меня заставляли протокол допроса подписать, но от подписи его я отказался. После допроса меня направили в концлагерь Дахау. (В п. № 19 опросного листа рукой капитана ОКР «СМЕРШ» записано: «Допрашивался в комендатуре лагеря в мае 1944 года. Сидел в карцере 7 дней».)

Вопрос: Когда, кем и где вы были освобождены из лагеря военнопленных?

Ответ: 30 апреля 1945 года в селе Блайхах я в числе других военнопленных был освобожден из концлагеря Дахау французскими войсками.

Вопрос: Допрашивал ли вас кто-либо из французов в период освобождения?

Ответ: В период освобождения нас из лагеря никто из французов меня не допрашивал.

Допросил: старший опер. уполном. ОКР «СМЕРШ» 14 ЗСД к-н (подпись)». (Источник: УФСБ России по Краснодарскому краю, архив. дело № 30883.)

По окончании госпроверки 08.01.1946 М. И. Лифинский отбыл из Вышнего Волочка в Краснодарский край, откуда 25 июля 1941 года был мобилизован в ряды РККА. По прибытии в г. Новороссийск 25 января 1946 года был принят на работу «в качестве пом. машиниста паровозного депо ст. Новороссийск». С 1948 г. работал на цементных заводах «Октябрь» и «Пролетарий» в г. Новороссийске. В мае 1953 г. переведен на Себряковский цементный завод, где проработал машинистом тепловоза до выхода на пенсию в 1970 г. В трудовой книжке имеются записи о 26 поощрениях и награждениях за «достигнутые успехи и безупречную работу».

За участие в Великой Отечественной войне лейтенант Лифинский Матвей Иванович Указом Президиума ВС СССР от 9-го мая 1945 года награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (№ 0717746). Впоследствии М. И. Лифинский был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью Жукова (№ 0001097) и четырьмя юбилейными медалями. Уволен в запас 10 июня 1957 г. по ст. 59 п. «а» (по выслуге лет) со званием «лейтенант запаса». Приказ СКВО № 0143 от 10.06.1957. Снят с учета 31 декабря 1965 г. по причине достижения предельного возраста и зачислен в отставку со

званием «лейтенант в отставке» (источники: архив ЦАМО РФ, военный билет).

9 мая 1944 года в концлагерь Дахау из шталага VII A в числе других офицеров, участников БСВ, прибыли «скованные в Дахау номерами» лейтенанты Елистратов (№ 67 863) и Лифинский (№ 67 864). За три недели до этого инспекционная служба полиции безопасности Мюнхена, контролирующая «работу» крипо, гестапо и СД по выявлению лиц, причастных к деятельности БСВ, в персональных картах шталага VII A В. Елистратова (№ 102 443) и М. Лифинского (№ 102 665) в один день поставила свою красную метку «ID. 16.4.44», перечеркнув их карты крест-накрест красным карандашом. В 1942 году во Владимир-Волынском лагере они также в один день получили номера: лейтенант Лифинский — № 23 925, лейтенант Елистратов — № 23 955, что по лагерным меркам считалось «совсем рядом». Удивительно, но и после войны их судьбы «рельсами связала железная дорога»: Владимир Семенович Елистратов — инженер на железнодорожной станции, Матвей Иванович Лифинский — машинист тепловоза.

Бывший заключенный Дахау Вали Бикташев в книге «Мы старше своей смерти» пишет: «Лейтенант Владимир Елистратов попал в плен при обороне Севастополя. Пройдя ряд пересылочных и распределительных лагерей, он очутился в Перлахе, где находился целый год, с октября 1942-го по октябрь 1943 года. Там он, вдоволь хлебнувший горя и познавший муки отчаяния, и был впервые приобщён к целеустремлённой подпольной работе, вдохнувшей в него и бодрость, и надежду. Владимир сблизился с батальонным комиссаром Иваном Бугорчиковым, старшим батальонным комиссаром Павлом Серебряковым, активистами подпольной организации офицеров БСВ, и помогал им в распространении антифашистских листовок. Владимир переводил текст листовок на немецкий язык и вкладывал их в карманы немецких рабочих.

В Дахау Владимир Елистратов был заключён в 1944 году и, к своему счастью, оказался сразу вместе с генералом С. В. Вишневским, который принял очень близкое участие в судьбе молодого офицера. Практически В. Елистратов стал связным... Вишневского. «Делал, что требовалось, не спрашивая», — говорил впоследствии Владимир. Спрашивал он только то, что было непонятно на уроках военного дела, которые давал ему Вишневский.

Последнему и другим старшим товарищам обязан Владимир Елистратов и жизнью, когда эсэсовцы вывели лагерь на «марш смерти» в апреле 1945 г. «На этапе я обессилел до предела, — рассказывал сам Владимир после войны, — готов был кинуться под пули конвоя, идти в пасть к овчаркам: только бы остановиться, прилечь и забыться... Сергей Владимирович, догадавшись о моём состоянии, поручил меня заботе более крепких товарищей; они и перетащили меня по минированному мосту через р. Изар. В Зеесхаупте, уже утром 1 мая 1945 года, меня взвесили; весил я около 35 кг. Четыре дня пролежал в забытьи»...

Генерал Вишневский в ходе оборонительных боев под Вязьмой 12.10.1941 получил приказ Г. К. Жукова вступить в командование ведущей бои в окружении 19-й армией. В поисках штаба армии С. В. Вишневский с отмороженными ногами при попытке перейти по льду реку Угру был захвачен в плен. Прошел ряд лагерей, в начале лета 1944 года его доставили в концлагерь Дахау. После освобождения до 31.12.1945 проходил проверку в НКВД. В декабре 1945 года был восстановлен в кадрах РККА (с 1946 года — Советская Армия), затем преподавал в Военной академии имени М. В. Фрунзе. В период сталинского «произвола», «тирании» и «преследования военнопленных» бывший заключенный Дахау генерал С. В. Вишневский награжден тремя орденами: Ленина (1946) и двумя Красного Знамени (1946, 1949).

После войны из плена вернулось 57 советских генералов (Н. П. Дембицкий, 2004). Все они прошли спецпроверку, затем часть из них была освобождена и направлена в войска или на преподавательскую работу, большинство получили правительственные награды и продолжили службу. Так, например, бывший командующий 5-й армией генерал М. И. Потапов после проверки был восстановлен в кадрах РККА, дослужился до заместителя командующего войсками Одесского военного округа, а в 1961 году ему было присвоено звание генерал-полковника. Некоторые генералы длительный срок находились под следствием, после этого несколько из них были расстреляны. В их числе командующий 12-й армией генерал-майор П. Г. Понеделин (реабилитирован), генерал-майор П. Ф. Привалов (реабилитирован).

Генерал-лейтенант И. Н. Музыченко 6 августа 1941 года был тяжело ранен и захвачен в плен. Лежал в немецких госпиталях в Ровно, Владимире-Волынском, затем его отправили в Германию, в лагерь Хаммельбург. Здесь немцы

неоднократно предлагали ему перейти на службу в вермахт или принять участие в антисоветской пропаганде. Все эти предложения Музыченко отверг. В наказание ему ужесточили режим и перевели в тюрьму крепости Вайсенбург. С мая по декабрь 1945 г. проходил проверку в советской военной миссии в Париже и в органах НКВД в Москве. 31.12.1945 восстановлен в кадрах РККА. В период сталинского «произвола» и «преследования военнопленных» бывший пленный генерал награжден орденами Ленина (1946) и Красного Знамени (1946).

Командарм М. Ф. Лукин, которому генерал Вишневский по приказу Г. К. Жукова сдал 32-ю армию, при выходе из окружения 14.10.1941 был тяжело ранен и, находясь без сознания, попал в плен. В лагере ему ампутировали ногу. После возвращения из плена до декабря 1945 года проходил проверку в НКВД. Восстановлен в кадрах РККА. Награжден пятью орденами Красного Знамени, двумя из них — после плена (1946, 1947).

И. В. Пыхалов пишет: «Ярким примером судьбы советского офицера, вернувшегося из фашистского плена, является история лётчика-истребителя В. Д. Лавриненкова. 01.05.1943 ему было присвоено звание Героя Советского Союза. 23.08.1943 ст. лейтенант Лавриненков таранил немецкий самолёт, после чего был вынужден выброситься с парашютом над территорией противника и попал в плен. Его отправили в Берлин для допроса, но в пути он вместе с другим лётчиком, Виктором Карюкиным, выпрыгнул ночью из идущего на полной скорости поезда и скрылся. Пробираясь к линии фронта, лётчики наткнулись на партизанский отряд имени В. И. Чапаева и присоединились к нему. В одном из боёв Виктор Карюкин погиб. Лавриненков в течение трёх месяцев воевал в партизанском отряде. После прихода Красной Армии вернулся в свой полк, а в июле 1944 г. стал дважды Героем Советского Союза и закончил военную службу генерал-полковником авиации».

Также показательна и судьба лётчика М. П. Девятаева. 13 июля 1944 года ст. лейтенант Девятаев был сбит и попал в плен. Через некоторое время его отправили в лагерь на остров Узедом в Балтийском море, на котором проводились испытания ракет «Фау-1» и «Фау-2». 08.02.1945 группа из 10 советских пленных совершила дерзкий побег, захватив немецкий самолет «Хейнкель-111». После двух часов полёта Девятаев посадил самолёт на советской территории.

Рассказывая в СМИ историю Девятаева, нынешние «лженицыны» непременно добавляют, что после побега летчика отправили в тюрьму и освободили только после смерти Сталина. Вот что говорил по этому поводу сам Девятаев: «Я не сидел в тюрьме. Эти слухи пора развеять. Но сразу же после побега мною, моими друзьями по экипажу особо не восторгались. Мы подверглись довольно жестокой проверке» (Девятаев М. П. Побег из ада. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1988 / 2000). В 1957 году М. П. Девятаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Многие военнослужащие Красной Армии в плен попали ранеными, контужеными, сбитыми во время воздушных боев или при выполнении боевых заданий в тылу врага. В крайне сложных для человека физических и психологических условиях нацистских лагерей ломались даже очень сильные характеры. Вынести невероятно тяжелые испытания в плену, сохранив при этом человеческое достоинство, уже само по себе было подвигом. Большинство советских солдат и офицеров, оказавшихся в плену, не предали Родину, вели себя мужественно и стойко переносили жестокие издевательства гитлеровцев. Часть из них, рискуя жизнью, бежала из плена и сражалась с врагом в партизанских отрядах или пробивалась через линию фронта к советским войскам. Другие военнопленные создавали в нацистских лагерях подпольные организации, такие как «Братское сотрудничество военнопленных», готовили восстание и побеги, организовывали на немецких предприятиях саботажи и диверсии, распространяли листовки, разъясняли немецким солдатам и местному населению неизбежность поражения Германии в войне с Советским Союзом, вели антифашистскую борьбу.

Тысячи и тысячи пленных погибли в этой борьбе, зверски замучены в застенках гестапо, расстреляны в концлагерях, уничтожены в «маршах смерти», умерли от голода, непосильного труда, издевательств и пыток эсэсовцев, пойманы и повешены после побегов, сожжены в печах крематориев, убиты только за то, что были русскими. Они погибли, но Родину и своих товарищей не предали. Вечная им память! Вечная им слава!

ПОБЕДА, ОПЛАЧЕННАЯ КРОВЬЮ

Послесловие

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие
не пришли с войны,
В том, что они — кто старше,
кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же,
все же, все же...

А. Т. Твардовский

В течение длительного времени я не мог подступиться к работе над этой книгой. Чтобы коснуться темы Великой Отечественной войны, современному автору необходимы не только решимость и смелость, но и уверенность в собственных силах. А вот уверенности мне как раз и не хватало. Литературная традиция, берущая свое начало с середины прошлого века, выше всего ставит «окопную правду», недоступную нынешнему поколению. Что может рассказать о войне человек, «в глаза её не видевший», рассуждал я, когда о ней давно уже все написано талантливыми фронтовиками? Перефразируя известное изречение, приписываемое Талейрану, можно сказать, что «война — слишком серьезное дело, чтобы доверять её...» описание невоевавшему «сочинителю». Здесь просто так, по-простецки, как герой Евстигнеева в театре, не обратишься к себе и другим с вопросом: «А не замахнуться ли нам на Вильяма, понимаете ли, нашего Шекспира?» Война, простите за каламбур, — далеко не театр, даже при наличии театра военных действий. На войне гремят орудия, а не аплодисменты, что, согласитесь, не одно и то же. Да и отношение у русских к войне особое, нешуточное.

Война! В одном этом слове звучит бесконечность вселенной. Только на такой войне, как Великая Отечественная, можно безошибочно определить настоящий характер каждого защитника родной земли. Стойкость, упорство, сила воли и красота

души русского человека особенно широко раскрываются в дни самых тяжелых трагедий. Война — это кровавый экзамен для солдата на фронте и жестокое испытание для пленного в нацистском концлагере. И этот экзамен наш народ с честью выдержал, не склонил головы перед врагом на поле боя и в фашистском плену.

Без преувеличения можно утверждать, что о войне очень много недосказано, в том числе и теми героями, которые полегли на полях сражений и навеки замолкли. Вечная им память! О войне написаны тысячи книг, а в ней участвовали миллионы. И каждому из этих миллионов было что рассказать, как и моему отцу, но большей частью он молчал или кратко пояснял те или иные эпизоды войны и плена, а я, признаться, в молодые годы много и не расспрашивал, о чем сейчас искренне сожалею.

Сомнение, мучившее меня (а по Сеньке ли шапка «замахнуться на войну»?), не давало покоя. Узнать это, убеждал себя я, можно только «взявшись за перо». В военной прозе достаточно подробно рассказано о том, что люди делают на войне и в плену и что война и плен делает с ними. Пронзительные воспоминания ветеранов о мужестве и стойкости боевых товарищей вызывают чувство глубокого уважения к их подвигу и силе русского характера. Исторические материалы, архивные документы, воспоминания фронтовиков позволяют точно и достоверно, вплоть до мельчайших подробностей, воссоздать убийственные «будни» фашистских концлагерей, в которых с немецкой пунктуальностью была разработана четкая система физического уничтожения человека «человеком».

Все нацистские лагеря, если судить по числу погибших в неволе русских военнопленных, были, несомненно, лагерями уничтожения, а не «трудовыми», как их хотят сейчас представить кое-где на Западе. Всегда — даже когда на первый взгляд борьба в этих условиях казалась совершенно невероятной — советские пленные оказывали нацистам упорное сопротивление. Страшно напряженная атмосфера фашистского плена, жизнь на грани жизни и смерти являлись для них каждодневными «буднями». В этой в прямом смысле убийственной обстановке не только выжить, но и создать подпольные группы сопротивления могли лишь люди, обладающие твердым характером и огромной силой воли. Большинство из этих лагерных подпольщиков прошли через карцеры, гестаповские тюрьмы и зверские пытки, при помощи которых их безуспешно пытались сломить, многие при этом погибли, но не дрогнули и не предали своих товарищей.

Писатель — это всего лишь читатель, который лучше других излагает прочитанное, продолжал убеждать себя я. Прошло немало времени, прежде чем я нашел компромисс с самим собой и оправдание своему «писательству». Война — целая эпоха в истории нашей страны, одна из самых трагических и героических

ее страниц. Тема Великой Отечественной войны — тема вечная и неисчерпаемая. Все до конца, до последней точки написать о войне даже тысячам авторов не под силу, поэтому каждый, кому есть что сказать, рассуждал я, имеет полное право добавить в народную копилку памяти свои страницы и слова. На святые темы всегда писать трудно и очень ответственно, поэтому я, приступая к работе, решил быть немногословным: пусть за меня говорят ветераны и документы. «С досады, наконец, и выбившись из сил, я дал себе зарок не знать ни перьев, ни чернил» (П. А. Вяземский).

В то же время трудно оставаться безучастным и молчать, когда над западным горизонтом в полный рост замаячила черная тень нацизма и повеяло жаром лагерных печей. На глазах всего мира одесский Дом профсоюзов бандеровцы превратили в пылающий крематорий! Ждать от «просвещенной» Европы осуждения средневекового варварства — верх наивности! Не эта ли Европа молчаливо закрывает глаза на марши недобитых эсэсовцев в Прибалтике, обстрелы Донбасса, на то, как вешают портреты Бандеры в Киеве и заживо сжигают людей в Одессе, тем самым оправдывая и поощряя преступления нацистов и бандеровцев?!

Моя работа над книгой — это всего лишь попытка простым, доступным языком изложить на бумаге события давно минувших лет, предостеречь «племя младое, незнакомое» от их возможного повторения, рассмотреть этиологию, патогенез, клинику и лечение таких смертельных пандемий, охвативших Европу в XX в., как нацизм и фашизм, приведших многочисленные народы мира к невиданной в истории по количеству жертв войне, концлагерям и первобытному рабству. Это также попытка сына рассказать о том, о чем отец крайне скупо и неохотно говорил, когда его спрашивали о войне и концлагерях. Со временем я понял, почему отец так сдержанно отвечал. Трудно, почти невозможно несведущему человеку объяснить, что такое фашистский плен, когда ежесекундно годами находишься под прицелом, ожидая, что следующая пуля эсэсовца полетит в тебя или в твоего товарища...

Изучая исторические материалы, архивные документы, воспоминания ветеранов, опираясь на труды отечественных и зарубежных исследователей, я старался предельно достоверно изложить структуру и механизм насилия в нацистских лагерях, принципы и цели охранных арестов, рассказать о героизме и стойкости русских людей на фронте и в плену, подробно описать режим и «быт» фашистских концлагерей, обратив особое внимание на невероятные по жестокости условия содержания советских военнопленных. В иностранной и отечественной историографии вопросы пребывания и сопротивления заключенных в таких внешних лагерях Дахау, как, например, концлагеря Аллах, Карлсфельд, Ротвайге, Блайхах, мало изучены и до настоящего времени широко и систематически не исследовались и не освещались. В то же время автор старался не высказывать

свою позицию по тому или иному вопросу, а предпочитал ссылаться на архивные документы и воспоминания фронтовиков, не перегружая при этом повествование излишне «сухим» текстом или широко известными фактами.

В этой связи хотелось бы выразить особую благодарность за помощь в поиске, консультации и предоставлении документов всем сотрудникам отечественных и зарубежных архивов, музеев и организаций: Лине Браковски, Мартине Зауэраккер (Международная Служба Розыска (ITS); Андрею Шарфу (Archiv KZ-Gedenkstätte Dachau); Лилии Меерович (Мемориальный музей холокоста (США, Вашингтон); историку Клаусу Маю (Мюнхен); Л. Краюшниковой (объединение «Саксонские мемориалы», Центр документации); мемориалу «Yad Vaschen» (Израиль) и лично Рахель Шапиро; Службе розыска Немецкого Красного Креста (Мюнхен); А. Харитонову (Германия); Государственному архиву РФ; А. Корлякову (Третий Европейский департамент МИД РФ); военному комиссариату Кореновского района Краснодарского края и лично М. С. Шоколеву; ГБУК РК «Восточно-Крымский ИКМЗ» и лично Т. В. Умрихиной; Центру розыска и информации Российского Красного Креста и лично И. В. Михайловой; В. А. Шелёмину (УФСБ России по Краснодарскому краю); Центральному архиву Министерства обороны (г. Подольск Московской обл.) и лично А. Пилецкому, А. Тихонову; ректорату Санкт-Петербургской консерватории и лично проректору по научной работе Н. А. Брагинской, композитору, профессору, доценту, доктору искусствоведения И. С. Воробьеву.

Отдельно огромное спасибо тем фронтовикам и авторам, чьи воспоминания и материалы были использованы при написании этой книги. Приношу свои извинения за некоторые сокращения, неточности перевода иностранного текста, наименований и фамилий, иные возможные ошибки. Также прошу извинить за то, что не назвал имена и не проследил судьбу многих погибших и выживших участников БСВ, поскольку подробные сведения о них зарубежные и российские архивы предоставляют только их близким родственникам; значительная часть документов находится в недоступных для автора местах или утрачена. Изучив более одной тысячи персональных карт военнопленных (на большее не хватило сил), с высокой долей вероятности могу предположить, что после соответствующих условных отметок сотрудников комендатуры лагерей, следователей гестапо или инспекторов полиции безопасности на картах, включая ее «цифровую линейку», пленного расстреливали или он бесследно исчезал. Сотрудники немецких архивов не раскрывают или не знают смысла и значения этих маркировок, ссылаясь на отсутствие у них необходимой информации.

Коварное время неумолимо… и несправедливо к фронтовикам. Чем старше ветеран, тем стремительнее летит время, а,

казалось бы, должно быть наоборот. Все дальше и дальше уходят те огненные годы, все меньше остается тех, кто знает войну не из фильмов, книг или рассказов отцов. Взрывы, окопы, атаки, артналеты, ожесточенные бои, лязг танков и орудийных затворов, вой пикирующих бомбардировщиков, переправы, медсанбаты, гибель товарищей, ранения, плен... Рвы смерти, лай собак, свист плетей, брань охранников, унижения, издевательства, боль, голод, борьба за выживание, стоны умирающих, бараки, аппельплацы, застенки гестапо, пытки, виселицы, расстрелы, газовые камеры, дымящие печи крематория... Ныне живущим трудно даже представить, как смог русский человек пережить весь этот кромешный ад, все вытерпеть и победить, но именно в этой страшной войне проявилось подлинное величие нашего народа, которым мы не можем не восхищаться.

Память забывчива, прошлое всегда позади будущего, но, думая о будущем, надо помнить о героическом прошлом и погибших, чтобы не превратиться в манкуртов (ничего не помнящих). Массовые расстрелы и планомерное уничтожение людей в концлагерях до сих пор потрясают своей масштабностью. Особую жестокость нацисты проявляли к советским пленным — своим главным противникам. Русский народ всегда побеждал врага, откуда бы он ни приходил, — это обязывает потомков чтить память героев, отдавших свою жизнь, чтобы мы жили. Надо помнить их имена и нашу героическую историю, на которую в трудное время всегда можно будет опереться, чтобы подняться и смело идти дальше вперед.

Вспомним всех поименно,
Горем вспомним своим...
Это нужно — не мертвым!
Это надо — живым!

Р. Рождественский

Из мемуаров маршала Г. К. Жукова. «Сталин: ...где труп Гитлера? Жуков: По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре». Современным натовским «стратегам», тайно или явно мечтающим о «дранг нах Остен», хотелось бы напомнить известное евангельское изречение: «...все, взявшие меч, мечом погибнут» (Евангелие от Матфея, гл. 26, ст. 52). К этому необходимо добавить еще одно предостережение: «Растопившие печь крематория, в крематории сгорят».

Писатель Генрих Гротов свидетельствует: «В два часа ночи 16 октября 1946 г. Риббентроп, заняв место Геринга в качестве главного нацистского лидера, первым отправился на виселицу в гимнастическом зале нюрнбергской тюрьмы. За ним последовал Кейтель, потом Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрайхер, Заукель, Йодль и Зейсс-Инкварт. В 3.15 ч. все было кончено. Их тела сложили в завешенном брезентом помещении,

где представители всех союзных держав осмотрели их и расписались на свидетельствах о смерти. Потом каждый труп завернули в матрац вместе с веревкой, на которой он был повешен, и положили в гроб. Все гробы были опечатаны. Пока управлялись с остальными телами, было принесено на носилках и тело Геринга, накрытое армейским одеялом.

В 4 часа утра гробы погрузили в грузовики, накрыли брезентом и повезли в сопровождении военного эскорта. В передней машине ехал американский капитан, следом за ними — французский и американский генералы. Потом следовали грузовики и охраняющий их джип со специально отобранными солдатами и пулеметом. Конвой прокатил по Нюрнбергу и, выехав из города, взял направление на юг. Репортеры решили было его преследовать, однако им «отсоветовали» это делать при помощи пулемета.

Автоколонна была в пути несколько часов, сопровождающая охрана менялась четыре раза, но никто не спрашивал, что было в грузовиках. С рассветом они подъехали к Мюнхену и сразу направились на окраину города к крематорию, владельца которого предупредили о прибытии трупов «четырнадцати американских солдат». Трупов на самом деле было только одиннадцать, но так сказали затем, чтобы усыпить возможные подозрения персонала крематория. Крематорий окружили... Всякому, кто заходил в крематорий, не разрешалось выйти обратно до конца дня.

Гробы были распечатаны, тела проверены американскими, британскими, французскими и советскими офицерами, присутствовавшими при казни. После этого немедленно началась кремация, которая продолжалась весь день. Когда и с этим делом покончили, к крематорию подъехал автомобиль, в него положили контейнер с пеплом, и он отправился куда-то в сельскую местность. По-прежнему шел дождь. Час спустя пепел хозяев рейха был высыпан на повороте какой-то сельской дороги в мутный поток дождевой воды, бежавшей по придорожной канаве».

Нюрнбергский приговор еще долго будет остужать горячие головы тех, кто мечтает о реванше и «походе на Восток». Из 55 миллионов павших во Второй мировой войне более половины — советские люди. Пожарища и руины, кровь и слезы принесли нам фашисты. Они не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. Тысяча четыреста восемнадцать дней и ночей шли кровопролитные бои. Красная Армия совершила невозможное — то, чего не удалось сделать ни одной другой армии мира, — разгромила Третий рейх. С полей сражений не вернулся каждый восьмой, а среди живых не было тех, кто не испытал бы горечь утраты. За годы войны фашисты разрушили 1710 городов и поселков, стерли с лица земли более 70 тысяч сел и деревень, уничтожили 32 тысячи промышленных предприятий, 82 тысячи начальных и средних школ, 1,5 миллиона зданий и сооружений. Фашисты убили 4 миллиона детей, 13 миллионов остались сиротами.

Первоначально я назвал книгу, как мне казалось, более точно по смыслу и содержанию, — «Обжигательные печи» («А народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи», 2-я книга Царств, 12:31). Но затем передумал и назвал «Музыкальные вечера в Дахау». Почему? Потому что в «просвещенной» Европе резко усилились агрессивные нападки радикалов на символы нашей Победы в Великой Отечественной войне, связанные с глобальной атакой Запада на Россию по всем фронтам. И сейчас, как никогда, необходимо акцентировать внимание не только на чудовищных преступлениях нацистов, но и на не менее чудовищной лжи о войне и концлагерях западных сочинителей.

В Дахау не было «музыкальных вечеров» (берем слова в кавычки, заглавие – исключение), но музыка в лагере действительно «часто гремела» (см. стр. 161, 238, 254), однако «музыкальных вечеров» в том смысле, который принято вкладывать в эти два слова, повторю еще раз, не было! Тем не менее я назвал книгу именно так, потому что это заглавие, на мой взгляд, лишний раз подчеркивает завуалированную иронию автора, содержит его насмешливый сарказм, высмеивающий тех европейских и заокеанских писак, которые продолжают неустанно лгать про прелести «оазисов за колючей проволокой» (см. стр. 191) и врать про мифическую «культурную жизнь» заключенных в немецких концлагерях.

Такую же обличительную цель преследует и подзаголовок «"Променад" по аппельплацу и лагерштрассе». Это также гротесковая сатира, разоблачающая тех западных «историков» и баснописцев, которые пытаются убедить мировое сообщество, что «Дахау, Освенцим и Бухенвальд были ответом гитлеровской Германии на сталинский ГУЛАГ», что в немецких концлагерях неплохо «жилось», а пребывание в фашистском плену больше напоминало «легкую прогулку — променад» или «лагерные каникулы» (см. стр. 23), чем жестокое смертельное испытание. Поэтому и возникла необходимость подробно раскрыть тему «лагерных каникул» и «променада», обозначив ее в подзаголовке, чтобы привлечь к этой проблеме больше внимания.

Известная истина гласит: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Пока жива память о Великой Отечественной, война не повторится. Наш народ всегда будет помнить о ней и не даст забыть ее другим, потому что советский солдат не только спас человечество от нацизма, но и своей пролитой кровью заслужил уважение и вечную память. Это знают и понимают далеко за рубежом. Из словесной дуэли на иврите израильского охранника Сергея Афанасьева, выходца из Латвии, с евреем из Марокко на пропускном пункте города Нетания (Израиль): «Если бы не русская армия, ты и вся твоя семья уместились бы в один кусок мыла для ног нацистов!»

Лауреат Нобелевской премии по литературе немецкий писатель Генрих Бёлль, «освободивший немецкую душу от Гитлера», был убежден, что ответственность за преступления нацизма лежит не только на тех, кого судили в Нюрнберге, но и на миллионах немцев, которые шли за нацистами или им повиновались. Западные бюргеры, которые этого не понимают, должны помнить, что русскому тогда хорошо, когда над его головой мирное небо. Что русскому хорошо, то немцу смерть. Когда русскому хорошо, он берет бутылку водки, жену и растапливает баню. Когда нацисту хорошо, он берет автомат, еврея и растапливает крематорий. Мы — разные, поэтому русские бани должны стоять по всей Европе, чтобы не возродились крематории:

«По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной».

В. Лифинский

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абрамов В. В. Керченская катастрофа. 1942. — М.: Яуза, Эксмо, 2006. — 72 с.

Андреев П. Е. Война глазами солдата. — Шарья, 2002. — 92 с.

Антонюк И. В. Воспоминания. Госархив Крыма, ф. 849, оп. 3, д. 282.

Анцелиович Л. Л. Неизвестный Мессершмитт. — М.: Эксмо, Яуза, 2010. – 448 с.

Арзамаскин Ю. Н. Тайны советской репатриации. — М.: Вече, 2015. — 94 с.

Астафьев В. Высота войны // Лит. газ. 1991. 19 июля.

Астахов П. П. Зигзаги судьбы: Из жизни советского военнопленного и советского зэка / сост. серии П. М. Полян. — М.: РоссПЭН, 2005. С. 225—447.

Барашев Р. Сопротивление в лагерях гитлеровской Германии // 2000. 19.10.2007.

Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. — М.: Наука, 1987.

Белов Н. фон. Я был адъютантом Гитлера / пер. с нем. и ïðåäèñë. Г. Рудой. — Смоленск: Русич, 2003. — 528 с.

Бем Ю. Гестапо. Террор без границ. — М.: Яуза, 2013. — 66 с.

Беттельхейм Б. Люди в концлагере. — США Фрипресс, Эй Корпорейшн, 1960. — 44 с.

Бёлль Г. Где ты был, Адам / Бёлль Г. Избранное. — М.: Правда, 1987. — 576 с.

Бидерман Г. Х. В смертельном бою. — М.: Центрполиграф, 2005. — 440 с.

Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945. — М.: Яуза, Эксмо, 2006. — 512 с.

Бикташев В. Мы старше своей смерти: Записки узника Дахау. — Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990. — 351 с.

Бондарец В. И. Военнопленные. Записки капитана. — М.: Молодая гвардия, 1960.—286 ñ.

Бродский Е. А. Забвению не подлежит. — М.: Мысль, 1993. – 413 [2] с.

Он же. Они не пропали без вести. — М.: Мысль, 1987. — 462 с.

Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала / пер. И. Игоревского. — М.: Центрполиграф, 2005. — 576 с.

Великая Отечественная война 1941—1945: энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1985. — 832 с.: ил.

Веремеев Ю. Солдаты и конвенции. Как воевать по правилам. — М.: Алгоритм, 2012. — 324 с.

Владимиров Ю. В. В немецком плену. Записки выжившего. 1942—1945. — М.: Центрполиграф, 2010. — 480 с.: ил.

Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого и И. Д. Сытина. Т. 1—18. — СПб., Пг.: Т-во И. Сытина, 1911—1915.

Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1986.– 863 с.

Война Германии против Советского Союза 1941—1945 / под ред. Р. Рюрупа: пер. с нем. — М., 1992.

Война глазами военнопленных. Красноармейцы в немецком плену в 1941—1945 гг. (по рассекреченным документам советской контрразведки, хранящимся в Гос. общ.-полит. архиве Пермской обл.): сб. документов / О. Л. Лейбович [и др.]. — Изд. 2-е, с изм. и доп. — Пермь: Пермск. кн. изд-во, 2008. — 752 с.

Война и общество. 1941—1945. — Кн. 2. — М.: Наука, 2004. — 411 с.

Волков Ю. С. Война без прикрас и героических подвигов: Электронный ресурс. URL: Vadim — blin. narod. ru / papa /main. htm

Воробьев К. Это мы, господи! 1943 г. / публикация В. В. Воробьевой. — М.: Азбука-классика, 2005. — 288 с.

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3 (22.06.1941—24.09.1942). — М.: Воениздат, 1971. — 589 с.

Генов И. Г. Дневник партизана. — Изд. 2-е, перераб. — М.: Воениздат, 1969. — 176 с.

Геринг Г. Построение нации. — 1934. — 89 с.

Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941—1945) / сост. В. А. Кондратьев, З. Н. Политов. — Изд. 6-е, испр. и доп. — М.: Политиздат, 1979. — 272 с.: ил.

Гогунская Т. А. Трагедия Крымского фронта 1942 г. в мемуарах и дневниках // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. Вернадского. Серия «Ист. науки». Т. 24 (63). № 2: спецвыпуск «История Украины». 2011. С. 46—55.

Голль Ш. де. Военные мемуары: Призыв 1940—1942. — М.: АСТ; Астрель, 2003. — 814 (2) с.: 9 карт.

Он же. Военные мемуары. Т. 3. Спасение. 1944—1946. — М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2004. — 799 с.

Граф Ю. Великая ложь XX века / пер. с нем. С. Воронцова. — СПб: Изд. группа «Сенеж», 1997. — 204 с.

Гротов Г. Герман Геринг — маршал рейха. — М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. — 448 с.: ил.

Грузин З. Крестоносцы XX века // Вестник. 22 (333). 29.10.2003.

Он же. (Балтимор, США). После обвала // Вестник. № 25 (206). 08.12.1998.

Дембицкий Н. П. Судьба пленных // Война и общество. 1941–1945. — Кн. 2. — М.: Наука, 2004. — 412 с.

Деларю Ж. История гестапо / пер. с фр. Ю. А. Немешаева и др. — Смоленск: Фирма «Русич», 1993. — 480 с.

Документы судебного процесса: США против Theodor Stutz-Zenner.

Дробязко С., Каращук А. Русская освободительная армия. 1939—1945. — М.: АСТ, 2004.

Дюков А. За что сражались советские люди. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 576 с. — (Война и мы).

Ерин М. Е. Австрийские историки о судьбе советских военнопленных // Вопросы истории. 2006. № 12.

Он же. Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии 1941—1945 гг. / М. Е. Ерин; Яросл. гос. ун-т. — Ярославль: ЯрГУ, 2005. — 178 с.

Он же. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941—1945 гг. Проблемы исследования. — Ярославль: ЯрГУ, 2005. — 178 с.

Жуков Д., Ковтун И. Русские эсэсовцы. — М.: Вече, 2010. — 109 с.

Забелин А. Е., Коротаев В. И. Коллаборционизм в СССР, 1941—1945: справочник РГВА. — М.: Полит. энциклопедия, 2014.

Залесский К. А. СС. Охранные отряды НСДАП. — М.: Яуза, Эксмо 2004. — 48 с.

Он же. СС. Самая полная энциклопедия. — М.: Яуза-пресс, 2012. — 896 с.

Земсков В. Н. Статистический лабиринт. Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 22—32.

Зигмунд А. М. Адольф Гитлер. Путь к власти / пер. с нем. О. Малой. — Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2007. — 92 с.

Иванов В. Г. Воспоминания советского военнопленного 1941–1945: Электронный ресурс. URL: www.polk.ru /forum/ index. php?shontopic –342

Иванов Л. Смерть диверсантам и шпионам! Правда о СМЕРШе. — М.: Яуза, Эксмо, 2010. — 170 с.

Иванов С. В. Ме-262. Последняя надежда люфтваффе: в 3 ч. — СПб.: Арс, 2001.

Ильченко С. Лакомый кусок лагеря смерти // Свободная пресса. 01.07.2012.

Искрин М. Не стреляйте в ваших братьев... // Смена. 10.08.2010.

История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 5. — М.: Воениздат, 1975.

Казакова Е. В. Электронная база данных. Советские военнослужащие: новые возможности исследования // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны. — Дрезден; Минск, 2004. С. 133.

Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. — М.: Изд. дом Огонек», 2005. — 135 с.

Каплан И. Марш из Кауферингских лагерей. В лагере Аллах // Вестник. № 24 (205). 24.11.1998.

Катрин Ж.-К. Рабство военнопленных. Коллекция «История». — Ренн, 2008. — 239 с.

Келлер Р. Поход против русских был полной ошибкой / Советские военнопленные в Германии в 1941—1942 гг., 29.11.2012.

Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933—1947 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. — М.: Центрполиграф, 2003. — 494 с.

Кёрнер-Шрадер П. Дневник немецкого солдата. — М.: Воениздат, 1961. — 272 с.

Кнопп Г. Дети Гитлера. — М.: Олма-Пресс, 2004.

Кондрашов И. К. Суровые испытания. — Тверь: Славянский мир, 2005. — 32 с.

Кокебаева Г. И. Деятельность комиссии В. Шюкинга в Германии. — КазНУ им. аль-Фараби: Электронный ресурс. URL: www. rusnauka. com / ESPR_ 2006 /Istoria/ Г. Kokebaeva.doc.htm

Копылов Н. Р. Мои скитания // Поживший в ГУЛАГе: сб. воспоминаний / сост. А. И. Солженицын. — М.: Русский путь, 2001. С. 221—245.

Котляр Л. И., Полян П. М. Воспоминания еврея-красноармейца. — М.: Вече, 2011. — 420 с.: ил.

Круглов А. И. Хроника холокоста в Украине 1941—1944 гг. — Запорожье: Премьер, 2004. — 208 с.

Крылов А. Н. Севастополь. Кровавый июль 1942-го: Электронный ресурс. URL: проза.ру

Кубарский Б. А. Вместо завещания: Электронный ресурс. URL: rosch 5. ucoz.ru/ ld /0/9_. —. pdf

Лаврентьев А. В. Судьбы советских военнопленных в концлагере Дахау: Электронный ресурс. URL: voskresenie.de /main — page/ Konzlager — dachau/

Ланг Й. фон. Протоколы Эйхмана. Магнитофонные записи допросов в Израиле / пер. с нем. М. Черненко. — М.: Текст, 2002. — 285 с.

Ларкина Л. П. Война. Трагедия и бессмертие. — Днепропетровск: Днепр, 2008. — 647 с.

Латышев А. В. Система проверки военнослужащих Красной Армии, вернувшихся из плена и окружения. 1941—1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Латышев Артем Валерьевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный ун-т им. М. В. Ломоносова»], 2017. – 253 с.

Лебедев П. В. В бою до последнего вздоха // Республика Татарстан. № 181—182. 10.09.2009.

Левин Д. Интернациональная бригада. Сильнее смерти. Воспоминания, письма, документы. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1963.

Лиддел-Гарт Б. Они умеют защищаться // Другая война. 1939—1945. — М.: РГГУ, 1996. С. 379—382.

Он же. Битвы Третьего рейха // Там же. С. 265—272.

Ломоносов Д. Б. Плен: автобиографическая повесть: Электронный ресурс. URL: voenpravda.ru / ломоносов, htnl

Макаров В., Тюрин А. СМЕРШ. Гвардия Сталина. — М.: Яуза, Эксмо, 2009. — 290 с.

Мали Ф., Гермине Ю. Да здравствует жизнь! / пер. с нем. А. Иванова и И. Зильбермана. — М.: Политиздат, 1988. — 208 с.

Мамедов О. Ю. Почему немцы голосовали за Гитлера // Terra economicus, 2011. Т. 9. № 3.

Маношин И. С. Героическая трагедия о последних днях обороны Севастополя 29 июня — 12 июля 1942 г.: военно-историческое исследование. — Симферополь: Таврида, 2001.

Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 1999. — 896 с.

Мельников Д., Черная Л. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933—1945. — М.: Политиздат, 1988. — 414 с.

Метельман Г. Сквозь ад за Гитлера. — М.: Яуза-пресс, 2009.

Мищенко В. И. Воспоминания. Фонд музея КЧФ, д. НВМ, л. 322, 643.

Моруа А. Трагедия Франции / О тех, кто предал Францию: сб. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1941. — 397 с.

Мощанский И. Б. Борьба за Крым (сентябрь 1941– июль 1942 г.). — Изд-во ПКВ, 2002.

Он же. У стен Берлина. — М.: Вече, 2010. — 288 с.

Небольсин Д. А. Дважды младший лейтенант // Журнал литературной критики и словесности, 2002.

Неймирок А. Дороги и встречи. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. — 136 с.

Некрасов В. А. Битва за Крым. Керчь. Война день за днем: Электронный ресурс. URL: www.proza.ru/2017/03/29/2396

Неменко А. В. Крым 1941—1942. Загадки и мифы полуострова: Электронный ресурс. URL: www.rulit.me/books/Krym-41-42-zagadki-i-mify-1-calibre-1-40-0-read-351577-1.html

Он же. Крым. Хронология обороны: Электронный ресурс. URL: Samlib.ru/n/nemenko_a_w/Krim.shtml

Немецко-фашистская оккупация в Эстонии (1941—1944): сб. док. и мат. — Таллин, 1963. — 110 с.

Нилов Е. Г. Лагерь № 447 // Север, 1995. № 4—5.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. — М.: Культурная революция, 2005. — 880 с.

Он же. Казус Вагнера. Проблема музыканта / пер. Н. Полилова / Ницше Ф. Соч. в 2-х т. Т. 2. — М.: Мысль, 1990.

Он же. Так говорил Заратустра / Там же.

Он же. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / Ницше Ф. Полное собр. соч. в 13 т. Т. 6. — М.: Культурная революция, 2009. С. 9—106.

Нюрнбергский процесс: сб. материалов в 8 т. — М.: Юрид. лит., 1987—1999.

Опр В. Не склоняя головы. — М.: Престиж Бук, 2017. — 960 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 5 т. — М., 1995—2003.

Отто Р. Советские военнослужащие в немецком плену — забытая история: Электронный ресурс. URL: www.dokst.ru/main/sites/defaules/files/dateien/texte/Otto.ru.pdf

Павлов В. П. Белорусы в европейском Сопротивлении. — Минск: Литагент «Белорусская наука», 2015.

Он же. Участие белорусов в подпольной организации «Братское сотрудничество военнопленных» // Вести Национальной академии наук Беларуси. 2015. № 2. С. 45—53.

Палий П. Н. Записки пленного офицера // Вести Национальной академии наук Беларуси. 2015. № 2.

Пастушенко Т. Система немецких лагерей для советских военнопленных в Украине: (июнь—декабрь 1941) // Краеведение. 2011. № 2. С. 116—125.

Пекалкевич Я. Спецоперации Второй мировой. — М.: Яуза, Эксмо, 2004. — 416 с.

Пикуль В. С. Барбаросса (Площадь павших борцов). – М.: Голос, 1996. – 624 с.

Пишенков А. «Штрафники» СС. Зондеркоманда «Дирлевангер». — М.: Яуза-пресс, 2012. — 320 с.

Погожев А. А., Стенькин П. А. Побег из Освенцима. Остаться в живых. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 288 с.

Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. — М.: Воениздат, 1965. — 552 с.

Полян П. Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования / П. М. Полян. — М.: Российская полит. энциклопедия, 2010. — 583 с.

Постановление Совета Министров — Правительства РФ «Об образовании Фонда взаимопонимания и примирения» от 04.11.1993, № 1116.

Премилов А. И. Нас не брали в плен. Исповедь политрука. — М.: Яуза, Эксмо, 2010. — 416 с.

Проблемы истории холокоста: научный журнал. Вып. 2. — Днепропетровск: Центр «Ткума»; Запорожье: Премьер, 2005. — 218 с.

Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. — М.: Наука, 1972. — 238 с.

Пыхалов И. В. Великая оболганная война. — М.: Эксмо-пресс, 2005. — 480 с.

Решин Е. Г. Генерал Карбышев: док. повесть. — М.: ДОСААФ, 1987. — 317 с.: ил. + 16 л. ил.

Рёмер Ф. Приказ о комиссарах. Вермахт и нацистские преступления на Восточном фронте. 26.08.2010: Электронный ресурс. URL: reibert.info>threads/novaja-tochka-zrenija-na...

Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации (1941–1944): органы управления и силовые структуры // Лагерь смерти: совхоз «Красный» / сост. Г. Н. Гржибовская. — Симферополь: Антиква, 2015.

Он же. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941—1944). — Симферополь: Антиква, 2009. — 272 с.

Он же. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. — 312, [8] с.

Росс А. Дальше — шум. Слушая XX век / пер. с англ. А. Гиндиной, М. Калужского. — М.: Covpus (АСТ), 2012. — 468 с.

Рулинский В. В. «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских культур. № 1 (XXVII). Март 2013. С. 46—56.

Сатиров Г. Н. Русский человек и перед лицом смерти не пасует: Электронный ресурс. URL: http://www.cuzarchiver.ru//publikation/satiron.shtml

В Саласпилсском лагере смерти: сб. воспоминаний / пер. 2-го доп. изд.; под ред. К. Саунитиса. — Рига: Латгосиздат, 1964. — 389 с.

Сергеев А. И. Линия жизни — линия войны. — Котельнич, 2007. — 128 с.

Сильнее смерти. Воспоминания, письма, документы / сост. М. Г. Искрин. — М.: Госполитиздат, 1963. — 128 с.: ил.

Симонов К. Разные лица войны: дневники. Стихи. Проза: к 60-летию Великой Победы. — М.: Эксмо, 2004.

Смирнов М. А. Дорогами войны. — СПб.: б. и., 2002. — 79 с.

Смыслов О. С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. — М.: Вече, 2014. — 448 с.

Соколов Б. В. В плену. — СПб.: Галерея-принт, 2000.

Он же. Адольф Гитлер. Жизнь под свастикой. — М.: АСТ-Пресс Книга, 2005.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. — М.: Сов. писатель; Новый мир, 1989.

Справочник о местах хранения документов о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания и насильственном вывозе граждан на работы в Германию и другие страны Европы в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М., 1994.

Справочник о лагерях, тюрьмах и гетто на оккупированной территории Украины (1941—1944). — Киев, 2000.

СС в действии. Документы о преступлениях СС / пер. с нем. А. Ларионова, Р. Володина. — М.: Прогресс, 1969. — 624 с.

Ставров Н. П. Вторая мировая. Великая Отечественная. В 3 т. — М.: Август — Принт, 2006.

Сушинский Б. И. Альпийская крепость. — М.: Вече, 2011. — 400 с.

Съянова Е. Е. Гнездо орла. — М.: Олма-Пресс, 2004. — 475 с.

Тёмкин М. В. Воспоминания узника нацистских концлагерей @ Военная литература (militera. lib.ru), 2013.

Томас Н., Эндрю С. Немецкая армия на Восточном фронте 1943—1945. — М.: АСТ, 2001. — 64 с.

Тринда А. С клеймом на руке: В фашистских застенках: записки. — Минск, 1958. С. 239.

Фест И. К. Адольф Гитлер. — В 3 т. — Пермь: Алетейя, 1993.

Фёдоров В. Человек неизвестного подвига: Электронный ресурс. URL: zem — nn. ru / ?p-9972

Фёрстер Ю. Вермахт против СССР: война на уничтожение: Электронный ресурс. URL: www.historicus.ru / 534; *То же/* Yad Vaschen Studies, т. 14 (1981), pp. 7—28. Пер. с англ. К. Гусаровой.

Фрекем Дж. ван. Гитлер и его бог. За кулисами феномена Гитлера. — СПб.: Адити, 2013. — 608 с.

Фреттер-Пико М. Немецкая пехота. Стратегические ошибки вермахта. Пехотные дивизии в войне против Советского Союза. 1941—1944. — М.: Центрполиграф, 2013. — 192 с.

Фуржик Р. Севастополь 1942: Триумф фон Манштейна / пер., прим.: Анатолий Зинин @ Военная литература (militera.lib.ru), 2013.

Хене Х. СС. Орден «Мертвая голова» / пер. с нем. В. Ю. Воронова. — М.: Центрполиграф, 2004. — 496 с.

Он же. Черный орден СС. История охранных отрядов. — М.: Олма-Пресс, 2003. — 542 с.

Христофоров В., Черепков А. Секреты Российского флота: Из архивов ФСБ. — М.: Вече, 2016. — 464 с.

Черновалов В. В. KL Dachau (1941) — концлагерь Дахау: Электронный ресурс. URL: samlib.ru / c/chernowalow_w_W / Kldahau 41. Shtml

Черноглазова Р. А. Военнопленные. 1941—1956 гг.: док. и мат. — Минск: Издатель Скакун В. В., 2003. — 472 с.

Она же. Масюковщина: шталаг-352. 1941—1944: док. и мат. / М 31. Авт.-сост. Р. А. Черноглазова. — Минск: Четыре четверти, 2005. — 2 с., [4] л. ил.

Чёрная Л., Мельников Д. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933—1945. — М.: Политиздат, 1987. — 415 с.

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников: сб. мат.: Электронный ресурс. URL: https: // coollib. net /b/ 185973 / read

Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего рейха. В 2 кн. — СПб.: Нева; М.: Олма-пресс Образование, 2003.

Шаповалов Б. Кто и зачем пытается переписать историю и итоги Великой Отечественной войны?: Электронный ресурс. URL: eurasia. su/news/Moldaviya/12252/

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. — М.: АСТ, 2015. — 1216 с.

Шнеер А. Плен: советские военнопленные в Германии, 1941—1945. — М.: Мост культуры; Иерусалим: Гетарим, 2005. — 623 с.

Шпеер А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. 1930—1945 / пер. с нем. С. Лисогорского. — М.: Центрполиграф, 2005. — 656 с.

Штайнер М. Гитлер / пер. с фр. Е. В. Головиной. — М.: Этерна, 2010. — 672 с.: ил.

Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 гг. / пер. с нем. И. Дьяконова, предисл. и ред. И. Настенко. — М.: Русское ист. общество; Рус. панорама, 2009. — 480 с.

Штыков Н. Г. Полк принимает бой. — М.: Воениздат, 1979. — 159 с.

Экхаут Л. ван. Это было в Дахау. — М.: Прогресс, 1976.

Энциклопедия истории Украины. Т. 5. — Киев: Наукова думка, 2007. — 568 с.

Якобсен Г. А. Как была проиграна Вторая мировая война: Электронный ресурс. URL: https: // history.wikireaking.ru/79515

Anselmo C., Gosso S. **La fatica della libertà. Brandizzo. Italia. 2005.**

Association Eyssen-Dachau, Association nationale d'Eyssen, 10 rue Leroux, Paris (Официальный сайт национальной Ассоциации памяти подпольщиков и патриотов Eysses).

Bacque J. **Morts pour raisons diverses. Publisher: AAArgh. Paris, 2004.**

Bayerische Hauptstaatsarchiv München, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. №119/1 von 1917.

Borgsen W., Volland K. **Stalag X B Sandbostel. Bremen, 1991. S. 133.**

Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte 27. Jahrgang 1979 / Heft 1 März. Stuttgart, 1979.

Carnet de route de la 1ere DB. Paris, le 27 janvier 1945.

Carnet de route du Peloton Special 1944—1945. Le Gènèral T. DE VIGIER, PC le 3 avril 1944.

Comite intenational de Dachau. Heft 18. Terror und Kunst. 2002.
Composition de l'Armee française de la liberation. Gènèral de Lattre de Tassigny, Plon, 1949.
Delarue J. Les Nazis sont parmi nous. Paris, 1968.
Delarue J. Histoire de la Gestapo. Paris: Fayard, 1962.
Der Kampf um Kellmünz an der Iller. Brückner: «Kriegsende in Bayern 1945» Hrsg. MGFA. Bayern.
Deutsche Dienststelle (WASt), Berlin (Сайт WASt, Германия).
Die Geheime Staatspolizei im NS-Gau Thüringen 1933–1945. Thüringen, Erfurt, 2004.
3eme RCA-1ere DB en Alsace et en Allemagne (http: // www. anciens3rch-3rca.fr/historique-3rca/1939—1945-2éme-gm/).
Fascicule des Chasseurs d'Afrique (https://www.google.ru/search?ie=UTF 8&hl=ru&q=Fascicule% 20des% 20Chasseurs% 20d'Afrique).
French invasion of Germany. The First Army under General De Lattre De Trassigny. Paris, 1945.
De Lattre De Tassigny. Histoire De La Premiere Armee Francaise: Rhin Et Danube Hardcover — January 1, 1949.
Historique 1ere DB. Texte: J. Sicard. Infographie: F. Pitel. Paris. 1996.
Kalmar R. Time Without Mercy. Austria. 2009.
Kalmar R. Zeit ohne gnade. Austria. Wien, 1946.
Knoll A., Schalm S. Allach — Kommando de Dachau, Paris. 1982.
Kogon E. Der SS-Staat, S. 186—188. Verlag: Heyne. 1988.
Laffitte H. Allach, Commando de Dachau. France. 1982.
La liberation de la Cote d'Or. par la 1 ére. Armèe Française. Nouvelle Encyclopèdie Bordas, 1988.
La Memoriale de la deportation. Paris. (Сайт «Мемориал жертв депортации». Париж.)
Langhans H.-J. Bundesarchiv. Hoffmann und Campe, Hamburg, 2011.
Le grand livre des Temoins. Jean-Pierre Vittori, Michine Iréne. France, FNDIRP, 2005.
Les camps français d'internement (1938—1946). Panthèon-Sorbonne-Paris I, 2000.
Lesjak M. Monografije z izpovedmi preživelih koncentracijskega taborisca Dachau. Ljubljana, 2013.
Matthäus. Operation Barbarossa and the Onset of the Holocaust, June — December 1941 // Browning & Matthäus. The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 — March 1942. — 2004. P. 259—264.
Mehler K.-H. Ich habe noch an den Endsieg geglaubt. München, 11. Mai 2010.
Michaut V. Le convoi de la mort (Compiégne-Dachau — 2 au 5 juillet 1944). France, 1962.
Mignot E. Blaichach, kommando de Dachau. France, 2005.
Morin P. J'ai eu 20 ans â Dachau. Bourg-en-Bresse, 2012.
Osterloh J. Ein ganz normales Lager. Leipzig, 1997.
Otto R. Wehrmacht. Gestapo und sowjetische Kriegsgefangenc. Hamburg, 1991.
Otto R. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht und Stapo. München, 1998.

Raim E. Blaichach. Die Dachauer KZ-Außenkommandos Kaufering. Landsberg, 1992.

Raim E. Literatur: Gernot Römer, Für die Vergessenen. KZ-Außenlager in Schwaben — Schwaben in Konzentrationslagern, Augsburg. 1984.

Ramdin R. Mary Seacole (Life and Times). London, Haus, 2005.

RCA-3 et 1 DB de l'Alsace a l'Allemagne (http://www.anciens3rch-3rca.fr/historique-3-rca/1939—1945-2éme-gm/).

Röder K. Nachtwache. 10 Jahre KZ Dachau und Flossenbürg. Cologne, and Graz, Vienna, 1985.

Rost N. Goethe in Dachau. Literatuur en werkelijkheid. Amsterdam, 1946.

Streim A. Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg: Berichte und Dokumente, 1941—1945. Müller, 1982.

Streit Ch. Keine Kameraden. Dietz, 1997.

© *Stephen P.* Morse and Peter Landè, 2008. Dachau Concentration Camp (https://stevemorse.org/dachau/dachau.html).

Souvenirs de Roland Maurice 1940—45 (http://docplayer.fr/66826081-Souvenirs-de-rolandmaurice.html#show_full_text).

Souvenirs Dr. Perraud 1944—45 (https://www.google.ru/ search?-ie=UTF8&hl=ru&q=.%20Souvenirs%20Dr.%20Perraud%20 %281944—45%29).

Taege Ch. Allach — Ein Aubenlager des Konzentrations-lagers Dachau (Krauss Marita. Verdunkeltes München). München, 1995.

The Conquest of the Reich: D-Day to VE Day — A Soldiers' History. Robin. NYU Press, 1995.

The Dachau trials. Trials by U.S. army courts in Europe 1945—1948 (http://www.jewishvirtuallibrary.org/dachau-war-crimes-trials).

The French in Germany, 1945—1949. Stanford Univ Pr; First edition. June 1, 1962.

Urich H. Die nationalsozialistischen Konzentrationslager — Entwicklung und Struktur. Göttingen, 1998.

Victory in Europe, 1945: The Last Offensive of World War II. New York, 2007.

Vittori J.-P. Le grand livre des Tèmoins. FNDIRP, Ramsay, 1995.

Wagner K. Ich schlage nicht. Beitrag zur Geschichte des antifas faschistischen Widerstands 1943 im KZ-Außenlager Dachau-Allach. Karlsruhe, 1980.

Wagner H. Der Kapo der Kretiner. Pahl-Rugenstein, 3 august 2009.

Werner C. Kriegswirtschaft und Zwangsarbeit bei BMW. De Gruyter Oldenbourg, 2006.

Zámečník S. Das war Dachau. Luxemburg, 2002.

Zotka Z. Allach — Sklaven fur BMW. Geschichte eines Auberlagers des KZ Dachau. München: DTV 1993.

РЕЦЕНЗИИ И ОТЗЫВЫ НА КНИГУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ «ИЗДАТЕЛЬ»
400081, Волгоград, ул. Большая, 15.
ИНН 3445041960 КПП 344301001 (л/с 20296Щ10110 в Управлении Федерального казначейства по Волгоградской области Р/сч 40601810700001000002 в Отделении Волгоград г. Волгоград). БИК 041806001
Телефон/факс: 39 24 84, 39 65 56, 39 25 77; телефон 37 04 56

19.01.2018 № _____
на № от

Лифинскому В. М.

Редакторское заключение

Произведение: Лифинский Василий Матвеевич «Музыкальные вечера в Дахау»
Жанр рукописи – военная история

«Музыкальные вечера в Дахау» — произведение, которое, безусловно, представляет собой культурную и историческую ценность. Обилие фактологического материала, исторических справок, логическое и последовательное изложение событий, безоценочность в подаче информации и обширное освещение фактов военной истории позволяет говорить о том, что автор выдержал все основные каноны создания рукописи, которую можно классифицировать как рукопись о «военной истории».

Ретроспектива военных событий впечатляет своей масштабностью, уровнем и глубиной изучения истории вопроса <...>

Редактор выражает согласие с позицией автора о необходимости «помнить и чтить» историю своей страны, особенно историю военных лет, понимает мотивацию создания данной работы, ее актуальность. Стилистически работа написана без ошибок.

Редактор первой категории Л. Н. Фенькина

И. о. директора А. Ю. Еронова

Редакторское заключение (редактор Л. Н. Фенькина)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ «ИЗДАТЕЛЬ»
400081, Волгоград, ул. Большая, 15.
ИНН 3445041960 КПП 344301001 (л/с 20296Щ10110 в Управлении Федерального казначейства по Волгоградской области Р/сч 40601810700001000002 в Отделении Волгоград г. Волгоград). БИК 041806001
Телефон/факс: 39 24 84, 39 65 56, 39 25 77; телефон 37 04 56

18.01.2018 № _____
на № от

Лифинскому В. М.

РЕДАКТОРСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ (выдержка)
на рукопись В. М. Лифинского «Музыкальные вечера в Дахау» (стр. 1-176)
Жанр – военная история

Рукопись представляет собой глубокое историческое исследование, посвященное непростой теме деятельности концлагерей, располагавшихся в годы войны на оккупированных территориях России и стран Восточной Европы. Оно базируется как на реальных воспоминаниях ветеранов Великой Отечественной войны, побывавших в немецком плену, так и на глубоком анализе существующей исторической литературы, раскрывающей данную тему.

Автором проделан масштабный и тяжелый с психологической точки зрения труд по поиску и структурированию поистине страшной информации, свидетельствующей о нечеловеческом отношении оккупантов к военнопленным и местному населению. Автор сумел переплавить в единое целое разрозненные факты из отечественных и зарубежных изданий, полностью раскрыв заявленную тему. Также ему удалось весьма органично связать трагические события минувшего века с днем сегодняшним: нынешняя ситуация на Украине является прямым следствием потери исторической памяти. И в этом отношении все то, о чем говорится в книге В. М. Лифинского, может служить эффективнейшим средством ее восстановления: ни один здравомыслящий человек не сможет без содрогания читать о том, что творили представители «цивилизованнейшей» нации на оккупированных территориях.

В целом рукопись представляет собой значительный исторический интерес как для экспертов, так и для широкого круга читателей.

Выход книги в свет в преддверии 75-летия Сталинградской битвы станет значительным событием для всех патриотов России.

Редактор второй категории Е. Машкова

И. о. директора Еронова А. Ю. Еронова

Редакторское заключение (редактор Е. Машкова)

КТ-01-0365 04.04.2018

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО КУЛЬТУРЕ

ул. Некрасова, д.23, г. Псков, 180001, тел. 29-96-58/ факс 29-09-11, e-mail: cult-info@obladmin.pskov.ru, сайт: www.gkk.pskov.ru

04.04.2018 № КТ-01-0365

на № _____ от _____

Лифинскому В.М.

Об издании книги

Уважаемый Василий Матвеевич!

В соответствии с Вашими обращениями в Интернет-приемную Администрации Псковской области сообщаю Вам, что, безусловно, Ваш вклад в изучение исторического прошлого нашей страны периода Великой Отечественной войны огромен. Благодаря большой работоспособности, целеустремленности, настойчивости, высокому профессионализму Вам удалось приоткрыть одну из самых страшных и трагических страниц нашей истории. Примите слова искренней признательности за Ваш подвижнический труд.

Желаем Вам дальнейших творческих успехов!

С уважением,
и.о. председателя комитета А.А.Бударина

В.С.Богданова
(8112) 29-96-81

Письмо Государственного комитета Псковской области по культуре

СТАВРОПОЛЬСКАЯ КРАЕВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕТЕРАНОВ (ПЕНСИОНЕРОВ) ВОЙНЫ, ТРУДА, ВООРУЖЁННЫХ СИЛ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Ставропольский краевой Совет ветеранов

355008, г. Ставрополь, проспект К. Маркса, 15 Тел./факс 26-17-57; 28-17-31

электронная почта: stgonveteran@mail.ru

«27» 11 2019г. № 253/05

На № _____ от « _____ » 2019 г.

Лифинскому В.М.

Уважаемый Василий Матвеевич!

Президиум Ставропольского краевого Совета ветеранов с интересом ознакомился с Вашей повестью «Музыкальные вечера в Дахау». Выражаем Вам сердечную благодарность и признательность за издание столь незаурядной книги.

В связи с тем, что всё меньше становится реальных участников тех страшных событий, Ваш многолетний документальный труд заслуживает признания и уважения. Особенно эта повесть будет интересна и необходима для молодёжи.

С уважением и благодарностью,

Председатель
краевого Совета ветеранов,
Почётный гражданин,
Герой труда Ставрополья А.А.Гоноченко

Отзыв на книгу Ставропольского краевого Совета ветеранов

ОТЗЫВ
на книгу В.М. Лифинского
«Музыкальные вечера в Дахау»

Труд В.М. Лифинского «Музыкальные вечера в Дахау» посвящен драматическим страницам истории Второй мировой войны, связанным с судьбой советских военнопленных. Автором собран огромный документальный материал, свидетельствующий о массовом героизме советских людей, попавших в фашистские лагеря.<...>

С моей точки зрения, *документальная повесть* несомненно состоялась. Впрочем, давать научно-документальный анализ материала (чрезвычайно интересного и редкого) должны военные историки.

Профессор Санкт-Петербургской консерватории,
доцент, доктор искусствоведения И.С. Воробьев

Подпись Воробьева И.С.
ЗАВЕРЯЮ

Отзыв на книгу профессора Санкт-Петербургской консерватории,
доцента, доктора искусствоведения И. С. Воробьева

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕТЕРАНОВ (ПЕНСИОНЕРОВ) ВОЙНЫ, ТРУДА, ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕТЕРАНОВ ПЕНСИОНЕРОВ ВОЙНЫ,ТРУДА, ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

630007, г.Новосибирск, ул. Кирова, д.3, к.112,113
тел/факс (8-383)223-36-00, тел.(8-383)223-08-50
e-mail:nso-veteran@yandex.ru

№ 478 «03» декабря 2019 г.

Лифинскому В.М.

Уважаемый Василий Матвеевич!

Ваша военно-историческая повесть « Музыкальные вечера в Дахау» является уникальной работой.

Во-первых, Вами изучена и переработана большое количество архивного материала о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Во-вторых, тема героизма наших военнослужащих, условия их содержания в плену, в концлагерях до конца не изучена и не освещена.

В Новосибирской области органы власти, ветеранская общественность внимательно и заинтересованно относятся к изданию воспоминаний ветеранов различных категорий о войне <...> Ваша работа направлена в первую очередь на достойную встречу 75-летия Великой Победы.

В этих аспектах повесть представляет несомненный интерес не только для историков, но и для широкого круга читателей.

С искренним уважением,
Первый заместитель председателя
Новосибирского областного совета ветеранов Е.М.Мирошниченко

Отзыв на военно-историческую повесть Новосибирского областного совета ветеранов

Лифинскому В.М.

МУЗЕЙ ПОБЕДЫ

«28» 02-19 № 02-3-15/203

на №_____от «___»_____

Уважаемый Василий Матвеевич!

Коллектив Музея Победы выражает Вам благодарность за документальную повесть «Музыкальные вечера в Дахау». Вы благородно поступили, посвятив книгу своему отцу и его боевым товарищам, погибшим и выжившим. Представили уникальные архивные документы и воспоминания ветеранов, над которыми трудились на протяжении нескольких лет. Ваша книга, безусловно, вызовет особый интерес у историков, архивистов и послужит дополнительным источником в работе сотрудников нашего музея.

Василий Матвеевич, мы признательны Вам за пополнение фонда нашей библиотеки.

Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов!

Ученый секретарь С.И. Белов

Исп. Анохина Елена Евгеньевна, тел. 8-499-449-8207.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 – 1945 ГГ.»
МУЗЕЙ ПОБЕДЫ
121170, г. Москва, ул. Братьев Фонченко 10, телефон: +7 (499) 449-80-50
e-mail: info@victorymuseum.ru
VICTORYMUSEUM.RU

Благодарственное письмо коллектива Музея Победы (г. Москва). Центральный музей Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Всероссийская общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов (Всероссийская организация ветеранов)

Денежный пер., д 12, Москва, 119002
Тел. (499) 241-34-01, факс (499) 241-30-45
E-mail: sovet.veteranov@bk.ru

17.02.2020 г. № 29/25
на № _____от_____

Фондам, оргкомитетам, конкурсным комиссиям,
организациям, заинтересованным лицам
Лифинскому Василию Матвеевичу

Рекомендательное письмо

Всероссийская организация ветеранов, ознакомившись с повестью Лифинского Василия Матвеевича «Музыкальные вечера в Дахау», приняла решение о рекомендации к изданию данной военно-исторической повести.

Благодаря большой работоспособности, целеустремленности и высокому профессионализму, автору удалось приоткрыть одну из самых страшных, трагических и героических страниц Великой Отечественной войны. Отзывы о военно-исторической повести исключительно положительные. Книга, несомненно, нужная, своевременная и незаурядная, написана талантливым автором.

Особенно важно донести эту книгу до молодёжи. «Музыкальные вечера в Дахау» — произведение, которое представляет собой, безусловно, историческую и культурную ценность, как для широкого круга читателей, так и особый интерес для военных экспертов, историков, архивистов и музейных работников.

Выход книги в свет станет значительным событием не только для молодёжных и ветеранских организаций, но и для всех патриотов России.

С уважением,

Председатель Всероссийской организации ветеранов В.А. Епифанов

Рекомендательное письмо Всероссийской организации ветеранов (г. Москва)

Оглавление

Вступление 5
Вместо предисловия. Обратный отсчет времени 9
Глава I. Лехфельд 17
Глава II. Керчь 38
Глава III. Плен 58
Глава IV. «Приказ о комиссарах» 79
Глава V. Джанкой — Днепропетровск 106
Глава VI. Центр вербовки (офлаг XI A / шталаг 365) 126
Глава VII. «Братское сотрудничество военнопленных» 146
Глава VIII. Охранный арест 170
Глава IX. «Наконец-то мы в Дахау!» 190
Глава X. Концлагерь Аллах 216
Глава XI. «Променад» по аппельплацу SS-Arbeitslager Blaichach 240
Глава XII. Падение Альпийской крепости 259
Глава XIII. Фильтрация 280
Послесловие. Победа, оплаченная кровью 304
Источники и литература 312
Рецензии и отзывы на книгу 322
Оглавление 330

Литературно-художественное издание

Лифинский Василий Матвеевич

Музыкальные вечера в Дахау

«Променад» по аппельплацу и лагерштрассе

Военно-историческая повесть

4-е издание, переработанное и дополненное

Редактор Л. Н. Фенькина
Художественный редактор Г. В. Божкова
Технический редактор О. Ю. Каракулова
Корректоры В. М. Кравченко, Н. Н. Раева

Издательство «ЛитРес»
123022, Москва, 2-я Звенигородская, д.13, стр. 41
Тел.: (495) 230-00-40
www.litres.ru